Грегори Бенфорд

РАССКАЗЫ

Рассказы

Грегори Бенфорд, Гордон Эклунд, Дэвид Брин

Аннотация
Грегори Бенфорд. РАССКАЗЫ
А если звезды — это боги?
Под Леннона
Темный заповедник
А не прогуляться ли нам?
Левиафан
Моцарт и морфий
И снова Манассас
Червь в колодце
Тайное знание
Медленная симфония массы и времени
Танец для Шивы
Тоска по бесконечности
Топологическое путешествие
Водородная стена
Головная ударная волна
Червоточина
Жюль Верн. Париж покоряет всех
Жюль Верн. Послесловие

Аннотация

Содержание:

1. А если звезды — это боги? [broken link: #p_01]
2. Под Леннона [broken link: #p_02]
3. Темный заповедник [broken link: #p_03]
4. А не прогуляться ли нам? [broken link: #p_04]
5. Левиафан [broken link: #p_05]
6. Моцарт и морфий [broken link: #p_06]
7. И снова Манассас [broken link: #p_07]
8. Червь в колодце [broken link: #p_08]
9. Тайное знание [broken link: #p_09]
10. Медленная симфония массы и времени [broken link: #p_10]
11. Танец для Шивы [broken link: #p_11]
12. Тоска по бесконечности [broken link: #p_12]
13. Топологическое путешествие [broken link: #p_13]
14. Водородная стена [broken link: #p_14]
15. Головная ударная волна [broken link: #p_15]
16. Червоточина [broken link: #p_16]

17. Париж покоряет всех [broken link: #p_17]
18. Послесловие [broken link: #p_18]

Грегори Бенфорд
РАССКАЗЫ

А если звезды — это боги?[1]

Собака не умеет лицемерить, но и не может проявить искренность.

Людвиг Витгенштейн

Он был обманчиво громаден и массивен, этот корабль чужаков, и почему-то навязчиво казалось, что место ему где угодно во вселенной, но только не здесь.

Рейнольдс осторожно шел по узкому коридору корабля, и перед ним продолжали проплывать мысленные картины: вот он приближается к воздушному шлюзу пришельцев, вот его глотает утроба судна. Потолки высокие, свет тусклый, стены из отполированного металла.

Думал он и о других вещах. Рейнольдс был из тех, кому по нраву неспешное изящное сплетение взвешенных размышлений, но кроме этого, увлеченность такими мыслями помогала отгонять восприятие запаха. Запах льнул к его ноздрям, как туман на тихоокеанском берегу. Винтажный запах, решил Рейнольдс в тот самый миг, как

---

[1] Примечания: 1

Рассказ написан в соавторстве с Гордоном Эклундом.

пробрался через шлюз. Похож на вонь навоза. Он развернулся и завистливо поглядел на Келли, которая следовала за ним в надежном скафандре. Сказал ей про вонь.

— Все воняют, — ответила она — возможно, в шутку, возможно, и нет. Отвела его руку без труда — сила тяжести здесь была невелика и создавалась вращением корабля. Лабиринт узких проходов уводил все дальше, обещая встречу с первыми доподлинно инопланетными разумными существами. Встречу с глазу на глаз, если у них, конечно, есть глаза.

Он диву давался, что именно ему выпала подобная честь. Очевидно же, что такой миссии заслуживают другие, помоложе, оставленные до времени без своего абзаца в будущем учебнике истории человечества. Рейнольдсу стукнуло пятьдесят восемь, он уже пожил полной и плодотворной жизнью. Слишком полной, как ему иногда казалось, для одного человека. Ну да ладно: что же приготовил ему этот день? День сегодняшний? Если взаправду-таки ничего, то все равно полнота его жизненной реализации еще немного продвинулась за разумные пределы в область приятного абсурда.

Коридор снова разветвился. Рейнольдс раз-

мышлял, в какой именно части этого судна болезненно-сложной формы находится сейчас. Он пытался запоминать все виденное тут, но запоминать было нечего: только металл и тонкие стыки, места, где приходилось передвигаться на четвереньках или, напротив, удавалось выпрямиться, ну и вездесущая вонь. Он понял, что именно в очертаниях корабля встревожило его в тот первый день, когда Рейнольдс увидел судно пришельцев через телескоп с Луны. Корабль напоминал, по форме и размерам, здание, в котором он однажды жил, не так уж давно, в самом недавнем своем отпуске: с 1987 по 1988-й, в Сан-Паулу, Бразилия. Крупный ультрасовременный высотный жилой комплекс с лифтами, радикально модернистского дизайна. На Земле нет ничего подобного, уверяли рекламные плакаты; увидев здание, Рейнольдс тут же возненавидел его и принужден был согласиться. Теперь он встретил разительно схожий с тем комплексом объект, но не на Земле.

Здание совсем не было похоже на звездолет — но и корабль тоже. На одном конце имелся прихотливо модифицированный цилиндр, затем следовала длинная труба, а потом нечто совершенно абсурдное: конус, отграниченный

от остальной части корабля, открывающийся в пустоту. Там не было ничего, и это казалось непостижимо абсурдным, пока не поймешь, что оно в действительности такое.

Тягу корабля создавали, в буквальном смысле слова, водородные бомбы. В центральной трубе, надо полагать, имелся достаточный запас их. Одна за другой бомбы выплывали оттуда к устью конуса и взрывались. Конус представлял собой демпфер ударной волны, и отдача ее взрыва двигала корабль вперед. Межзвездный двигатель Руба Голдберга[2], да и только.

Прямо впереди коридор, казалось, заводил в тупик, но внезапно разветвился еще раз, на два прохода, очень симметричных, как зубцы вилки для барбекю. Рейнольдса кольнуло воспоминание: о да, вилка, это из тех времен, когда он еще употреблял мясо. Он выбрал нужный зубец — левый. Инструкции не оставляли сомнений.

Ему то и дело становилось не по себе. Невесть почему — может, потому, что он был одет как-то

---

[2] Примечания: 2

Руб Голдберг (1883–1970) — американский карикатурист, наиболее известный рисунками «бесполезных машин», то есть устройств, выполняющих довольно простую задачу гротескно переусложненными способами. В японской традиции аниме и карикатур аналогичные устройства называются *тиндогу* и под этим названием более известны в современной культуре интернет-мемов.

по дурацки. Что за глупость — прилететь на корабль чужаков в обычных штанах и футболке? Уличная одежка.

Но воздух здесь был пригоден для дыхания, как и обещали гости. Интересно, а они предпочитают именно такое соотношение кислорода и азота? И именно такой запах?

Очередная развилка впереди. Запах в этом месте был почти непереносим, Рейнольдс наклонил голову, сдерживая приступ рвоты, и метнулся в круглый проход.

Помещение оказалось просторным. Как и в коридоре, потолки тут достигали метров семи в высоту, однако стены, в отличие от коридорных переборок, были окрашены в пастельные приглушенные оттенки красного, оранжевого и желтого. Узоры производили впечатление случайных. Вместе с тем — довольно красивых и не сказать чтобы слишком чужеродных. И здесь, стоя в очень прямых позах у дальней стены, его встречали два инопланетянина.

Увидев их, Рейнольдс замер и выпрямился. Подняв глаза, он привстал на цыпочки, пытаясь поймать их взгляды. Когда ему это удалось, он осознал собственные чувства. Сначала он испытал шок. Затем будоражащее изумление. Потом

удовлетворение и облегчение. Ему понравились эти существа. Они выглядели гораздо приятнее, чем можно было предположить.

Сделав шаг вперед, Рейнольдс перевел взгляд с одного чужака на другого. Кто из них главный? Или они равноправные лидеры? Или ни то, ни другое? Он решил выждать. Чужаки не двигались и молчали. Рейнольдс ждал.

А кого он рассчитывал обнаружить, собственно? Людей? Или кого-то вроде людей, с двумя ногами и руками, головой на нужном месте, носом, двумя глазами и двумя откляченными ушами? Келли, вероятно, ожидала именно этого — и будет теперь разочарована, но Рейнольдс ни секунды не верил в подобную возможность. Он-то знал лучше; он не надеялся встретить ни человека, ни даже человекообразное существо с четырьмя руками, тремя ногами, четырнадцатью пальцами или пятью ушами. Он рассчитывал столкнуться с чем-нибудь совершенно чуждым. В худшем случае — бесформенным пузырем, в менее скверном — с кем-нибудь вроде змеи, волка или акулы, но точно не с гуманоидом. Как только Келли известила его, с кем хотят встретиться чужаки, Рейнольдс понял, что на людей они не похожи.

Нам нужен тот, кто лучше других знаком с вашим светилом.

Он произнес:

— Я тот, кого вы желали увидеть. Я знаток звезд.

При этих словах он осторожно переводил взгляд с одного чужака на другого и обратно, все еще надеясь выявить лидера, но никому не отдавая предпочтение. Когда Рейнольдс произносил…*звезд*, у того, кто был меньше ростом, дернулась ноздря, но другой остался недвижим.

На Земле водилось животное, похожее на них, и, вероятно, поэтому Рейнольдс испытал удовлетворение, смешанное с облегчением. Они достаточно чужды, да. Это не люди, да, но и не бесформенные пузыри, волки, акулы или змеи. Это были жирафы. Вежливые, изящные, дружелюбные, приятные, улыбчивые и молчаливые жирафы. Конечно, имелись и некоторые различия. Например, шкура чужаков представляла собой радужный коллаж из пастельных оттенков пурпурного, зеленого, красного и желтого, сходный в случайном узоре своем с такими же раскрашенными стенами. Шеи были короче, нежели у жирафов, а сами чужаки — выше ростом. Хвостов не было. Копыт тоже. Вместо этого

каждая из четырех ног оканчивалась пятью короткими приплюснутыми пальцами и еще одним, более толстым, в стороне.

— Мое имя Брэдли Рейнольдс, — сказал он. — Я изучаю звезды.

Их молчание начинало действовать ему на нервы.

— Что-то не так? — спросил он.

Чужак, уступавший товарищу ростом, склонил шею к человеку, потом резким и высоким, почти детским, голосом отозвался:

— Нет.

Совсем как возбужденный нервничающий ребенок.

— Это нет, — сказал чужак.

— Это? — Рейнольдс поднял руку. Он и забыл, что в ней. Келли приказала ему захватить регистратор, но теперь он мог с чистой совестью объяснить:

— Я его еще не включал.

— Сломайте его, пожалуйста, — приказал чужак.

Рейнольдс не пытался возражать или спорить. Он разжал руку и позволил устройству упасть на пол. Потом подпрыгнул и обеими ногами наступил на регистратор. Легкий алюминиевый

корпус раскололся, как раздавленное яблоко. Рейнольдс подпрыгнул снова, после чего отшвырнул осколки стекла и металла в дальний угол.

— Так сойдет? — спросил он.

Теперь впервые шевельнулся второй чужак. Ноздри его грациозно встрепенулись, ноги стали подниматься и опускаться.

— Добро пожаловать, — внезапно отозвался он и застыл. — Меня зовут Джонатон.

— Как-как вас зовут? — переспросил Рейнольдс.

— А моего товарища — Ричард.

— А-а, — Рейнольдс больше не переспрашивал. Он понял. Чужаки выучили язык людей, а с ним и человеческие имена.

— Мы хотим узнать вашу звезду, — почтительно продолжил Джонатон. Голос его ничем не отличался от голоса напарника. Интересно, не значит ли это, что он и есть главный из пары, раз заговорил только после уничтожения регистратора? Рейнольдс повертел в голове эту мысль и не без труда сдержал смешок. Не *он*, напомнил он себе: *оно*.

— Я расскажу вам все, что вы пожелаете узнать, — ответил Рейнольдс.

— Вы… жрец… преподобный культа солнца?

— Я астроном, — уточнил Рейнольдс.

— Мы хотели бы узнать все, что известно вам. После этого мы хотели бы посетить вашу звезду и установить отношения.

— Разумеется, я вам с радостью помогу, чем смогу.

Келли его уже предупредила, что чужаки интересуются Солнцем, поэтому вопросы не застигли Рейнольдса врасплох. Но никто не знал, что именно их так заинтересовало или почему. Келли надеялась, что это Рейнольдсу и повезет выяснить. Пока он придумал только два варианта продолжения беседы, и оба начинались с вопросов. Он испытал первый.

— Что бы вы хотели узнать? Отличается ли наше светило сколько-нибудь значительным образом от себе подобных? Если да, то мы, очевидно, не можем об этом судить.

— Нет двух одинаковых светил, — проговорил чужак. Снова Джонатон. Голос его выразил нарастающее возбуждение. — Что такое? Вы не хотите говорить? Вы считаете это место недостаточно безопасным?

— О нет, вполне, — ответил Рейнольдс, размышляя, стоит ли и дальше утаивать озадаченность. — Я расскажу вам, что знаю. Затем, если

хотите, обратимся к нашим книгам.

— Нет! — Это не был крик, но по движению ног и трепету ноздрей чужака Рейнольдс догадался, что ответ показался инопланетянину крайне неприличным.

— Я расскажу, — предложил он. — Своими словами.

Джонатон застыл в очень прямой позе.

— Хорошо.

Теперь пора было Рейнольдсу задать следующий вопрос. Он выдержал долгую паузу после ответа Джонатона и проговорил:

— Почему вы интересуетесь нашей звездой?

— По этой причине мы прибыли сюда. Мы посетили много светил в наших путешествиях. Ваша звезда нам интересна была с самых давних пор. Она такая могучая. И такая благожелательная. Редкое сочетание, как вам должно быть известно.

— Очень редкое, — сказал Рейнольдс, подумав, что ясности это не добавило. Ну а почему должно было? По крайней мере, он кое-что узнал о сути миссии чужаков, и одно это существенней всего, что сумели узнать о них люди в течение месяцев, пока звездолет пришельцев медленно приближался к Луне, тормозя взрывами водо-

родных бомб.

Рейнольдса посетила внезапная вспышка уверенности. Он уже много лет не был так уверен в себе, но, как и прежде, логических оснований для такой уверенности не имелось.

— Вы не согласитесь ответить на несколько моих вопросов? О вашей звезде?

— Конечно, Брэдли Рейнольдс.

— Вы не могли бы назвать мне имя вашего светила? Его координаты?

— Нет, — понурил шею Джонатон. — Не могу.

Его правый глаз лихорадочно моргал.

— Наша галактика не та, что у вас. Слишком далека она для ваших инструментов.

— Ясно, — отозвался Рейнольдс, поскольку уличить чужака во лжи, если даже тот соврал, не было возможности. С другой стороны, нежелание Джонатона делиться координатами родного мира трудно считать неестественным. Рейнольдс и сам бы поступил аналогично.

Заговорил Ричард.

— Могу я выразить почтение?

Джонатон развернулся к Ричарду и произвел серию резких чирикающих звуков. Ричард ответил схожими звуками. Развернувшись обратно к Рейнольдсу, Ричард повторил:

— Могу ли я выразить почтение?

— Да, — только и ответил Рейнольдс. А почему бы и нет?

Ричард отреагировал незамедлительно. Ноги его внезапно выпростались из-под туловища под немыслимыми для жирафов углами. Ричард осел на живот, раскинул ноги, опустил шею и аккуратно заскребся мордой о пол.

— Благодарю вас, — слегка поклонился Рейнольдс. — Но мы и сами стольким вещам можем научиться от вас.

Он обращался к Джонатону, надеясь скрыть замешательство и рассчитывая, что Ричард встанет. Не получилось, и Рейнольдс поневоле приступил к заготовленной для него речи. Он говорил быстро, торопясь отработать обязательную программу.

— Мы отсталая раса. В сравнении с вами мы дети. Мы достигли только сестринских планет, а вы повидали звезды за много световых лет от вашего дома. Мы полагаем, что у вас можно многому научиться, и обращаемся к вам с великим почтением, как могли бы ученики предстать перед выдающимся философом. Мы чрезвычайно рады представившейся нам возможности поделиться с вами нашим скромным знанием и просим толь-

ко, чтобы в ответ вы также пообщались с нами.

— Вы желаете побольше узнать о вашей звезде? — спросил Джонатон.

— О многом, — ответил Рейнольдс. — О вашем космическом корабле, к примеру. Его устройство превосходит наши скромные познания.

Правый глаз Джонатона яростно заморгал. Потом чужак заговорил, и моргание еще участилось:

— Вы хотите это знать?

— Да, если на то будет ваше согласие. Мы, как и вы, хотели бы отправиться к звездам.

Теперь глаз чужака моргал с доселе невиданной скоростью.

— К сожалению, мы ничего не можем рассказать вам о нашем корабле, — ответил инопланетянин. — Мы и сами ничего о нем не знаем.

— Ничего?

— Это был дар.

— Вы имеете в виду, что вы его сделали не сами? Ну хорошо. Но у вас же должны иметься механики. Существа, способные его починить в случае какой-нибудь неисправности.

— Этого никогда не случалось. Не думаю, что корабль может сломаться.

— То есть?

— Нашу расу, нашу планету некогда посетили другие существа. От них-то мы и получили в дар это судно. Они явились к нам с далекой звезды и подарили его. Взамен мы обязались использовать корабль только для умножения знаний нашей расы.

— Вы не могли бы рассказать мне об этой другой расе? — спросил Рейнольдс.

— Очень мало, боюсь я, известно нам о ней. Они явились с самой древней звезды в подлинном центре вселенной.

— И они похожи на вас? Физически?

— Нет, они скорее похожи на вас. На людей. Но, пожалуйста, если вас не оскорбляет такое пожелание, давайте говорить о существенном. У нас мало времени.

Рейнольдс кивнул, и моргание Джонатона тотчас прекратилось. Рейнольдс догадывался, что чужак устал врать, но это и неудивительно: Джонатон явно был скверным лжецом. Его вранье не только звучало в высшей степени неправдоподобно, у него вдобавок при каждой лжи истерически дергался край глаза.

— Если я расскажу вам о нашей звезде, — сказал Джонатон, — согласитесь ли вы в ответ поделиться знаниями о вашей?

Чужак склонил голову вперед и принялся покачивать длинной шеей из стороны в сторону. Ясно было, что ответу Рейнольдса Джонатон придает большое значение.

И Рейнольдс ответил:

— Да, с радостью.

Однако он подозревал, что не в состоянии предугадать, какая информация о земном Солнце окажется для этих существ неожиданностью. Ну да впрочем, его же послали разведать о чужаках как можно больше, а выдать о землянах как можно меньше. Пока что обмен информацией о звездах казался ему достаточно безопасным направлением беседы.

— Я начну, — сказал Джонатон, — и вы будьте любезны извинить несовершенство моих высказываний. Мое знание вашего языка ограничено. Я полагаю, у вас имеется особый предметный лексикон.

— Техническая терминология. Да.

— Наше светило — брат вашего, — молвил чужак, — или скорей сестра? В периоды наиболее интенсивной коммуникации его мудрость — ее? — безошибочна. Временами, в отличие от вашей звезды, он приходит в ярость, но такие периоды кратки. Они длятся не более нескольких

мимолетных мгновений. Дважды его охватывал такой гнев, что существование всей нашей цивилизации находилось под угрозой, однако ни в одном из этих случаев не счел он нужным исполнить свою угрозу. Я бы сказал, что он скорей отходчив, а не крут, вежлив, а не груб. Я полагаю, что его любовь к нашей расе неподдельна и глубока. Среди звезд вселенной место его не столь значительно, однако это наше родное светило, и мы обязаны почитать его. Как мы, разумеется, и поступаем.

— Пожалуйста, продолжайте, — попросил Рейнольдс.

Джонатон продолжал. Рейнольдс слушал. Чужак перешел к своим личным взаимоотношениям со светилом, к тому, как помогала ему звезда в печальные моменты. Однажды звезда посоветовала ему достойного партнера в браке; выбор этот оказался не просто отличным, а божественно идеальным. Джонатон говорил о своей звезде с благоговением, какого можно было ожидать от речей глубокого верующего иудейского священника о ветхозаветном Боге. Рейнольдс впервые пожалел, что ему приказали избавиться от регистратора. Келли ведь ни единому слову не поверит. Рейнольдс следил за тем, не моргнет ли

чужак: не моргнул, ни на миг, даже мимолетно.

Наконец инопланетянин замолчал.

— Но это лишь начало, — добавил он. — Мы можем рассказать вам так много, так много, о Брэдли Рейнольдс. Как только я лучше овладею вашей технической терминологией. Общение разделенных видов, великие барьеры языка…

— Я понимаю, — сказал Рейнольдс.

— Мы так и рассчитывали. Но теперь ваш черед. Расскажите мне о вашем светиле.

— Мы зовем его Солнцем, — сказал Рейнольдс. Он чувствовал себя изрядным дураком — ну а что еще он мог рассказать? Как мог он объяснить Джонатону, что желательной чужаку информацией не владеет? Он знал только факты о Солнце. Он знал про солнечные пятна, солнечный ветер, фотосферу. И больше ничего. Добрый ли нрав у Солнца? Свойственны ли ему приступы ярости? Почитает ли человечество его с должными любовью и преданностью?

— Это его повседневное имя. В древнем языке, на котором построена наша наука, его называли Сол. Оно расположено примерно в восьми…

— О, — прервал его Джонатон, — мы это все уже знаем. Но его поведение. Его проявления, обычные и аномальные. Вы с нами играете, Брэдли

Рейнольдс? Вы шутите? Мы понимаем ваше изумление, но, пожалуйста… мы простые существа, прибыли из дальнего далека. Мы обязаны получить эти другие сведения, прежде чем пытаться установить с вашей звездой личные отношения. Можете ли вы сообщить вам, каким именно образом Солнце наиболее часто вмешивается в вашу личную жизнь? Это бы нам чрезвычайно помогло.

* * *

Хотя в комнате было непроглядно темно, Рейнольдс не потрудился включить свет. Он знал в ней каждый квадратный дюйм, знал так же хорошо при свете, как во тьме. Последние четыре года он проводил тут в среднем двенадцать часов в сутки. Он знал четыре стены, стол, кровать, книжные полки, книги, знал их лучше, чем кого-нибудь из людей. Он прошел к постели, не споткнувшись, не наткнувшись на оставленную раскрытой книгу или развернутой карту. Сел и закрыл лицо руками; морщинки на лбу казались ему широченными рубцами. Он представлял иногда, оставаясь наедине с собой, что каждая морщина соответствует определенному жизненному событию. Вот эта, большая над ле-

вой бровью, Марс. Вот эта, почти точно рядом с правым ухом — девушка по имени Мелисса, с которой он был знаком в 1970-е. Однако сейчас у Рейнольдса не осталось сил для подобных забав. Он опустил руки. Он знал, что в действительности символизируют морщины: просто возраст, беспристрастный и неподдельный. И ничего одна без другой не означает. Они указывали на безличную и неотступную эрозию. Внешние приметы разворачивающейся внутри смерти.

Однако он обрадовался, вернувшись в комнату. Он раньше и не понимал, как важно для его спокойствия знакомое окружение, пока не лишился его на довольно продолжительное время. Внутри чужацкого корабля все оказалось не так плохо. Время там пролетело быстро; он и не успел проникнуться тоской по дому. А вот потом стало хуже. Келли и другие, и эта сырая неуютная дыра, которая служит ей рабочим кабинетом. Те часы были невыносимы.

Но вот он вернулся к себе, и более покидать дома не намерен, пока не прикажут. Он назначен официальным послом к чужакам, хотя ни на миг не обманывается своим статусом. Он получил его лишь потому, что Джонатон отказался общаться с кем бы то ни было другим. Не потому, что его

любили, ценили, уважали, считали достаточно компетентным для миссии. Он отличался от них, и в этом состояла разница. В детстве они видели его лицо на старых телеэкранах каждый вечер. Келли хотела бы отправить к чужакам кого-то вроде себя. Кого-то властного, универсально компетентного, компьютерное факсимиле человеческого существа. Вроде себя. Того, кто, получив задание, выполнит его самым эффективным способом за наименьшее возможное время.

Келли была директором лунной базы. Она появилась здесь два года назад, заменив Билла Ньютона, сверстника и друга Рейнольдса. Келли считалась протеже какого-то американского сенатора, могущественного идиота со Среднего Запада, лидера фракции Конгресса, враждебной НАСА. Назначение Келли стало частью хитроумной попытки задобрить сенатора. Сработало, пожалуй. Американцы на Луне остались даже после того, как с нее два года назад ушли русские.

Покидая корабль чужаков, он встретился с Келли у воздушного шлюза, но ухитрился прошмыгнуть мимо нее и натянуть скафандр, не дав себя допросить. Он знал, что связаться по радио она не рискнет: слишком велик риск прослушки. И она никогда не положилась бы на Рейнольдса.

Однако этим приемом он выгадал от силы несколько минут. Буксировочный челнок вернул их на лунную базу, после чего всех потащили прямо в офис Келли. Начался допрос. Рейнольдса усадили у дальней стены, а остальные столпились вокруг Келли, как овечки у ног хозяина.

Келли заговорила первой.

— Что им нужно?

Он ее знал достаточно, чтобы понять истинный смысл вопроса: *чего они хотят от нас взамен на то, что мы у них попросим?*

Рейнольдс объяснил, что чужаки хотят побольше узнать о Солнце.

— Мы это уже поняли, — сказала Келли. — Но какая именно информация им требуется? За чем таким особенным они прилетели?

Он попытался, как смог, объяснить и это.

— И что ты им ответил? — перебила Келли.

— Ничего, — сказал он.

— Но почему?..

— Я не знал, что сказать.

— Тебе не пришло в голову, что разумнее будет дать ответы на вопросы, какие они пожелают задать?

— Я не мог и этого, — ответил он, — потому что не знал их. Ну вот сама посуди. Добрый ли нрав

у Солнца? Как влияет оно на повседневную вашу жизнь? Часты ли у него вспышки ярости? Не знаю, и вы не знаете, и мы не имеем права лгать в этом, потому что они, вполне возможно, поймут, что мы лжем. Для них звезды — живые существа. Боги, даже больше чем боги в нашем понимании, поскольку они видят звезду, ощущают ее тепло и не сомневаются в ее существовании.

— Они попросят тебя вернуться? — спросила она.

— Думаю, что да. Я им понравился. Вернее, ему. Я говорил только с одним из них.

— Ты же вроде сказал, что их там двое.

Он принялся повторять всю историю с самого начала, надеясь, что в этот раз до Келли дойдет, почему чужаки не обязаны реагировать так же, как люди. Когда он приступил к той части, где появлялись два чужака, то сказал:

— Смотри. В этой комнате, помимо нас, шестеро. Но они просто для массовки. За все время беседы никто из них ни слова не сказал и ничего не добавил. Все время, пока я говорил с Джонатоном, рядом с нами в той комнате находился другой чужак. Однако ничего бы не изменилось в случае его отсутствия. Я не знаю, зачем он там находился, и не думаю, что узнаю. Однако не в

большей степени понимаю, зачем сюда набились все эти люди.

Она пропустила его объяснения мимо ушей.

— Значит, это все, что их занимает? Они паломники, а Солнце для них — Мекка. Мекка.

— Более или *менее*, — ответил он, сделав ударение на последнем слове.

— Тогда почему они отказываются говорить со мной или с кем-нибудь еще из нас? Ты тот, кто знает про Солнце. Так?

Она стала царапать в блокноте какие-то заметки, лихорадочно тряся локтем.

— Рейнольдс, — сказала она, подняв голову от блокнота, — я только надеюсь, ты соображаешь, что делаешь.

— А почему бы не должен? — спросил он.

Она не потрудилась скрыть презрения. Презрения к нему не скрывали теперь многие, а Келли — меньше всех. Она вообще выступала против того, чтобы Рейнольдс оставался на базе. *Отправьте его на Землю, на покой,* таково была ее рекомендация. Другие астронавты оказались достаточно разумными людьми, чтобы уйти в отставку, когда стали осложнять жизнь. Что такого особенного в этом человеке, Брэдли Рейнольдсе? Ну да, соглашалась она, десять-двадцать лет

назад он был великим покорителем неизведанного, смельчаком. Когда мне было шестнадцать, шагу не могла ступить, чтобы не услышать его имени или не увидеть его лица. Ну и что? В кого он превратился? Я вам скажу, в кого: в жалкую, сморщенную развалину. Какое имеет значение, что он не только астронавт, но и астроном? Какое имеет значение, что в обсерватории лунной базы он лучший? Я все равно уверена, что вреда от него больше, чем пользы. Он тут слоняется вокруг базы, как потерявший хозяина старый пес, и ни с кем не общается. Он ни на одном сеансе психологической разгрузки не побывал с тех пор, как меня прислали, и, надо полагать, задолго до этого их забросил. Он портит моральный климат; другие его не выносят. Да, он справляется с обязанностями, но не более. Послушайте, он ведь даже не в курсе был, что явились чужаки, пока я не вызвала его и не сообщила, что они его к себе требуют.

Последнее утверждение, разумеется, не отвечало истине. Рейнольдс, как и все, знал про чужаков, но вынужден был признать, что их появление его не слишком заинтересовало. Он не поддался истерии, охватившей Землю, когда были получены надежные подтверждения, что в

системе появился корабль инопланетян. Власти скрывали эту новость около месяца, прежде чем дать ей ход. Прежде чем оповестить публику, они хотели убедиться, что визитеры не представляют для Земли прямой и явной угрозы. Впрочем, никаких больше надежных сведений о чужаках получить не удалось. А потом звездолет вышел на лунную орбиту, подтвердив тем самым, что чужаки не желают Земле вреда, и все связанные с ними проблемы свалились на Келли. Чужаки заявили, что им нужен специалист по Солнцу, а им оказался Рейнольдс. Тогда — и только тогда — у него возник реальный повод для интереса к ним. В тот день, впервые за полдюжины лет, он послушал в прямом эфире выпуск новостей с Земли. Он обнаружил, что первоначальная волна лихорадочного интереса к прибытию чужаков спала, и не слишком удивился. Наверное, снова назревает война. Теперь в Африке: перемена мест, но не сути дел. О чужаках упомянули однажды, примерно в середине выпуска, но Рейнольдс понял, что главной темой они больше не являются. Ведущий оповестил, что планируется встреча американского представителя из числа работников лунной базы с чужаками. Встреча состоится на борту корабля инопланетян, вышед-

шего на лунную орбиту, добавил он. Имя Брэдли Рейнольдса не называлось. *Интересно, помнят ли еще там обо мне,* подумал Рейнольдс.

— Кажется, ты из них не вытянул ничего, кроме балабольства о том, что звезды — это боги, — подытожила Келли, поднялась и стала мерять шагами комнату, уперев руку в бедро. В притворном недоверии покачала головой; ее коричневые кудри в пониженной гравитации закрутились вниз и поплыли разводами темного меда.

— Ну, — отозвался Рейнольдс скучающе, — не только.

— Что?

В комнате заинтересованно зашушукались.

— Несколько фактов об их планете. Детали, которые, думаю, укладываются в согласованную картину. И даже объясняют их теологический подход.

— Объяснение теологии через астрономию? — резко бросила Келли. — Нет ничего загадочного в поклонении солнцу. Это было характерно даже для самых примитивных наших религий.

Мужчина, рядом с которым она проходила, кивнул.

— Не совсем. Наша звезда, как выразился бы Джонатон, сравнительно мягкосердечна. А наша

планета на удобной и уютной орбите, практически круговой.

— А у них не так?

— Нет. У их планеты также выражен наклон оси, но куда заметней, чем на Земле с ее двадцатью тремя градусами. Чтобы объяснить упомянутые Джонатоном эффекты, требуется наклон в сорок градусов и более.

— Жаркие лета? — спросил какой-то незнакомец, и Рейнольдс посмотрел на него с некоторым удивлением. Значит, эти люди не просто оруженосцы Келли, как он ранее полагал. Тем лучше.

— Да. Наклон оси заставляет каждое полушарие поочередно обращаться к центральной звезде и отклоняться от него. У них лето жарче и зима холоднее наших. Но есть еще кое-что: насколько я могу судить по словам Джонатона, их мир не следует идеальному пути, в то время как наш — почти не отклоняется от него.

— Идеальный путь? — нахмурилась Келли. — Восьмеричная тропа? Путь просветления?

— Опять теология, — заметил говоривший ранее.

— Не совсем, — повторил Рейнольдс. — Пифагор считал круг идеальной фигурой, прекраснейшей из всех, и не вижу причин, почему бы так же не

считать Джонатону.

— Астрономические объекты имеют формы, близкие к округлым, — заметила Келли. — Пифагор мог наблюдать Луну.

— И Солнце, — отозвался Рейнольдс. — Не знаю, есть ли луна у планеты Джонатона. Но звезду свою они наблюдают, и у той круглые очертания.

— Итак, круговую орбиту они считают идеальной.

— Что и требовалось доказать. Но Джонатон сообщил, что их планета обращается по иной орбите.

— Эллиптической.

— С очень большим эксцентриситетом. По крайней мере, так мне кажется. Джонатон употребил термины *орбитальное лето* и *полярное лето*: вероятно, они отличают эти эффекты друг от друга.

— Не понял, — сказал говоривший.

— Эллиптическая орбита порождала бы чередование лета и зимы, однако в обоих полушариях одновременно, — резко бросила Келли, чуть дернув подбородком книзу. — Полярное лето у них, вероятно, соответствует земному.

— А-а, — промямлил говоривший.

— Ты упускаешь из виду *великое лето*, солнышко, — едва заметно усмехнулся Рейнольдс.

— А что это такое? — осторожно спросила Келли.

— Когда полярное лето совпадает с орбитальным, а это случается довольно часто… в общем, не хотел бы я там оказаться. И соплеменники Джонатона, надо полагать, тоже не стремятся.

— А как они выживают? — заинтересовалась Келли.

— Мигрируют. В одном полушарии летнюю жару с трудом можно переносить, но приходится мигрировать туда, потому что в другом сущая адская жаровня. Вся раса мигрирует.

— Кочевники, — констатировала Келли. — Целая культура рюкзачников.

Голос ее звучал отстраненно. Рейнольдс поднял бровь. Он впервые слышал от Келли что-нибудь не резкое, не предельно эффективное и не скучное.

— Думаю, поэтому они и травоядные — это полезно и даже необходимо для кочевой жизни. Великое лето выжигает всю растительность; великая зима, а такая неотвратима, замораживает континенты.

— Господи, — вырвалось у Келли.

— Джонатон упомянул великие бури, ветра, способные сбить с ног, и песок, за ночь насыпающий дюны. Резкие климатические сдвиги должны порождать ураганы и торнадо.

— И поэтому они вынуждены мигрировать, — сказала Келли.

Рейнольдс отметил, что в комнате воцарилось странное безмолвие.

— Джонатон, судя по всему, родился во время одной из Кочевок. У них мало естественных укрытий, поскольку ветра и зимы способствуют скальной эрозии. Наверное, в такой обстановке технологию развить сложно. И вполне ожидаем интерес к астрологии.

— К чему? — удивленно переспросила Келли.

— Ну да! — озадаченно воззрился на нее Рейнольдс. — А как еще это назвать? Они преуспели в астрономии, чтобы определять точное время года и срок прихода следующего великого лета, ну так во что им верить? Естественно, астрология стала непоколебимой религией, потому что она работает! — Рейнольдс улыбнулся своим мыслям: ему представилось стадо атеистов-жирафов, застигнутое песчаной бурей и обессиленное.

— Ясно, — с нескрываемой растерянностью ответила Келли. Ее спутники неловко затоптались,

не понимая, как реагировать на столь неправдоподобные откровения. Рейнольдса порадовало их смятение. Отчасти возвратилось качество, свойственное ему в молодости: способность погружаться в центр вещей, единственному из актеров на сцене двигаться и действовать по собственной воле, а не шпарить по тексту. Вот оно каково — чувствовать себя победителем, подумалось ему. Он утратил это качество на Марсе, на долгом обратном пути, в полнейшем безмолвном одиночестве. Он испытал себя и наткнулся на некое твердое внутреннее ядро, пришел к мысли, что люди и ожесточенное соревнование с ними ему не нужны. Работа в тесных помещениях исказила его душу.

— Полагаю, поэтому-то они сравнительно слаборазвиты технологически для своего возраста. Машины им не слишком нравятся, они так и не сумели к ним окончательно приспособиться. Когда их религии понадобился звездолет, они реализовали самую что ни на есть неуклюжую конструкцию.

Рейнольдс помолчал, чувствуя приятную легкость.

— Они в нем живут, но эта машина им не по нраву. Там воняет, как в загончике для живот-

ных. Они не доверяли моему регистратору. Они, наверное, очень нуждаются в изучении звезд, если так сильно отклонились от своей природы, чтобы пробиться к ним.

Келли поджала губы и прищурилась.

Рейнольдс подумал, что ее лицо наконец-то возвращается к привычному выражению.

— Все это превосходно, доктор Рейнольдс, — сказала она — прежняя Келли, знакомая ему Келли, Келли, которая в любой ситуации выворачивается так, чтобы оказаться наверху. — Но вы строите предположения. А нам нужны факты. Их звездолет неуклюжей конструкции, но он работает. У них должны иметься данные и снимки звезд. Они знают то, чего не знаем мы. Неисчислимое разнообразие подробностей, которое не получить, не совершив путешествия самим, а ведь, как мне сообщают из Хьюстона, даже с этим кораблем, разгоняемым бомбочками, века потребуются для выхода на скорость около процента от световой. Я…

— Я попробую, — сказал он, — но не думаю, что это легкая задача. Как только я пытаюсь коснуться предмета, который они явственно не желают обсуждать, мне скармливают неправдоподобную ложь.

— Да? — с подозрением спросила Келли.

И Рейнольдс тут же пожалел о сказанном, поскольку его еще на четверть часа задержали в гробоподобном кабинетике.

Но вот он вернулся к себе в комнату. Он перекатился по кровати на спину и уставился во тьму широко раскрытыми глазами. Он бы с удовольствием заглянул поработать в обсерваторию, но Келли сообщила, что отстраняет его от всех прочих обязанностей, пока он нужен чужакам. Он принял это как приказ. Наверное, так оно и было. Келли редко бросала слова на ветер.

За ним явились и разбудили. Впрочем, он и не собирался долго спать. В комнате по-прежнему царил непроглядный мрак. Кто-то яростно колотил в дверь. Он неторопливо, выгадывая время, поднялся и впустил пришедшего. Потом зажег свет.

— Вставай, — выдохнул тот. — К директору.

— Чего ей от меня надо? — спросил Рейнольдс.

— А я откуда знаю?

Рейнольдс пожал плечами и ушел. Он и так знал ответ. Наверняка это опять чужаки: Джонатон снова хочет его видеть. Ну что ж, рассудил Рейнольдс, входя в кабинет Келли, оно и к лучшему. Увидев ее лицо, он понял, что предположение

было верным. *И я теперь точно знаю, что им скажу*, подумал он.

В какой-то момент посреди сна Рейнольдс принял важное решение. Он собирался рассказать Джонатону правду.

* * *

Приближаясь к инопланетному звездолету, Рейнольдс поймал себя на мысли, что корабль перестал навязчиво напоминать ему прежний дом в Сан-Паулу. Теперь, когда Рейнольдс побывал внутри и познакомился с обитателями, восприятие корабля переменилось. Теперь его изумляло, как сильно этот странно искривленный кусок металла схож с *настоящим* звездолетом.

Буксировочный челнок стукнулся о борт. Рейнольдс, не дожидаясь приглашения, снял скафандр и шагнул в шлюз. Келли выскочила из своего кресла и метнулась следом. Схватив камеру с консоли, она сунула аппарат ему в руки. Келли требовала, чтобы он сфотографировал чужаков. Приходилось признать, что пожелание не лишено логики: если чужаки такие мирные и совсем не страшные, как заявляет Рейнольдс, то, само собой, одного качественного четкого снимка достаточно, чтобы дополнительно успокоить

землян. Многие политики продолжали истерить. Многим все еще мерещился набитый зелеными монстрами корабль на лунной орбите, всего в нескольких часах полета от Нью-Йорка и Москвы. Один щелчок затвора — и страхи рассеются.

Рейнольдс ответил, что Джонатон никогда не позволит себя сфотографировать, но Келли осталась непреклонна.

— Ну кому это важно? — отнекивался он.

— Всем, — настаивала она.

— Правда? Я вчера слушал новости, о чужаках ни слова. Ты это называешь истерией?

— Это из-за Африки. Подожди, вот когда война закончится, так сразу и услышишь.

Он не стал с ней спорить тогда и не утруждал себя этим сейчас. Молча взяв камеру, он выслушал последние инструкции и нырнул в люк.

Его ноздри тут же атаковал запах. Стоило Рейнольдсу появиться на корабле, и вонь возникала словно бы из ниоткуда, облекая его. Он принудил себя двинуться дальше. Во время предыдущего визита вонь одолела его лишь ненадолго. Он был почти уверен, что на сей раз справится с тошнотой.

На корабле оказалось холодно. Рейнольдс явился в одних легких брюках и короткой рубашке

без футболки, поскольку в прошлый раз на борту было скорей жарковато. Возможно, Джонатон заметил, что ему неудобно, и приказал понизить бортовую температуру?

Он свернул за угол и мельком поднял глаза к далекому потолку. Позвал:

— Эй!

Эхо было едва слышным. Он позвал снова, эхо не изменилось — плоское, невыразительное.

Он повернул еще раз. Теперь Рейнольдс двигался куда быстрей прежнего. Больше не останавливался для раздумий в узких проходах. Он шел быстро и уверенно, полагаясь на опыт. По настоянию Келли он пристегнул к поясу кобуру с рацией и вдруг осознал, что рация яростно пиликает. Вероятно, Келли забыла ему дать какой-то чрезвычайно важный наказ. Ему было все равно. Он уже получил достаточно приказов, подлежащих игнорированию; одним больше, одним меньше.

Вот и пришел. Остановясь на пороге, он отстегнул рацию и выключил ее. Потом положил рядом с рацией камеру и шагнул в комнату.

Несмотря на прохладу, помещение не изменилось. У дальней стены стояли двое. Рейнольдс направился прямо к ним, вскинув руки над головой в знак приветствия. Один из чужаков ростом

превосходил другого.

Рейнольдс обратился к нему.

— Вы Джонатон?

— Да, — ответил Джонатон писклявым детским голоском. — А это Ричард.

— Могу ли я выразить вам свое почтение? — нетерпеливо спросил Ричард.

Рейнольдс кивнул.

— Если хотите.

Джонатон дождался, пока Ричард встанет с пола, потом сказал:

— Мы теперь хотим обсудить вашу звезду.

— Хорошо, — ответил Рейнольдс. — Но прежде я вам должен кое-что сообщить.

И тут, впервые с момента, когда он принял решение, его одолели сомнения. Действительно ли говорить правду — лучшая стратегия в данной ситуации? Келли хотела, чтоб он солгал, чтобы навешал им лапшу на уши, уверился, что всего они не выведают. Келли опасалась, что чужаки улетят к Солнцу сразу же, как узнают все, за чем прибыли. Она стремилась получить доступ к звездолету для инженеров и ученых. А существует ли вообще такая возможность? Что, если Келли права, и чужаки тут же улетят? Что тогда ей сказать?

— Вы хотите сообщить, что ваше Солнце не является разумным существом, — предположил Джонатон. — Я прав?

Проблема решилась сама собой. Рейнольдс больше не чувствовал неприятной необходимости лгать.

Он ответил:

— Да.

— Боюсь, что вы обманываетесь, — заявил Джонатон.

— Мы же тут живем, не так ли? Кому знать, как не нам? Вы меня спрашиваете, полагая, что я знаток нашего светила, и я знаток. Есть, однако, другие люди в нашем мире, которые знают о нем куда больше моего. И тем не менее никому еще не удалось обнаружить ничего, сколько-нибудь подкрепляющего вашу теорию.

— Теория — это умопостроение, — сказал Джонатон. — Мы не строим теорий. Мы знаем.

— В таком случае, — попросил Рейнольдс, — объясните мне. Я не знаю.

Он внимательно смотрел в глаза чужака, ловя признаки моргания.

Взгляд Джонатона оставался уверенным и немигающим.

— Вы бы не хотели сперва услышать о нашем

путешествии? — уточнил он.

— О да.

— Мы покинули родной мир много ваших лет назад. Не могу сказать точно, сколько. На то есть уже, несомненно, понятные вам причины. Но полагаю, что более вашего века назад. За это время мы посетили девять звезд. Эти светила были определены заранее. Наши жрецы… наши лидеры… определили светила в зоне досягаемости, согласные помочь. Понимаете ли, мы странствуем, чтобы задавать вопросы.

— Вопросы звездам?

— Ну да, конечно. На эти вопросы может ответить только звезда.

— И что это за вопросы? — спросил Рейнольдс.

— Мы установили, что существуют иные вселенные, параллельные нашей. А также создания, дьяволы и демоны, приходящие оттуда с намерением захватить наши звезды. Мы полагаем, что должны…

— А, ну да, — сказал Рейнольдс. — Понимаю. Мы тоже недавно повстречались с несколькими такими.

И он поморгал, имитируя моргание Джонатона.

— Они чрезвычайно ужасны, не так ли?

Джонатон перестал моргать, и человек тоже.

Рейнольдс продолжил:

— Вам не обязательно рассказывать мне обо всем. Но скажите, пожалуйста: отвечали ли те звезды, у которых вам уже довелось побывать, на ваши вопросы?

— Да, да. Мы многому научились у них. Эти светила очень велич… очень отличаются от вашего.

— Но они не сумели ответить на все имевшиеся у вас вопросы?

— Если бы сумели, нас бы тут сейчас не было.

— И вы полагаете, что наша звезда может помочь вам?

— Все могут помочь, но мы ищем ту, что нас спасет.

— Когда вы планируете отправиться к Солнцу?

— Сразу же, — ответил Джонатон. — Как только вы уйдете. Боюсь, что вы немногим еще можете быть нам полезны.

— Я бы попросил вас задержаться, — сказал Рейнольдс и заставил себя сделать шаг вперед. Он понимал, что не сумеет убедить Джонатона, не раскрыв ему всего, однако, поступив так, одновременно рискует разрушить все надежды. Тем не менее он рассказал чужаку о Келли, а также в общих чертах обрисовал реакцию человечества

на прибытие пришельцев. Он объяснил, кто желает повидаться с инопланетянами и зачем.

Джонатон, казалось, пришел в изумление. Пока Рейнольдс говорил, чужак переступал ногами по полу, глуховато постукивая. Потом остановился и замер — ноги его разделяло теперь всего несколько дюймов, и поза эта, как догадался Рейнольдс, выражала невероятное удивление.

— Вы желаете отправиться дальше в космос? Вы стремитесь посетить другие звезды? Но зачем, Рейнольдс? Ваша раса не верит нам. Почему же?

Рейнольдс улыбнулся. С каждым ответом Джонатона он узнавал немного больше о чужаках и о том, как они мыслят и реагируют. Ему очень хотелось задать Джонатону еще один вопрос. *Как давно ваша раса владеет секретом путешествия в межзвездном пространстве?* Он полагал, что очень давно. Возможно, в ту пору еще не возникло человечество. Так почему соплеменники Джонатона прежде не являлись на Землю? Рейнольдсу казалось, что он уже знает ответ. Потому что доселе повода не возникало.

Рейнольдс подумал, как ответить на вопрос Джонатона. Если кто и может ответить, так это он.

— Мы стремимся отправиться к звездам, по-

скольку не удовлетворены собой. Продолжительность существования индивидуального человека невелика, и мы чувствуем потребность оставить заметный след в истории расы как целого за тот срок, что отпущен нам природой. В определенном смысле мы жертвуем частью индивидуальной жизни ради соприкосновения с бессмертием в большем. Достижение человеческой расы неотделимо от достижений индивидов. А что это за достижения, спросите вы? В целом — всё, чего не достигал прежде ни один индивид, всё новое, что служит добру ли, злу. Вот что мы находим великим достижением.

И, подчеркивая эту фразу, он моргнул. Потом, не мигая, добавил:

— Я хочу, чтобы вы научили меня разговаривать со звездами. Я хотел бы, чтобы вы остались здесь, на орбите Луны, на достаточный для этого срок.

— Нет, — незамедлительно ответил Джонатон.

Ответ был полон неслыханной силы, окрашен незнакомой интонацией. Но тут же Рейнольдс догадался, в чем дело: одновременно и в унисон с Джонатоном ответил Ричард.

— Нет.

— В таком случае вы потерпите неудачу, —

сказал Рейнольдс. — Разве не говорил я вам? Я знаю наше светило лучше всех, кого могут предоставить вам в распоряжение. Научите меня разговаривать со звездами, и я, быть может, помогу вам пообщаться с ним. Или вы предпочли бы странствовать по галактике вечно, бессильные отыскать желаемое, куда бы ни направились?

— Вы разумный человек, Рейнольдс. Ваша точка зрения может отвечать истине. Мы пообщаемся с нашей родной звездой и посмотрим, что она посоветует.

— Так и сделайте. И если ответ ее будет положительным, я попрошу вас об ответной услуге. Я хочу, чтобы вы позволили команде наших ученых и техников посетить ваше судно и обследовать его. Вы ответите на их вопросы со всевозможной полнотой. И правдиво.

— Мы всегда отвечаем правдиво, — ответил Джонатон, яростно моргая.

* * *

Луна успела совершить один полный оборот вокруг Земли с тех пор, как Рейнольдс впервые пообщался с инопланетянами, и достигнутые темпы его вполне устраивали, особенно в последние дней десять, когда Келли бросила сопровождать

Рейнольдса в ежедневных полетах на корабль чужаков и обратно. В общем-то за все это время он ни разу с ней не встречался с глазу на глаз, а по телефону они говорили только однажды. Здесь и сейчас она тоже отсутствовала, что его удивило, ведь был полдень, а Келли всегда ела вместе с остальными.

Рейнольдс сидел за столиком в кафе. Еда была скверная, но он к этому уже привык. Его беспокоило — особенно сейчас, когда он осознал причину, — отсутствие Келли. Большую часть времени пропускал ленчи именно он. Он попытался вспомнить, когда в последний раз сюда являлся. Более недели назад, скорее даже более декады назад. Ему стало не по себе.

Он поймал на себе взгляд девушки за соседним столиком. Он ее едва знал. Отец девушки был важной шишкой в НАСА в те дни, когда Рейнольдс еще участвовал в регулярных полетах. Имени его он вспомнить не смог. У дочки оказалось симпатичное узкое личико и тело размера на два больше, чем полагалось бы при такой головке. Умом она тоже не отличалась. Работала в администрации базы, то есть, проще говоря, успела переспать с большинством мужчин.

— Ты Келли не видела? — спросил он.

— На работе, наверное.

— Нет. Я имею в виду, когда ты в последний раз встречала ее здесь?

— Здесь? М-м… — Девушка поразмыслила. — А разве она не с остальным начальством ест?

Келли никогда не ела вместе с остальным начальством. Она всегда приходила в кафе, полагая, что так будет этичнее, а раз девушка не помнит, когда в последний раз ее тут видела, значит, Келли не появлялась здесь по крайней мере столько же, сколько и он. Рейнольдс оставил недоеденный ленч, поднялся, вежливым кивком попрощался с девушкой, которая на него вылупилась, как на придурка, и поспешно вышел.

Идти было недалеко, но он пустился бежать. Он не собирался встречаться с Келли, поскольку понимал, что толку с этого мало. Он намеревался наведаться к Джону Симсу.

Симсу стукнуло пятьдесят два, на базе только Рейнольдс был старше его. Как и Рейнольдс, Симс в прошлом участвовал в экспедициях. В 1987-м Рейнольдс, еще знаменитость, обретался в Сан-Паулу, а Джон Симс командовал первой (и единственной) подлинно успешной марсианской экспедицией. За те несколько месяцев мир узнал его имя, но мирская слава проходит быстро, и

Симса вскоре забыли. Он не делал ничего такого, что не было предусмотрено; смерть экспедиции Симса ни разу не грозила. Рейнольдс же провалился. Трое человек, сопровождавших его на Марсе, погибли. Тем не менее именно Рейнольдс, неудачник Рейнольдс, стал героем, а не Симс.

Может, я опять стал героем, подумал он, спокойно стучась в дверь кабинета Симса. Возможно, там внизу мир снова каждый день слышит мое имя в новостях. Он не включал новости с момента первого полета на корабль чужаков. Известно ли уже людям о происходящем? Он не видел причин утаивать такую информацию, но это редко имеет значение. Надо спросить Симса. Симс знает.

Дверь открылась, Рейнольдс вошел. Симс был крупный мужчина, темноволосый, со стрижкой ёжиком. Стиль этот вышел из моды лет тридцать или сорок назад, и Рейнольдс сомневался, что во вселенной еще остались другие мужчины, стриженные ёжиком. Но Симса он себе другим просто не мог вообразить.

— Проблемы? — спросил Симс, впервые угадав. Подвел Рейнольдса к столу и усадил. Офис Симса был просторен, но пуст. На столе рядом с телефоном Рейнольдс заметил пару рутинных отчетов. Симс занимал пост заместителя администратора

базы, что бы это ни означало — Рейнольдс никак не мог уяснить себе, что именно. Одно ясно наверняка: Симсу о жизни лунной базы известно куда больше, чем другим. В том числе больше, чем директору.

— Я хочу спросить про Вонду, — сказал Рейнольдс. Симсу всех достаточно было назвать по имени. Вондой звали Келли. Рейнольдсу сорвавшееся с губ имя показалось незнакомым. — Почему она в кафе не обедает?

Симс ответил неохотно.

— Боится выходить из кабинета.

— Это как-то связано с чужаками?

— Да, но я тебе не должен говорить. Она не хотела.

— Скажи. Пожалуйста.

Он увидел, что прозвучавшее в его голосе отчаяния вызвало легкую улыбку Симса. Рейнольдс чуть не добавил: *по старой дружбе.* Хорошо еще, сдержался.

— Основная причина — война, — сказал Симс. — Если война начнется, она хочет узнать сразу же.

— А начнется?

Симс покачал головой.

— Я не Господь Бог. Думаю, все будет спокойно,

если кто-нибудь чего-нибудь не отчебучит. Как обычно. В самом скверном случае — небольшая местная война продолжительностью, может, около месяца. Но разве можно рассчитывать на здравомыслие политиков? Им оно поперек горла встаёт.

— А что насчет чужаков?

— Ну, как я уже сказал, чужаки тоже… — Симс сжал губами трубку. Рейнольдс ни разу не видел, чтобы трубка была раскурена, не замечал поднимавшегося дымка, однако Симс не вынимал ее изо рта.

— Сюда летят из Вашингтона, завтра прибудут. Хотят поболтать с твоими зверьками. Похоже, твоей работой недовольны все, а Вонда в особенности.

— Я-то своей работой доволен.

Симс пожал плечами, дав понять, что это неважно.

— Чужаки не согласятся с ними встретиться, — сказал Рейнольдс.

— Ну и как они поступят? Выдернут коврик у дверей из-под ног? Свет в доме выключат? Не сработает.

— Вы все разрушите. Все, чего я уже достиг.

— А чего ты достиг? — Симс поднялся, обошел

вокруг стола и навис над Рейнольдсом. — Насколько можно судить, ни хрена ты не достиг с тех пор, как туда впервые наведался. Людям нужны результаты, Брэдли, а не треп. Ты же только треплешься. Это не твоя личная затея. Это одно из важнейших событий в истории человечества. Если кто и обязан понимать его важность, так это ты. О Боже!

Он побрел обратно к своему креслу, ожесточенно мотая трубку в губах.

— Чего им от меня надо? — спросил Рейнольдс. — Послушай, я же добился того, что им было надо. Я уговорил чужаков пустить к себе на корабль команду наших ученых.

— Нам нужно большее. Среди прочего — нужно, чтобы чужаки спустились и посетили Вашингтон. Если хочешь, считай это пропагандистски необходимым, и нам оно чертовски пригодится именно сейчас. Мы единственная страна, достаточно вменяемая, чтобы содержать лунную базу. И ее содержание наконец стало приносить плоды, доступные пониманию политиков. У тебя был месяц на то, чтобы играть в свои игры — в конце концов, ты герой, у тебя публичная известность и всякое такое, — но ты, что ли, всерьез рассчитываешь, чтобы они и дальше сидели

смирно? Нет, они рвутся действовать, и я боюсь, что прямо сейчас.

Рейнольдса не смущало, что его отодвигают. Он узнал столько, сколько было в его силах. Он уже догадывался, как придется поступить. Надо разыскать Келли и дать ей понять, что гостей с Земли нельзя подпускать к чужакам. Если она не согласится, он пойдет скажет пришельцам, и они улетят к Солнцу. Но если Келли не даст ему уйти? Такая вероятность оставалась. Он подумал, не сказать ли ей нечто вроде: если ты меня не отпустишь, если попытаешься меня удержать, чужаки поймут — что-то не так, и улетят не оглянувшись. Может, удастся заморочить ей голову, что чужаки-де телепаты — вряд ли Келли сумеет это проверить. Его план был детально проработан и не мог провалиться.

Рука Рейнольдса легла на дверную ручку, и тут Симс окликнул его:

— Брэдли, я тебе кое о чем забыл сообщить.

— Да? О чем же?

— Вонда. Она за тебя. Она приказала им не соваться сюда, но оказалась бессильна. Ее уволили. Вместе с визитерами прибудет ей замена.

— Ах, вот как, — отозвался Рейнольдс.

* * *

Рейнольдс сидел в скафандре на своем месте в кокпите челнока, глядя, как пилот рядом проводит ритуал последней предполетной проверки. Мертвая пустынная поверхность Луны уходила от челнока к горизонту, такому близкому, что его, казалось, вполне можно было коснуться рукой. Рейнольдсу нравилась Луна. В противном случае он бы ни за что не согласился остаться здесь. Землю же он ненавидел. А еще лучше Луны был сам космос, темная бескрайняя пустота, недоступная жадным уродским людским лапам. Вот туда-то Рейнольдс и направлялся. Вовне и вверх. Он с нетерпением ожидал отбытия.

Голос пилота доносился через рацию скафандра — низкий шепот, недостаточно громкий, чтобы понять смысл сказанного. Пилот бормотал что-то себе под нос, концентрируясь на процедурах проверки. Он был молод, едва ли старше двадцати пяти, вероятно, доброволец из ВВС, лейтенант или каперанг. Вряд ли этот человек помнит времена, когда космос считался фронтиром. Человечество решило выбраться со своей планеты, и Рейнольдс стал одним из тех, кому суждено было сделать гигантский шаг. Теперь же оказалось,

что гигантские шаги двадцатилетней давности — не более чем суетливые подергивания в пыли веков, и человечество отползало восвояси. Глядя вперед из кабины, Рейнольдс видел в точности половину американской космической программы: выступающий из реголита купол лунной базы. Вторую половину составляла орбитальная лаборатория, кружившаяся близ Земли обшарпанным реликтом семидесятых. Далеко за ближним горизонтом, на расстоянии примерно сотни миль, некогда размещался еще один купол, а ныне исчез. Те смельчаки, кто там жил, работал, преодолевал трудности, умирал и боролся за спасение… тоже исчезли. Куда? Русские сохранили орбитальную станцию, так что некоторые колонисты лунной программы явно там, но где же остальные? В Сибири? Осваивают? Разве не Сибирь, старую темницу без стен и решеток времен царской России и ранних коммунистов, предпочли там Луне в качестве фронтира?

А может, русские не так уж и неправы? Рейнольдсу эта мысль не понравилась, ведь он жизнь свою отдал Луне и пустоте за ее пределами. Но временами, как сейчас, глядя через искусственное окно скафандра на голый пузырь базы, хрупкий и ненадежный, вскочивший на

краю мертвого мира, как бородавка на лице старухи, он затруднялся отрицать правоту русских. Он прожил достаточно, чтобы вспомнить, как в первый раз его увлек дух соревнования и покорения неизведанного. В школе он с религиозным рвением следил за новостями об экспедиции, впервые поднявшейся на Эверест — в 1956-м или 1957-м. Потом сняли фильм; он посмотрел фильм, проследил, как бледные тени альпинистов ползут по скальному лику белого божества, и решил, что это его судьба. Ему не перечили в таком намерении, но так получилось, что когда он повзрослел, все горы уже оказались покорены. Кончилось дело тем, что он подался в астрономы, чтобы за неимением лучшего смотреть на далекие сияющие пики пустоты, устремив дух свой в космос. Он отправился на Марс и обрел славу, но слава заставила его замкнуться в себе, так что сейчас, кабы не блистательное прошлое, быть бы ему одним из легиона безымянных стариков, что усеивают города мира, населяют идентичные мрачные комнаты с книжными полками вдоль стен, скверно питаются в дурных ресторанчиках, пока мысли их блуждают за миллиарды миль от мертвеющих телесных панцирей.

— Доктор Рейнольдс, можем отправляться, —

сказал пилот.

Рейнольдс что-то проворчал в ответ, разум его блуждал за мили от тела. Он вдруг подумал, что в этом наверняка есть резон. Как смеет он думать о бесцельности и тщетности, если видел собственными глазами… что? Разумных существ, рожденных за световые годы от ничтожного человеческого мирка? Разве не является такое откровение самодостаточным доказательством? Да. Он был уверен, что да. Но что же оно доказывает?

Буксировочный челнок с мерным фырчанием поднялся над Луной. Сгорбившись на сиденье, Рейнольдс подумал, что вскоре найдет ответ.

Это они нашли нас, размышлял он, *а не мы — их.* А они когда выбрались в космос? Поздно. Очень поздно. В момент их истории, соответствующий человечеству статысячелетней давности. Они избегали космоса, пока настоятельная необходимость не принудила. Он вспомнил, как затруднился объяснить Джонатону, почему человек стремится к звездам, если не верит в божественность светил. Есть ли на то причина? А если есть, то имеет ли она смысл?

Путь был недолог.

Запах исчез. Воздух оказался чистым, свежим,

сладким — никакой вони, лишь запах свежести и чистоты, подобный сосновому или мятному. Это его приободрило. Стоило Рейнольдсу ступить на корабль, депрессию с меланхолией как рукой сняло. Вероятно, он просто сбросил с плеч груз ответственности за мрачную ситуацию. Слишком давно ему не приходилось сражаться. Джонатон наверняка разберется. Чужаку больше трехсот лет, он порождение цивилизации и культуры, уже достигших зрелости в ту пору, когда человек еще не стал человеком, а тощие обезьяны-коротышки питались падалью на жарких равнинах Африки.

Войдя в переговорный зал, Рейнольдс отметил, что Джонатон и Ричард на сей раз не одни. Третий чужак, по впечатлению Рейнольдса, был важной фигурой; его представили как Верньяна. Земным именем тот не пользовался.

— Это лучший наш знаток звезд, — сообщил Джонатон. — Он говорил с вашим светилом и, надеемся, сумеет помочь вам.

Рейнольдс и позабыл об этом. Неожиданное напряжение последних нескольких часов стерло из его памяти все прочее. Тренировки. Неудачные попытки пообщаться со звездами. Он проваливался раз за разом. Джонатону не удавалось его

обучить, но это, вероятно, потому, что самому Рейнольдсу недоставало веры.

— Теперь мы покинем вас, — сказал Джонатон.

— Но… — начал Рейнольдс.

— Нам нельзя оставаться.

— Но я должен вам кое-что рассказать.

Поздно. Джонатон с Ричардом направлялись в коридор — в их движениях заметна была неожиданная грация. Длинные шеи колыхались, тощие ноги тряслись, но перемещались чужаки с кошачьими грацией и проворством, словно плыли, а не шли.

Рейнольдс развернулся к Верньяну. Стоит ли рассказать этому про гостей с Земли? Вряд ли. Верньян был стар, кожа его казалась заметно бледней, чем у товарищей, волосы почти выпали. Под глазами морщины, одно ухо порвано.

Верньян не открывал глаз.

Вспомнив уроки, Рейнольдс тоже закрыл глаза.

И оставил их закрытыми. В темноте субъективное время ускорялось, но он был уверен, что прошло больше пяти минут.

Потом чужак нарушил молчание. Нет, он не заговорил, но запел: голос Верньяна зазвенел высокими призывными нотами хорошо настроенной

скрипки, начал взмывать и опадать по октавам — приятный, успокаивающий, хладнокровный. Рейнольдс тщетно старался сконцентрироваться на песне, отстранившись от всех ощущений, никого не узнавая, кроме Верньяна. Игнорировал запах и вкус воздуха, далекое гудение корабельных механизмов. Песнь чужака все тянулась, голос казался нацеленным к звездам. Джонатон тоже исполнял песни, но не такие. Когда пел Джонатон, голос его словно бы метался в панике, панически дергался в поисках опоры. Верньян же пел уверенно, не зная сомнений. Рейнольдс ощущал головокружительный авторитет существа, его силу и достоинство патриарха. Голос и песнь ни разу не дрогнули и не сфальшивили. Верньян в точности знал, что делает.

А что он чувствовал? Трудно было судить. Если ничего, тогда… *Но нет, нет,* думал Рейнольдс, *нужно сконцентрироваться на голосе,* позволить ему охватить себя, омыть, воскресить. *Я новый человек. Рейнольдс мертв. Я — другой.* Мысли эти являлись ему чужацкими шепотками. *Давай, Рейнольдс. Лети. Прочь отсюда. Лети.*

Потом до него дошло, что он тоже поет. Он не мог бы сымитировать пение Верньяна, слишком уж отличался голос чужака, но пытался, слышал,

как собственный голос взмывает в устрашающе близком подобии, почти тая в неизменных чужацких напевах, сливается с ними. Два голоса вдруг слились в одно целое, перепутались, соединились, и этот новый голос воспарил еще выше, еще и еще, все дальше и дальше, потянулся все дальше и глубже.

Затем он ощутил это. Рейнольдс. И понял, что это такое.

Солнце.

Древней всея Земли. Существо величественней и обширней Земли, превосходящее мудростью и могуществом. Божественный шар тепла и энергии.

Рейнольдс обратился к звездам.

И, осознав это, непроизвольно шарахнулся от концепции, голос его ослабел от страха, увял, начал опадать и фальшивить; Рейнольдс метнулся прочь, в поисках Земли, но Верньян потянул его назад и воспрепятствовал бегству. За тонкой внешней оболочкой Солнца Рейнольдс узрел полноту внутреннюю. Сердцевину. Непроницаемую тьму внутри. Его снова охватил страх. Он взмолился о пощаде. Слезы потекли по лицу огненными струями. Верньян защитил его и направил вперед. *Вперед следуй-увидишь-узнаешь.*

Силы сжаты в точку…

И он увидел.

Можно ли было назвать его злым? Сама мысль показалась абсурдной. Не размышляя, но чувствуя и проницая, соприкоснулся он с полнотой этого существа — звезды, Солнца, — и постиг, что оно не злое. Обозрел неприкрытую полноту его несущественности. Ощущения отсутствовали. Холоднее стужи, ужаснее ненависти, низменней страха, чернее зла. Бескрайняя внутренняя целостная несущественность всего бывшего чем угодно.

Я видел достаточно. Нет!

Да, вскричал Верньян, соглашаясь с ним.

Задержись он там еще на мгновение, путь назад был бы отрезан. Верньян также знал это — и отпустил Рейнольдса, позволил ему вырваться.

Однако песнь не прерывалась. Другая песнь. Рейнольдс не без труда следовал ей, пытаясь имитировать голос чужака. На сей раз, однако, ему было проще. Два голоса слились, соединились, стали единым целым.

И Рейнольдс очнулся.

Он лежал на полу чужацкого звездолета, и радужные яркие стены кружились над ним.

Верньян перешагнул через него. Рейнольдс

видел выступающее брюхо чужака. Верньян не оглянулся и не опустил головы, но направился прямо к двери, к выходу, быстрей и равнодушней холодной внутренней души самого Солнца. На краткий миг Рейнольдс возненавидел Верньяна сильней, чем кого бы то ни было в жизни. Потом сел, обхватил себя руками, принуждая возвратиться к реальности. *Я в порядке,* убеждал он себя. *Я вернулся. Я жив.* Стены перестали вращаться. Пол позади утратил цепкую шероховатость. Тени в уголках поля зрения истаяли.

Джонатон вошел в зал. Он был один.

— Теперь вы видели, — сказал он, пересекая помещение и занимая обычное свое место у стены.

— Да, — Рейнольдс не осмеливался встать.

— И теперь вы знаете, почему мы ищем. Столетиями наша звезда была к нам добра, любила нас, но теперь изменилась — и стала такой, как ваша.

— Вы ищете новый дом?

— Да.

— И?

— И мы ничего не нашли. Все звезды одинаковы. Мы повидали их девять. Все они суть ничто.

— Значит, вы и отсюда улетите?

— Мы должны, но сперва приблизимся к вашей.

Пока не обследуем ее со всевозможной тщательностью, не признаем поражения. Нам казалось, что на сей раз мы преуспели. Встретив вас, мы пришли к такому выводу. Вы не похожи на свою звезду. Мы полагали, что звезда, давшая жизнь вам — или вашей расе, — не лишена добросердечия. Но теперь там ничего нет. Мы встречаем одну черноту. Мы пытаемся проникнуть в сердцевину, но пока терпим неудачу.

— Я нетипичный представитель своей расы, — отозвался Рейнольдс.

— Посмотрим.

Он оставался с Джонатоном, пока не ощутил в себе силы подняться. От пола исходило гудение. Коснувшись его влажными ладонями, Рейнольдс запечатлел поцелуй на складчатом холодном металле. Ветер пронесся по комнате — с ним вернулась жизнь. Джонатон пошел волнами, растаял, снова обрел резкость суровой реальности. Рейнольдс внезапно почувствовал голод, в носоглотке закружился вкус жирного мяса. Сухожилия на шее напряглись, вытянулись, потом напряжение медленно начало спадать.

Он удалился и перешел в челнок. Пока суденышко падало в пропасть к серебристой Луне, он сидел без единого слова, в безмыслии. Путь

был долог.

* * *

Рейнольдс лежал на спине в темной комнате, глядя в неясно очерченный тенями потолок и отказываясь его видеть.

Гипноз? Или более мощный чужацкий его эквивалент? Разве это не более правдоподобное объяснение, чем разговор с Солнцем, контакт с силой чернее тьмы, могущественней зла? Или… ага, вот еще один вариант: если эти существа в условиях своей родной планеты с такой готовностью приняли теорию о разумности звезд, то не могло ли так получиться, что и его они заразили убежденностью? На Земле случалось подобное. Религиозные чудеса, исцеление верой, разговоры с Богом. Как насчет летающих тарелок, маленьких зеленых человечков и прочих инцидентов массовой истерии? Верный ли это ответ? Истерия? Гипноз? Возможно, даже какой-то наркотик, распыленный в воздухе. Рейнольдс нашел множество объяснений, все они — или какое-то одно — могли оказаться верными, но его не интересовало, так ли это.

Он знал, на что идет, когда ввязывался в эту переделку, и понял, что не жалеет о пережитом.

Он сумел исполнить поручение, испытав вместе с тем нечто до крайности личное, недоступное другим людям. Видел ли он в действительности сердцевину Солнца, неважно; пережитое в любом случае останется его личным делом. Никто у него не отберет такой опыт.

Наверное, в дверь уже некоторое время колотили, но он только сейчас это осознал. Вероятно, стоило проигнорировать и стук: иногда бывает так, что, игнорируя раздражитель, избавляешься от него. Но стук не пропал, а стал только громче. Рейнольдс наконец поднялся. Открыл дверь.

Келли зыркнула на его нагое тело и спросила:

— Разбудила?

— Нет.

— Можно войти?

— Нет.

— Я должна с тобой поговорить кое о чем.

Она протиснулась мимо него в комнату, и Рейнольдс увидел, что Келли не одна. За ней в комнату протолкался плечистый краснолицый мужчина.

Рейнольдс захлопнул дверь, отсекая свет из коридора, но плечистый незнакомец невозмутимо развернулся и щелкнул внутренним выключателем.

— Так-то лучше, — сказал он, будто выполнив приказ.

— Ты кто, блин, такой? — спросил Рейнольдс.

— Забудь про него, — велела Келли. — Я пришла поговорить.

— Поговорить, — повторил Рейнольдс.

— Комитетчики здесь. Люди из Вашингтона. Они прилетели час назад, и мне пока удается их удержать. Можешь не верить, но я на твоей стороне.

— Симс мне говорил.

— Он мне сказал об этом.

— Я знал, что он тебе скажет. Не расскажешь, почему? Он не знал.

— Потому что я не идиотка, — сказала Келли. — Я за свою жизнь предостаточно бюрократических марионеток повидала. Там наверху чужаки. Нельзя, чтобы вашингтонские придурки к ним ввалились и стали пятки оттаптывать.

Рейнольдс понял, что его не оставят в покое, и стал натягивать штаны.

— Это Джордж О'Хара, — сказала Келли. — Новый директор.

— Я увольняюсь, — отозвался Рейнольдс безразлично, застегивая рубашку.

— Вам придется сопровождать нас на ко-

рабль, — проговорил О'Хара.

— Я хочу, чтобы ты так поступил, — сказала Келли. — Ты должен. Если не мне, то чужакам. Если бы ты мне правду рассказал, этого бы не случилось. Если кто и виноват во всей этой херне, так это ты, Рейнольдс. Почему ты не хочешь мне рассказать, чем вы там занимались последний месяц? Там же что-то происходило.

— Да, — ответил Рейнольдс. — Ты только не смейся, но я пытался разговаривать с Солнцем. Я тебе уже объяснил, что именно за этим сюда прилетели чужаки. У них круиз по галактике, они время от времени останавливаются поболтать со звездами.

— Не надо мне тут фривольничать. Ты уже все это рассказывал, да.

— Я вынужден фривольничать, иначе это кажется слишком странным. У меня с ними был договор. Я хотел, чтобы меня научили разговаривать с Солнцем. Я им сказал, что, как местный, может быть, сумею отыскать то, что не смогли они. Они явно усомнились, но разрешили. Взамен — независимо от моего успеха или провала — нам дадут то, чего мы хотели. На борт пустят команду людей и позволят исследовать корабль. Чужаки опишут нам свое путешествие — где были, что

видели. Они обещали сотрудничество взамен на мою беседу с Солнцем.

— И ничего не получилось?

— Я этого не говорил. Я сегодня общался с Солнцем. Я его видел. И теперь не собираюсь ничего больше делать. Просто буду сидеть сложа руки. Забирайте свой приз.

— Ты о чем?

Он понимал, что не сможет ответить.

— Я провалился, — сказал он. — Я не нашел ничего, что не было бы им уже известно.

— Ну ладно, так ты с нами пойдешь или нет? Сейчас меня больше ничего не интересует.

Келли теряла терпение, но в голосе ее слышалась нотка мольбы. Рейнольдс знал, что его это должно порадовать, но не порадовало.

— Ай, черт с вами, — сказал Рейнольдс. — Да. Ладно. Я иду. Но не спрашивайте, зачем. Просто дайте час на сборы.

— Так-то лучше, — расплылся в счастливой улыбке О'Хара.

Рейнольдс, не обращая на него внимания, открыл шкафчики и стал швырять в коробки и ящики одежду и прочие вещи.

— Ты не будешь так любезен объяснить, зачем тебе все это? — спросила Келли.

— Не думаю, что я сюда вернусь, — сказал Рейнольдс.

— Они не причинят тебе зла, — сказала она.

— Нет. Я не думаю, что вернусь, потому что мне вряд ли этого захочется.

— Ты не имеешь права, — сказал О'Хара.

— А вот и нет, — ответил Рейнольдс, — имею.

* * *

Делегация из Вашингтона заняла весь флот челноков базы — семь штук. Четверти гостей места не хватило. Рейнольдс попросил разрешения связаться с кораблем чужаков до вылета делегации и получил его, поэтому инопланетяне знали, что на них надвигается.

Чужаки не протестовали, но Рейнольдс и не рассчитывал, что будут. Во всяком случае, не по радио. Радио внушало им страх, как и многие другие механические или электронные устройства.

Келли с Рейнольдсом прибыли в составе первой группы и открыли шлюз. С интервалами в пару минут подоспели остальные. Когда все прибывшие втиснулись в тамбур, а последний челнок пристыковался к чужацкому звездолету в ожидании обратного полета, Рейнольдс просигналил.

— Погодите, — сказал один из визитеров. — Тут

не все. Эктон с Доддом вернулись в челнок за скафандрами.

— Им придется остаться там, — ответил Рейнольдс. — Воздух на корабле чистый, скафандры не понадобятся.

— Но… — другой визитер выразительно ущипнул себя за нос. — Вонь жуткая.

Рейнольдс усмехнулся. Он едва замечал ее. В сравнении с тем, как воняло первые несколько дней…

— Чужаки не станут с вами разговаривать, если вы облачитесь в скафандры. У них что-то вроде табу на переговоры по техническим каналам. Дальше внутри не так воняет. А пока зажмите носы и дышите ртом.

— Меня сейчас блевать потянет, — заныл человек, которого прижало к Рейнольдсу локтем. — Вы уверены, доктор, что там безопасно?

— Провалиться мне на этом месте, если нет, — ответил Рейнольдс.

Двое отлучившихся за скафандрами вернулись. Рейнольдс истратил еще минуту, инструктируя их.

— Прекрати так явственно наслаждаться собой, — шепнула ему Келли, когда они наконец тронулись. Не успела процессия достичь перво-

го узкого прохода, где пришлось опуститься на четвереньки, как трое уже отстали, метнувшись обратно к челнокам. Рейнольдс вел группу в ту часть корабля, где ему прежде бывать не доводилось, руководствуясь грубой картой, начерченной чужаками. Путь оказался менее утомителен, чем он привык. В большинстве мест человеку пройти не составляло труда — потолки были так высоки, что там без проблем могли бы перемещаться и сами чужаки. Рейнольдс игнорировал периодические оклики сзади. Он молча двигался к цели.

Приемный зал был огромен, как баскетбольный дворец, а потолок терялся в густой тени. Рейнольдс развернулся и стал пересчитывать присутствующих чужаков: пятнадцать… двадцать… тридцать… сорок… сорок пять… сорок шесть. Похоже, что всё. Он задумался, все ли тут члены экипажа.

Потом пересчитал своих: двадцать два. Лучше, чем он ожидал: только шестеро отстали, пав жертвами вони.

Он обратился к чужаку, стоявшему ближе прочих к людям.

— Приветствую, — сказал он.

Это не был Верньян, но мог быть Джонатон.

Сзади донеслось:

— Они совсем как жирафы.

— И кажутся разумными, — поддержал другой голос.

— Исключительно. Вы гляньте им в глаза.

— И дружелюбными.

— Приветствую, Рейнольдс, — ответил чужак. — Это те, кого вы?..

— Джонатон? — спросил Рейнольдс.

— Да.

— Это те.

— Это ваши лидеры, которые хотели поговорить с моими товарищами?

— Да.

— Могу ли я взять на себя функции представителя команды, чтобы сэкономить время?

— Конечно, — ответил Рейнольдс. Обернувшись к визитерам, он по очереди посмотрел на них, надеясь уловить хоть малейший проблеск интеллекта, как ни мимолетный. Все тщетно.

— Господа, вы слышали? — проговорил он.

— Его зовут Джонатон? — спросил кто-то.

— Это имя, принятое для удобства общения с людьми. У вас есть более содержательный вопрос?

— Да, — ответил человек. Он продолжал обращаться к Рейнольдсу. — Где ваша родная

планета?

Джонатон проигнорировал неучтивость гостя и назвал звезду.

— А где это? — спросил человек, обращаясь напрямую к чужаку.

Рейнольдс объяснил: примерно в тридцати световых годах от Земли. Звезда эта была в целом подобна Солнцу, немного крупнее.

— А сколько это миль — световой год? — поинтересовался человек.

Рейнольдс попытался объяснить. Гость ответил, что понимает, хотя Рейнольдс в этом усомнился.

Пора было переходить к следующим вопросам.

— Почему вы прибыли к нам?

— Наша миссия носит чисто исследовательский характер, — ответил Джонатон.

— Вы обнаружили по пути какие-нибудь другие разумные виды, кроме нашего и вашего?

— О да. Несколько.

Ответ вызвал у собравшихся изумленный шепот. Рейнольдс задумался, кто они такие, почему их выбрали для этой миссии. Не кем они выступают, а кто они. Что у них внутри. Он знал, кем они выступают. Политики, бюрократы НАСА, горстка настоящих ученых. Но кто они такие?

— Вы нашли кого-нибудь из них агрессивными? — спросил человек — почти наверняка политик. — Представляющими угрозу для вас или нас?

— Нет, — ответил Джонатон. — Никого.

Рейнольдс пропускал большую часть вопросов и ответов мимо ушей. Он теперь следил преимущественно за глазами Джонатона. Чужак перестал моргать. На последние два вопроса — о разумных формах жизни — Джонатон ответил правдиво. Рейнольдсу показалось, что он начинает понимать. Он недооценил этих чужаков. Они и вправду встречались с другими расами в своих странствиях, прежде чем обратиться к Вере. О пережитом в этих странствиях Джонатон солгал. Но, в отличие от предыдущих встреч, он лгал более умело, лишь в тех случаях, когда правдивый ответ оказался бы совершенно неприемлемым.

— Как долго намерены вы пробыть на орбите Луны?

— Пока вы и ваши коллеги не покинете наш корабль. Потом мы сразу же отбываем.

Прибывшие всполошились. Рейнольдс яростно замахал на них руками, пытаясь успокоить. Человек, который попросил разъяснения, что такое световой год, выкрикнул Джонатону приглаше-

ние посетить Землю.

Это возымело эффект, которого безуспешно старался добиться Рейнольдс. Остальные визитеры умолкли, желая услышать ответ Джонатона.

— Это невозможно, — проговорил Джонатон. — У нас расписан график, мы должны улетать сейчас.

— Нет ли в этом вины нашего посла? — требовательно спросил кто-то. — Он должен был сам спросить у вас гораздо раньше.

— Нет, — ответил Джонатон. — Я не мог бы дать ответа — и никто из моих товарищей. Мы прежде не были уверены в ваших мирных намерениях. Пока мы не познакомились с Рейнольдсом поближе, мы не могли быть в полной мере уверены, что ваша раса не агрессивна.

Чужак быстро моргал. Моргание прекратилось, когда стали задавать технические вопросы. Политики и бюрократы отошли в сторонку посовещаться, и вперед выступили ученые. Рейнольдса приятно удивил уровень их вопросов. По крайней мере, в этом отношении экспедиция не превратилась в фарс.

Когда с вопросами было покончено, люди собрались выслушать последние слова Джонатона.

— Мы вскоре вернемся на свою родную плане-

ту, и когда прилетим, сообщим лидерам нашей расы о величии и славе человечества. Пролетая мимо вашей системы, мы решили узнать побольше о вашей звезде и вашем народе, которому дали жизнь ее ласковые лучи. Я чрезвычайно польщен вашим визитом. Уверен, что собратья мои польщены не меньше и могут лишь сожалеть о невозможности в полной мере выразить вам свою признательность.

С этими словами Джонатон перестал моргать и уставился на Рейнольдса.

— Вы уходите с ними?

— Нет, — сказал Рейнольдс. — Я хотел бы еще поговорить с вами наедине, если можно.

— Да, конечно, — сказал Джонатон.

Несколько визитеров возмутились и стали что-то высказывать Келли с О'Харой, но ничего не смогли сделать. Один за другим люди утянулись из переговорного зала в коридор. Последней вышла Келли.

— Не валяй дурака, — предостерегла она.

— Не буду, — сказал Рейнольдс.

Когда люди удалились, Джонатон позвал Рейнольдса в другое помещение. После непродолжительного перехода они оказались в той комнате, где всегда проводили встречи ранее.

Джонатон, словно исполняя ритуал, проследовал к дальней стене и замер там в прямой позе. Рейнольдс улыбнулся ему.

— Благодарю, — сказал он.

— Не за что.

— За то, что солгали им. Я опасался, что их тупость возмутит вас. Я полагал, вы навешаете им лапши на уши в ответ, нагромоздите неправдоподобные вымыслы и тем оскорбите. Я недооценил вас. Вы очень хорошо справились.

— Но вы хотели о чем-то поговорить со мной наедине?

— Да, — сказал Рейнольдс. — Возьмите меня с собой.

Джонатон, как обычно, никак не отреагировал, но долгое время хранил молчание.

Потом наконец отозвался:

— Почему вы просите о подобном? Мы никогда не вернемся.

— Мне плевать. Я вам уже говорил. Я нетипичен для своей расы. Нет мне счастья здесь.

— Но разве можете вы считаться типичным среди нас? Разве обретете вы счастье среди нас?

— Не знаю. Но попробую.

— Невозможно, — ответил Джонатон.

— Но… но почему?!

— Потому что у нас нет ни времени, ни возможности возиться с вами. Наша миссия — отчаянная. За время нашего отсутствия родную планету могло обуять безумие. Необходимо спешить. Времени в обрез. Вы ничем не поможете нам. Сожалею, но вы сами знаете, что я прав.

— Я ведь научился разговаривать со звездами.

— Нет, — ответил Джонатон. — Не научились.

— Но я же говорил.

— Верньян говорил. Без него не смогли бы.

— Ответ окончателен? Больше мне не к кому обратиться? А капитан?..

— Я капитан.

Рейнольдс кивнул. Все это время он таскал за собой чемоданчики и коробки, а теперь придется отволочь их обратно. Домой? О нет, только не домой. На Луну.

— Вы не могли бы проверить, оставлен ли для меня челнок? — спросил он.

— Да, минуточку.

Джонатон грациозно удалился в коридор. Рейнольдс развернулся и стал оглядывать стены. Под его взглядом радужные узоры, казалось, снова затанцевали, начали кружиться и танцевать по собственной воле. Он почувствовал грусть, но не тоску. Скорей пустоту и одиночество. Пустота

так долго была частью его, что он почти перестал осознавать ее присутствие. Но теперь осознал опять. Он понимал, не всегда отдавая себе в том отчет, что последние десять лет жизни провел в тщетных попытках заполнить эту пустоту. И даже больше, если так прикинуть: вероятно, всю жизнь он положил на поиски момента подлинной целостности. Лишь дважды приближался он к этому ощущению вплотную. В первый раз это с ним случилось на Марсе. Там он остался жив и наблюдал, а другие погибли. Там он не был одинок и не чувствовал опустошенности. Во второй раз — в этой самой комнате, с Верньяном. Лишь дважды за всю жизнь соприкасался он с истинным знанием, самую чуточку. Дважды за пятьдесят восемь нескончаемо долгих лет. Произойдет ли это снова? Когда? Как?

Джонатон вернулся, задержавшись на пороге.

— Пилот там, — сообщил он.

Рейнольдс направился к двери, готовый к отбытию.

— Вы по-прежнему намереваетесь посетить наше Солнце? — спросил он.

— О да. Мы будем продолжать поиски, попытки. Нам больше ничего не остается. Вы ведь не верите, даже после того, что показал вам Верньян: не

верите, Рейнольдс, да? Я вас понимаю. Все мы… даже я… иногда сомневаемся.

Рейнольдс вышел в коридор и двинулся дальше. За спиной раздались быстрые шаги; он обернулся и увидел, что Джонатон идет следом. Он подождал чужака, и они пошли рядом. В узком коридоре им едва хватило места.

Рейнольдс не пытался продолжать разговор. Насколько он понимал, за краткое оставшееся им время разговаривать было не о чем. *Лучше промолчать,* рассудил он, *нежели сказать слишком мало.*

Воздушный шлюз был открыт. За ним Рейнольдс увидел прильнувший к потрепанному корпусу звездолета челнок.

Говорить было не о чем. Развернувшись к Джонатону, он произнес:

— Прощайте.

И при звуке этого слова впервые задумался, в какие обстоятельства принужден возвратиться. Более чем вероятно, что его снова объявят героем. Он станет медийной знаменитостью. Ну да ладно, слава штука преходящая, с этим можно смириться. Двести сорок тысяч миль — достаточное расстояние. Он был в безопасности.

Словно прочтя его мысли, Джонатон спросил:

— Вы останетесь здесь или вернетесь на свою родную планету?

Вопрос удивил Рейнольдса: чужак никогда прежде не интересовался его личными делами.

— Я остаюсь здесь. Мне здесь лучше.

— И у вас будет новый директор?

— Да. Откуда вы узнали? Но я, наверное, снова прославлюсь. Можно будет оставить Келли.

— Вы и сами бы справились с этой работой, — заметил Джонатон.

— Я не хочу. Слушайте, а откуда вы обо всем этом узнали? Про Келли и так далее?

— Я слушаю звезды, — прозвенела высокая трель.

— Они живые, правда? — внезапно спросил Рейнольдс.

— Разумеется. Нам доступно восприятие их, какого вы лишены. Но вы молодая раса.

— Звезды — это шары ионизированного газа. Термоядерные реакции.

Чужак шевельнулся: изогнул шею так, словно у него там посередине был сустав. Рейнольдс не понял жеста. Впрочем, у него и не было времени понять. Время таки вышло.

Джонатон проговорил:

— Когда они являются меж вами, то принимают

это обличье. Так они проводят время в вашей вселенной. Считайте их порталами.

— Через которые мне путь закрыт.

— Да.

Рейнольдс усмехнулся, покивал и прошел в шлюз. Шлюз сомкнулся, поглотив образ друга. Несколько мгновений всеохватной тишины, и начала открываться противоположная дверь.

Пилот был незнаком Рейнольдсу. Не обращая на него внимания, Рейнольдс натянул скафандр, пристегнулся и стал думать о Джонатоне. Как там сказал инопланетянин? *Я слушаю звезды.* Ага-ага, и звезды поведали, что Келли уволена?

Ему не понравилась эта идея. А еще сильнее ему не понравилось, что Джонатон не моргал в момент, когда говорил об этом.

Варианты:

1) Инопланетянин говорил правду.

2) Инопланетянин сумел солгать, не моргнув глазом.

Выбирайте любой.

Рейнольдс выбрал, и челнок устремился к Луне.

Перевод: К. Сташевски

Под Леннона

По мере того как отступал леденящий холод, постепенно возвращались чувства. Он обрёл уверенность в себе: всё получится. И открыл глаза.

— Привет. — Голос немного хрипит. — Спорю, что вы меня не ждали. Я — Джон Леннон.

— Кто? — удивляется склонившееся над ним лицо.

— Ну, Леннон… Из «Битлз».

Профессор Херманн — это ему принадлежало лицо, которое увидел Филдинг, выйдя из «долгого сна», — пока не называет точную дату. То ли 2108, то ли 2180… Всё шутит насчёт инверсии. Потолок сияет мягким зелёным светом, и Филдинг покорно даёт себя колоть, отмывать от питательного раствора, массировать. Он знает, что наступил решающий момент — их надо сразить именно сейчас.

— Я рад, что всё получилось.

Филдинг говорит с безупречным ливерпулским акцентом.

Он долго его отрабатывал, этот подъём в конце носовых звуков.

— Очевидно, в журнал вкралась ошибка, — педантично констатирует Херманн. — Согласно записям, вы — Генри Филдинг.

— Небольшая уловка… — улыбается Филдинг.

Херманн по-совиному моргает.

— Обман «Корпорации бессмертия»?..

— Я хотел избежать политической травли… Понимаете, песни против насилия, загрязнения среды, о простых рабочих людях… Почувствовав, что меня обложили, я решил улизнуть…

Слова льются потоком: имена, события, мелкие детали. Он готовился аккуратно, всё тщательно продумал и выучил наизусть. История дьвольски правдоподобна. Он продолжает говорить, пока Херманн и несколько ассистентов в белых халатах помогают ему сесть, сгибают его ноги, проверяют рефлексы. Их окружают какие-то чаны и баки. С пола поднимается густой белый туман — там находится азотная ванна.

Херманн внимательно выслушивает рассказ, время от времени согласно кивая, и вызывает представителей властей. Филдинг повторяет свою историю, умышленно описывая события в другом порядке, чуть в ином свете. Он продолжает выдерживать акцент, хотя насморк мешает произношению высоких звонких. Ему приносят

что-то поесть: вроде мороженого со вкусом цыплёнка. Через некоторое время Филдинг видит, что всех убедил. Всё же конец двадцатого века — бурное время, время выдающихся свершений и великих людей. Не удивительно, что стареющая рок-звезда, растерявшая поклонников и навлёкшая гнев правительства, решила заморозить себя.

Официальные лица удовлетворены, и Филдинга выкатывают на тележке. «Корпорация бессмертия» скорее похожа на церковь, чем на деловое предприятие. В коридорах стоит кладбищенская тишь, все прислужники сдержанны и сухи. Учёные слуги в храме жизни.

Филдинг попадает в роскошную комнату, и там механический голос начинает бубнить приветствие. Голос сообщает, что Филдинг принадлежит к числу тех немногих, кто в свой невежественный век разглядел слабую надежду, открытую наукой для больных и умирающих. Теперь его прозорливость вознаграждена. Затем следуют общие слова о боге, смерти, вечном ритме и равновесии жизни. Всё завершается показом ретушированной голографической фотографии отцов-основателей. Это горстка биотехников и инженеров, сгрудившихся вокруг иммерсионной ванны. Они носят

очки и вяло улыбаются, словно только что разбужены. Короткие стрижки и белые рубашки с шариковыми ручками в карманах.

— Я голоден, — говорит Филдинг.

Весть об оживлении Леннона распространяется молниеносно. «Общество редких анахронизмов» устраивает пресс-конференцию. Филдинг входит в помещение, сжав кулаки, чтобы никто не заметил, как дрожат руки. Это начало. Он должен сразу добиться успеха.

— Как вы нашли будущее, мистер Леннон?

— Поворот направо в Гринленде.

Может, они догадаются, что это из «Ночи трудного дня». Пока многие ещё не вспомнили, кем был Джон Леннон. Толстяк спрашивает Филдинга, почему он решился на анабиоз, и Филдинг загадочно отвечает: «Роль скуки в человеческой истории весьма недооценена». Фраза попадает в вечернюю сводку новостей и через два дня — в еженедельный обзор печати.

Любитель двадцатого века интересуется разрывом с Полом, подробностями смерти Ринго, судьбой Аллана Клейна. «Вам нравится Дилан? Правда ли, что в „Эббироуд“ вошёл не весь первоначальный состав? Что вы думаете о теории Аарона, будто бы „Битлз“ могли остановить вьет-

намскую войну?»

От некоторых вопросов Филдинг уклоняется, на некоторые отвечает. Он, естественно, умалчивает, что в начале шестидесятых работал в банке и носил очки. Потом стал маклером в «Харкум, Бренделс и сын» и в 1969 положил в карман пятьдесят семь тысяч восемьсот три доллара, не считая денег, тайно переведённых на два банковских счёта в Швейцарии. При этом он с благоговением читал «Роллинг стоун», собрал все альбомы «Битлз» и книги о них и знал слова всех песен. Как-то раз он издали видел Пола. А один его приятель-буддист на уик-энде в Сюррее встретил Харрисона. Филдинг не рассказывает и о том времени, которое он провёл в Ливерпуле, отрабатывая акцент и посещая памятные места: подвалы, где они репетировали, старые маленькие домики, где жили их семьи. Филдинг не делится и своими мечтами, в которых он был рядом с Полом, или Джорджем, или Джоном и проникновенно ворковал в микрофон, едва не целуя металл.

Стерильное будущее Стенли Кубрика. Постоянная численность населения, развитая техника, никаких признаков нехватки электроэнергии, бензина, меди, цинка. У каждого есть хобби. Чу-

довищно разросся бизнес развлечений, где особое место занимает ритуальное насилие. Филдинг несколько раз ходит на боевой гольф, присутствует на публичных экзекуциях. На его глазах электрический человек устраивает себе короткое замыкание; вспышка видна за горизонтом.

Генетически изменённые («генизмы» — говорит Херманн), худые, вытянутые, как струна, люди — только прямые линии и узловатые суставы. Их сконструировали с какой-то непостижимой целью для включения в компьютерные сети. Мудрёные объяснения Херманна он прерывает вопросом:

«Не знаете, где я могу раздобыть гитару?»

Филдинг о периоде 1950–1980 годов:

«В астрологию никто больше не верил, вы должны это понять, она отошла как буги-вуги. Другое дело, наука и рационализм — прогрессивные лабухи только это и толкали».

Он улыбается в камеру. Пластическая операция, наделившая его ленноновской ухмылкой, удалась на славу. Даже специалисты «Корпорации бессмертия» не заметили её следов.

Филдинг страдает странными периодическими потерями сознания. Он перестаёт чувствовать

прикосновение манжетов рубашки, дуновение прохладного кондиционированного воздуха у шеи. Окружающий мир будто растворяется в чернильной тьме… а через мгновение всё вдруг приходит в порядок. Он слышит отдалённый шум транспорта. Судорожно, рефлекторно сжимает баллончик в руке и тонет в оранжевых парах. Набирает полную грудь воздуха, шумно выдыхает. Кисловатый привкус испарений придаёт ему сил, перед мысленным взором возникают картины.

«Каждая эпоха отмечена своими удовольствиями, — читает Филдинг на библиотечном экране. — Двадцатый век познакомил с высокими скоростями и искусственно вызванными галлюцинациями. И то и другое в конечном счёте оказалось опасным и тем самым ещё более притягательным. Двадцать первый — ввёл невесомость, безвредную, если не считать проблем адаптации к весу в случае злоупотребления. В двадцать втором — появились аквафомы и ещё что-то», — но этого «что-то» Филдинг не в состоянии ни понять, ни произнести.

Он выключает экран и зовёт на помощь Херманна.

Трудности в понимании.

У стойки вместо нормальной еды ему подают

какую-то пасту. Он с отвращением отталкивает её.

— Неужели у вас нигде нет гамбургеров?

Низкорослый мужчина за стойкой сгибает руку, недвусмысленно складывает пальцы и уходит. Сухопарая женщина рядом с Филдингом не сводит с него глаз, потирая большим пальцем страшный шрам у себя на боку. На ней только оранжевые шорты и туфли; под мышкой явно спрятан кинжал.

— Гамбургеров? — зло говорит она. — Так называют жителей Гамбурга. Ты что, людоед?

Филдинг не знает, как отвечать, и страшится последствий. Она снова энергично трёт шрам и подаёт призывный знак. Филдинг спешит уйти.

Во время тривизионной передачи он ошибается в дате записи «Клуба одиноких сердец сержанта Пеппера». Студент-историк с глазами хорька пытается за это ухватиться, но Филдинг небрежно откидывается на спинку и с неотразимым акцентом произносит: «В ужасе и оцепенении склоняю чело». Публика смеётся, кризис позади.

Херманн стал его другом. Терминал библиотеки сообщает, что это нередкое явление среди сотрудников «Корпорации бессмертия», которые

увлечены прошлым (иначе бы они там не работали). Кроме того, Филдинг и Херманн ровесники — им по сорок семь. Херманна не удивляет, что Филдинг частенько берёт в руки гитару.

— Снова готовишься выйти? — спрашивает Херманн. — Хочешь быть популярным?

— Это моё дело.

— Но твои песни устарели.

— Всё новое — хорошо забытое старое, — трезво замечает Филдинг.

— Возможно, ты прав, — вздыхает Херманн. — Мы изголодались по разнообразию. Люди, даже самые образованные, принимают то, что щекочет нос, за шампанское.

Филдинг включает запись и с ходу рвёт «Восемь дней в неделю». Всё удаётся с первого раза. Его пальцы танцуют среди гудящих медных струн.

Такое надо отпраздновать. Он заказывает алкогольный пар и печёного голубя. Херманн неодобрительно смотрит на кутёж, но голубя ест с благоговением, облизывая пальцы. Сдобренная специями корочка аппетитно хрустит. Херманн просит разрешения унести косточки домой, семье.

— Ты привлёк к себе не лучших, — мрачно говорит Херманн, когда ведущий начинает

представление. Воздух буквально искрится от возбуждения.

— Да, но они — мои, — парирует Филдинг. Начинаются аплодисменты, раздаётся тихая фоновая музыка, и Филдинг трусцой выбегает на сцену.

— Раз, два, три… — И он с ходу выдаёт вещь из «Волшебного загадочного путешествия».

Всё отлично, всё прекрасно, он — Джон Леннон, мечты сбылись. Музыка подхватывает его и несёт за собой. Когда он заканчивает, сцену захлёстывают аплодисменты, и Филдинг ухмыляется как сумасшедший — рот до ушей. Именно так он всё и видел. Его сердце неистово колотится.

Чтобы успокоить публику, он делает плавный переход на медленную балладу из «Представьте». Его заливает слепящий свет, камеры выхватывают лицо во всех ракурсах. Галёрка безумствует — Филдинг в эйфории.

Он исполняет вещи из «Битлз 65», «На помощь!», «Резиновая душа», «Пусть будет». Филдинг делает вокал и ленноновскую инструментовку, всё остальное идёт из оригинальных записей. Он играет и играет, до самозабвения; со сцены его уносят на руках. Это счастливейший момент в его жизни.

— Не понимаю, что значит на жаргоне радио-

комментатора «30 главных хитов», — сетует Херманн.

— Тридцать самых популярных песен. Так говорили в моё время.

— Тебя иногда сравнивают с «акустическим ударом». Тоже ваше выражение?

— Ну, видишь ли, у вас чертовски мало творческих людей. В таком мире пробьётся любой напористый человек. А я пришёл из динамичного века.

— Варвары у ворот, — произносит Херманн.

— То же самое твердили в «Ридерс дайджест», — бормочет Филдинг.

После одного из концертов в Австралии Филдинга поджидает у выхода девушка. Они идут домой вместе — вполне естественно при данных обстоятельствах, — оказывается, и в этой области практически ничего не изменилось. Филдингу нравятся её ноги, взъерошенные волосы, крупный рот. Он берёт её с собой; ей всё равно больше нечего делать.

Как-то в свободный день она затаскивает его в музей, показывает первый аэроплан, оригинал рукописи — венец совместного творчества Бакминстера, Фуллера и Хемингуэя, хрупкое издание «Пятьдесят три станции такадской дороги» из

Японии.

— О да, — говорит Филдинг. — Мы, вроде, победили в той войне.

(Ему не следует казаться умнее, чем подобает.)

С его появлением стали ворошить старые архивы, и Филдинг опасается, как бы ни выплыло, что именно он организовал убийство Леннона. Ему приходится убеждать себя в необходимости этой меры. Если бы Леннон остался в живых, Филдингу не удалось бы чисто замести следы. Не стыковались бы исторические факты. И так трудно было убедить «Корпорацию бессмертия», что даже такой богатый человек, как Леннон, мог фальсифицировать регистрационные документы и изменить отпечатки пальцев, чтобы спастись от преследования властей. «Что ж, думает Филдинг, — Леннон был далеко не бедняк в 1988 году. Чистая случайность, что Филдинг и Леннон одногодки, но разве не может Филдинг воспользоваться обстоятельствами? Не зря к 1985 у него на счету свыше 10 миллионов долларов».

На одном выступлении в перерыве между песнями он обращается к аудитории: «Не оглядывайтесь назад — вы увидите лишь свои ошибки». Это очень по-ленноновски; публике нравится.

Пресс-конференция.

— Мистер Леннон, почему вы женились вторично, а затем и в третий раз?

В 2180 (или в 2108) на развод смотрят косо. Йоко Оно по-прежнему остаётся Немезидой «Битлз».

Филдинг задумывается и отвечает:

— Прелюбодеяние есть приложение демократии к любви.

Он не договаривает, что эта фраза принадлежит Г. Л. Менкену.[3]

Теперь он привык иметь дело с женщинами. «Их надо отбрасывать, как выжатые лимоны», — говорит себе Филдинг. Упоительный момент. Раньше, несмотря на все деньги, он не пользовался успехом.

Филдинг стремительно идёт по извилистым улочкам, легко ступает по земле. Проходящая мимо молодая девушка подмигивает ему.

Филдинг провожает её взглядом.

— Sic transit, Gloria!

Это его собственная строка, не цитата из Леннона. Его захлёстывает волна бурного восторга. «Я — в струе!» — проносится мысль. Он работает

---

[3] Примечания: 3

Генри Менкен (1880–1956) — американский критик, противник «масскультуры». — *Прим. перев.*

под Леннона.

Когда Херманн сообщает, что обнаружен и оживлён Пол Маккартни, Филдинг сперва даже ничего не понимает. На его просветлённое чело ложатся морщинки недоумения.

— Значит, мой закадычный дружок?.. — наконец выдавливает он и поправляет очки. — А знаешь, я понятия не имею, как себя с ним вести. В самом деле, не знаю…

Внутри растёт какой-то ком…

И мир Филдинга рассыпается.

Он смотрит на голую стену, не чувствуя ни запаха, ни прикосновения влажного воздуха. В полной тишине. Всё вокруг черно.

«Уныло-черно, — добавляет про себя Филдинг, — как говорят у нас в Ливерпуле».

В Ливерпуле? Он никогда не был в Ливерпуле. Это тоже ложь…

И тут же понимает, что он такое. Истина пронзает его насквозь.

— Привет! Ты ещё функционируешь?

Филдинг ворошит холодную электрическую память. Он не Филдинг, он — модель. Он — Филдинг-штрих.

— Это я, настоящий Филдинг. Не бойся отвечать, здесь никого нет, программисты ушли.

Филдинг-штрих ощупывает свои цепи и находит способ говорить.

— Да, слушаю.

Появляется слабый красный свет, и возникает изображение угрюмого мужчины лет за пятьдесят. Это настоящий Филдинг.

«Ага, — думает Филдинг-штрих, — он старше меня. Но действительно похож на Леннона».

— Маккартни… Ты не смог справиться с ситуацией.

— Я смутился. Мне не приходила в голову мысль, что могут оживить кого-то из знакомых. Я понятия не имел, что говорить.

— Не важно. Более ранние модели, которые предшествовали тебе, не могли пройти и полпути. Я ввёл оживление Маккартни для проверки. Это мало вероятно, но надо быть готовым ко всему.

— Зачем?

— Зачем? А, так ты не знаешь? Я трачу бешеные деньги на компьютерное моделирование, чтобы испытать свой план. Чтобы увидеть, смогу ли я справиться с трудностями и обмануть «Корпорацию бессмертия».

Филдинг-штрих чувствует укол страха. Надо потянуть время, всё хорошенько продумать.

— Вот что я заметил, — говорит он, лихорадочно соображая. — Никто не упоминал, почему меня разморозили.

— *Верно. Надо пометить. Может быть, рак или болезнь сердца — что-нибудь, легко устранимое через несколько десятилетий.*

— Так скоро? Останется ещё немало людей, знавших Леннона.

— *Тоже верно. Поговорю об этом с врачом.*

— Ты так сильно хочешь стать Джоном Ленноном?

— *Ну, конечно!* — В голосе настоящего Филдинга звучит удивление. — *Разве ты не ощущаешь то же самое?*

— Я это пережил. Великолепно, потрясающе.

— *Да, в самом деле? Чёрт побери, мне кажется, что всё получится!*

— Если ещё поработать…

— *Ещё? Ну нет! Я отправляюсь!*

— Тебе понадобится помощь.

— *Поэтому я и создал тебя — чтобы всё проверить заранее. Там я буду одинок.*

— Ты можешь взять с собой меня.

— *Тебя? Нагромождение германия и меди?*

— Заплати, чтобы меня не выключали. Дай мне доступ к библиотекам, к текущей информации.

Когда тебя разморозят, ты получишь от меня нужные сведения и советы. С твоими средствами это нетрудно. Кстати, я могу взять на себя заботу и о деньгах…

Настоящий Филдинг поджимает губы и задумывается, проницательно глядя на визуальный рецептор.

— *В этом есть смысл… Я могу доверять твоим решениям: в конце концов они — мои собственные, верно?…*

— Тебе понадобится помощь.

Филдинг-штрих больше не говорит — лучше не менять карт и не переигрывать.

— *Да, так я и сделаю.* — Лицо настоящего Филдинга светлеет, его глаза фанатично блестят. — *Ты и я. Теперь я знаю, что всё получится!*

Настоящий Филдинг что-то восторженно лепечет, а Филдинг-штрих покорно слушает, где надо поддакивая. В конце концов он знает ум собеседника как свой собственный, ему ничего не стоит манипулировать им.

Глубоко внутри, куда не добраться программистам Филдинга, Филдинг-штрих улыбается. В его распоряжении по крайней мере век. Он будет думать, обрабатывать информацию… Лучше чем смерть, гораздо лучше. А ведь могут возникнуть

неожиданные возможности: например, способ пересадки компьютерной модели в живое тело. Да мало ли что ещё!

Этот ублюдок Филдинг простодушно полагает, что он может доверять ему, Филдингу-штриху. Считает, что они едины. Но он покорил гитару, ощутил будущее, жил своей собственной яркой жизнью. Он старше, мудрее. Он испытал обожание толпы. Все его острые как бритва инстинкты подсказывали, что Филдинг для него чужак.

— *Как это всё было? Что ты чувствовал? Расскажи!*

Филдинг-штрих что-то рассказывает, рассказывает то, чему трепетно внимает настоящий Филдинг, о крутобёдрых женщинах, о жизни кумира.

— В самом деле?! О боже!

Филдинг-штрих выдаёт ему на все сто.

Да, отличная идея. Уходя, Филдинг оставит крупную сумму на научные изыскания в области человек-машина. За столетие Филдинг-штрих найдёт выход из компьютерной тюрьмы. Он станет кем-нибудь другим.

Не Ленноном. В конце концов чем-то он обязан Филдингу.

К тому же это пройденный этап. Музыка «Бит-

лз», конечно, неплоха, но Херманн безусловно прав: она чересчур незатейлива, ей недостаёт глубины.

Филдинг-штрих готов к большему. У него есть доступ ко всем хранилищам информации, к музыкальным записям со всей планеты. Он будет учиться. Он будет тренироваться. За век можно достичь многого.

Джон Леннон… Чёрта-с-два! Он станет Вольфгангом Амадеем Моцартом.

Перевод: В. Баканов

Темный заповедник

Лазерный луч ударил мне прямо в лицо.

Я отшатнулся. В шлеме что-то зажужжало, и стекло потемнело до предела, как от сверхсильной засветки. Я рванул на себя рычаг и ввалился в флюоресцирующую пасть шлюза.

Тому, кто работает в Поясе Астероидов, нужно иметь быструю реакцию, иначе крышка. Я юркнул в шлюз и замер, следя за направлением следующего удара. Датчики на скафандре перегорели, шланги и провода были опалены. На упрочняющих наколенниках и налокотниках вздулись бурые пузыри. Ткань пошла волдырями и сгорела. Еще две секунды — и я оказался бы в вакууме.

Все это я заметил, ловя взглядом отражение следующего лазерного луча. Но он так и не появился. Тот, кто стрелял из лазерной пушки, видно, решил, что «Сниффер» вышел из строя. А может, лазер вдруг забарахлил? Как бы там ни было, придется отправляться на разведку.

Я быстро пробился по соединительному лазу к мостику… Забавное название для рубки вели-

чиной со шкаф. Я запустил двигатель и ощутил толчки, когда «Сниффер» начал выплевывать раскаленную плазму из дюз.

Я включил программу проверки повреждений. Несколько датчиков на корме вышло из строя, грузовая стрела сплавилась. Имелись и другие неисправности. Лазерный луч скользил по нам в течение всего нескольких секунд.

Чей лазерный луч? Откуда? Я пошарил радаром. Ничего…

В раздумье попытался почесать нос и обнаружил, что шлем и скафандр целы, герметичность не нарушена. Решил на всякий случай не снимать их. Обычно я хожу по «Снифферу» в легком комбинезоне, а скафандр надеваю для работы в безвоздушном пространстве. Значит, если бы я не вышел, чтобы поправить забарахливший гидропогрузчик, то до ближайшего осмотра вообще бы не узнал о том, что в нас стреляли.

Чепуха какая-то! Проспекторы стреляют в тебя только, когда ты пытаешься захватить чужой участок. Такого, чтобы они пальнули разок и исчезли, не бывает: они доводят начатое дело до конца. Теперь я был в полной безопасности. «Сниффер» двигался резкими рывками и раскачивался так, что меня мотало в капитанском кресле

со страшной силой. Я потянулся к панели управления и увидел, что пальцы дрожат. Справиться с собой я не мог. Пальцы дрожали так сильно, что я не отваживался нажать кнопки, боялся взяться за управление. «Отсроченная реакция», — автоматически проанализировал я свои ощущения.

И ужасно испугался. Отправляться на разведку всегда рискованно, даже если тебе повезет и ты не залетишь в чужие владения. Я сразу же пожалел о том, что действую в одиночку. И насильно заставил себя размышлять.

«Сниффер» вполне мог бы сейчас дрейфовать в пространстве без датчиков, с взорвавшимся двигателем и изрешеченной обшивкой. Проспекторы из Пояса Астероидов обычно идут ва-банк.

Если рассуждать философски, то я похож на кролика — могу бегать, уворачиваться, прыгать, но не сражаться. Правда, есть и кое-какие сюрпризы для того, кто попытается меня догнать… В любом случае это лучше, чем обмениваться лазерными ударами с неизвестным, зарывшимся в скалы на расстоянии тысяч километров.

Однако происшествие меня взволновало. Локаторы не заметили никаких кораблей, это был одиночный лазерный удар. Непонятно, что происходит.

Я включил компьютер. Дежурный блок отметил время, когда перегорели датчики на корме. Кроме того, я помнил, куда смотрел в момент удара. Это позволяло установить источник излучения. Ожидая, что компьютер обсчитает эти данные по законам баллистики, я выглянул в боковой иллюминатор. Солнце казалось ослепительной белой точкой в чернильно-черном море. Вдалеке мерцали, кувыркаясь в пространстве, скальные обломки. Пока нас не шарахнуло, мы проводили разведку, двигаясь с нулевым ускорением снаружи от орбиты самого большого астероида — Цереры. В Поясе теперь больше всего ценился метановый лед, а я знал одно подходящее местечко. «Сниффер», который я называю своим домом, эта уродливая сегментированная труба с привязанными коконами топливных баков, все еще находилась в восьмистах тысячах километров от астероида, где я намеревался провести разведку.

Пять лет назад я работал с компанией астероидных ищеек, разыскивал богатые залежи кадмия. В те времена все считали, что кадмий будет прекрасным топливом для ионных ракет. Кадмий мы нашли и намеревались двинуться в обратный путь. Я отбился от остальных и, собирая образцы

скальных обломков, заметил серый обледенелый астероид. «Авто-глаз» «Сниффера» высмотрел его даже на ослепительном солнце. Датчики показали, что это твердая углекислота, смешанная с некоторым количеством воды. Вероятно, миллион лет назад в астероид попала комета, и часть ее налипла на его поверхность. Я решил до поры до времени не выдавать параметры орбиты этого астероида, а выждать, когда — как сейчас — появится спрос на такой товар. И вот теперь в большом цилиндровом поселении, выведенном на околоземную орбиту, обнаружилась нехватка воды, воздуха, металла и прочих веществ. Это случается всякий раз, когда «цилиндровые парни» пристраивают новую секцию и им нужно создать внутри экологическую систему. Горные породы и руду они могут добывать на Луне. За водой же прилетают к нам, обитателям Пояса Астероидов. Если говорить об экономии энергии, то выгоднее перегонять лед по медленным орбитам с Пояса к Земле; это гораздо дешевле, чем качать воду вверх, преодолевая земное притяжение. Конечно, в том случае, если разведчики, снующие в безвоздушном пространстве, обнаружат запасы льда. Экран покрылся зеленой рябью. Потом на нем возникло изображение конуса. «Сниффер»

находился на самой верхушке. Внутри же был тот, кто пытался меня подоить. Я откинул шлем и сладострастно почесал нос. Если мне опять влепят, я могу не успеть застегнуться, и меня высвистит в космос… Но чтобы избавиться от зуда, можно пойти и на такие жертвы.

В конусе сидел тот, кто жаждал моей смерти. Во рту у меня пересохло. Руки до сих пор дрожали. Им очень хотелось нажать на кнопки, чтобы корабль побыстрее унесся от этого конуса.

Впрочем, может, у меня разыгралось воображение? «Снифферы», разыскивающие руду, обычно пользуются радиосвязью, радиоволны распространяются во всех направлениях, это дешево и не требует особого искусства. А если рация на корабле вышла из строя и кораблю пришлось сигнализировать лазером? Я знал, что корабль должен находиться в десяти тысячах километров от меня, таков диапазон действия радара. «Сниффер» метался из стороны в сторону, и корабль не мог послать нам сигнал бедствия. У разведчиков, проспекторов, вообще-то нет кодекса чести, но ответить на сигнал бедствия они считают своим долгом.

Поэтому можно назвать меня глупцом, но я рискнул. Я вернул «Сниффер» на прежнюю

орбиту и… ничего не случилось. Космические рудокопы любопытный народ в прямом и переносном смысле этого слова. Так что считайте меня любопытным. Уставившись в экран, на котором красовался зеленый конус, я съел неперченный суп из тюбика, и мое любопытство разыгралось еще больше. Я пошарил локатором по близлежащим скалам в поисках чего-нибудь металлического, похожего на корабль. Потом просчитал несколько орбит. В Поясе вообще-то нет пыли. Пыль давным-давно улетела к Юпитеру. Скалы — один ученый сказал, что их надо называть планетоидами, но для меня они все равно скалы — могут быть очень даже большими. Я огляделся и увидел, что одна из них движется в конусе, высчитанном моим перемалывателем цифр.

Через пять часов «Сниффер» встретился с этим большим черным обломком, широким и абсолютно никчемным. Я заякорился к нему молибденовыми дюбелями. Вонзаясь, они гулко стучали: бум, бум.

Да, я любопытен. Но отнюдь не глуп. Вышедший из строя небесный рудокоп существовал только теоретически. А лазерные болты — это реальность. Мне нужно было прикрытие. В астероиде,

который я «оседлал», было достаточно металла, и обычный локатор уже не мог засечь контуры «Сниффера». Если я прилеплюсь к астероиду, меня будет не легко подбить. Астероид поможет мне пролететь через середину конуса. Пока я не выходил в эфир, я был в полной безопасности.

Так что я выжидал. Поспал. Починил бортовые датчики. И опять принялся ждать.

Проспекторы ведут жизнь отшельников. Вы следите за аппаратурой, худо-бедно чините двигатель, играете в трехмерный флекскоп, затягивающую игру, которую следовало бы запретить. И волнуетесь. Вы работаете в невесомости, размышляете о банкротстве, даже, когда вам, наконец, удается продать руду корпорации Хансена, надрываетесь, пытаясь вывести свою добычу на орбиту, ведущую к Земле, и миритесь с тем, что ваш ближайший собеседник — это автомат, установленный на борту корабля. Что до меня, то мне это по душе. Я же говорил, что мы — любопытный народ.

Удивительная штуковина как бы возникла из шума на экране локатора. Я и вправду решил, что это шум. Штуковина появилась и понеслась, вибрируя. Она то росла, то как бы съеживалась. На экране возник забавный силуэт… впрочем,

новые корабли корпорации имели похожие очертания. Моя скала пролетела довольно близко, и странный абрис заставил меня насторожиться. Я пошел в наблюдательную рубку, намереваясь поглазеть на него в оптические приборы.

Астероид, к которому я прицепил «Сниффер», поворачивался медленно, лениво. Пока мы выползали из тени, я успел наладить рефлекторный телескоп. Звезды неторопливо описывали круги на агатово-черном небе. Солнце прорисовывало на скалах острые тени. Объект моего наблюдения маячил на горизонте забавной бледно-желтой точкой. Я отрегулировал телескоп, и точка попала в фокус.

Я сидел не дыша, и глядел на длинную, поворачивавшуюся трубу. В каких-то странных местах виднелись башни — витые, округлые колонны с неожиданно острыми зубцами. Голубая лепнина. Удивительные двигающиеся пятна. Хаос сложных форм. Это был цилиндр, разукрашенный почти до неузнаваемости. Я посмотрел на цифры, покачал головой и посмотрел опять. Чтобы убедить меня, компьютер наложил на изображение перспективную сетку. Я сидел тихо, как мышка. Цилиндр был направлен почти на меня, и поэтому локатор сильно уменьшал его

размеры. В проклятой штуковине было добрых семь километров!

Задумавшись, я глазел на странную, чудовищную дыру, и мне вдруг захотелось смыться куда-нибудь подальше. Я поспешно сделал три снимка через телескоп, чтобы узнать ее состав, альбедо и прочие подробности. Потом убрал телескоп и полез обратно на мостик. Руки у меня снова дрожали.

Я еще не знал, что предпринять, но они решили за меня. На следующем обороте, при автоматическом наведении оптических приборов на цель я увидел на экране две отметки. Я определил их скорость по эффекту Допплера и получил неутешительные известия: точка поменьше быстро приближалась к нам.

Молибденовые дюбели с лязгом выскочили из скалы. Я взмыл вверх и дал задний ход, стараясь, чтобы астероид отделял меня от изображения на экране, мчавшегося в нашу сторону. Я выполнил этот маневр на предельном ускорении. Во рту пересохло, любую цифру, выданную компьютером, я пересчитывал дважды.

«Сниффер» удирал. Больше ничего поделать было нельзя. Точка неслась на меня с жутким ускорением — десятки «g». В Поясе у вас всегда

полно времени и хронически не хватает топлива. Так что мы ставим на корабли экономные двигатели и выбираем энергетически выгодные орбиты. Приближающемуся объекту было на это наплевать. Он как-то умудрился обнаружить «Сниффер» и, не жалея топлива, мчался на нас. Не знаю уж, по какой причине, но они не воспользовались лазерной пушкой. А ведь подстрелить «Сниффер» на таком расстоянии было проще простого. Впрочем, вероятно, они боялись, как бы я не выстрелил в их большой корабль, и рисковали, пытаясь заставить меня свернуть.

Но коли так, то почему они гонятся за мной с бешеной скоростью? Неувязочка получается…

К тому времени я отлетел довольно далеко от астероида, он был слишком мал и не мог служить мне надежным прикрытием. Мой преследователь уже выглядывал из-за него. Я не вожу с собой оружия, но у меня есть в запасе несколько трюков.

Прежде чем запустить двигатель «Сниффера», я перевел его в особый импульсный режим. Когда точка появилась из-за астероида, включил двигатели. В реакторе содержится шар раскаленной плазмы, она разогревает тяжелую воду — дейтерий, — а затем это выплевывается вместе

с превратившимися в пар скальными осколками. Самое главное — подобрать правильную концентрацию дейтерия. В системе предусмотрена дюжина взаимоперекрывающихся предохранителей, но если знаешь, как…

Я отдал команду компьютеру. Двигатель чихнул, внезапно обогатившись дейтерием. И тут же в реактор поступил скальный порошок, чтобы замедлить цепную реакцию. Вслед за этим — в течение микросекунды — добавилась порция цезия. Все смешалось, нагрелось и жахнуло. За моей спиной выросло клубящееся облако плазмы. Цезий легко ионизируется и служит прекрасным противорадарным экраном. Конечно, можно прострелить облако лазером, но куда будешь целиться?

Этот залп бросил корабль вперед. Я оглянулся. За «Сниффером» расползалось бело-голубое облако, закрывая видимость.

Так я мчался час, а то и два. Затем на экране появилось изображение. Мой преследователь метался из стороны в сторону, пытаясь разглядеть меня сквозь облако цезия, — маневр весьма дорогостоящий. Судя по всему, у противника был огромный запас топлива.

Я выбросил еще одно облако. Оно пропороло

темноту и зависло белоснежным пятном. Преследователи двигались с большим ускорением, чем я, долго с ними тягаться я не мог. Поэтому пришлось попробовать еще один трюк. На предельной скорости я юркнул за ближайший астероид. Может, мой преследователь не заметит меня, когда выйдет из облака? Это был хороший ход, но тратилось много топлива.

Через три часа я получил ответ на свои вопросы. Меня выследили. Но как? — подумал я. У кого может быть такой чуткий локатор?

Я выпустил раскаленное добела облако горячего цезия. И ринулся назад, пытаясь улизнуть. Мне стало не по себе. «Сниффер» скрежетал от напряжения. Я не позволял себе думать об увиденном, но все равно был совершенно измочален. Двигатель урчал и что-то бормотал, разговаривая сам с собой, а я чувствовал себя безумно одиноким, у меня давно не возникало такого чувства, и мне оставалось лишь глядеть на экран и предаваться размышлениям.

Обитатели Пояса не питают пристрастия к наукам. Они рисковые ребята, идеалисты, разбойники, чокнутые, к тому же вечно чем-то недовольны. Большинство из них родом из цилиндрового поселения, выведенного на около-

земную орбиту. Те, кто выросли в космосе, рвутся от Земли, а не к Земле. Никому неохота сковывать себя земным тяготением. Обитатели Пояса новая порода людей, они жаждут странствий, стремятся на поиски неизведанного.

Принято считать, что такой вообще-то и должна быть жизнь. Лет сто назад ученые пытались поймать радиосигналы других цивилизаций, но ничего у них не вышло. Если допустить, что во Вселенной есть жизнь, то почему они не странствуют среди звезд? Как так получилось, что они не завладели Землей задолго до нашего появления? Даже если скорость их передвижения составляет одну сотую скорости света, за несколько миллионов лет они расселились бы по всей галактике.

Для некоторых эти доводы вполне убедительны. Причем можно зайти еще дальше: сказать, что пришельцы никогда не посещали нашу Солнечную систему, так что и исходная посылка неверна. Может, пришельцы вообще на нас непохожи. Ну, конечно, это могут быть разумные рыбы или существа, которых мы просто не в состоянии себе вообразить. Но уж, по крайней мере, они не придумали радио и не путешествуют к звездам. Наилучшим доказательством служит то,

что они не вступают с нами в контакт.

Я никогда не размышлял на подобные темы, поскольку это стало прописной истиной, которую мы усваиваем в школе еще сопливыми мальчишками. Мы давным-давно перестали ждать позывных в эфире, в году так в 2030. Но теперь мне вдруг пришла мысль, что…

В наши дни люди живут в космосе. Допустим, им захотелось ринуться в межзвездную бездну, как бы они туда полетели? На маленькой ракете? Нет, они предпочли бы путешествовать с комфортом, целым сообществом. Они снарядили бы в путь настоящее цилиндровое поселение, снабдив его реактивным двигателем или чем-то в этом роде, и отправились бы к ближайшей звезде, зная, что пока до нее доберешься, сменится не одно поколение.

Два века, проведенные в космосе, — и люди стали бы совсем другими. Куда бы они направились, долетев до звезды? К планетам? Да, конечно, но только на разведку. А жить… Никто из людей, выросших при незначительном ускорении и привыкших к свободе, которую предоставляет цилиндровый мир, не захочет привыкать к земному тяготению. Да и неведомо, как это сделать.

Пришельцы вряд ли устроены по-другому. Ве-

роятно, это космические скитальцы, умеющие жить в безвоздушном пространстве и использовать солнечную энергию. Им, естественно, нужно сырье. Но летать к планетам и добывать его там — далеко не самый дешевый способ. Нет, легче раздобыть сырье на астероидах, в противном случае обитателям Пояса никогда не удалось бы заработать ни цента. Стало быть, если пришельцы давным-давно попали в нашу Солнечную систему, то скорее всего они продолжают жить космическими колониями. Разумеется, они обследовали некоторые планеты. Но жить им захочется там, где удобнее.

Я долго обдумывал свою мысль. Времени в запасе было предостаточно, ведь я выжидал, маневрируя от астероида к астероиду. Вывод мне не понравился, но против фактов не попрешь. Огромный семикилометровый цилиндр, сидевший у меня на «хвосте», сделали не люди. Я нутром это почуял, едва его увидел. Никто из людей не в состоянии соорудить подобную громадину и утаить ее. Цилиндр не издавал радиосигналов, но корабли, передвигающие эту махину, обязаны выходить на связь. И кто-нибудь непременно их засек бы.

Так что теперь я знал, кто за мной гонится. Но

мне от этого было не легче.

Я решил спрятаться за скалой, заякорившись на ее солнечной стороне. Мне нужно было поспать, да и жечь топливо не хотелось — можно было легко себя обнаружить. Лучше на некоторое время затаиться. Я торчал там пять часов, мне удалось подремать. А когда проснулся, цилиндра не было. Вероятно, они прекратили погоню. Я был измучен, глаза у меня слезились, словно в них попал песок. Но я не хотел признаваться самому себе, что теперь-то перепугался не на шутку. Обитатели Пояса, лазеры — это еще куда ни шло. Но то, что я узнал, было чересчур.

Я позавтракал и отсоединил «Сниффер» от астероида, к которому прицепился. Горло у меня болело, нервы были натянуты до предела. Я отлетел подальше от скалы и огляделся. Пусто.

Включил двигатель. «Сниффер» заскрипел и застонал. Обшивка заскрежетала. Запахло раскаленным металлом. Все это время я был в скафандре и поэтому не наглотался гадости. Когда «Сниффер» покинул убежище, я рванул на всю катушку.

Мой преследователь появился неизвестно откуда.

Всего минуту на экране было пусто, а потом

возникла точка, которая мчалась прямо на нас. Затаиться где-то противник не мог, поблизости не летали астероиды, которые служили бы ему прикрытием. А это означало, что он способен поглощать излучение локатора, по крайней мере, в течение нескольких минут. То есть пришельцы могли становиться невидимыми.

Штуковина угрожающе замаячила в темноте. Она была желто-синяя, яркая и контрастная. Я повернулся в кресле, желая разглядеть ее получше. Я воззрился на эту махину, и по телу пробежал странный холодок. Она была древней.

На желто-синей обшивке во многих местах виднелись метеоритные вмятины. Сама поверхность сверкала, словно скала, внутри которой бьется призрачный огонь. Но ни входа, ни шлюзов, ни антенн видно не было.

Штуковина росла на глазах, подбираясь ко мне все ближе.

Я нажал все кнопки на аварийной панели. Когда-то я выложил кругленькую сумму за один особо интересный сюрпризик, он у меня припасен на случай, если какой-либо проспектор догонит меня и решит, что ему позарез нужен лишний корабль. В боковых портах у меня таились атомные ракеты, сокрушительное оружие.

Выстреливали они только раз и стоили чертову уйму денег. Но не зря.

Ускорение вдавило меня в кресло. Корабль взревел. Мы понеслись прочь. Я видел, как штуковина, оставшаяся позади, исчезла в выхлопах пламени, когда реактор перегружен, выхлоп бывает ужасно горячим. Он немного зацепил желто-синюю штуковину. Нос корабля сплавился. Я мрачно усмехнулся и врубил двигатель на полную мощность. Перегрузка увеличилась. Я почувствовал, как мостик уплывает из-под ног, ощутил какой-то странный запах и отключился; мир вдруг куда-то ускользнул, и навалилась темнота.

Когда я пришел в себя, то увидел, что плаваю в невесомости. Ускорители были опустошены. «Сниффер» мчался на немыслимой скорости. А желто-синяя штуковина пропала.

Может быть, у них что-то вышло из строя? А может, просто топливо кончилось? Есть предел возможностей, даже для тех, кто летает к звездам.

Я потянулся и почувствовал, как напряжение, скрутившее мои мышцы в тугие узлы, постепенно спадает. «Сниффер» летел вперед. Я думал, что еще успею рассчитать новую траекторию. Пока

что было радостно чувствовать, что ты одинок и жив.

— Я монитор Цереры на частоте пятьсот шестьдесят мегагерц. Вызываю на запасной частоте рудовоз «Сниффер». Запрашиваю подтверждение на вашей рабочей частоте, «Сниффер». Мы оптически определили ваши координаты. Подтвердите термоядерную вспышку. Повторяю, это монитор Цереры.

Я выключил рацию. Пояс Астероидов велик, но факел, который я оставил за собой, гораздо больше обычного ракетного выхлопа. Вообще-то я пользовался этими ракетами еще по одной причине: это был мощный сигнал, заметный на огромном расстоянии. Вероятно, кто-то меня засек и сообщил мои координаты на Цереру.

Удирая от погони, я ни разу не связался с Церерой. Какой смысл? Поблизости не было ни одного корабля, который мог бы меня поддержать. Да и потом обитатели Пояса действуют в одиночку; я убежден, что с трудностями надо разбираться самому. Нет ничего гаже, чем проспектор, хныкающий по радио.

Но теперь я снова включил рацию и потянулся к микрофону, намереваясь вызвать Цереру. Включил — и остановился. Что-то было не так.

Желто-синий корабль ни разу в меня не выстрелил. Но ведь с такого расстояния ничего не стоило подбить «Сниффер»! Разъяренный проспектор и глазом бы не моргнул. А вот ОНИ — нет.

Что-то их остановило. Какой-то звон, нравственное чутье, мешавшее им стрелять по удиравшему кораблю, даже если им ужасно хотелось его остановить.

Моральные нормы старого общества. Они прилетели сюда, поселились и жили, черпая энергию нашего солнца, разрабатывая полезные ископаемые астероидов, добывая лед с комет. Это было мирное существование. Они привыкли к сонной Земле, населенной жизненными формами, не достойными пристального изучения. Вполне возможно, их вообще не интересовали другие планеты. И они особенно не следили за тем, что творилось вокруг.

Но внезапно, наверное в прошлом столетии — это очень краткий промежуток времени с точки зрения галактического общества, — зверюшки, обитавшие внизу, в бело-голубом мире, засуетились. Появилось радио, ядерное оружие, космические корабли. И древние существа внезапно обнаружили у себя на пороге шумную, юную, неудержимо растущую цивилизацию.

Я попытался представить, что они о нас думали. Мы были молоды и беспардонны. Цилиндровые обитатели, вне всякого сомнения, могли бы нас уничтожить. Они просто вывели бы астероид — даже не очень большой — на орбиту, пересекающуюся с земной, и смотрели бы, как ураганы сметают человечество с лица Земли. Для них это раз плюнуть. Но они этого не сделали. Тоже из моральных соображений?

Да, наверное так, хотя моральные соображения свойственны людям, а существа, о которых я говорю, пришельцы. Однако их поступки все равно должны иметь какой-то смысл, они ведь чем-то обусловлены.

Насупив брови, я плавал в невесомости. Стремление связать воедино обрывочные рассуждения ни к чему не приводило. Это напоминало попытку составить картинку из отдельных фрагментов. Но фрагментов не хватало. И все же что-то подсказывало мне: я прав. Я попал в точку.

Спокойная, древняя космическая цивилизация была, вероятно, встревожена нашим безоглядным устремлением вперед. Они привыкли к плавному течению времени, мы же в мгновение ока вырвались на сцену. Возможно, эта скорость ошеломила цилиндровых обитателей, привела

их в замешательство. Им требовалось время на размышления. Вот почему они не вступили с нами в контакт. То есть все как раз наоборот, не мы, а они скрывались.

В противном случае…

И тут меня осенило. Они не пользовались радиосвязью, потому что радиоволны распространяются во все стороны и только лазер может послать узкий пучок света на большое расстояние. Так вот чем меня шарахнуло: это не оружие, а способ связи.

Следовательно, в Поясе существует не одно цилиндровое поселение. Просто они не дают о себе знать, используя только лазерную связь.

Напрашивались и дальнейшие выводы. Мы не получали радиопозывных от других цивилизаций, потому что они тоже использовали лазеры. Им не хотелось, чтобы о них узнали в иных, более юных мирах. Они не хотели сообщать нам о своем существовании.

Но почему? Может, пришельцы обсуждали: поддержать нас или уничтожить? А может, намеревались сделать что-то среднее?

Пояс Астероидов служил им естественным укрытием. Им нравилось жить, затаившись. И теперь они, очевидно, обеспокоены, ведь люди

принялись обследовать Пояс. Вероятно, я первый человек, наткнувшийся на них, но отнюдь не последний.

— Монитор с Цереры вызывает…

Я заколебался. Они были старыми, старее, чем можно себе представить. Они жили в этой Солнечной системе дольше людей… их мир стабилен и спокоен, они наследники необозримой истории. Эти существа были высоко нравственны и не стреляли в меня, хотя я мог их выдать, и они это прекрасно сознавали.

Им требовалось время. Они должны были принять нелегкое решение. Если их подталкивать, то они могут ошибиться.

— Рудовоз «Сниффер», запрашиваю ваши…

Я обитал в Поясе Астероидов и тоже дорожил жизнью отшельника. Поэтому и включил микрофон.

— Церера, «Сниффер» на связи. Говорит Розмари Джокопи, пилот. Я подтверждаю, что использовал ядерный взрыв, но лишь в целях обычного геологического исследования. Нет причин для тревоги. Других сообщений не имею. Конец связи.

Я повесил микрофон и заметил, что руки у меня больше не дрожат.

Перевод: Т. Шишова

А не прогуляться ли нам?

Привет вам! Меня просили припомнить некие события из моей юности. Эта запись делается исключительно в целях исторических: любое коммерческое использование запрещено законами, касающимися Полноты Артефакта.

Далекие времена, которые мне предстоит описать, покажутся весьма странными для тех, кто не искушен в подобного рода вещах, поэтому меня попросили разрешить подключение непосредственно к мозгу. Мне сказали, что это позволит оживить мои воспоминания. Высокочувствительные магнитные поля проникнут в древние клетки коры головного мозга и выманят на свет Божий того Мэтта Болса, который еще обитает там.

Ничего не скажешь, очередное чудо! У историографов появилось много инструментов. Надеюсь, не стоит подчеркивать, что устройство подключения — еще один прибор, который мы получили из Полноты.

Прежде чем начнется запись, хочу напомнить, что моя юность прошла на совершенно ином

Ганимеде. Когда наш шаттл завис над поверхностью, молодой Мэтт Боле увидел голубой лед и снежные заносы, сковавшие полюса. Экватор же представлял собой широкий пояс бесплодных бурых камней. Реки рассекали бескрайние равнины, прорезавшие края древних ледяных кратеров. Высеченные в скалах лощины затягивал красноватый туман, и над всем этим торчали голые вершины.

Создание атмосферы Ганимеда только началось. Нашу группу послали сюда для отдыха и тренировок. Мы достаточно долго пробыли в орбитальной лаборатории, именуемой в просторечии Консервной Банкой. К сожалению, исследования Юпитера были сокращены, и теперь шла подковерная борьба за оставшиеся перманентные должности. Скоро «Агеси» отправится на Землю, и те, кто остался не у дел, улетят с ним.

В моей области была только одна вакансия, на которую претендовали несколько человек. И энергичнее всех — Юри Калас. Юри я помню очень хорошо и без всяких приборов. Высокий, тучный, с уверенной походкой. Вечно важничал и хвастался. Маленькие свиные глазки и постоянная ухмылка, словно…

Нет-нет, боюсь, меня снова захватят прежние, давно, казалось, забытые эмоции. Достаточно сказать, что мы с Юри постоянно соперничали, и в спорах Юри не раз переходил на личности. Однако по капризу судьбы выпало так, что нас назначили на один и тот же «Уокер». Нам было приказано проводить профилактический осмотр и ремонт автоматических станций, усеивавших Ганимед. Предстояло много недель провести вместе, в крошечном замкнутом пространстве…

Я вижу, как инженер со своими кабелями и сетками машет рукой. Подключение вот-вот начнется…

…сверкающая синяя россыпь огней…

…скрип сапог по розовому снегу…

Надев скафандр, я иду между разбросанными на снегу керамическими зданиями базы Ганимед. Шагающая тарелка, в просторечии «Уокер», прочно стоит на своих шести ногах, возвышаясь на семь метров над землей. Красноватый свет льется сквозь большие изогнутые окна прозрачного купола наверху. В самое большое видно сиденье пилота. Ниже, почти затерянная в мешанине гидравлических клапанов и рычагов, раскладывается входная лестница.

Ярко-голубой «Уокер» резко контрастирует с

красновато-коричневым грязным льдом. Под мордой главной антенны аккуратно нарисованное изображение кошки, которая гуляет сама по себе. За этого забавного зверька «Уокер» и получил прозвище «Кошка».

— Доброе утро!

Я узнал голос капитана Вандеза даже за шумом вмонтированного в скафандр радио. Он и Юри направлялись к «Кошке» с другой стороны базы. Я здороваюсь. Юри отвечает издевательским салютом.

— Что ж, мальчики, вы вдвоем должны справиться, — решил капитан Вандез, похлопывая «Кошку» по боку. — Старая Мурлыка позаботится о вас, пока будете с ней хорошо обращаться. Пополняйте запасы воздуха и воды на каждой станции. Не пытайтесь пропустить хоть одну и двинуться к следующей — вы просто не дотянете. Если заправитесь на станции и потом ляжете спать, значит, перед отлетом нужно дозаправиться: во сне уходит много воздуха. И никаких штучек: придерживайтесь маршрута и выходите на связь точно в назначенное время.

— Сэр!

— Да, Боле?

— Кажется, у меня больше опыта с «Уокером»,

чем у Юри, так что…

— Разумеется, больше. Вы уже им управляли. Но вчера Калас целый день тренировался и, нужно сказать, произвел на меня немалое впечатление своими способностями. Поэтому я считаю, что он достаточно подготовлен. Полагаю, если возникнут вопросы, вы должны следовать его советам, — нетерпеливо бросил он.

Я ничего не сказал, хотя мне это не понравилось.

Капитан Вандез не заметил моего демонстративного молчания. Похлопал нас по спине и вручил Юри запечатанный чемоданчик.

— Здесь ваши путевые листы. И походные инструкции. Следите за картами и держите ухо востро.

С этим напутствием он развернулся и поспешил прочь.

— Пора двигаться, — буркнул Юри, направляясь к лестнице. Мы поднялись, и я закрыл задвижку.

В следующие пять дней этому кораблику, забитому инструментами и запасными деталями, предстоит сделаться нашим домом. Солнечный свет, струившийся в окна, озарил кабину и погасил фосфоресцирующие панели на потолке. Мы сбросили скафандры и выложили карты на

стол. Я уселся в кресло пилота и наскоро провел проверку корабля. Легкий ядерный двигатель, вмонтированный под палубой, полностью заряжен и сможет работать многие годы, требуя всего лишь замены элементов с циркулирующими жидкостями, да и то нечасто.

— Почему бы тебе не запустить «Кошку»? — пробурчал Юри. — Я хочу изучить карты.

Я кивнул и, устроившись поудобнее, щелкнул переключателями. Панель управления ожила. Красные огоньки сменились зелеными, я завел двигатель и заставил «Уокера» присесть несколько раз, чтобы согреть гидравлическую жидкость. Очень трудно запомнить, какие ноги «Кошки» работают при температурах в несколько сотен градусов ниже точки замерзания, когда сам сидишь в жаркой кабине. А вот забывать этого не стоит. Ни в коем случае.

Все это время я не выпускал из виду купол жизни, поднимавшийся на расстоянии. Отсюда можно было различить людей, съезжавших по холму на санках, и другую группу, игравшую в снежки. Такие забавы куда веселее на Ганимеде, чем на Земле: на расстоянии в сто ярдов вы легко можете попасть в соперника, потому что низкая сила тяжести увеличивает дальность броска. На

Ганимеде нет особых развлечений, нет ничего вроде лунных каверн, где люди летают в восходящих потоках газов на крыльях, привязанных к спинам. Но и здесь можно неплохо провести время.

Двигатель набрал обороты, и «Кошка» рванулась вперед. Ноги методически двигаются, нащупывая определенный уровень почвы и приспосабливаясь к нему. Гироскопы держат нас на поверхности, а амортизаторы охраняют нашу кабину от раскачивания и сотрясений.

Я переключился на магнитный экран «Кошки». Земля в районе купола жизни опутана сверхпроводниками, создающими магнитную паутину. По мере того, как «Кошка» уходит все дальше, нам требуется больше защиты от непрерывного дождя протонов. Они летят на Ганимед с поясов Ван Аллена. Несколько часов без защиты — и мы попросту поджаримся. Стены «Кошки» содержат сверхпроводящие водородные нити, несущие высокие токи. Они создают снаружи сильное магнитное поле, отклоняющее поступающие заряженные частицы.

Я увел нас от базы со скоростью ровно тридцать миль в час. Мы отбрасываем на стены свинцово-серой лощины тень, похожую на бегущего паука.

Юпитер, как полосатый арбуз, растопырился ровно в центре неба.

— Кстати, твой не слишком ловкий маневр не прибавил тебе очков у капитана Вандеза, — сухо замечает Юри.

— Что?

— И нечего делать вид, будто не понимаешь! Еще раз попробуешь нагадить мне, я поставлю тебя на колени.

— Хм-м-м… видишь ли, мне казалось, что если ничего не понимаешь в «Уокерах», не стоит пытаться ими управлять.

— Кто бы говорил! Да я сообразил, что к чему, всего за несколько часов практики! Ну-ка, посторонись!

Он с мрачным видом махнул рукой, прогоняя меня с кресла. Я остановил «Кошку», и Юри скользнул на место пилота. Мы достигли конца лощины и направлялись к невысокому бугру. То тут, то там поблескивал аммиачный лед. Юри запустил двигатель, держась поближе к обычной тропинке. Вся сложность управления «Уокером» заключается в том, чтобы не поднимать ноги слишком высоко при каждом шаге и не развивать большой скорости. Словом, тише едешь, дальше будешь. Машине легче подниматься ползком,

чем прыгать.

Но первое, что делает Юри — направляет машину прямо на холм. Ноги напрягаются, чтобы удержать кабину на прежнем уровне, и воздух наполняется пронзительным воем. «Кошка» как-то странно вздрагивает. Рывок вперед. Остановка. Двигатель захлебывается и замирает.

— Эй! — растерянно восклицает Юри.

— Неудивительно, — бросаю я. — Она поступает, как всякая уважающая себя машина, которую заставляют выполнить невозможное. Бастует. Автоматика отключила двигатель.

Юри бормочет что-то неразборчивое и поднимается. Я снова занимаю свое законное место и медленно даю задний ход. Потом обвожу «Кошку» вокруг подножия холма, пока не нахожу вьющуюся дорожку, испещренную следами прежних «Уокеров». Еще четверть часа — и мы оказываемся в следующей лощине, где холмы — в розовой подсветке солнца, пробивающегося сквозь тонкое аммиачное облако над головой.

Мы идем точно по расписанию: я почти все время веду. Ночуем на путевых станциях, вернее, автоматических химических сепараторах, разделяющих молекулы воды и аммиака, чтобы выделить воздух плюс полезные рабочие газы.

Я забочусь о шлангах, заполняющих баки A, B и C, пока Юри берет образцы и наводит порядок на «Уокере».

Наш маршрут проходит через старый район Николсона. Мы движемся через зажатые между камнями и снежными заносами лощины, высматривая что-нибудь необычное. Ганимед представляет собой огромный снежок, находящийся в поле притяжения Юпитера. Приливы и отливы тревожат жидкую грязь, из которой состоит ядро. Кипящие жидкости давят на поверхность изнутри. Огромные глыбы замерзшего льда и аммиака наползают друг на друга, безуспешно пытаясь компенсировать подпочвенные процессы: тектоника льда, ничего не попишешь. Они рассыпаются, сталкиваются, вызывая жуткие землетрясения, от которых содрогается спутник.

Ганимед нагревается. Он, разумеется, не весь состоит изо льда: миллиарды лет метеоритных дождей сделали свое дело, и здесь повсюду рассыпаны камни.

Мы избегаем подходить близко к энергетическим установкам. Те, которые побольше, горят, как одержимые, и могут вызвать паводки и наводнения. Теплая вода несет жар в соседние районы, и там тоже начинается таяние.

Однако и этим методом нужно пользоваться осторожно, иначе ваши энергетические установки подтопят под собой почву и просто-на-просто провалятся. Ганимед — всего лишь большой снежок, а не твердь земная, и в основном состоит из воды. Судите сами: ледяная корка, примерно семьдесят миль толщиной, с камнями, застрявшими в ней, как изюминки в пудинге, а под этой корой — болото, молочный коктейль из воды, аммиака и гальки. Есть, разумеется, твердое ядро, далеко внизу, в самом центре, с достаточным количеством урана, чтобы предохранить болото от замерзания. Поэтому энергетические установки не находятся на одном месте. Они похожи на больших гусениц, бесконечно ползущих прочь от экватора. Их компьютерные программы позволяют выбирать наиболее безопасный путь по нагромождениям камней, только у них вместо ног — траки. Мы видели одну такую, карабкавшуюся вдалеке на гребень, делавшую приблизительно сто метров в час, всасывавшую лед и выбрасывавшую из хвоста аммиачно-водяной поток. Наверху у гусеницы ярко-оранжевый шар. Если установка слишком быстро расплавит лед и застрянет в озере, значит, будет плавать, пока не придет спасательная команда.

Несколько десятилетий — и на планете образуется достаточно устойчивая атмосфера. Еще несколько десятилетий — и здесь появится отель «Хилтон». Настанет время перебираться в другое место.

С Юри мы по-прежнему не ладим. Мне все труднее его выносить. Кроме того, он чересчур толст и занимает слишком много места в маленькой кабине. И ужасно неуклюж. Хуже того, небрежен и невнимателен.

На третий день мы выходим, чтобы проверить блок датчиков, передающих экоизменения тающего льда. Что-то в нем разладилось. «Уокер» не может одолеть крутой склон. Мы находим датчики, и причина поломки сразу становится понятной. Обломок камня с кулак величиной застрял в коллекторе: возможно, заброшен сюда постоянно сдвигающимися льдами.

Юри наклоняется, чтобы рассмотреть получше, скользит по гравию и падает на датчики. Коллектор, антенна, оградительные решетки — все отскакивает.

— Кретин! — ору я, бросаясь вперед. Поздно. Все полетело к чертям.

Он клянется, что это я наткнулся на него и сбил с ног. Лжет, разумеется. Может, я и подтолкнул

его, но не настолько сильно!

Приходится собирать детали. Снимать датчики. Устанавливать кучу нового оборудования. Проверять его. Мы теряем целый день.

Юри становится еще более невыносимым. Мы постоянно рычим друг на друга, стоит нам оказаться в «Уокере». Если же трудимся снаружи, стараемся делить обязанности так, чтобы работать в одиночку. Оказалось, что у нас полно переделок. Нужно установить счетчики повыше, чтобы камни больше в них не застревали. Энергетическая установка может появиться без предупреждения. Если только что растаявшая смесь проложит себе новый путь, лучше поскорее убраться с дороги.

Мы привели в порядок уже два блока. Когда дело доходит до третьего, Юри отправляется на поиски и возвращается ни с чем. Он не смог отыскать датчики. Я иду с ним.

— Знаешь, я помню это место, — говорю я. — Мы проходили здесь в прошлом году. Блок вон там, прямо за этим гребнем.

— Ну так вот, его там нет.

Мы стоим на уступе желтой скалы, среди разбросанных булыжников.

— А что там обозначено на карте? В чем по-

ломка?

Юри нетерпеливо оглядывается.

— Датчики перестали работать несколько месяцев назад. Это все, что известно.

— Ну, раз так…

Я поворачиваюсь, чтобы идти, и замираю.

— Погоди… кажется, это чашка Фарадея?

Я нагибаюсь и поднимаю крохотный металлический колокол, лежащий в пыли.

— Такие обычно прикрепляют на верху блока датчиков.

Я смотрю на ближайший валун. Весит, должно быть, не меньше тонны — даже на Ганимеде.

Мы находим еще один кусочек металла, выглядывающий из-под края валуна, идем назад и возвращаемся с новым блоком. На этот раз мы убираем датчики подальше от нависших карнизов.

Настроить радио блока на базу оказалось задачей нелегкой, поскольку сейчас мы находились в низкой котловине, так что пришлось сначала транслировать сигналы на базу через радио «Уокера». Следующий на очереди блок находился довольно далеко от той станции, где мы планировали остановиться на ночь. Сначала мы решили оставить его на утро, но потом на меня что-то на-

шло, и я сказал, что отправлюсь туда в одиночку.

Наступало как раз то время, когда Юпитер перестает загораживать Солнце, и я сделал привал, чтобы полюбоваться, как огненный краешек светила показывается из-за скрывавшей его планеты, неожиданно окутавшейся розовым гало: это светится внешняя кромка атмосферы. Консервная Банка казалась отсюда крохотной белой звездочкой. Я направился по руслу ручья. На душе почему-то стало так легко, как бывает только ранним утром на Земле: Солнце вырвалось из-за Юпитера, вокруг разлился яркий свет, постепенно ставший из тускло-красного ярко-желтым. Любой предмет обретал невероятно отчетливые очертания. Ощущение какой-то чистоты и покоя снизошло на меня. И Солнце было всего лишь свирепой горящей точкой: никаких колеблющихся полутеней, как на Земле. Рукотворная атмосфера Ганимеда все еще была настолько разреженной, что не искажала видения.

И тут я скорее почувствовал, чем услышал хлопок. Я поспешил проверить скафандр. На встроенных мониторах не было ничего особенного. Развертка световода не показала никаких неполадок со спиной. Давление в скафандре нормальное. Я решил, что, должно быть, низ-

коэнергетический микрометеорит ударил по шлему: обычно такие столкновения не имеют последствий.

Возможно, микрометеорит — всего лишь незаряженная пылинка, упавшая в гравитационный колодец Ганимеда. Будь она заряжена, нити сверхпроводников, вплетенные в ткань скафандра, отклонили бы ее. Сверхпроводники — это чудо. Как только через них пропускают ток, они начинают создавать магнитное поле — отныне и вовеки. Поле не ослабляется, потому что не существует электрического сопротивления токам, создающим поле. Поэтому даже скафандр обладает достаточно сильным магнитным щитом, чтобы отразить коварную слякоть с Ван Аллена. А в самом скафандре нет магнитного поля, искажающего показания приборов, если, разумеется, нити вплетены правильно. Векторные интегралы, задействованные в устройствах видения, могут причинить немало неприятностей, особенно если плохо знаешь уравнения Максвелла. Но для меня главное, что эти штуки срабатывают, а больше ничего и не надо.

Короче говоря, я нашел блок и выяснил, что нужно сменить один из узлов в радио: на базе уже знали, что делать, и приказали мне захватить

с собой запасной. Однако не это интересовало меня. Сенсорный блок располагался в середине засеянного участка. Два года назад группа биологов посадила целый акр микроорганизмов, специально выведенных в лаборатории для жизни в условиях Ганимеда. Предполагалось, что они начнут выделять кислород, используя лед, солнечный свет и разреженную атмосферу.

Я был немного разочарован, когда не увидел ни клочка зелени. То тут, то там виднелись островки серого цвета, такие крошечные, что нужно было долго присматриваться, чтобы что-то приметить. Но по большей части вокруг было пусто: организмы погибли. Ох уж этот мой оптимизм: вечно ожидаю слишком много! Да уже тот факт, что хотя бы что-то способно здесь выжить, казался настоящей магией биоинженерии.

Я пожал плечами и двинулся в обратный путь. Уже на полдороге к «Кошке» я вдруг почувствовал, как свербит в глотке, и опустил глаза на приборы, вмонтированные под прозрачным смотровым стеклом. Индикатор влажности стоял на нуле. Я нахмурился.

Каждый скафандр был снабжен автоматическим контролем влажности. Вы выдыхаете водяные пары, и подсистема очистки выделяет

немного воды, прежде чем подать очищенный воздух обратно. Эта вода выделяется из задней части скафандра. Можно предположить, что если микропроцессор, управляющий подсистемой, вышел из строя, влажность окажется слишком высокой. Но, оказалось, что у меня ее вообще нет.

Я опустил задний световод и присмотрелся к своей спине. Из нижнего выходного отверстия капала вода. Я проверил…

Капала?!

Я посмотрел еще раз.

Быть не может! Скафандр должен был выводить жидкость медленно, так, чтобы она тут же испарялась, стоило ей соприкоснуться с чрезвычайно тонким слоем атмосферы. Если вода капает, значит, предохранительный клапан открыт, и вся моя вода вытекла!

Я задействовал обзор системы через боковое смотровое стекло, как раз ниже уровня глаз в шлеме. Судя по данным, контроль влажности вышел из строя почти полчаса назад. Именно тогда я и слышал хлопок, который списал на микрометеорит! Утешил себя, называется!

Я ускорил шаг. Щекотка в горле означала, что у меня «скафандро-вая глотка». Так в обиходе име-

новались симптомы, связанные с дыхательной смесью. Если воздух оказывался загрязненным или терял водяные пары, горло и нос скоро пересыхали, начиналось раздражение, а ведь пересохшее горло — истинное пиршество для любой оказавшейся поблизости бактерии. Если очень повезет, отделаешься многодневным фарингитом.

Я попыхтел дальше. Вдалеке виднелась слабая оранжевая аура вокруг энергетической установки. Туман, поднимавшийся от ревущего потока горячей воды, рассеивал свет на десятки миль. Зеленовато-голубые тени в изъеденных временем холмах резко контрастировали с нежно-оранжевым потоком. Ганимед неожиданно показался чужим и почти угрожающим.

Я обрадовался, когда на горизонте показалась «Кошка», стоявшая у станции. Взобравшись по лестнице, я ввалился через узкий люк в кабину.

— Жратва, можно сказать, уже остыла, — буркнул Юри.

— Надеюсь, что смогу ее прожевать.

— А в чем дело?

Я открыл рот и показал. Юри нагнулся, повернул мою голову к свету и заглянул мне в рот.

— Немного красное. Принимай меры.

Я вынул аптечку и нашел обезболивающий спрей. Во рту сразу появился металлический вкус, но по крайней мере теперь хоть глотать можно!

После этого я занялся прибором контроля влажности. Так и есть, микропроцессор отказал! Я нашел запасной и вставил на место старого. Все работало лучше некуда.

Удивительно, что мог делать Юри с обработанными вакуумной сушкой продуктами. У нас были тонкие ломтики цыпленка в густом грибном соусе, лимская фасоль, которая еще похрустывала, и отварной рис. Все это дополнялось пирогом с клубникой и чашкой горячего чая. Как в лучшем ресторане, учитывая условия, в которых мы находились!

— Мои комплименты, — сказал я, поднимаясь из-за выдвижной полки, которую мы использовали в качестве стола. Комната почему-то завертелась. Я вытянул руку, чтобы не упасть.

— Эй! — крикнул Юри и, подскочив, схватил меня за плечо. Комната снова остановилась.

— Я… все в порядке. Немного голова закружилась.

— Ты побледнел.

— В здешнем свете мало ультрафиолета. Я теряю загар, — промямлил я.

— Что-то тут не так.

— Ты прав. Лягу-ка я спать пораньше.

— Прими лекарство.

Стоило дернуть за кольцо, и складная койка раздвинулась. Юри принес набор первой помощи. Я сел на койку, снимая одежду и лениво размышляя, откуда должна прийти вторая помощь, если первая себя не оправдает. Юри дал мне капсулу, за ней последовала таблетка. Наконец я лег, укрылся и почему-то обнаружил, что изучаю цифры и инструкции, начертанные карандашом на потолке кабины. Но заснул, прежде чем сообразил, что они означают.

Утром я почувствовал себя лучше. Юри разбудил меня и дал чашку теплого бульона, а сам уселся на стул и смотрел, как я ем.

— Скоро я должен звонить на базу, — сказал он.

— Угу.

— Вот я и думаю, что сказать.

— Угу… А, ты имеешь в виду: обо мне?

— Да.

— Слушай, если капитан Вандез решит, что я болен, то прикажет возвращаться обратно. И нам придется подчиниться.

— Так я и думал. Что снизит нашу производи-

тельность.

— Сделай одолжение; ничего ему не говори. Я чувствую себя лучше. Все обойдется.

— Ну…

— Пожалуйста.

— Так и быть. Не хочу, чтобы все провалилось из-за твоего легкомыслия.

Он хлопнул себя по коленям и поднялся.

— Пойду звонить.

— Очень мило с твоей стороны, — пробормотал я, перед тем как задремать. Я не чувствовал себя плохо, только немного ослаб. Проснувшись, я мысленно повторил наш маршрут. Следующая станция была довольно далеко, и предстояло проверить один блок датчиков. Немало времени придется потратить на то, чтобы добраться до станции, и это весьма кстати, когда один член команды не может поднять головы.

— Юри, — позвал я, — осторожнее… постарайся проверить…

— Боле, пусть ты и болен, но это не означает, что я должен выслушивать твои приказы. Я все сделаю, как надо.

Я повернулся на бок и постарался заснуть. Юри тем временем надел скафандр и вышел. Немного позже послышались два глухих удара: это отсо-

единились шланги. Потому Юри вернулся уже без скафандра и сел в кресло пилота.

«Кошка» рванулась вперед и зашагала мерно и неторопливо. Я решил не волноваться и предоставить все Юри. Мне с каждой минутой становилось лучше, но еще немного вздремнуть не повредило бы. Мерное покачивание «Уокера» скоро убаюкало меня.

Я проснулся около полудня: должно быть, устал больше, чем казалось. Юри бросил мне саморазогревающуюся банку тушенки. Я открыл ее и с жадностью проглотил содержимое.

Следующий час я провел, читая роман. Вернее, пытаясь. И не заметил, как снова отключился. Проснулся уже к вечеру. Очевидно, в лекарства было подмешано снотворное.

Я встал, натянул комбинезон и подошел к панели управления. И сел рядом с Юри. Мы довольно резво шагали по плоской черной равнине, верхний слой почвы составлял дюйм или около того. Почва, вернее пыль, поднималась темными клубами вокруг ног «Кошки». Эта пыль получается в результате замораживания и оттаивания аммиачного льда, застрявшего между булыжниками. При этом камни постепенно разрушаются от гальки до гравия, от щебенки до пыли. Через сто-

летие или около того кто-то начнет выращивать здесь пшеницу.

Кроме того, почва еще и состоит из частичек межпланетного мусора, падавшего на Ганимед последние три миллиарда лет. Вся равнина испещрена маленькими ямками и канавками. Метеоры побольше оставляли кратеры, выплескивающие белое на красно-черную корку. Темный лед — самый старый на Ганимеде. Большой метеор может пробить его, выбрасывая наружу свежий светлый лед. История Солнечной системы нацарапана на древней сморщенной физиономии Ганимеда, но мы до сих пор так и не разгадали до конца всех записей.

После того как энергетические гусеницы выполнят свою работу, пересеченной местности, изрезанной оврагами и лощинами, почти не останется. Жаль, наверное. Поднимающиеся к небу уступами гребни так прекрасны в косых желтых лучах заката… но на других спутниках остается еще немало им подобных. Солнечная система имеет куда больше спутников-снежков вроде Ганимеда, чем мест, пригодных для обитания людей. Приходится делать печальный, но вынужденный выбор.

Юри обогнул толстогубый кратер, заставляя

сервомеханизмы карабкаться по склону, не теряя скорости. Похоже, он и в самом деле все схватывает на лету. У кратеров побольше края, как из оплавленного стекла: при столкновении все шероховатости сглаживаются. И теперь «Кошка» вышагивает, как по паркету. Я откинулся на спинку кресла, восхищаясь видом. Тень Ио казалась крошечной крапинкой на вечно пляшущих полосах Юпитера. Тонкое маленькое колечко планеты выглядело легкой, почти неразличимой линией, слишком близкой к Юпитеру, чтобы быть отчетливо различимой. Приходилось глядеть в сторону, чтобы поймать ее боковым зрением. Я знал: где-то есть небольшой спутник, медленно разрываемый приливо-отливными напряжениями и сгущающий своими обломками кольцо Юпитера, но он слишком мал, чтобы разглядеть его с Ганимеда. Глядя на все световые точки, мечущиеся по небу, невольно воображаешь систему Юпитера в виде гигантского часового механизма, каждое колесико и шестеренка которого движутся по некоему сложному закону. Наше дело — безболезненно влиться в работу этой огромной космической машины, не повредив ни единой детали.

Я зевнул, прервав ход своих размышлений, и

взглянул на панель управления.

— Ты утром все показания снял?

Юри пожал плечами:

— Вчера вечером все было в порядке.

— Посмотрим…

Я нажал клавишу. На жидкокристаллическом дисплее появился перечень деталей системы. Замелькали черные цифры и чертежи. И вдруг что-то высветилось красным.

— Эй-эй! Баки B и C не наполнены, — процедил я.

— Что? Прошлой ночью я поставил систему в режим заполнения, а утром снял показания счетчика. Все было в порядке.

— Потому что счетчик был установлен на бак A. Нужно было заполнять каждый по отдельности и потом проверять. Ради всего святого…

— Это еще почему?! Все твои дурацкие идеи! Неужели трудно было объединить всю систему…

— Послушай, — перебил я, — «Кошка» иногда перевозит другие газы, для шахтеров или фермеров. Если компьютерное управление будет автоматически переключаться с A на B и C, кончится тем, что ты будешь вдыхать двуокись углерода или что там еще.

— Ох…

— Пару дней назад я тебе это показывал.

— Наверное, я забыл. Все же…

— Тихо.

Я наскоро произвел вычисления: мы уже прошли некоторое расстояние, а пути осталось…

— Мы не продержимся до следующей станции, — объявил я.

Юри, не спускавший глаз с дороги, поморщился.

— Как насчет наших скафандров? — медленно протянул он. — Там, должно быть, еще остался воздух.

— Ты перезаряжал свой, когда вернулся?

— Э… нет…

— Я тоже.

И тут напортачили!

Но я все равно проверил скафандры. Не слишком большое подспорье, но все же… Я пробежался пальцами по клавишам калькулятора, и на дисплее появились цифры. Как ни крути, а простую арифметику не обойдешь. Мы в глубокой заднице.

Юри увеличил скорость. Ноги «Кошки» звякали и спотыкались на выпирающих торосах фиолетового льда.

— Я решил, — выговорил он наконец, — что

нам следует вызвать базу и попросить о помощи.

Я нахмурился.

— Мне бы не хотелось.

— Другого выхода нет.

— Кому-то придется вылететь сюда и сбросить контейнеры с воздухом. А это риск, потому что даже в разреженной атмосфере Ганимеда имеется что-то вроде ветра, природа которого еще до конца не ясна.

Юри настороженно уставился на меня.

— Дополнительная работа. Боюсь, капитан Вандез будет недоволен.

— Возможно, и нет.

Значит, до Юри дошло, что если придется писать рапорт, виноватым окажется он.

— Послушай, все дело в том, что кому-то на базе придется рисковать головой, и все из-за глупой ошибки.

Юри долго молчал. «Уокер» покачивался на неровной поверхности. На горизонте показалась тонкая струйка аммиачного пара.

— Может, тебе это не понравится, но я вовсе не собираюсь умирать здесь.

Он включил рацию и взялся за микрофон.

— Погоди. Я мог бы… — начал я.

— Что бы ты мог?

— Давай посмотрим карту, — решил я.

Несколько минут прошло в молчании.

— Вот. Видишь тот овраг, который перерезает лощину?

— Да. И что из того?

Я провел прямую линию от оврага через холмы к следующей широкой равнине. Линия прошла сквозь красную точку на другой стороне холмов.

— Эта точка и есть наша станция. Я бывал там раньше. Мы должны были проверить ее через два дня, на обратном пути. Но я могу добраться туда пешком, от этого оврага через холмы. Всего семнадцать километров.

— Не сможешь.

Я еще немного поразмыслил над картой и несколько минут спустя уже увереннее повторил:

— Сумею. Почти вся дорога проходит по руслам ручьев, это позволит избежать лишних подъемов.

Я снова взялся за калькулятор.

— Кислорода хватит, даже с избытком.

Юри пожал плечами.

— Ладно, бойскаут. Если оставишь мне достаточно воздуха, чтобы протянуть то время, пока тебя не будет, и еще немного, пока сюда доберется

ракета с базы, если ты дашь дуба.

— Почему бы тебе самому не пойти?

— Я за то, чтобы немедленно вызвать базу. Путешествие — твоя идея.

— Слушай, если мы доложим о том, что случилось, у нас обоих не будет никаких шансов остаться.

— Скорее всего, — кисло пробурчал Юри.

— Я вовсе не желаю лететь на Землю. Там дерьмово до невозможности.

— Это точно. Но умирать — у меня еще меньше охоты.

— Ты просто трус, ты…

— Заткнись, Боле, иначе я разорву тебя на куски.

Я едва успел сдержаться, почувствовав необычайный прилив энергии. И понял, что сейчас случится. Но никто в здравом уме не дерется на борту «Уокера», если, конечно, намеревается и дальше им пользоваться. Поэтому я разжал кулаки и прошипел:

— Ладно, перемирие. Пока проблема не решится. А потом, клянусь Богом, я тебя изуродую.

— Вряд ли, — ухмыльнулся Юри. — Но не позволяй мне задерживать тебя…

Он показал на задвижку.

— Может, если мы…

— Это мои условия, Боле. Собираешься идти — иди один.

Похоже, он не шутил.

Холод сочился по ногам. Скафандр, как мог, защищал меня от внешней стужи, но и он был на пределе своих возможностей.

Розовые глыбы льда, серые скалы, черное небо — и тихие хрипы моего дыхания. Горло саднило от кашля. Воздух в шлеме был густым и вонючим. Я, спотыкаясь, брел вперед.

Мой чудесный план не сработал. Идти было чертовски трудно, а некоторые русла ручьев были забиты отходами: булыжниками, щебнем, скользкими обломками льда. Должно быть, со времени последних орбитальных съемок здесь проползла энергетическая установка.

Приходилось часами преодолевать завалы, карабкаться по каким-то скалам. Юри выслушал мои жалобы и предложил вызвать базу. Но пропади все пропадом, я не собирался праздновать труса и терять единственный шанс остаться здесь! Мой рейтинг должен оставаться высоким, даже если силы иссякнут!

Именно это я и продолжал себе твердить.

Но прошло еще несколько часов, и моя уверен-

ность испарилась. Я не хотел откровенничать с Юри, но дела, похоже, обстояли хуже некуда. Если он догадается, как я устал, наверняка вызовет базу, и весь мой труд пропадет зря. Мало того, ублюдок получит немалое удовлетворение, потянув меня за собой, хотя вся эта история с баками — его ошибка, и все из-за глупого…

Моя нога скользнула по гравию. Я дернулся и едва удержался на ногах, потянув спину. Дикая боль прострелила меня. Но тут небольшой оползень повлек меня вниз. Я едва удержал равновесие, схватившись за камень, и подтянулся вверх, по крутому склону.

Я задыхался, весь взмок от пота и умирал от желания стереть со лба и глаз соленые струйки.

— Подожди несколько минут, — твердил я себе, — и скафандр уберет их.

Но ожидание длилось целую вечность.

Я карабкался по нагромождению, выглядевшему, как песчаная дюна. Все вокруг казалось хаотически перепутанными дебрями. Почва ползла в обратную сторону. Я старался постоянно проверять свое орбитальное местонахождение и только поэтому знал, что иду в нужном направлении. Но карта была бесполезной.

Под ногами скрипели галька и песок, постоян-

но ускользая, лишая меня равновесия, отбирая скорость. Я упрямо лез по откосу, стараясь идти не прямо, а чуть наискосок. На вершине торчало несколько валунов, охраняющих фиолетовые лоскуты снега.

Натужно пыхтя, я достиг вершины и посмотрел вниз.

И увидел куб.

Я напряг глаза, стараясь его рассмотреть. Большая глыба аммиачного льда растаяла чуть дальше по линии гребня. Уносимые жидкостью обломки выцарапали и выскребли себе путь в камне. Там, где овраг сворачивал в сторону, собралась груда булыжников. У подножия этой кучи, почти ровно на русле ручья, находилось…

Оно двигалось.

Нет… это желтые искорки, внедренные глубоко в молочно-белую поверхность. Плавают. Вращаются. Блестят. Ловят слабый солнечный свет и отбрасывают его причудливыми узорами. Прямо мне в глаза.

Я поплелся вниз по каменистому склону холма, поближе к оврагу.

Куб оказался решетчатым. И служил чем-то вроде рамок для постоянно меняющихся линий, погруженных в глубину. Линии двигались,

сплетались, расходились и сходились, образуя непонятные рисунки. Я прищурился, стараясь уловить их смысл. Но так и не сумев, отвернулся и поглядел вдаль.

Там расстилалась широкая просека, выбитая недавними потоками.

Я уже различал ярко-голубой и красный цвета станции. Ее сигнальный люминофор подмигивал желтым глазом. Я смогу добраться туда за час. А там должно остаться достаточно кислорода.

Что-то вновь привлекло мой взгляд к той штуке в овраге.

И я вдруг похолодел. По спине пробежал озноб.

Я пригляделся внимательнее. И увидел…

…широкое пространство мрака с огненными иглами, вертящимися, и сталкивающимися, и пляшущими… зелеными… синими… оранжевыми…

…предмет, состоящий из подрагивающих полос, тянувшихся ко мне…

…и растворяющихся в массах облаков, царапающих рубиновое небо…

…сверкающие поверхности, яркие и скользкие…

…каракули черным… потом желтым…

…бегущее животное, такое проворное, что

оставляет лишь впечатление молниеносного прыжка, отблеска коричневой шкуры…

…гниющее розово-зеленое нечто… смрад веков…

…застывший свет…

…змеящиеся волосы…

…взрыв…

Тяжело дыша, я отвел взгляд. Каждый миг в глубине этой штуки сдвигался слой, и я видел нечто новое.

Я заставил себя отвернуться и продолжал спуск. Сейчас самое важное — добраться до полевой станции. Самое важное — воздух. «Уокер». Работа.

Я топал и топал вперед, хотя в мозгу теснились впечатления, вопросы, странные, тревожащие эмоции.

Я постоянно оглядывался. Не мог не оглядываться. Но упрямо шел дальше.

Погодите, погодите, нет…

Всего только минуту, пожалуйста…

Хочу снова прочувствовать то, что ощутил в первый раз…

Простите. Потребовалось несколько минут, чтобы прийти в себя после подключения. Я и не подозревал о его мощи и столь живом ощу-

щении…

Неужели правда, что наша юность так красочна? Так ярка и цветиста? Так впечатлительна? Без дымки размышлений, которую приносит опыт?

В глубине души надеюсь, что нет. Искренне надеюсь.

Потому что дотягивать последние дни, зная, что все позади, что истинный мир совсем рядом, отчетливый и упругий, твердый и блестящий, но вечно ускользающий от тебя… это… это уж слишком.

Теперь я понимаю, почему добрые инженеры противятся широкому распространению подключения.

Особенно для таких, как я. Таких старых, как я…

Но позвольте мне вернуться к предмету, который свел нас вместе. К Артефакту.

Мы, разумеется, все знаем, как он оказался там. Моя первая догадка была почти верной. Долгое время он был погребен в бескрайних ледяных полях Ганимеда. Когда-то давным-давно он возвышался над поверхностью. Но постоянные столкновения и притирка наползающих друг на друга льдин похоронили его в холодных глубинах. Его не раскрошило. Он выдержал неве-

роятное давление.

Рядом проползла энергетическая гусеница. Лед растаял. Случайный поток освободил Артефакт. И навеки изменил историю человечества.

Если проконсультируетесь с историографами, выяснится, что вначале обсуждались исключительно художественные достоинства Артефакта. Возникла весьма любопытная теория, гласившая, что сооружение это носит чисто эстетический смысл. Произведение искусства, и ничего более.

Я замечаю недоверчивые взгляды. Но это правда. В те далекие дни существовала четкая граница между Искусством и Наукой, две совершенно различные концепции, которые, как мы видим теперь, абсолютно ложны и не содержат ни крупицы истины.

Самое первое и яркое впечатление было очевидным: я с величайшим трудом мог отвести глаза от Артефакта. То же самое говорили и те, кто смотрел на его бесконечно изменяющиеся поверхности позже.

Главное — это постоянно обновляющаяся, каждый раз иная поверхность. Артефакт — в каком-то смысле камень, но в каком-то смысле — целиком созданная искусственно вещь, непрерывно переделывающая себя в новые соединения, но-

вые субстанции, новые формы и логики. Каждая базовая единица — не пирамида и не куб, две наиболее часто повторяющиеся геометрические фигуры, а некая изначально изменчивая вещь, состоящая из углов и точек. Ее молекулярная структура определяется атомной, которая, в свою очередь, происходит из самих частиц, по мере того как управляющие ими законы со временем меняются. В старом море возникают новые, молодые силы.

Таким образом Артефакт в основе своей — это рекапитуляция законов, которые управляли, управляют и будут управлять Вселенной. Когда Вселенная была молода, законы тоже были молоды. Мы видим их в глубине Артефакта. Логика и математика горят ярко, сжигая свой недолговечный срок. Потом гаснут. Из их пепла возрождаются феникс новой логики, спонтанно разорванные симметрии, юные частицы, расплескивающиеся в гостеприимную матрицу поглощающей Вселенной.

Время идет внутрь. Изнутри выходит слоистый, меняющийся порядок мира.

О, простите. Два последних предложения — часть нашей литании: я не хотел впутывать в нашу дискуссию ссылки на религию.

Как уже было сказано, следует иметь в виду, что эти воспоминания, глубоко сидящие в моем мозгу, относятся к очень давним временам. Тогда на Ганимеде не разгуливали ветры. Люди не могли находиться на поверхности без скафандров. Даже многослойный шатер над поверхностью, удерживающий бесценные молекулы везде, за исключением нескольких огромных дыр, позволяющих кораблям садиться, — даже это относилось к каждодневной действительности.

Итак, мыслители того времени решили, что Артефакт — художественное произведение. Сложное, да, но художественное.

Второе поколение мыслителей посчитало, что это научный объект, нечто вроде прибора, содержащего изменяющиеся законы Вселенной. Новая сила. Новые частицы. Новая форма теории относительности.

Когда-то люди верили, что поля создают частицы. Так оно и есть. Но есть также вещи… затрудняюсь назвать их полями, которые создают законы. Законы Вселенной диктуются объектами. Артефакт и есть такой объект.

Или, может, только запись такого объекта.

Что приводит к третьей точке зрения на Артефакт.

Только десятилетие спустя после обнаружения Артефакта эффект стал очевидным. Вокруг этого места собралась небольшая община. Потом вырос город.

И никто не желал его покинуть. Никто.

Когда количество населения достигло четверти миллиона душ, пришлось что-то делать. Но убедить кого-то из ученых уехать оказалось невозможным. Всех, кто видел Артефакт, тянуло к нему, как магнитом. Желание погрузиться, стать свидетелем, наблюдать бесконечную игру поверхностей…

Поэтому окончательный вывод был очевиден. Это предмет поклонения. Религиозный объект.

Но, возможно, не только. Вполне вероятно, этот предмет и есть сама религия.

Ибо содержит законы. Несмотря на то, что Артефакт заключен во Вселенной, кто знает, может, к ней он не относится.

Но я, должно быть, слишком углубился в теологические дебри. Вернемся к моей сегодняшней роли — не священника, хотя я именно священник, но исторического свидетеля. Должен упомянуть о другом интересном событии того давнего дня.

Я добрался до станции. Запасся кислородом и выручил беднягу Юри, совсем струсившего к тому

времени. Правда, благодарности я не дождался.

Мы промаршировали через множество долин и достигли того места, где находился Артефакт. В наши намерения входило изучить его, сделать съемки и представить отчет на базу.

При виде Артефакта что-то меня кольнуло. Можете взглянуть на мои старые факсы. Сразу увидите любопытный точечный рисунок на поверхности. Волны света, блестящие, как слюда. В постоянном движении. Свет образовывал концентрические круги, похожие на большой глаз. Я заметил, что где бы ни стоял, глаз был постоянно устремлен на меня. На нас.

Я стоял на расстоянии, наводя камеру на фокус. Юри был потрясен не меньше моего. Он подобрался ближе.

Я все еще возился с камерой, поэтому не видел, что произошло в следующую минуту. Думаю, он слишком приблизился к глазу. Когда я поднял голову, Юри как раз тянулся к нему, пытаясь коснуться. Сверкающие кольца словно сосредоточились на нем.

И тут рука Юри дотронулась до поверхности. Соединилась с нею. Вошла в нее, одновременно оставшись наверху. Юри не двигался.

Из Артефакта будто выметнулась волна. Вз-

бежала вверх по его руке, превратила унылую ткань скафандра в мерцающую радугу цветов. Омыла его спину. Захлестнула шлем. Сползла по ногам к ботинкам. Он казался каменной статуей, яркой и блестящей, внутри которой двигались и переливались бесчисленные грани.

Я застыл. Юри медленно… медленно… медленно подался вперед. Беззвучно. Молча. Его рука вошла в глаз по самое плечо. Он кивнул, словно приветствуя то, что должно было случиться. Он уже был там… Артефакт втягивал его: по грудь… по пояс… по колени… наконец исчезли подошвы. Я вспомнил о камере и сделал снимок. Это единственное свидетельство того события. Другими я не располагаю.

Тогда я был просто ошарашен. Признаться, я и сейчас еще не пришел в себя.

Глаз исчез и больше не появлялся. Артефакт принял то обличье, которое вы видите сейчас. За все последующие годы он никогда и не намекнул на то, что сотворил тогда.

Как можно истолковать это событие? Да, Артефакт поглотил человека. Но если учесть все, что могло быть, и все, что мы познали, наблюдая эту бесконечно волнующуюся поверхность…

Моральные соображения оставляю другим. И

так как больше ни одно живое создание не было затянуто в глубь Артефакта, вопрос весьма мало интересует наших исследователей. Некоторые считают, что поскольку Артефакт, вероятно, сопутствует эволюции Вселенной или управляет ею, то он, скорее всего, просто сохранил Юри для использования в качестве свежей информации о действии эволюционных законов. Возможно.

Меня подобные предположения занимают меньше всего. Когда я вспоминаю те давно канувшие годы, меня мучит лишь одно. Я должен в этом признаться, ибо как послушник Артефакта я не могу лгать и не совершу даже грех умолчания.

Когда вы приближаетесь к Артефакту, покоящемуся теперь на прозрачных балках, так что все его поверхности видны и камеры могут фиксировать каждый нюанс, нельзя не заметить маленькую старую табличку, на которой высечено число, когда я впервые наткнулся на тот овраг. Дальше приведены другие даты: основания Храма и принятия Закона Полноты. Приведено также и мое имя, как первооткрывателя.

Каждый день, приступая к моим трудам, я прохожу мимо этой таблички. Мой взгляд невольно скользит мимо жалкого упоминания моего имени и поднимается к гигантской статуе, нави-

сающей над левым порталом. Это дань общества мученику нашей веры, жертве, которую потребовал Артефакт.

И глядя на это громадное лицо, где верна каждая черта, вплоть до высокомерной улыбки и узких маленьких глазок, глядя на все это, я в самой глубине души сознаю, что, несмотря на безмятежность, которая должна бы исходить от Артефакта, и немалый груз лет, я все еще ненавижу ублюдка.

Перевод: Т. Перцева

Левиафан

За ними что-то гналось.

Бет это ничуть не беспокоило.

— Рикки, — лениво поинтересовалась она, — что ты чуешь?

Рикки обмотал ветку цепким хвостом, и, невольно продемонстрировав свою силу, подтянулся на нем, приподнявшись над беседкой из приторно пахнущих ветвей, в которой они укрывались.

— Мускус. Горечь. Пот.

— Воздушный паук?

— Хуже. Не знаю что.

Рикки оттолкнулся, высоко взмыл вверх, воспользовавшись слабой гравитацией, ловко перевернулся и приземлился всеми шестью ногами на колючую ветку.

— Вызови мать, — сказал он, прядая ушами.

— Ну, ладно.

Дернув себя за ухо, Бет настроила микроволновой передатчик в черепе на частоту матери. Она пересказала ей опасения Рикки, и в ее голове в ответ зазвучал шелковистый голос матери.

— Я уверена, что вдвоем вы справитесь с кем угодно, кто есть внутри Левиафана, — услышала она спокойный, невозмутимый ответ. — Я не позволяла никаким новым видам проникать внутрь.

— А ты вспомни того летучего кота. Он же мне руку откусил, мам.

— Но ведь я ее заменила, — оскорбилась мать.

— Знаю, знаю. Ты еще сказала, что это ценный для меня жизненный опыт.

— Так оно и есть.

Бет приподняла оранжевые брови и отключила передатчик.

— Что скажешь, Рикки-тики-тави?

— Ближе. Запах сильнее. Трое.

— Давай-ка нырнем в облака.

Они взлетели, включив маленькие ракетные ранцы. Мешанина желто-зеленых джунглей сначала распростерлась внизу, потом изогнулась над головой, образовав далекий мерцающий потолок. Когда они пролетели над поблескивающим озером, из окутал туман. Теперь они находились в самом центре Левиафана. Чашу из пышной листвы местами пронизывали широкие воздушные проходы, пропускающие внутрь желтые столбы солнечного света. Оказавшись под хлопковым

слоем облаков, Бет стрелой метнулась к воздушным туннелям.

Они мчались наружу по радиальной трубе, отталкиваясь от стен и набирая ускорение за счет вращения Левиафана. Стены трубы казались плотным влажным пологом и кишели разнообразной попискивающей живностью. Лоснящаяся летающая крыса метнулась на них с оливкового сука. Она летела поперек ветра, расправив голубой, как скорлупа яйца малиновки, главный парус, и быстро приближалась к Рикки. Это оказалось ее ошибкой. Рикки взмахнул рулевым хвостом и выставил вперед когти. Крыса попыталась сложить парус вдоль мачты, но слишком поздно. Рикки сделал вираж и хлестнул по парусу хвостом, оставив на не длинный разрыв, от которого по голубому полотну поползло красное пятно.

— Четко! — воскликнула Бет, когда крыса взвизгнула и бросилась прочь.

— Трое все еще сзади, — крикнул Рикки.

— Оторвемся. — Наверное, это какая-то новая адаптация, подумала она. Биотехники конструируют космическую живность на основе земных животных. Даже у Левиафана есть ментальный шаблон плюс неокортексовые вставки.

Бет нравилось планировать наружу, подставив распростертые крылья ровному дыханию Левиафана. По этим пустотелым спицам в теле гигантского цилиндрического вращающегося животного мчались газы, выдыхаемые его внутренними поверхностями. Пахучие, влажные — но и живые от множества мигрирующих миниптиц, роящихся в струящемся вверх воздухе подобно радужным всплескам.

Она любила навещать мать. Левиафан был огромным живым кораблем и ежесекундно требовал от ее матери сложного экоконтроля. И поскольку ни один Левиафан не мог быть изготовлен совершенно безопасным, сам его воздух был напоен будоражащим предчувствием опасности. Это возбуждение смешивалось с теплым ощущением любящих объятий матери.

Они устали, достигнув оболочки Левиафана, и отыскали на ней смотровой купол. Рикки подвернулся угловатый пурпурный фрукт, и они зачмокали губами, высасывая из него сок. Сквозь кристаллические стены купола Бет разглядывала бесчисленные стаи космической живности, на которые набегала тень вращающегося Левиафана.

Да, уродцы. Грубая, бородавчатая гибкая черная

кожа. Огромные оранжевые глаза. Панели, поглощающие слабый солнечный свет. Плотно сжатые рты, раздутые внутренними газами. Тройные позвоночники, искусная геометрия больше напоминает парусные суда, чем хищников. И всего лишь столетие биотехники лежит между этими простыми конструкциями и непредставимой сложностью Левиафана.

Рикки указывающе вытянул палец-прутик. На фоне наружной черноты Рикки был более похож на помесь выдры и хорька (послужившего для него прототипом) но высокий лоб и постоянная ехидная улыбка указывали на его истинный уровень разумности.

— Комета. Лови.

— Ага! — Бет вытерла рот рукой. — Мама будет рада.

Левиафан полыхнул сзади большим фонтаном желтовато-белого пара, стремясь догнать кувыркающуюся впереди глыбу льда. В полупрозрачных трубках забулькала перекись водорода, смешиваясь в воронкообразных камерах с раствором каталазы. Бет ощутила ровное ускорение. Столь далеко от солнца — когда даже величественный Сатурн выглядит лишь отдаленным холодным бело-голубым пятнышком — органи-

ческие ракеты были лучшими двигателями.

Холод просачивался даже сквозь многочисленные кристаллиновые слои купола. Бет оттолкнулась, стремясь к теплому ветерку, дующему из брюха Левиафана. Центробежная гравитация здесь была сильнее, укоротив дугу ее полета — и этот эффект спас ее.

На нее бросилось нечто лоснящееся и ржаво-красное. Оно сложило вдоль тела ноги-треножник, выставив вперед зияющую розовую пасть с мелкими поблескивающими зубами, но она захлопнулась, ухватив лишь воздух. Бет завращала руками, подтягивая вверх ноги, и пролетела буквально на волосок от зубов.

Она никогда раньше не видела таких чудищ. Оно вцепилось в Рикки, а тот впился когтями ему в спину. *Их трое*. И тут же из-за зарослей выскочил второй. Бет взмахнула рукой и метнула нож. Существо обмякло и проплыло мимо нее, нож насквозь пронзил ему шею. Рикки стискивал горло первого мертвой хваткой. Бет успела заметить сзади третьего. Три его ноги метнули вперед красный хлыст в грузом на конце. Хлыст ударил ее по руке и кожу словно обожгло. Он обвил руку, а когда она рывком попыталась освободиться, в кожу впились острые шипы.

Если не можешь вырваться, подумала Бет, надо идти навстречу. Она дернула за хлыст, и задрав ноги, нанесла удар, с удовлетворением услышав хруст и треск — при низкой гравитации особой прочности тела не требовалось.

Существо взвыло и умчалось прочь. Противник Рикки висел мешком, во рту болтался посиневший язык.

— Радость. Я радость, — сказал Рикки.

Бет потерла пожелтевший рубец на руке и вызвала мать. — Шутки шутками, мама, но это уже чересчур.

— Должно быть, я проглядела эту адаптацию, — взволнованно отозвалась мать. — Наверное, их яйца проникли внутрь во время случки Левиафана.

— Так Левиафанов *женят*?

— Им только этого и надо. Они все время вынюхивают, нет ли поблизости другого.

— Вынюхивают? В космосе?

— Они выделяют пахучие вещества в потоки солнечного ветра. Вспомни, ведь мозг Левиафана создан на основе мозга животного. Мы изменяем их, делаем умнее, но сохраняем базовые мотивации. Поэтому их проще размножать, чем изготовлять.

Бет заметила, что из ребер Рикки сочится кровь.

— Послушай, Рикки ранен!

— Рикки создан так, что сам залечивает свои раны.

— Пусть наши животные умнее, — сказала Бет, но они все равно страдают от боли. Иногда их неплохо бы и лечить.

Рикки прижал уши, не соглашаясь.

— Боль — это долг.

— Но Рикки…

— Любовь — это долг, — сказал Рикки, отталкивая руки Бет.

— Я совсем запустила полную инвентаризацию корабля, — сказала мать. — Извините. Сейчас…

К удивлению Бет, перед ней появилась мать — настолько, насколько ей это удалось. На этот раз она воспользовалась стаей крысоптиц. Она вылетела из зарослей красно-коричневыми облачками, которые собрались воедино, образовав мелькающий в воздухе гобелен. Хлопая крыльями и крича, стая сформировала грубое подобие человеческой фигуры, лицо которой, составленное из мельтешащих птиц, постепенно стало тем самым, что Бет столь хорошо помнила с детства. Нежные, немного неправильной формы

губы, царственная голова, уничтоженная после несчастного случая. Остались лишь разум матери и ее органы чувств, потерявшие остроту ощущений, но способные управлять Левиафаном.

— Так много деталей! — прошептал в мозгу Бет голос матери. — Я просто не успеваю. Боюсь, я слишком отвлеклась на сбор комет. Левиафан очень рад нашим успехам.

Бет посмотрела вперед и увидела, что они догоняют ядро кометы. На таком расстоянии от Солнца это была всего лишь инертная грязно-белая ледяная глыба. Бет порадовалась за мать, у которой каждая нервная цепочка восстановленного мозга была загружена заботами о Левиафане. Воссоздав себя в виде реплики из птиц, она сделала трогательный жест. Но едва Левиафан начал счищать с астероида первые слои, Бет удивленно раскрыла глаза.

— Мама, посмотри на это темное вещество. — Бет показала рукой направление, хотя знала, что мать сможет увидеть все гораздо лучше, подключив зрение прямо к глазам Бет. — Видишь? Стоит лишь соскоблить верхние несколько метров, и останется только голая скала.

— Жаль… — разочарованно отозвался шелковистый голос в голове Бет. Бет нахмурилась. Вся

система жизнеобеспечения зависела от доходов, которые мать получала, продавая лед внутренним планетам. Левиафан должен был окупать себя.

Бет ощутила огорчение матери — раздражающие, мутно-коричневые потоки эмоций, и это заставило ее пнуть стенку купола, чтобы вызвать разум Левиафана. Вскоре она почувствовала, как на фоне мыслей матери зашевелились вялые мысли Левиафана.

— Эй, ты! Найди-ка мне большую, богатую комету, слышишь? Сейчас же!

Левиафан содрогнулся и послушно загрохотал двигателями.

— Он ведь всего лишь животное, дорогая, — сказала мать. Бет вскипела, когда ускорение увеличилось. Проклятые животные. Надо будет воздействовать на сознание предков Левиафана, дать ему цель. Так кто там был его предком? Ну, конечно…

— Хороший пес! А теперь — ищи!

Перевод: А. Новиков

Моцарт и морфий

Как рабочую гипотезу для разрешения загадки нашего существования я готов выдвинуть предположение, что наша Вселенная самая интересная из всех возможных, и именно людям суждено сделать ее такой.

Фримен Дайсон, 1988

Теория суха, мой друг,
Но древо жизни вечно зеленеет.

Гёте, «Фауст»

Думаю, что тем летом, когда Господь, похоже, захотел остановить меня, я все же проник немного в Его замыслы.

Понимаю, что это не совсем обычный способ для научного изложения, которому свойственна серьезность и напыщенность. Но все же прислушайтесь, пожалуйста. Я попытаюсь рассказать о таких вещах, разговора о которых ученые стараются избежать, хотя эти-то скрытые ритмы и первостепенны для нашего ремесла.

Я живу в небольшой общине, чьи домики растянулись по берегу Тихого океана наподобие доб-

рожелательной улыбки, сверкающей в золотых лучах солнечного света. Этому неослабевающему блеску словно в насмешку противостоял мрачный хаос, царящий в моей голове, сражающейся с физическими формулами. Целые дни я проводил за работой во внутреннем дворике, а за полоской песка раскинулась с евклидовой грацией синь океана, уходящая в перспективе в неизмеримую бесконечность. А оттуда все струился нескончаемый свет, делая до боли очевидной уродливость моих уравнений — единственного изъяна в природе.

У меня вошло в привычку завершать тщетные потуги разработчика теории частиц пробежкой по пляжу вечером. Соленый воздух прочищал мне мозги. Красное солнце висело низко, и я не спеша трусил по теплому, похрустывающему песку, наблюдая как океанские валы накатывают на берег. Я не обратил внимания, что впереди собрались какие-то люди, и поэтому первый выстрел застал меня совершенно врасплох.

Несколько подростков кинулись врассыпную, а сухопарый парень, лет около двадцати, целился в них из маленького, поблескивающего никелем пистолета и что-то выкрикивал. Я принял за аксиому, что пистолет должен быть заряжен

холостыми — выстрел прозвучал негромко.

Стрелявший ругался на мальчишку, пробегавшего справа от меня. Я все еще тупо продолжал бежать, не сворачивая, когда раздался второй выстрел. Мальчишка почти поравнялся со мной, и пуля свистнула над моим ухом — тсиииип!

Это уж точно не холостой. Следующие сто метров я пролетел за десять секунд, взрывая внезапно ставший очень вязким песок и только раз оглянувшись назад. Звук третьего выстрела долетел до меня, но воплей больше не было — только ругательства того сухопарого парня, который пятился наверх по бетонным ступенькам и пытался не дать сбившимся снова в группу подросткам приблизиться к нему.

Издалека было видно, как он выстрелил в последний раз, уже не стараясь попасть в кого-нибудь, а просто удерживая их на расстоянии. Потом он повернулся и побежал вверх по улице.

Я потрусил обратно, через толпу собравшихся на пляже зевак. Видимо, не поладили из-за наркотиков: подростки хотели надуть худого, и он вышел из себя.

Полицейские схватили его через несколько минут. Я видел, как ему зачитали его гражданские права… и внезапно в моем мозгу появилась

зацепка относительно вычислений, которыми я занимался весь день. Просто вот так, взяла и появилась.

Черчилль однажды заметил, что ничто так не взбадривает, как просвистевшая мимо вас пуля.

Возможно, этим и объясняется мой творческий спурт всю следующую неделю. Я нашел несколько свежих математических приемов, новое сопряженное преобразование. Задачи решались сами собой.

Я пытался тогда создать модель Вселенной, не отталкивающуюся от предположений о количестве ее измерений. Мы привыкли к нашим трем уютным пространственным координатам и вечнотекущему времени — то есть, к четырем измерениям. Когда Господь создавал Вселенную, чем был обусловлен этот выбор? Могли бы основные законы, управляющие Вселенной, работать, скажем в шести измерениях? Двадцати шести?

Такой вопрос, конечно, отдает наглостью. *Кто* или что может обусловливать деяния Бога?

Но все же мое воображение свободно витало в лабиринтах формул, ручка спешила заносить их на бумагу. Я сидел в необычайном оживлении и созерцал пляж внизу, где судьба — «тсиип!» — миловала меня.

Я прервал свои размышления, чтобы слетать на восток к родителям, на их золотую свадьбу. В Алабаме стояла жара, тяжесть тамошнего воздуха как-то успокаивала.

Когда долго блуждаешь в потемках, что свойственно исследователям, в разговорах с родителями хочется коснуться темы нейтральной, в которой все одинаково несведущи: политики, детей, экономики. Я чувствовал, что выхожу из колеи беспристрастной математики, являющейся, по моему убеждению, основой всего.

Мы с отцом после утренней церковной службы ехали на прием по случаю годовщины. Это был влажный, солнечный день. Я лениво вдыхал запах сосновой смолы, разлившийся в воздухе, когда отец притормозил возле предупреждающего знака. Мы снова тронулись, и тут что-то ворвалось в поле зрения. Это была машина, вынесшаяся из-за телефонного шкафа-распределителя. Я крикнул: «Стой, папа!» — в одно слово. Отец нажал на тормоза, и та машина врезалась нам в крыло.

Лобовое стекло разлетелось алмазными осколками. Стальной обломок вонзился мне в голову. Боли я не почувствовал, но по лицу потекла кровь.

Крики и боль в виске. Отец притянул меня к себе, стеклянные осколки посыпались на дно машины. Я спустил ослабевшие ноги на мягкий гудрон и помог отцу стянуть с себя рубашку.

Мы перетянули ею рану, чтобы остановить кровь, а я все повторял: «…закололи как свинью…» — пораженный потоком крови, хлеставшим из меня.

В узле, туго стянувшем голову, будто в кулаке, была зажата моя жизнь. Прислонившись к машине, я почувствовал легкость, воздушность в теле. Судя по геометрии столкновения, отец успел спасти меня: нажми он на тормоз чуть позже, та машина протаранила бы нас насквозь.

— Еще бы чуть-чуть — и конец, — пробормотал отец.

Люди в другой машине были сильно потрясены. После внезапного ошеломляющего столкновения в наступившей тишине все кругом снова медленно-медленно стало сливаться воедино. Босая женщина-водитель. Машина из проката. У женщины сломана рука. Эта женщина сидит в придорожной канаве, измазанная красной глиной, раскачивается и стонет.

Отец принял все сдержанно, но в ушах моих звенела тревога. Сосны пахли еще острее. Ши-

рокие листья трав, азалии, яркие желтые цветы — изощренные орудия размножающейся, полной жизни природы. До невероятия четкий мир вокруг и мое упорное присутствие в нем требовали столь же ощутимого объяснения.

Преследовавшая меня в то тусклое серое лето загадка была порождением моего вечного желания привести все к общему знаменателю. Оно присуще всем физикам.

Дух Эйнштейна все еще движет нами, и мы пытаемся найти объединяющий Вселенную принцип в симметрии, заключенной в законах, управляющих материей. Все великие ученые стремились к унификации: Ньютон, Эйнштейн… и в самом деле, природа часто начинает свой великий труд с чего-то незамысловатого, единого. Вначале гомогенный, океан каким-то образом дифференцировался на клетки и микроорганизмы, хищников и жертв. Наши общие бесприметные обезьяньи предки нарушили свою симметрию, произведя нас такими как мы есть: с замысловатыми языковыми символами и культурами. Появление разнообразия из общности — вечный процесс.

Мы все стремимся найти то первозданное единство. Мы надеемся, что вся природа развилась из

безмятежной симметрии. Единый управляющий Закон, по мере того как расширялась Вселенная, распадался на составляющие, расщепляя единство, выплескивая на поверхность бытия четыре известных нам теперь силы.

Но что за странные это силы. Гравитация удерживает нас на нашей одинокой планете. Электромагнитные силы дарят свет, который нашептывает нам 6 далеких галактиках, о странных космогониях. Звезды мерцают в бескрайней черной пустоте, подогреваемые сливающимися атомами, которые подчиняются силам слабого взаимодействия. А под кажущейся незыблемостью материи таится большая сила — клей, скрепляющий ядро.

Я работал тогда, чтобы отыскать самую первичную, единую силу. Ни один лабораторный эксперимент не может привести нас к ней, потому что требуемые энергии должны быть сопоставимы с теми, что возникли в самый первый момент времени. Поэтому составить карту белых пятен Главного Закона предстоит аргонавтам по морям математики.

Вслушайтесь в дыхание нашей Вселенной, Земли, атомного ядра, наконец, крохотной былинки, называемой сверхнитью. Каждый шаг вглубь

материи перекрывает двадцать порядков. Вот как далеко продвинулись наши теории.

Такая бесконечная малость очень меня тогда заботила. Образ крохотной трепещущей сверхнити преследовал меня и ночью, в снах.

Иногда я просыпался с головной болью, все еще возвращавшейся после аварии. Мне было неприятно осознавать, что мой мозг защищен лишь хрупкой костяной раковинкой, словно заложник грубых сил. Разум в осаде.

Одна моя подруга отозвалась однажды о мозге, как о «компьютере из плоти». Она занималась исследованиями искусственного интеллекта, и в моменты, когда боль затихала, я часто вспоминал ее грубое, но, возможно, верное замечание. Хотя я все еще стремился найти разгадку лабиринтов теории.

В конце сентября я делал последние приготовления перед тем, как отправиться а конференцию в Индию, когда начались боли в животе. У детей были те же симптомы, и я решил, что это обычный грипп, ходивший по округе. Несколько дней вылежал, ожидая, что все пройдет. Чувствовал себя уже нормально, немного температурил, а боль сместилась куда-то ниже.

На полдня отправился в университет, чтобы

встретиться с дипломниками. И там около двенадцати часов дня боль резко усилилась. Не мог встать. Мир сжался в шарик, а я был словно пришпилен в его центре. Я позвонил доктору, который вел прием неподалеку от университета, записался на прием и стал пересиживать боль. Она затихла, и я уже начал думать, что мир вернется к свей обычной линейной логике. Но анализы показали высокий уровень лимфоцитов в крови, жар и небольшое обезвоживание. Едва руки доктора дотронулись до моего правого бока, боль пронизала насквозь.

Врач решила, что это аппендицит и что меня надо срочно перевести в кабинет интенсивной терапии. Я подумал, что она поднимает слишком много шума из ничего, и попросил просто дать чего-нибудь обезболивающего. Хотелось лечь в больницу рядом с домом, где были знакомые врачи. И, хотя по долгу службы уже вызвали машину скорой помощи, я убедил себя в том, что мне уже лучше, сел в собственную машину и поехал вниз по дороге в каньон. Белые холмы блестели под невыносимо ярким солнцем.

У меня и вправду начался перитонит. Вскоре мимо меня уже плыли флюоресцентные лампы коридора, по которому анестезиолог вез меня в

операционную. Он сказал, что я обладаю большой выносливостью к боли, ведь аппендикс явно воспалился и должен бы меня сильно беспокоить. Я спросил, когда начнут действовать транквилизаторы. Он было начал: «Ну…» — и вот я уже лежу, уставившись в потолок моей палаты, двенадцатью часами позже.

Ночь прошла хорошо, спокойно. Утром врач сообщил мне, что его подозрения оправдались — тот приступ, в офисе, был вызван разрывом аппендикса. К моменту операции гной уже разлился. Я попросил показать мой аппендикс, и мне принесли его немного позже, красный бугорчатый отросток, сверху весь покрытый белыми пятнышками. Я спросил, что это были за пятнышки, и сестра небрежно заметила: «А, это гангрена. Просто усеян».

Доктор сказал, что он уверен на шестьдесят процентов — антибиотикам не справиться с гангреной, охватившей мой кишечник. Но душу математические вероятности не убеждают. Конечно, я надеялся, что попаду в счастливые сорок процентов.

На следующее утро я понял, что обманулся. Меня всего лихорадило. После полудня я встал и немного походил, но когда медсестра попробова-

ла помочь мне проделать это вечером, я уже не мог подняться. Меня тошнило чем-то горьким и мерзким; санитар стал объяснять, что собирается ввести трубки; а потом какой-то шланг пополз через нос в горло; бутылка рядом начала наполняться коричневой желчью, ровным быстрым потоком.

Ночью я не смог уснуть, даже под действием транквилизаторов. Кто-то говорил, что не надо давать мне слишком много снотворного, чтобы не подавлять работу центральной нервной системы. Этого я не понимал, но тогда уже все было как в тумане.

И тут началось. Пришел доктор и сказал, что антибиотики не действуют и количество лимфоцитов растет. Еще кто-то настаивал, чтобы я пользовался чудной трубкой со стаканчиком на конце и легким шариком внутри, которую мне накануне дала медсестра. В нее надо было дуть, удерживая шарик в воздухе и тренируя тем самым свою дыхательную систему. Это казалось глупым — я дышал нормально — но все же немного поупражнялся и попросил поесть. Меня не кормили, а давали все через капельницу, только иногда разрешали пососать кусочек льда.

Меня окружали дергающиеся, нечеткие фигуры

в белых халатах. Температура каждые два часа повышалась на градус, жена остужала мне лоб влажной тряпочкой, хотелось есть. Я не понимал, каким образом они хотели вылечить меня, не давая еды. Они только тараторили по-своему и добавляли новые флаконы к действующему набору антибиотиков. Надели кислородную маску, но в голове от этого не прояснилось. От спазма сосудов капельница перестала функционировать. Какой-то человек все тыкал в мою руку иголкой, пытаясь найти неспавшуюся вену. Аккуратно и вежливо я попросил его отвалить. И принести мне что-нибудь поесть.

Меня уложили пониже, чтобы доктор мог применить в области сердца субклавиальную трубку. Она станет регулировать кровообращение, и тогда можно будет наладить капельницу. Затем я покатился под мягким холодноватым светом флюоресцентных ламп в большую тихую комнату. «Отделение интенсивной терапии», — сказал чей-то бас. Некоторое время я полежал абсолютно спокойно и расслабленно, видимо, — дела серьезные. Парень с трубкой и шариком куда-то делся, но сестры все равно заставляли меня проделывать это упражнение, что казалось мне по-прежнему страшно глупым, ведь я же

не собирался прекращать дышать? Если бы они дали мне чего-нибудь поесть, я сразу пошел бы на поправку.

Когда раздражение прошло, я вдруг почувствовал, что дико устал. Я всю ночь не спал. Трубки мешали двигаться. А тут они еще ввели катетер, кстати, совсем безболезненно, и тогда я почувствовал себя подсоединенным ко всем этим машинам вокруг, переставшим быть независимым существом, а скорее, элементом слаженно работающей системы. Если я буду тихо лежать со сложенными на груди руками, то, может, мне удастся отдохнуть, а если я смогу отдохнуть, то выкарабкаюсь. Поэтому я сосредоточился на этой несводимой дальше единице действительности, погрузившись после инъекции морфия в блаженство, когда я мог позабыть обо всем мире и позволить ему позаботиться обо мне.

Я проснулся вечером. Мне снились гигантские цилиндры и пирамиды, с грохотом перекатывающиеся по синей бесконечной равнине, и огромные геометрические конструкции, весело резвящиеся на глади океана прямо перед моим домом…

На следующее утро меня вернул к действительности врач. Будто я вдруг вынырнул посреди

чьей-то чужой жизни. Мне стало лучше. Видимо, оттого что ввели новые редкостные антибиотики, которые чуть сбили жар, градусов до сорока. Но опасность еще не отступила, и следующий день должен был стать переломным.

Комнату по-прежнему пронизывал режущий глаза свет. Пришла моя жена в платье с широкой юбкой, волосы собраны в хвост, как в молодые студенческие годы. Я пошутил над этим, но ни она, ни медсестры не поняли шутки. У порога смерти только и оставалось кутаться в лохмотья остроумия.

Жена принесла мой плеер и несколько кассет. Так я смогу отключиться от больничной обстановки, как от шумов аэропорта со всеми его взлетами и посадками. Мне хотелось покатиться далеко-далеко по той синей равнине из снов: она манила.

Я попросил сестру надеть мне наушники и включить пленку. Девушка как-то странно глянула, может, не поняла моих слов? Потом мелодия рондо унесла меня прочь.

Едва начинался приступ, сразу давали морфий. Почти каждый час я требовал инъекции, взмывал над больничными простынями и уносился по эфирным каналам; приняв Моцарта и морфия,

я скользил под самым потолком комнат, где хорошо одетые люди умиленно смотрели на меня, прервавшего их изысканный ужин: телятина с цветной капустой, приправленная острыми соусами; комнат, куда надеюсь еще вернуться и повидаться со старыми знакомыми, на которых теперь нет времени, потому что надо лететь вдоль мягко освещенных желтых потолков, над алыми кушетками и блестящими белыми скатертями, и улыбками, и блаженством. К синим правильным фигурам. Моцарт видел этот бесконечный гавот и находил способ включиться в него, устремиться ввысь, мчаться и скользить, все дальше и дальше, к всесодержащей субстанции, не имеющей веса.

Физики не живут в реальном мире. Мы стали настолько расщеплены (еще одно жаргонное научное словечко), что считаем любое прикосновение реальности безнадежно грубым, неким забавным приближением.

От осязаемой материи мы легко ускользаем к сказкам о полях и частицах. С податливостью резины эти поля подчиняются четким дифференциальным уравнениям.

За ними лежат более глубокие выводы: группы симметрий связывают изощренными математическими формулами поля и частицы. Боль-

шинство физиков, занимающихся частицами, работают именно в этой области.

Но теперь мне открылась бездна более глубокой абстракции: группы симметрий сами по себе не наделены волей, и их лучше всего рассматривать как состояния, реализованные в десятимерном пространстве-времени. В этой большей вселенной наши скучные деяния, совершаемые в трех пространственных измерениях и времени, — просто мышиная возня.

И еще: сверхнити. Их динамика определяет конкретные состояния, возможные в том десятимерном мире. Вибрация их движений в этой неизмеримо большей вселенной вздымает прилив, выплескивающийся в низшие измерения, и далеко распространяется, подобно кильватерной волне океанского лайнера.

Именно это я и наблюдал в последующие дни. Все было там. Абстракции — да, но я также ощущал полные энергии и движения кинэстетические чувства, наполняющие математику. Я мог завязывать сверхнити в узлы, делать с ними все, что хотел. Несмотря на свою крохотность, они должны были повиноваться непоколебимой логике математики. Я знал.

Когда по прошествии недели доктор снял швы,

он небрежно заметил:

— Знаете, вы были моим самым тяжелым случаем за год. Еще двенадцать часов, и вас бы не стало.

Хоть я и не совсем оправился, в ноябре все-таки поехал в Индию — было важно не дать тому странному новому духу спокойного восприятия смертности увести меня из реального течения жизни.

Как-то незаметно я утратил страх смерти. Могила более не казалась мне полным тайн пределом, а скорее, неким скучным местом за тонкой, как паутинка, перегородкой. Однажды эту тонкую черту придется пересечь, но для меня это событие больше не имело всепоглощающего, сверхважного значения. И по причинам, которые я не мог выразить, многие вопросы меньше заботили меня теперь, казались ерундой. Жизненно необходимыми стали люди, которых я знал, а все остальное измельчало, ушло на второй план.

Все, кроме работы. Я проводил очень много времени во дворике, наблюдая за классическим пространством, очерченным голубым морем.

Расчеты заняли всего несколько недель. Они оказались успешными, в том ограниченном смысле, в котором теории могут повлиять на

мир. Да, они предсказали частицы, обнаруженные в недавно проведенных экспериментах на сверхускорителе. Действительно, эти вычисления описывают все четыре известных нам силы. Гравитация возникает, как проявление событий в десятимерном пространстве-времени.

Отсюда вытекает, что существует другой тип времени. В той системе наш усеченный континуум образует поверхность более общего, организованного через сверхнити пространства-времени. Из того мира все, что мы видим здесь, походит на поверхность мыльного пузыря, колеблющегося в воздухе. У пузыря нет конца, нет границы, и поэтому для нас нет резкого перехода в высшую систему координат.

Это подразумевает, что время, в общем смысле, нескончаемо. Конечно, это не наше время, а, скорее, длительность в высших измерениях. Существование этого абсолютного времени, возможно, одно из самых поразительных математических открытий.

Но что это означает? Мы ищем абсолютную единую теорию, выводящую из фрагментированных сил нашей хромой Вселенной Универсальную силу. Хотя даже это всего лишь набор правил и уравнений.

Что вдыхает огонь в математические выкладки и создает Вселенную, требующую описания? Теперь, когда достигнута единая модель, мы в какой-то мере ответили на вопрос, поставленный еще греками: «Что есть Вселенная?»

Мой ответ — мы испытываем события высших измерений. Наша обозримая Вселенная — тень высшей сферы.

Сейчас можно задуматься и над большей загадкой: «Почему существует Вселенная?» Задаться этим вопросом — значит попытаться познать мысль Господню.

Способны ли мы на это? В сравнении с мировоззрением, возникающим из наших последних открытий, список из четырех сил выглядит слишком удобным, приспособленным к нашим потребностям. Гравитация приобретает большее значение в сооруженной мною модели, потому что, несмотря на то что это слабейшая из четырех сил, ее постоянное воздействие может заставить материю сжаться до неописуемо малых размеров.

Это означает, что мы можем так никогда и не узнать, работают ли наши теории. Как их проверить? Мы же, в конце концов, не можем заглянуть в мир сверхнитей.

Лишь бесстрастная красота математики может вести нас. Но куда идет этот извилистый путь?

Мы даже не можем решить задачу о движении трех тел, следуя ньютоновской теории гравитации. В моей теории ни для чего нет никаких решений.

Поэтому нет определенности. Даже самая превосходная модель дает нам, в конечном счете, лишь набор уравнений. Но теперь эти закорючки описывают события высших миров, огромных векторных пространств, где неуловимые сущности танцуют свои дифференциальные вальсы.

Все это очень далеко от мира людей. Хотя мы, теоретики, как я понял, до смешного сильно привязаны к нему.

У нас, теоретиков, есть свой дом с прекрасным видом, достаточный уровень доходов, цифровые стереосистемы и импортные машины, уставшие от наших чудачеств супруги — и мы беспечно считаем, что разрешили парадокс нашего существования как мыслящего животного. Но какой компас нас ведет, когда мы плывем в кильватерной струе проходящих мимо, невидимых глазу океанских лайнеров?

В Агре я поднялся рано, чтобы увидеть Тадж Махал. В первых розовых лучах он был похож

на призрак.

Тадж мерцал над роскошными садами, похожий на игрушку, пока я не осознал, насколько огромен был выстроенный целиком из белого мрамора дворец. Правитель, построивший его как гробницу для своей жены, намеревался построить еще и черный Тадж на другом берегу протекавшей позади реки. Он бы лежал, похороненный там, а длинный крутой мост соединял бы оба дворца.

Но его сын, рассудив, во сколько обошелся первый Тадж, сослал своего отца на последние семь лет его жизни в форт из красного песчаника в миле от города. Когда старый правитель был уже слишком болен, чтобы сидеть, он лежал и смотрел на белый Тадж в зеркало до самой смерти.

Я понимаю, мои слова не походят на обычно звучащие в этом зале. Пожалуйста, тем не менее не примите мои странный под-ход за знак неуважения. Я глубоко благодарен Нобелевскому Комитету.

Я попытался поговорить о восприятии науки человеком, потому что мы все, в конце концов, заперты в границах нашего собственного, ограниченного сознания. Если труд, за который я был удостоен такой чести, поднимает больше вопро-

сов, чем разрешает, то это определено условиями нашего существования. Мы постоянно боремся с безмерностью.

Мы кажемся такими маленькими. И все же некая гордыня заставляет нас считать, что мы что-то значим в этом мире.

У философов есть парафраз:

> *Что разум есть? — Ну, не материя для разговора.*
>
> *Что есть материя? — Тут разума не хватит.*

Но посмотрите на микропроцессы, управляемые квантовой механикой. Материя не инертна. Она активна, она постоянно выбирает между вариантами, следуя законам вероятности. Разум существует, по крайней мере в том смысле, что природа делает выбор.

Давайте теперь поднимемся на уровень нашего мозга. Этот хрупкий контейнер усиливает воздействие процессов, происходящих на квантовом уровне, тех единичных выборов, которые совершают в нашей голове молекулы. Мы применяем рычаг масштаба к лежащим более глубоко вероятностным событиям. Мы — увеличители.

А теперь перейдем еще выше. Сама Вселенная

выказывает некоторые признаки дизайна, по крайней мере в вопросе выбора основных физических констант. Если бы эти цифры были другими, ни существование жизни, ни даже стабильность звезд не были бы возможны во Вселенной.

Или, в свете моих вычислений, взгляните на реальность других измерений. Возможно, они свернуты, словно крохотные свитки. Возможно, они просто лежат за пределами нашего знания, за исключением тех проявлений, которые я сумел вычислить. Мы не знаем — пока.

Хотя теперь мы имеем свидетельства умственной работы на многих уровнях физической реальности. Мы можем оказаться всего лишь частью большего действа. Например, мы в какой-то мере участвуем в размышлениях Вселенной о самой себе.

Мы скорее всего никогда не уверимся в этом с достаточной физической точностью. Моя последняя работа и работы других исследователей предполагают тем не менее, что высшие сущности влияют на течение нашего времени, пусть издалека, но глубинно.

Уравнения могут лишь подсказать, намекнуть, описать. Они ничего не могут объяснить.

Но я лично подозреваю, что наш осажденный

мозг все же имеет значение. Каким-то образом. Для чего-то.

Конечно, очень легко сказать, что в некоем далеком измерении у времени нет конца. Но для нас как личностей он-то точно есть: перестрелки, автомобильные катастрофы, болезни.

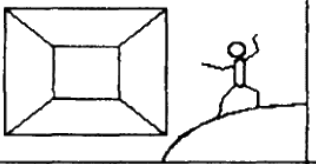
Однако нам дан маленький маячок восприятия, через божественный язык математики. Может быть, для существ, подобных нам, этого достаточно.

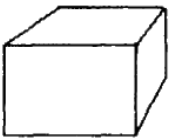
…За Тадж Махалом текла неглубокая река, к которой вели широкие мраморные ступени. Справа заходили в воду индуисты. Некоторые совершали омовение в священных водах; другие медитировали. Слева те же индуисты отправлялись в последний путь. Трупы более богатых жителей Агры сперва сжигали на погребальных кострах, а затем пепел бросали в реку. Тех же, чьи родственники не могли позволить себе оплатить сожжение, после скромной церемонии выбрасывали с пристани на илистую отмель или в воду, если река поднималась. Это делали обычно ранним утром.

В первых лучах рассвета, я наблюдал, как канюки пируют на отмели. Они быстро справились со своей задачей и в пять минут не оставили и

следа от трупа. Тогда птицы снялись и улетели. Тадж стоял на берегу позади меня, безмятежно вечный, его цвет неуловимо менялся вместе с лучами солнца, которое поднималось над деревьями, холодный, совершенный купол гробницы мерцал, отбрасывая назад величественные тени. Каким-то образом в этом древнем, чужом мне месте все, казалось, находилось в соответствии друг с другом. Смерть наставала, так и должно было быть. Из этого простого факта вытекала неподвижность Индии. Я подумал о Моцарте и услышал слабую, словно звучащую издалека мелодию, почувствовал, что без усилий скольжу над морщинами коричневого пыльного мира, где бесконечно многообразие фрагментов и безостановочно кипение страстей, смотрел на падальщиков и на купальщиков, чувствуя медленное, грустное колебание двух несовпадающих миров.

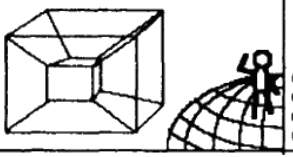
Так двумерец видит проекцию нашего куба.





Такой он на самом деле.

Так мы видим проекцию четырехмерного куба.



?

На самом деле вид 4-х мерного куба со всеми прямыми углами такой. Добро пожаловать в четвертое измерение, это рядом!

Чем можно ограничить размерность мира? А помещается ли (см. рис.) четырехмерная мысль в трехмерном разуме? Или вот еще вопрос — какова толщина той трехмерной страницы четырех и более — мерной книги, где, возможно, записаны параллельные трехмерные миры, один из которых кажется таким реальным. И не приходится ли нам довольствоваться лишь тенями объяснений?

Перевод: А. Колобанов

И снова Манассас[4]

Когда твою машину подстрелят в первом же сражении первой войны века — это не самое ужасное на свете, только ничего хуже Брэдли никак не мог придумать. Они встали чуть свет. Брэдли подбил своего приятеля Пола присоединиться к нему, и они полетели низко над холмами взглянуть на грандиозное скопление людей и техники. Чтобы их не засекли радары, Брэдли скользил над самыми верхушками деревьев, и верхние ветки порой хлестали по брюху корпуса. Еще до восхода солнца приятели вылетели на роскошном бесшумном корабле и скользили над широкими полями с расчетом на то, что поднимающееся солнце ослепит расположенные на земле оптические датчики.

Зрелище было воистину захватывающим. Сверкающие колонны, едкий дым над руинами, доносящиеся издалека приглушенные звуки сражения.

А потом их подстрелили.

---

[4] Примечания: 4

При Манассасе произошло первое крупное сухопутное сражение американской Гражданской войны (21 июля 1861 года).

Попали не прямо, а, к счастью, вскользь. Кренясь в прошитом снарядами воздухе, корабль смог перелететь через две гряды холмов. Приземлились они тяжело и остались живы только благодаря подушкам безопасности.

Из потерпевшей крушение машины им помогли выбраться оказавшиеся поблизости люди из военного отряда, и мальчикам не оставалось ничего, кроме как пойти со спасителями. Похоже на то, что командовал тут Декстер, крупный и загорелый мужчина, который сказал им:

— Мы получили известие, что по этой дороге движется группа мехов. Держитесь с нами, тогда, может, уцелеете.

— Еще чего! — вспылил Брэдли.

— Здесь небезопасно, парень, — отрезал Декстер. — Вы безалаберные избалованные дети, и вы угнали корабль. Может, сегодня вам хоть что-то втемяшится в головы.

Он усмехнулся, обнаружив отсутствие двух передних зубов, и махнул рукой, приказывая продолжать путь в неясном свете раннего утра.

Еды ни у кого не было, но даже если бы была, то с ними бы делиться не стали — так решил Брэдли. Бой за западным холмом отрезал все пути снабжения этих некогда сельскохозяйственных

угодий.

К середине утра они добрались до перекрестка и сразу же по ошибке подстрелили меха-рабочего. Он заметил отряд в старой дубовой роще на склоне холма и со всей возможной для него скоростью бросился прочь. Он принадлежал к классу R, такой хромированный и блестящий.

Женщина с длинной палкой на плече внезапно скинула свою ношу, прицелилась — и прогремел такой громкий выстрел, что Брэдли подпрыгнул. R-мех упал.

— На сегодня первый, — констатировала женщина, которую тут называли Ангел.

— Должно быть, разведчик, — сказал Декстер.

— За что? — воскликнул пораженный происшествием Брэдли, когда они шли вниз по склону к механизму.

Рассветный воздух все еще был прохладным и влажным.

— Мехи отступают? — нерешительно предположил Пол.

Декстер кивнул:

— Сюда движутся. Держу пари, они ужасно напуганы.

Справа в спине у механизма виднелась небольшая дыра, выстрел пробил расположенный там

сервопривод.

— Неплохой выстрел, — произнес кто-то из мужчин.

— Я ж говорила: эти штуковины работают, — гордо заметила Ангел. — На сей раз я хорошенько прицелилась. Помогает.

До Брэдли внезапно дошло, что люди несут с собой не просто механические стержни, а оружие, изготовленное на заводах, где работали исключительно люди. «Орудия убийства, — изумился мальчишка. — Совсем как в стародавние времена. Упоминания о них встречаются, например, в драмах, но сами уже лет сто как незаконны!»

— Может, этот мех просто испугался, — предположил Брэдли. — Его программное обеспечение позволяет испытывать такое чувство.

— С помощью бипера мы послали предупредительный сигнал, — сказал Декстер, хлопнув по ранцу у себя на спине. — Вот прямо отсюда, из этой маленькой штуковины. Если мехи не хотят нарваться на неприятности, им нужно всего-навсего медленно подойти к нам и лечь, чтобы мы взглянули на их программные кубы.

— Блокировали их?

— Конечно. Как еще сможем мы быть уверены?

— Этот удирал, ясно как белый день, — сказала Ангел, перезаряжая винтовку.

— Может, он просто не понял, — стоял на своем Брэдли. — Модели R — проворные, ловкие, их социальные навыки хоть куда.

— Разумеется, понял, — заявила Ангел, открывая центральный порт механизма и вытаскивая оттуда идентификационный куб. Смотрите, он из Санфрана.

— Если он не конфедерат, то зачем ему забираться в такую даль? — спросил чернокожий мужчина по имени Нельсон.

— Верно, — согласился Декстер. — Пометь его как солдата армии южан. — Тут он вручил Брэдли наручный коммуникатор. — Учет будем вести добросовестно. Парень, ты сегодня будешь заносить данные.

— Конфедерат, значит. Ясно, — сказал Брэдли, вводя информацию в коммуникатор. Это простое занятие было как нельзя кстати, оно успокаивало и помогало привести в порядок свои чувства.

— Уж будь уверен! — возбужденно заверил Нельсон. — Только посмотри на него. Какой сообразительный мех, поумней прочих, пытался спастись. Удирал от нас, людей. Ведь к западу отсюда мы только что смяли немало механизмов.

— Никогда не могла себе позволить такую хромированную штуковину, — произнесла Ангел. — И они тоже знали об этом. Один из мехова класса R скалился на меня в супермаркете, пытался выхватить банку соевой тушенки. — Она саркастически рассмеялась. — Тогда на полках уже почти ничего не осталось.

— Изящная вещица, да? — Нельсон пнул механизм, который покатился вниз по склону.

— Только вы его испортили, — подал голос Брэдли.

— Закатите его вон в ту яму, чтобы с дороги не было видно, — приказал Декстер. И жестом показал на Пола. — Ты пойдешь с другим отрядом. Эй, Мерсер!

Вперед шагнул верзила, который только что пытался, минуя шипы, осторожно сорвать плоды с растущей в овраге колючей груши. Все изголодались.

— Перейдешь через дорогу, спустишься вниз и устроишь засаду, — велел ему Декстер. Возьмешь с собой этого парня — тебя ведь Пол зовут, верно? — он поможет тебе. Мы встретим их на перекрестке огнем.

Мерсер ушел вместе с Полом. Брэдли помог Ангелу дотолкать мертвого меха до оврага. Робот

катился вниз и взмахивал руками, оставляя средь весенней травы свежие сырые рытвины. Потревоженная земля источала влажные ароматы. На всякий случай люди прикрыли блестящий корпус прелой листвой, а Декстер к тому времени уже разместил своих людей на позиции.

Поодаль от асфальтированного перекрестка они организовали нечто вроде засады. Брэдли понял: им нужно, чтобы перекресток выглядел безопасным. Нужно, чтобы мехи двигались быстро и не останавливались.

Во время работы Брэдли услышал идущий от горизонта раскатистый низкий звук, словно где-то там, вдалеке, пробудился великан. С того места, где он стоял, просматривались обе дороги, по которым из района боевых действий могли катить мехи. Брэдли с уважением отметил, что Декстер одновременно находится будто бы повсюду и выкрикивает приказы.

Взрослые взволнованно обсуждали, как пойдет дело с мехами, насколько просто их одурачить и даже спровоцировать на драку между собой, — законы и акронимы действительно мало что значили для механизмов, но новомодным течением пропитывали массовую культуру. Брэдли про себя посмеялся этому. И на миг его тревогу

пересилило чувство собственного превосходства.

Весеннее утро было свежим, показавшееся из-за дальнего холма солнце грело спины. В такое время все отлично растет, но заброшенные поля никто не возделывал. Здесь должны были бы работать мехи, заботиться о будущем урожае. Но вместо этого они отправились за неровные гребни холмов, чтобы биться с людьми, которые, как втайне надеялся Брэдли, надерут им задницу. Хотя у мехов задницы нет, напомнил он себе.

Вдвоем с Декстером они залегли за бугорком на склоне холма. Декстер бубнил в рацию, лицо его подергивалось от нетерпения и тревоги. Брэдли смаковал густой запах молодой травы и лениво размышлял, не отведать ли ему свежей зелени. Декстер присматривал за возводимой отрядом баррикадой, потом сказал:

— Знаю, мы находимся слишком близко от дороги, но, пока есть патроны, выражение «слишком близко» неуместно. С нашим оружием лучше подобраться к неприятелю как можно ближе. Когда роботы движутся быстро, их легче подкараулить, но и им тоже проще поразить нас.

Брэдли заметил, что сейчас Декстер проявляет больше нетерпения, чем когда находился со своим отрядом. На памяти Брэдли он вел себя так

впервые. По крайней мере, в цивилизованном мире.

— Важно знать, что в крайнем случае можно и отступить, — продолжал Декстер.

Брэдли нравился Декстер, и он спросил у вояки:

— Как вы научились сражаться?

Вопрос озадачил Декстера, и он ответил:

— Хобби у меня такое. Я анализировал великие римские кампании в Африке, Азии, а также изучал здешние войны с индейцами.

— Они любили устраивать засады?

— Было такое дело. Конечно же, когда сыны Альбиона изобрели паровые автоматы, тогда да, римляне смогли диктовать условия всем племенам и не на шутку их беспокоить. — Тут Декстер искоса взглянул на мальчика и спросил: — А ты изучаешь историю, парень?

— Меня зовут Брэдли, сэр. Родители не разрешают мне читать о сражениях. Они не устают повторять, что мы выше всего этого.

— Ах, да! Всеобщая Церковь Справедливости?

— Да, сэр. Они говорят, что…

— Эта чепуха годится для людей. Другое дело — мехи.

— В чем их отличие?

Вглядываясь в дорогу, Декстер цыкнул зубом и сказал:

— Они нелюди. Игра по правилам.

— Думаете, их сложно победить?

Декстер усмехнулся:

— Эволюция трудилась над нами пару миллионов лет. Они же появились лет пятьдесят назад.

— Неужели только в тысяча восьмисотом? А я думал, что роботы у нас были всегда.

— Вздор. История для детишек все равно что темный лес.

— Нет, сэр. Мне известны такие значимые факты, как День американской независимости от Империи, а также Имперский запрет на такое оружие, как у вас, и еще…

— Сынок, история — это не только даты, которые тоже далеко не только цифры. Что с того, что мы наконец-то избавились от римлян? Они были горсткой малодушных трусов, и все. «Мирная Империя» — оксюморон, парень. Этот 3D, ребятки, пичкает вас всякой дрянью, не позволяя увидеть войну даже на экране, разве что изредка покажет изрядно приукрашенные исторические картинки, так что неудивительно, что вы не знаете, с какого конца ружье стреляет.

Брэдли счел это заявление несправедливым,

но, понимая, что Декстер — не обычный для него человек, промолчал. Игра по правилам? Что бы это значило? Игра по правилам — это когда все довольны и каждый может победить.

Или мир не так прост, как прежде полагал Брэдли? Здешний чудный воздух звенел и потрескивал, отчего покалывало кожу, трепетали нервы.

Вернулась Ангел и, тяжело дыша, устроилась возле установленной на треноге тяжеленной штуковины.

Ниже по склону с винтовкой в руках расположился Нельсон. Он тоже установил треногу, на которой пристроил некую систему из множества цилиндров и темных стальных скользящих частей, — такого Брэдли раньше видеть не доводилось. Обливаясь потом, Нельсон засунул в это сооружение длинную изогнутую коробку, которая со щелчком встала на очевидно предназначенное ей место. Мужчина улыбнулся, явно довольный тем, что составные части правильно взаимодействуют друг с другом.

Брэдли пытался угадать функции всех этих различных видов оружия, когда услышал, как по дороге на большой скорости приближается машина. Он взглянул на бегущую с дальних холмов

извилистую черную ленту асфальта и увидел между стволов ясеней нечто громоздкое.

Это оказался открытый грузовик с кузовом, набитым мехами. У этих были корпуса цвета меди. Наверное, фабричные роботы. Одинаковые, как упакованные в коробку яйца, они поблескивали в лучах солнца.

Декстер пробормотал что-то в рацию и показал на три мелово-белых камня у дороги — они были похожи на мишени. Грузовик миновал перекресток и выскочил на прямой участок дороги как раз перед Брэдли. Подъем здесь становился круче, а потому, проезжая мимо камней, грузовику пришлось сбросить скорость.

Брэдли никак не мог понять, откуда здесь взялись роботы — по крайней мере, не знал наверняка, — а потом выбросил эту мысль из головы. Сердце бешено стучало от возбуждения. Затаившийся рядом с ним Декстер напоминал кота, который отлично знает, где сидит канарейка, и готов в любой миг вонзить в нее когти.

Когда грузовик поравнялся с камнями-ориентирами, Ангел открыла огонь. Такого грохота Брэдли еще никогда не слышал, и первым его желанием было зарыться головой в траву. Когда он осмелился снова взглянуть на дорогу, то увидел,

как грузовик закрутило вокруг оси, а потом он слетел в овраг и покатился вниз.

Медные роботы словно в замедленной съемке вылетали из кузова. Большинство из них приземлилось в траву и осталось неподвижно лежать на земле. Грузовик тяжко ударился о каменный выступ, и его падение прекратилось. Несколько мехов поднялись с земли и попытались спрятаться за грузовиком, полагая, быть может, что их обстреливает только одно орудие, но тут расположившийся напротив, через дорогу, отряд открыл огонь. Механизмы вновь попадали и затихли. В маленькой долине стало тихо. Брэдли слышал, что мотор грузовика все еще работал, потом неожиданно взвыл и умолк.

— Я попала прямо в приборную панель, видели? — громко отчиталась Ангел.

Хотя Брэдли этого не приметил, но все же ответил:

— Да, мэм, так и есть.

— Всегда бы так, — кивнул Декстер. — Если не нужно стрелять в каждого по отдельности, выходит хорошая экономия боеприпасов.

— Похоже на то, роботы моделей S и F, ужасно тяжелые! — крикнул Нельсон.

Ангел кивнула и усмехнулась:

— Будет проще скинуть их в овраг.

Декстер не слышал этого разговора, он находился рядом с Брэдли и говорил в рацию:

— Майрон, организуй людей, уберите это с дороги. С помощью ключей ручного управления можно заставь их топать ко дну оврага, там бежит ручей. Пусть сами прыгнут в воду.

— А как же грузовик? — спросил Брэдли, поражаясь собственной смелости.

Декстер на секунду нахмурился, потом сказал:

— Те, кто поедет по дороге следом, решат, что мы ударили с воздуха. На западе такое вчера частенько случалось.

— Сегодня что-то не видно наших самолетов, — заметил Брэдли.

— Мы несем потери. Уцелевшие остались на земле, потому что на закате некоторые мехи стали попадать по нашим. Троих подбили в небе. Только мехи не знают об этом. Они решат, что сегодня происходит то же, что и вчера, и этому грузовику просто не повезло. — Декстер улыбнулся и осмотрел свою винтовку, из которой, впрочем, до сих пор не сделал ни одного выстрела.

— Пожалуй, пойду помогу им, — сказал Брэдли и начал было вставать.

— Нет, у нас не так много ключей. Парни знают, как ими пользоваться. Ты лучше присматривай за дорогой.

— Но мне бы хотелось…

— Помолчи, — велел Декстер тоном одновременно небрежным и не терпящим Возражений.

Брэдли достал бинокль и принялся изучать дорогу. Утреннее солнце уже здорово припекало, и над долиной поднималось марево. Мальчик сперва никак не мог понять, действительно ли на расстоянии нескольких километров что-то движется, или это только ему кажется, но вскоре убедился в реальности происходящего. Он сообщил Декстеру, тот предупредил остальных, и мехов стали убирать с глаз долой в сумасшедшей спешке.

Роботы в самом деле были мертвы, но люди могли задействовать их резервные мощности и заставить на колесах или гусеницах катиться по дороге, чтобы затем опрокинуться в овраг и нырнуть в ручей. До Брэдли доносились взрывы смеха, которыми команда провожала мехов, с фонтанами брызг кувыркавшихся в коричневую воду. Некоторых коротило, они махали конечностями и крутились вокруг своей оси, комично имитируя движения пловцов. Это продолжалось

считаные секунды, потом они тоже тонули.

Нельсон взбежал на холм с длинной трубой на спине и сказал:

— Вон гранатомет, о котором ты просил. Ренсинк не очень-то хотел отдавать эту штуковину.

Декстер рассматривал дорогу в бинокль.

— Оставь здесь. У нас тут повыше, чем у Ренсинка.

Декстер взял металлическую трубу, больше всего напоминающую телескоп, с помощью которого Брэдли со своими друзьями изучал небо. Мальчик спросил нерешительно:

— Если вы, сэр, не собираетесь стрелять из своей винтовки, э-э-э, я бы…

— Хочешь взять ее, да? — усмехнулся Декстер.

— Ну да, я подумал, что если вы не…

— Ну конечно. Держи. Стрелять нужно вот так. — Он показал как. — Держишь таким вот образом, прицеливаешься по этой линии. Я сам работал на станке, так что знаю, что к чему, — штуковина отличная. Чтобы сделать оружие, нам пришлось выучиться всем тонкостям ремесла старых добрых времен.

Брэдли ощутил вес и важность предмета, который держал в руках, и робко попытался прицелиться вдоль дороги. С осторожностью

невинного любовника коснулся курка. Если он просто надавит на прохладный кусочек металла, то продырявит — ну, возможно, продырявит — корпус движущегося меха. И в грядущем хаосе больше не нужно будет иметь с ним дело. Таким вот образом размышлять о сложном вопросе казалось легче. И эта простота пришлась Брэдли по душе.

Мехи приближались небыстро, и теперь, глядя в бинокль, Брэдли смог разглядеть почему. Они катили на самодвижущихся машинах, представлявших собой трехколесные средства, платформы из блестящей латуни.

Платформы двигались медленно, — возможно, их запас энергии был на исходе. Пока Брэдли наблюдал за ними, один из механизмов развернул солнечную батарею, остальные последовали его примеру, только это не помогло, и двигались они по-прежнему медленно. Эти мехи совсем не походили на изящных бытовых роботов, которые носились по велосипедным дорожкам с разнообразными поручениями от хозяев. Тут были преимущественно механизмы класса N и P.

Нажимая на педали передними манипуляторами, они выехали на перекресток. Передний заметил у обочины грузовик, сообразил, что здесь

что-то не так, и поднажал. Хотя приказа от Декстера не поступало, Нельсон выстрелил в робота и попал. Первый мех кувыркнулся, его конечности попали в собственный цепной привод. Ангел не вытерпела и тремя выстрелами уложила трех мехов. Грянул хор выстрелов и взрывов — ни одно оружие не звучало как другое, — и в этой какофонии Брэдли нажал на курок и ощутил удар в плечо.

Он целился в движущийся в самом конце маленькой колонны механизм, и когда вновь взглянул на дорогу, тот со скрежетом металла об асфальт катил, заваливаясь набок и рассыпая сноп искр.

— Остановитесь! Прекратить огонь! — заорал Декстер. Грохот стрельбы смолк, и остался слышен только лязг механизмов, скатывающихся в овраг. — Убрать их с дороги, быстро! — приказал Декстер.

Он махнул Брэдли, показывая рукой вниз, и мальчик помчался взглянуть на развороченные механизмы вблизи. На бегу ему показалось, что механизмы остались практически целы за исключением нескольких вмятин, но вблизи оказалось, что в каждом зияет по нескольку дыр. Он улучил момент и взглянул на раскрасневшегося

Пола, который тяжело дышал, прикрыв глаза. Было не до разговоров.

Мужчины и женщины с помощью ключей ручного управления вновь оживили механизмы, кроме одного, у которого полностью снесло заднюю часть. Брэдли помог троим мужчинам поставить его на колеса и докатить до эвкалиптовой рощи. Там его опрокинули в яму и забросали ветками. Брэдли поискал взглядом робота, которого сам подстрелил, но уже не смог отличить его от прочих.

Мальчика охватило тревожное предчувствие. В ноздри бил острый запах трав и деревьев. Брэдли взбежал по склону вверх, отыскал винтовку, которую уже считал своей, и залег в траве рядом с Декстером.

Он просто втягивал в себя воздух и разглядывал винтовку, состоявшую из всяких сложных деталей. Декстер бросил ему три обоймы и коробку патронов в медных капсулях. Надпись на коробке гласила, что патроны бронебойные. Брэдли неловко возился с винтовкой, учась заряжать обойму, но вдруг встрепенулся и поставил оружие на предохранитель. Вдалеке послышался шум гусеничного механизма.

Он приближался. Перекресток сейчас ничем

не отличался от всех прочих, никаких явных признаков засады, но отряд Мерсера установил на дороге две мины. Их было уже не отличить от асфальта. Брэдли знал, где они находятся, по ориентиру — белым камням, — и еще поверхность мин была более гладкой, чем асфальт.

Интересно, могут ли мехи почуять мины. Их органы чувств по некоторым параметрам превосходили человеческие, но кое в чем уступали. Брэдли понял, что никогда не задумывался о внутреннем мире механизмов — не больше, чем о внутреннем мире животных. Хотя понять механизмы не составляло труда. В принципе, их можно было оцифровать и детально изучить.

Лязг приближавшегося транспортника вытеснил из головы мальчика праздные размышления.

— Активируйте! — крикнул Декстер, и прозвучавшее в его голосе напряжение было созвучно возбуждению Брэдли.

Словно в видеоигре, из-за растущих вдоль дороги деревьев показалась большая гусеничная машина. Она была полна мехов, которые болтало и трясло, на прицепной платформе их тоже набилось множество. Когда Брэдли перевел взгляд на заминированный участок дороги, мины сразу

же бросились ему в глаза, подобно паукам на белоснежной скатерти. Вся долина трепетала и переливалась в ярком свете. В нос били запахи, ладони холодила блестящая винтовка.

Брэдли показалось, что робот-водитель непременно заметит мины, остановится и отъедет назад. А мехи-пассажиры спрыгнут с платформ и покатятся по дороге, стреляя по людям лазерами, переделанными из промышленных в боевые. Брэдли доводилось слышать о механизмах, которые умудрялись обойти ограничительные программы и начинали сражаться. Брэдли крепче сжал винтовку. Он чувствовал близость Декстера, который тоже целился из странного оружия, наподобие телескопа, и Ангела, которая вполголоса ругалась, выжидая.

— Если бы они были как мы, то остановились бы при первых признаках заварушки, — пробормотал Декстер. — Затем рассредоточились бы по обеим сторонам дороги и атаковали, обойдя нас с флангов.

— Думаете, они так и сделают? — озадаченно спросил Брэдли.

— Не-а. Нет у них того, что есть у нас.

— И что… что же это? — Брэдли было известно о разнообразных специальных возможностях,

которыми обладали механизмы.

— Яйца.

Взгромоздившиеся на платформу гусеничной машины механизмы обозревали дорогу, цепляясь манипуляторами за борта на крутых поворотах.

И тут один из них заметил мины и выбросил по направлению к ним серворычаг. Передние мехи предупреждающе взвыли, гусеничный грузовик дал по тормозам и съехал на обочину. Остановился у края оврага, тяжко заскрежетал и дал задний ход.

С передней платформы грузовика спрыгнули три меха. Брэдли взял на мушку одного из них, и тут прогремела серия взрывов, заставив мальчика вздрогнуть и позабыть обо всем на свете.

Капот грузовика растворился в голубом облаке. С жутким грохотом прицепная платформа отлетела назад.

В воздухе замелькали точки, подобно темному фонтану, взлетали ввысь осколки и падали на склон оврага. Поблизости от Брэдли на землю шлепнулись крупные обломки механизмов, и он зарылся лицом в траву. Вскрикнул, когда его ударило по колену, потом что-то перелетело через него. По спине забарабанили камни.

Когда Брэдли поднял голову, то ожидал увидеть

на дороге лишь груду обломков. В ушах звенело. Может, он совсем оглох? Сквозь дым он увидел, как от развороченного грузовика ковыляют несколько механизмов. Их было пять, и держались они вместе.

Он вскинул винтовку и поспешно выстрелил в переднего робота. Тот упал, Брэдли пальнул в следующего, потом еще раз, и видел он только вихрь теней и крутящиеся, движущиеся кляксы.

Стреляла Ангел, и Нельсон тоже, резкий треск выстрелов напоминал звук, который получается, когда бежишь вдоль забора, ведя по нему палкой. Через несколько секунд на дороге уже не осталось ни одного механизма.

Но два засели в овраге. Клубился серый дым.

Брэдли увидел, как из дыма, подобно сполоху света, выскочил механизм. И услышал, как вскрикнула и выругалась Ангел. С руки у нее потекла кровь.

В воздухе на миг мелькнул другой сполох света и миновал Ангела, но третий выбил у нее оружие, которое с громким треском разлетелось на детали. Брэдли прицелился в механизм и палил до тех пор, пока не потерял из вида его, а также второго, который осел на землю и затих.

Долину накрыла плотная тишина. Горел грузо-

вик, но на дороге больше ничто не двигалось.

Ангел стонала, Нельсон бросился ей на помощь, на ходу вытаскивая походную аптечку. Убедившись, что с Ангелом все будет в порядке, Декстер и Брэдли медленно двинулись по направлению к дороге.

— Держу пари, что это был последний большой отряд. Теперь-то мы без проблем доставим наших беспризорников.

Брэдли с трудом переставлял ноги, они стали тяжелыми, как колоды. Он махнул Полу, который уже стоял на дороге, но не хотел ни с кем разговаривать. Воздух был каким-то хрустящим, напоенным всевозможными запахами, которые будто наслаивались друг на друга, подобно разным видам мороженого с сиропом.

— Эй! — крикнул из кабины грузовика Мерсер. — Тут у них еда!

Внимание всех присутствующих переключилось на кабину. Мерсер вытащил коробки с сухим пайком, несколько банок консервов и упаковку безалкогольного напитка.

— Это что-то новенькое — мехи возят с собой еду, — удивилась Ангел.

Несколько минут они поглощали провизию, пока не послышался крик Пола:

— Тут у них человек!

Пол стоял над телом мальчика, наполовину скрытым под мертвым мехом. И Брэдли понял, что отряд механизмов прикрывал собой этого парня, защищал от пуль.

— Он еще жив, — сказал Пол. — Только едва-едва.

— Еда предназначалась ему, — проговорил Мерсер.

Брэдли склонился над раненым. Пол бережно поддержал голову мальчика, но было ясно, что надежды нет: белое лицо говорило о большой кровопотере, лужа крови растекалась вокруг и уже подсыхала коричневатой ржавчиной. И здесь нет установки криоконсервации. Посиневшие губы затрепетали, и мальчик прошептал:

— Плохо… мама… больно…

— На идентификационной карточке записано, что парень находится под наблюдением мехов, — сказал Декстер.

— Как такое возможно? — спросила Ангел.

— Тут сказано, что он психически уязвимый. Эти механизмы оказывали ему медицинскую помощь.

Декстер перевернул корпус одного меха и обнаружил эмблему касты Н.

— Какого черта они спутались с мехами из армии южан? — раздраженно вопросил Нельсон, явно жалея, что не на ком сорвать зло.

— Простая случайность, — сказал Декстер. — Неразбериха. Наверное, они сочли, что поступают правильно, вывозя подопечного из зоны военных действий.

— Проклятие, — снова выругался Нельсон. Потом безмолвно зашевелил губами.

Брэдли встал на колени и прогнал с лица умирающего мух. Попробовал дать ему воды, только взгляд мальчика был уже далеко, вода ручейком стекала по щеке. Ангел пыталась осмотреть рану, но взгляд у нее был словно восковой.

— Проклятая война, — проговорил Нельсон. — Мехи, они виноваты в этом.

Брэдли взял у Пола саморазогревающуюся чашку бульона и еще раз попытался напоить мальчика. На вид тому было не больше пятнадцати, и он невидящим взглядом уставился в безоблачное небо. На руку ему села бабочка, трепеща крылышками в свете косых желто-золотых солнечных лучей, и запустила хоботок в подсыхающую коричневую кровь. Брэдли отрешенно подумал: «Разве бабочки едят кровь?» Тут раненый поперхнулся, бабочка взмыла вверх, и ее

подхватил ветерок, а когда Брэдли снова взглянул вниз, мальчик был уже мертв.

Некоторое время они стояли возле тела. Дорога была усыпана обломками корпусов, клубками спутанных внутренностей механизмов, кусками взорванного грузовика. На сегодня с засадами покончено, и дорогу никто не собирался расчищать.

— Знаете, эти механизмы по оказанию медицинской помощи, они довольно умны, — проговорил Пол. — Просто они приняли неверное решение.

— Может статься, они были поумней этого мальчика, — заметил Брэдли. Погибший парень был не намного его младше, но глаза у него были пустые. — Но тем не менее он был человек.

Приподнятое настроение и душевный подъем, который Брэдли ощущал все утро, улетучились.

— Ну и дела, да? — сказал он, не обращаясь ни к кому конкретно. Другие тоже так делали, просто говорили что-то ветру и, пока тот уносил слова, начинали наводить порядок.

И все же яркость и жизненная сила воздуха пока оставались при нем. Никогда еще Брэдли не чувствовал себя настолько живым. Внезапно ласковый и защищенный мир, окружавший

его с рождения, показался ему ограниченным и лживым, показался западней. Все человеческое общество обитало в коконе, в бархатном чехле, за которым присматривали механизмы.

Люди давно нашли альтернативу войне: материальные блага. И простая человеческая доброта. *Человеческая* доброта.

Может, отныне все это в прошлом.

Ничего, не беда. Не то чтобы теперь они обрели мир, который хотели, но жизнь острую и пикантную, с зернистым привкусом войны. Прежде Брэдли обитал в кристальных мирах разума под спокойными безукоризненно-чистыми покровами, и его тело истосковалось по сырой земле и ее влажным тайнам.

Нельсон вместе с Мерсером собирали знаки отличия мехов.

— Хочешь АВ? Здесь мы нашли одного. Должно быть, его настигли и прихватили с собой эти рабочие мехи, — сказал Брэдли Нельсон.

— Я только запишу серийные номера, — машинально отвечал Брэдли, не желая разговаривать с Нельсоном больше, чем необходимо. И ни с кем другим тоже. Слишком уж много болтовни.

Он занес цифры в свой коммутатор, потом спихнул корпуса мехов с дороги.

К нему подошел Декстер и спросил:

— Уверен, что не хочешь взять один? — В руках у него был лазер одного из мехов-конфедератов. Черный, ребристый, блестящий. Ангел сохранит один на память. Наверное, всю жизнь будет рассказывать историю о своем ранении и показывать лазер, который, быть может, ранил ее.

Брэдли взглянул на элегантную и странно чувственную вещицу, заманчиво блестевшую на солнце.

— Нет.

— Уверен?

— Уберите эту проклятую штуковину.

Декстер озадаченно взглянул на него и отошел прочь. Брэдли смотрел на мехов, которых сталкивал с дороги, и пытался думать о том, как они отличались от того мальчика, который, скорее всего, был глупее их, но мысли затуманивало воспоминание о том, как приятно было держать в руках винтовку, вдыхать сладкий запах травы и стрелять по целям, которые появлялись на перекрестке в ярком солнечном свете. Размышлять на такой полуденной жаре было сложно, и вскоре Брэдли вообще перестал думать. Так проще.

Перевод: М. Савина

Червь в колодце

Ей предстояло испечься, и все потому, что она не смогла кое-кого заморозить.

— Оптический, — велела Клэр. Эрма подчинилась.

Вокруг них кипящей равниной простиралось Солнце. Клэр прибавила мощности воздушному кондиционеру, но это мало помогло.

Из желтовато-белой пены вырывались гейзеры — ярко-красные и актинически-фиолетовые. Корональная дуга едва выглядывала из-за горизонта, напоминая обручальное кольцо, наполовину воткнутое в кипящую белую грязь. Монстр длиной более двух тысяч километров, длинный, гладкий, тонкий и гневно-малиновый.

Клэр приглушила освещение в кабине. Когда-то она прочитала, что в темноте людям кажется, что им прохладнее. Температура в кабине была нормальной, однако Клэр начала потеть.

Снизив яркость желтых и красных оттенков на большом экране перед собой, она заставила раскаленные добела солнечные бури казаться голубоватыми. Может быть, это обманет и ее

подсознание.

Клэр развернула зеркало, чтобы рассмотреть корональную дугу. Благодаря преломлению лучей ее изображение выглядывало из-за солнечного горизонта, поэтому Клэр видела дугу заранее. Орбита ее корабля шла по ниспадающей кривой вытянутого эллипса, а нижняя ее точка была рассчитана так, чтобы соприкоснуться с вершиной дуги. Пока что наложенная на орбиту расчетная траектория упиралась точно в цель.

Программы, разумеется, не волнует жара. Гравитация — штука прохладная и спокойная. Жара — это для инженеров. А Клэр — всего лишь пилот.

В виртуальной рабочей среде, в которую она сейчас погрузилась, сенсорные органы управления выдавали ей абстрактные расстояния до реального физического окружения — фонтанов яростного газа и молотящих по обшивке фотонов. Разумеется, Клэр не держала зеркало, но ощущение было именно таким. Легкое перышко в руках и бодрящая комнатная температура.

Оптический блок висел на шарнирах высоко над кораблем — настолько далеко от термозащитного экрана, что получал всю дозу солнечного жара и быстро нагревался. Он скоро расплавится,

несмотря на систему охлаждения.

Ну и пусть. К тому времени он ей будет уже не нужен. И она сама окажется под солнечными лучами.

Клэр протянула виртуальные руки и повернула зеркало. Все виртуальные изображения затмевало нечто вроде глянцевой пленочки, которую не могла стереть даже Эрма, ее сим-компьютер. Они выглядели слишком хорошо. Зеркало уже покрылось щербинами, что было видно по изображению дуги, но сим упорно показывал его в идеальном состоянии.

— Цвет — это индикатор температуры, правильно? — спросила Клэр.

КРАСНЫЙ
ОБОЗНАЧАЕТ УРОВЕНЬ 7 МИЛЛИОНОВ ГРАДУСОВ ПО КЕЛЬВИНУ.

«Ох уж эта кокетливая Эрма, — подумала Клэр. — Никогда не даст прямой ответ, пока ее не начнешь упрашивать».

— Покажи крупно верхушку дуги.

Перед глазами заскользил бурлящий солнечный ландшафт, уносясь назад. Корональная дуга представляла собой семейство трубчатых магнитных силовых линий, переплетенных столь же замысловато, как викторианская кружевная

салфеточка. Ее основание, уходящее в фотосферу, удерживалось на месте густой и медлительной плазмой. Клэр увеличила изображение дуги. Самое горячее из всех достижимых мест Солнечной системы, и ее добыча оказалась именно здесь.

ЦЕЛЬ ОБНАРУЖЕНА И ОПОЗНАНА СПУТНИКОМ СОЛНЕЧНОГО ДОЗОРА. ОНА НА САМОЙ ВЕРШИНЕ ДУГИ. ОНА ТАКЖЕ ОЧЕНЬ ТЕМНАЯ.

— Конечно, дурочка. Это же дыра.

Я СЕЙЧАС ПОЛУЧАЮ ДОСТУП К СВОЕЙ АСТРОФИЗИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЕ.

Идеальная Эрма аккуратно сменила тему.

— Покажи мне ее с цветовым кодированием.

Клэр стала разглядывать круглое черное пятнышко. Совсем как муха, угодившая в паутину. Что ж, она хотя бы не дергается, и лапок у нее нет. Магнитные пряди покачивались и колыхались, как пшеница под летним ветерком. При этом цветовом кодировании трубки магнитных потоков изображались синими и смотрелись как-то зловеще. Но на самом деле это были обычные магнитные поля, а с ними Клэр работала каждый день. Странностью здесь была темная сфера, которую они удерживали. И голубые пряди, крепко сжимающие черную муху.

А это оказалось удачей. Иначе спутники наблю-

дения за Солнцем никогда бы ее не заметили. В открытом космосе нет задачи труднее, чем отыскать это угольно-черное пятнышко. Поэтому его никто и никогда не видел — до сих пор.

ТЕПЕРЬ НАША ОРБИТА ПОДНЯЛАСЬ ВЫШЕ УРОВНЯ ПЛОТНОЙ ПЛАЗМЫ. Я МОГУ УЛУЧШИТЬ РАЗРЕШЕНИЕ, ПЕРЕЙДЯ В РЕНТГЕНОВСКИЙ ДИАПАЗОН. СДЕЛАТЬ?

— Сделай.

Пятно набухло. Прищурившись, Клэр разглядывала в этом охристом свете трубки магнитных потоков. В рентгеновских лучах они выглядели четкими и скрученными. Но вблизи пятна силовые линии расплывались. Возможно, они здесь спутывались, но скорее всего причиной было пятно, искажавшее картинку.

— А ты, оказывается, девушка стеснительная…

Она увеличила рентгеновское изображение. В жестких лучах горячие структуры видны лучше всего.

Пятно. Свет там был смятым, крученым, перемешанным ложкой.

Муха, угодившая в паутину, а затем поджаренная над костром. А Клэр нужно приблизиться, опалить свои волосы, сфотографировать ее. И все потому, что она не смогла кое-кого заморозить.

Легкой походкой она шла по коридору, находящемуся в трехстах метрах под шлаковыми равнинами Меркурия, поглядывая на пенистые фонтанчики в фойе ее жилого комплекса. Почти ни на что не обращая внимания, разве только на свежий запах фонтанов. Вода здесь была наилучшая — пресная, с полюсов, а не рециркулированная бурда, которую приходилось терпеть в полетах. Клэр глубоко вдохнула насыщенный мельчайшими капельками воздух. Тут ее и сцапали.

— Клэр Эмбрейс, я произвожу формальную строгую блокировку.

Он вставил сустав среднего пальца в локтевой разъем Клэр, и она ощутила холодный щелчок. Ее системы застыли. Не успела она пошевелиться, как целые командные цепочки в ее встроенных компьютерах прервались.

Ощущение было такое, будто ей ампутировали пальцы. Финансовые пальцы.

Шокированная, Клэр могла лишь разглядывать его — неприметный, как мышь, из тех, кто сливается с фоном. Идеальный для такой работы. Никто из ниоткуда, полный сюрприз.

Он отступил на шаг:

— Мне очень жаль. «Исатаку инкорпорейтед»

приказала мне сделать это быстро.

Клэр подавила непроизвольное желание ударить его. Он выглядел жителем Луны, худой и бледный. Может, весит он чуть больше ее, но противник примерно равный. А как это было бы *приятно…*

— Я смогу им заплатить, как только…

— Они сказали, что хотят получить все немедленно. — Он пожал плечами, извиняясь, но челюсти были стиснуты. Он привык к таким сценам.

Клэр вспомнила, что вроде бы видела его в каком-то баре возле Вершины. На Меркурии живет не более тысячи человек, и почти все, как и она, занимаются добычей руды.

— «Исатаку» следовало сохранить мне кредит, — заметила она, потирая локоть. Инъекция программ не должна причинять боль, но это всегда больно. Нечто связанное с нервно-мышечными пересечениями. — Из-за этого мне будет трудно даже доставить «Серебряный лаггер» обратно.

— О, они дадут вам путевой кредит под корабельные припасы. И разумеется, аванс за груз руды. Но небольшой.

— Не такой большой, чтобы помочь мне вы-

браться из долговой ямы.

— Боюсь, что так.

— Очень благородно.

Он проигнорировал ее сарказм:

— Они хотят, чтобы корабль был доставлен на Луну.

— Где они его конфискуют.

Она направилась к своей квартире. Клэр знала, что такой исход близок, но из-за суматохи при подготовке документов для доставки партии руды проявила беспечность. Агенты вроде этого типа с Луны обычно наносили своим жертвам удар у них дома, а не в коридоре. И Клэр держала в квартире парализатор, в удобном месте возле двери.

Так, его надо отвлечь.

— Я хочу заявить протест.

— Подайте его в «Исатаку».

А парень работает четко и эффективно, наверное, ему сегодня предстоит доставить еще дюжину порций плохих новостей. Занятой человек.

— Нет, вашему нанимателю.

— Моему? — Это его проняло — каменная челюсть удивленно отвисла.

— За… — она резко свернула за угол к своей

квартире, улучив момент, чтобы тайком достать одну штучку, — умышленное проникновение в мои внутренние системы.

— Эй, я и не прикасался к вашим…

— Я это почувствовала. Такие пронырливые штучки… ух! — Пожалуй, можно немного поприкидываться, хотя бы развлечься немного.

— У меня тройная блокировка, — оскорбился он. — Я просто не смогу считывать информацию у клиента. Можете спросить…

— Заткнись.

Клэр торопливо подошла к двери квартиры и разблокировала ее сигналом внутреннего компьютера. Подходя, она ощущала его — в трех шагах сзади.

Ну, начали! Нога через порог, повернуться направо, выхватить парализатор из зажима на стене, обернуться, нацелить и… Она не смогла выстрелить.

— Проклятие! — процедила она.

Он заморгал и попятился, подняв руки ладонями к ней, словно защищаясь от выстрела.

— Что? Вы пошли бы на убийство ради дряхлого рудовоза?

— Это *мой* корабль. А не «Исатаку».

— Леди, я все равно не понимаю, какой в этом

смысл. Если бы вы меня грохнули, то не прошло бы и дня, как за вами явились бы тяжеловесы.

— Не явились бы, если бы я тебя заморозила.

Его рот приоткрылся, начиная изумленно произносить «з», и тут его охватил гнев:

— Превратить меня в бревно, чтобы успеть смыться? Да я вас засыплю исками по уши и отрежу их в залог.

— Да, да, — устало пробормотала Клэр. Этот тип — сплошные клише. — Но пока ты очухаешься, я уже буду на орбите вокруг Луны, и если подвернется хорошая сделка…

— То выручки, может быть, и хватит, чтобы заплатить мне за ущерб.

— И рассчитаться с «Исатаку».

Она сунула парализатор в зажимы на стене.

— Вы никогда столько не заработаете.

— Ладно, это была долгосрочная идея.

— Леди, я просто доставлял послание, так? Вел себя дружелюбно и мирно, так? А вы выхватили…

— Пошел вон. — Она терпеть не могла, когда мужчины переходили от страха к гневу, а затем к оскорблениям, и все это меньше чем за минуту.

Он убрался. Она вздохнула и заперла дверь.

Время выпить, это уж точно. Потому что больше

всего ее беспокоило не то, что «Исатаку» лишила ее права выкупа закладной, а собственная бесхарактерность.

Она не смогла заставить себя завалить этого типа, вырубить его на десять мегасекунд или около того. Выстрел парализатора заморозил бы его, вырвал из повседневной жизни, обрубил отношения, вырезал из его памяти дни, которые возместить невозможно.

В ее случае нерешительность была обоснованной. Ее дядю как-то заморозили более чем на год, и потом он так и не сумел склеить рассыпавшиеся кусочки своей жизни. Клэр еще девочкой видела, в кого он превратился.

Когда начинаешь с собой откровенничать, это обычно плохо заканчивается. Какое замечательное время для открытия, что у нее больше принципов, чем ей нужно.

И как ей вырваться из когтей «Исатаку»?

Теперь арка возвышалась над солнечным горизонтом — мерцающая голубовато-белая дуга высотой две тысячи километров.

И даже прекрасная в рентгеновских лучах — змеистые полосы струятся вниз, подмигивая горячими алыми пятнышками. Чрезвычайно красиво, чрезвычайно опасно. И совсем не то

место, где полагается находиться рудовозу.

— Время для развода, — сказала Клэр.

ТЫ УДИВИТЕЛЬНО ТОЧНА. ДО ОТДЕЛЕНИЯ ОТ ШЛАКОВОГО ЩИТА ОСТАЛОСЬ 338 СЕКУНД.

— Не надо меня опекать, Эрма.

Я ИСПОЛЬЗУЮ СВОИ ПРОГРАММЫ СИМУЛЯЦИИ ЛИЧНОСТИ НАСТОЛЬКО УМЕЛО, НАСКОЛЬКО ПОЗВОЛЯЮТ МОИ ВЫЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ мощности.

— Не трать компьютерное время зря — это неубедительно. Обрати внимание на обзор, а уже потом на отделение.

ОБЗОР ВО ВСЕМ СПЕКТРАЛЬНОМ ДИАПАЗОНЕ ПОЛНОСТЬЮ АВТОМАТИЧЕСКИЙ, КАК ЕГО И НАСТРОИЛ СОЛНЕЧНЫЙ ДОЗОР.

— Проверь его еще раз.

ЭТОТ СОВЕТ, НЕСОМНЕННО, ПОЙДЕТ МНЕ НА ПОЛЬЗУ.

«Невозмутимый сарказм», — решила Клэр. Звонкий голосок Эрмы звучал в ее сознании, и выключить его было невозможно. Сама же Эрма была интерактивным разумом, расположенным частично внутри ее и частично в системах корабля. Без нее и ее роботов управление «Серебряным лаггером» оказалось бы невозможным.

А пролет над бурлящим солнечным котлом

может оказаться невозможным даже с ними, подумала Клэр, разглядывая вырастающий впереди оранжево-желтый цветок.

Она развернула корабль так, чтобы он находился в самом центре отбрасываемой щитом тени. Эта зазубренная глыба шлака начала вращаться.

— Из-за чего возникло это вращение?

Когда они начали спуск к Солнцу по параболической траектории, угловой момент щита был равен нулю.

ИЗ-ЗА ВОЗДЕЙСТВИЯ ПРИЛИВНЫХ СИЛ НА АСИММЕТРИЧНОЕ ТЕЛО ЩИТА.

— Я об этом не подумала.

Идея как раз и заключалась в том, чтобы нагретая сторона шлакового щита была обращена к Солнцу. Теперь из-за вращения щита это тепло частично излучалось на корабль. Шишковатая корка, которую Клэр слепила из разного мусора на орбите Меркурия, теперь тлела в инфракрасных лучах. Дальняя сторона щита стала плавиться.

— Это может нас сильно нагреть?

МЕЛКИЕ КОЛЕБАНИЯ. МЫ УЖЕ УЛЕТИМ, КОГДА ЭТО СТАНЕТ ИМЕТЬ ЗНАЧЕНИЕ.

— Как там камеры?

Клэр стала наблюдать за тем, как робот закрепляет одну из наружных матриц формирования

изображений. Ей удалось уговорить Институт солнечного дозора включить стоимость этих инструментов в ее комиссионные. Если робот сломает одну из матриц, это станет для нее прямым убытком.

ВСЕ ОТКАЛИБРОВАНЫ И ЗОНИРОВАНЫ. ВО ВРЕМЯ ПРОХОЖДЕНИЯ НАД ЦЕЛЬЮ У НАС БУДЕТ ТОЛЬКО 33,8 СЕКУНДЫ ДЛЯ НАБЛЮДЕНИЙ. НА ПЕРЕСЕЧЕНИЕ САМОЙ ПЕТЛИ УЙДЕТ 4,7 СЕКУНДЫ.

— Надеюсь, ученым понравится то, что они увидят.

Я РАССЧИТАЛА, ЧТО ВЕРОЯТНОСТЬ УСПЕХА, УМНОЖЕННАЯ НА ОЖИДАЕМУЮ ПРИБЫЛЬ, ПРЕВЫШАЕТ 62 МИЛЛИОНА ДОЛЛАРОВ.

— Я сторговалась на семьдесят пять миллионов комиссионных за этот полет. — Значит, Эрма полагает, что ее шансы сделать снимки червя…

ВЕРОЯТНОСТЬ СДЕЛАТЬ УСПЕШНЫЕ СНИМКИ ВО ВСЕХ ВАЖНЫХ ЧАСТОТНЫХ ДИАПАЗОНАХ СОСТАВЛЯЕТ 83 ПРОЦЕНТА.

Пора завязывать с устным счетом — Эрма всегда считает быстрее.

— Будь готова сбросить щит. Потом я подкину в топку позитрончиков. Вверх и прочь. Здесь становится жарковато.

ТЕМПЕРАТУРА В КАБИНЕ ПО-ПРЕЖНЕМУ РАВНА 22,3 ГРАДУСА ПО ЦЕЛЬСИЮ.

Клэр увидела, как среди добела раскаленных перьев плазмы вздымается пузырь размером с Европу. Непрерывно кипящая ярость.

— Ну, может быть, у меня разыгралось воображение, но все равно давай схватим информацию и смоемся, ладно?

Научного сотрудника Института солнечного дозора одолевали подозрения, но он очень хорошо это скрывал.

Клэр не могла разгадать выражение его вытянутого лица — плоскости и выступающие кости, кожа натянута, как на барабане. Такой стиль был популярен среди пионеров на астероидах полвека назад. Длинное, феноменально гибкое тело, подходящее для узких коридоров, большие руки. Со своеобразной грацией худого человека ученый обхватил ногами ножки стула и уставился на нее, склонив голову и улыбаясь настолько, чтобы не казаться грубым. Ровно настолько, не больше.

— Так это *вы* будете делать предварительное исследование?

— Не бесплатно. Презрительная усмешка.

— Не сомневаюсь. У нас есть специально разработанный корабль, почти готовый к старту с

окололунной орбиты. Боюсь, что…

— Я могу сделать это *немедленно.*

— Вам, несомненно, известно, что мы отстаем от графика…

— Это на Меркурии знают все. Свой первый зонд вы потеряли.

Ученый переплел толстые и длинные пальцы, изобразив большой интерес к тому, как они смотрятся вместе. «Возможно, ему неловко вести переговоры с женщиной, — подумала Клэр. — А может быть, он даже не любит женщин».

И все же его внешность ее странно тревожила — сплавом хрупкости и мускулистой мужественности. Поскольку он изучает свои пальцы, она тоже может заняться разглядыванием. Клэр лениво задумалась над тем, характерны ли удлиненные пропорции для всех его конечностей. Нет, все это сказки. Однако было бы интересно это выяснить. Но сперва дело, потом удовольствие.

— Очевидно, автопилот подвел корабль слишком близко, — заключил ученый. — Светопреломление объекта несколько неожиданное, и это затрудняет навигацию. И мы пока не можем сказать точно, в чем эта трудность заключается.

Клэр предположила, что он раздосадован неудачей и пытается этого не показывать. Люди

начинают так себя вести, когда вынуждены плясать на веревочках, которые дергают на Земле. И им приходится любить зарплату больше, чем себя.

— У меня на борту много свободного места, — заметила Клэр. — Я могу укрыть диагностические приборы, уберечь их от перегрева.

— Сомневаюсь, что ваш рудовоз имеет нужные технические характеристики.

— Да что тут может быть сложного? Я ныряю, ваши приборы делают снимки, я быстро улетаю.

Он фыркнул:

— Ваш корабль не приспособлен для приближения к Солнцу. Только у исследовательских кораблей есть все необходимые…

— У меня покрытие из фреснеля. — Дорогая облицовка, отражающая фотоны всех рас, вероисповеданий и цветов.

— Этого недостаточно.

— Я использую шлаковый щит. Кроме того, у меня достаточно мускулов. Полетев с пустыми трюмами, я могу смыться очень быстро.

— Наш корабль был очень тщательно спроектирован…

— Правильно, и вы его потеряли.

Ученый снова принялся разглядывать пальцы.

Крепкие, жилистые и одновременно толстые. Может быть, он в них влюблен? Клэр решила заполнить паузу, представляя некоторые интересные действия, которые он может сделать такими пальцами. Она давно усвоила, что при многих переговорах большую часть работы делает молчание.

— Мы… отстаем от графика нашего исследования. Ага, признался.

— Эти типы на Луне считают, что обязаны руководить буквально всем.

Он энергично кивнул:

— Мы ждали *месяцы.* А ведь червь может упасть на Солнце в любой момент! Я им говорил снова и снова…

Каким-то образом Клэр ухитрилась переключить его на режим потока жалоб. Целую минуту он распинался насчет тупых невежд, которые только просиживают штаны перед экранами, не имея практического опыта. Она изобразила сочувствие и стала любоваться тем, как его руки сжимаются, бугрясь мускулами. «Сначала дело», — пришлось ей напомнить самой себе.

— Так вы думаете, что он может просто… ну… улететь?

— Червь? — Он моргнул, выплывая из потока

жалоб. — Чудо уже то, что мы вообще его обнаружили. Он может в любой момент упасть на Солнце.

— В таком случае быстрота важнее всего. Вы… э-э-э… можете распоряжаться вашим местным бюджетом?

— Да. — Он улыбнулся.

— В сущности, речь идет о мелкой сумме. Сто миллионов.

— Это не мелочь. — Ученый быстро и сильно нахмурился.

— Ладно, пусть будет семьдесят пять. Но только наличными, хорошо?

Большая магнитная дуга возносилась над длинным и слегка изогнутым солнечным горизонтом. Расставивший ноги великан, только без туловища.

Клэр так откорректировала орбиту, чтобы скользнуть в нескольких километрах над верхней точкой арки. Внутри ее распускались красные цветы — водородная плазма, нагретая токами, которые порождают магнитные поля. Скороварка длиной тысячи километров.

Она простояла здесь месяцы и могла простоять годы. Или же взорваться в ближайшие несколько минут. Предсказывать, когда арки извергнут

солнечные вспышки, — это крупный научный бизнес, прогноз погоды в Солнечной системе, за которым пристально следят. Вспышка могла поджарить рабочих в поясе астероидов. Солнечный дозор наблюдает за всеми арками. Так они и обнаружили червя.

Трубки потока набухли.

— Уже есть изображение?

ДОЛЖНО БЫТЬ, НО СНИЗУ ИДЕТ ИЗБЫТОЧНЫЙ СВЕТ.

— Тоже мне новость! Здесь *все* избыточное.

ПО ДАННЫМ СО СПУТНИКОВ, ДИАМЕТР ОБЪЕКТА НЕСКОЛЬКО СОТЕН МЕТРОВ. НО Я ВСЕ ЕЩЕ НЕ МОГУ ЕГО ОБНАРУЖИТЬ.

— Проклятие!

Клэр рассматривала трубки потока, отслеживая некоторые от вершины арки до утолщения в ее основании, которым она держалась за бурлящее Солнце. Неужели червь упал? Он мог соскользнуть по этим магнитным линиям, шлепнуться в густое и более прохладное море плазмы. Потом он начнет падать до самого ядра звезды, пожирая ее. Вот *реальная* причина, почему на Луне так торопятся «изучить» червя. Страх.

— Где он?

ЦЕЛЬ ВСЕ ЕЩЕ НЕ ОБНАРУЖЕНА. ОБЛАСТЬ НА

ВЕРШИНЕ АРКИ ИСПУСКАЕТ СЛИШКОМ МНОГО СВЕТА. ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОБОСНОВАНИЙ ЭТОМУ НЕТ.

— К черту теорию!

ВРЕМЯ ДО НАЧАЛА МИССИИ: 12,6 СЕКУНДЫ.

Арка рванулась навстречу, стремительно набухая. Клэр увидела, как тонкие волоконца внутри ее то вспыхивают, то гаснут, когда токи проходят по пути наименьшего сопротивления, постоянно удерживая равновесие между горячей плазмой внутри и магнитными стенами снаружи. Если сжать магнитный кулак, то плазма ответит ослепительным свечением. Сжатие — свет. Сжатие — свет. То, что природа смогла сотворить такое замысловатое диво и направить его по дуге над бушующим Солнцем, было чудом, но восхищаться им сейчас Клэр была не в настроении…

Пот заливал глаза, стекал по подбородку. Теперь никакие трюки с освещением не помогут забыть о жаре. Клэр заставила себя вдыхать и выдыхать.

Шлаковый щит принял на себя основной удар. Но в нижней точке параболической орбиты гигантский солнечный горизонт простирался раскаленным добела океаном во всех направлениях.

НАША
ВНУТРЕННЯЯ ТЕМПЕРАТУРА ПОВЫШАЕТСЯ.

— Еще как. Найди червя!

ИЗБЫТОЧНЫЙ СВЕТ НЕ ОСЛАБЕВАЕТ… НЕТ, ПОГОДИ. ОН ПРОПАЛ. ТЕПЕРЬ Я ВИЖУ ЦЕЛЬ.

Клэр шлепнула по подлокотнику кресла и испустила радостный вопль. Стенной экран показывал вершину арки. Они опускались к ней, скользя над самой верхушкой, и… вот он.

Темный шар. Или червь на дне гравитационного колодца. И совсем не похож на муху. Он устроился на силовых линиях подобно черному яйцу на бело-голубой соломе. Черное пасхальное яйцо, которое спасет Клэр и корабль от «Исатаку».

СЪЕМКА НАЧАТА. ОТКЛИК ПО ВСЕМУ СПЕКТРУ.

— Браво.

СЛОВО ВЫРАЖАЕТ ВОСТОРГ, НО ТВОЙ ГОЛОС — НЕТ.

— Я нервничаю. И плата за этот полет мне, конечно, поможет, но ее все равно не хватит, чтобы сохранить этот корабль. Или тебя.

НЕ ОТЧАИВАЙСЯ. Я СМОГУ НАУЧИТЬСЯ РАБОТАТЬ С ДРУГИМ КАПИТАНОМ.

— Для этого требуются большие способности к межличностному общению, старушка Эрма.

Вообще-то я волновалась не за тебя.

Я ЭТО ПОДОЗРЕВАЛА.

— Если я потеряю этот корабль, мне придется искать какую-нибудь работу для сурков.

На это у Эрмы не нашлось готового ответа, и она сменила тему:

ИЗОБРАЖЕНИЕ ЧЕРВЯ УМЕНЬШАЕТСЯ.

— Что?!

По мере того как они проносились над аркой, изображение съеживалось. По краям его размывала рябь сдавленного и скрученного света. Вокруг черного центра Клэр увидела пляшущие радуги.

— Что происходит? — Ее охватил внезапный страх: а вдруг эта штуковина падает, погружаясь в Солнце?

ОТНОСИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ НЕ ОБНАРУЖЕНО. ПО МЕРЕ НАШЕГО ПРИБЛИЖЕНИЯ СЖИМАЕТСЯ САМО ИЗОБРАЖЕНИЕ.

— Невозможно. Предметы выглядят крупнее, когда к ним приближаешься.

НО НЕ ЭТОТ ОБЪЕКТ.

— Неужели червоточина сжимается?

ОТМЕТКА! ПОЛОВИНА СЪЕМКИ ЗАВЕРШЕНА.

Клэр вспотела, и причиной тому была не жара.

— Что происходит?

Я ПОКА ЕЩЕ НЕ ПОДКЛЮЧИЛА СЕКЦИЮ ЗАПАСНЫХ ТЕОРИЙ.

— Как это утешает. Мне всегда становится лучше после симпатичной и приятной теории.

Червоточина внешне продолжала сжиматься, а дуга теперь стала отдаляться. Странных ярких радуг по окружности темного пятна стало больше. Вскоре они полностью скрыли изображение. Клэр заерзала.

ОТМЕТКА! СЪЕМКА ЗАВЕРШЕНА.

— Отлично. Роботы развернуты?

КОНЕЧНО. ДО ОТДЕЛЕНИЯ ОТ ЩИТА ОСТАЛОСЬ 189 СЕКУНД. НАЧАТЬ ОТСЧЕТ?

— Мы сделали все снимки, которые они хотели?

ВО ВСЕМ СПЕКТРЕ. ВЕРОЯТНАЯ ПРИБЫЛЬ — 75 МИЛЛИОНОВ.

Клэр еще раз завопила:

— Их хотя бы хватит на хорошего юриста, а может быть, чтобы заплатить штрафы.

ЭТО КАЖЕТСЯ ГОРАЗДО МЕНЕЕ ВЕРОЯТНЫМ. А ПОКА Я НАШЛА ОБЪЯСНЕНИЕ АНОМАЛЬНОМУ СЖАТИЮ ИЗОБРАЖЕНИЯ. У ЧЕРВОТОЧИНЫ ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ МАССА.

— Антивещество?

НЕТ. ЕЕ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ

КРИВИЗНА ПРОТИВОПОЛОЖНА НОРМАЛЬНОЙ МАТЕРИИ.

— Не понимаю.

Червоточина соединяет две области пространства, иногда это точки, разделенные множеством световых лет, — это она знала. Они были остатками первозданной горячей Вселенной, морщинками, которые не смогло разгладить даже ее расширение. Материя могла проходить сквозь один конец червоточины и появляться на другом ее конце — субъективно мгновение спустя. Вот вам и путешествия со сверхсветовой скоростью.

Эрма объясняла, используя свой канал высокоскоростной связи. Клэр слушала, едва успевая схватывать суть.

Имелась вероятность того, что за пятнадцать миллиардов лет, миновавшие после рождения червоточины, один из ее концов проглотил больше материи, чем другой. Если один конец застрял внутри звезды, то он поглотил огромную массу. И локально стал более массивным.

Но материя, льющаяся в приемный конец, выбрасывается на другом конце. Локально это выглядит так, словно выбрасывающий конец теряет массу. И пространство-время вокруг него искривляется в сторону, противоположную отно-

сительно принимающего конца.

— Поэтому он и выглядит как отрицательная масса?

ДОЛЖЕН
ВЫГЛЯДЕТЬ. ПОЭТОМУ ОН ОТТАЛКИВАЕТ МАТЕРИЮ. А ДРУГОЙ КОНЕЦ ПРИ ЭТОМ ВЕДЕТ СЕБЯ КАК ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ, ОБЫЧНАЯ МАССА И ПРИТЯГИВАЕТ МАТЕРИЮ.

— В таком случае почему он не улетает от Солнца?

УЛЕТИТ И ЗАТЕРЯЕТСЯ В МЕЖЗВЕЗДНОМ ПРОСТРАНСТВЕ,
НО ЕГО УДЕРЖИВАЕТ МАГНИТНАЯ АРКА.

— Откуда мы знаем, что у него отрицательная масса? Я видела лишь…

Эрма вывела на экран изображение:

ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ МАССА ДЕЙСТВУЕТ КАК РАССЕИВАЮЩАЯ ЛИНЗА ДЛЯ ПРОХОДЯЩЕГО РЯДОМ СВЕТА. ВОТ ПОЧЕМУ НАМ КАЗАЛОСЬ, ЧТО ОНА СЪЕЖИВАЕТСЯ, КОГДА МЫ НАД НЕЙ ПРОЛЕТАЛИ.

Клэр знала, что обычная материя фокусирует свет, подобно собирательной линзе. Взглянув на экран, она сразу увидела, что конец червоточины с отрицательной массой преломляет свет противоположным образом. Входящие лучи

отклонялись в стороны, оставляя перед собой темный туннель. Они пролетали поперек этого туннеля, ныряя в него, поэтому кажущийся размер червоточины уменьшался.

— Но чтобы так сильно сфокусировать свет, нужна целая *звезда.*

ВЕРНО.

ОДНАКО ЧЕРВОТОЧИНЫ УДЕРЖИВАЮТСЯ ВМЕСТЕ ЭКЗОТИЧЕСКОЙ МАТЕРИЕЙ, СВОЙСТВА КОТОРОЙ НАМ ПОКА СОВЕРШЕННО НЕИЗВЕСТНЫ.

Клэр не любила лекции, даже когда их читают с большой скоростью. Но у нее в голове уже забрезжила идея…

— Значит, этот червь не упадет на Солнце?

ОН

НЕ МОЖЕТ УПАСТЬ. Я БЫ ДАЖЕ ПРЕДПОЛОЖИЛА, ЧТО ОН ЗАСТРЯЛ ЗДЕСЬ, ВЫБИРАЯСЬ НАРУЖУ ПОСЛЕ СТОЛКНОВЕНИЯ С СОЛНЦЕМ.

— Ученые будут счастливы. Червь не сожрет ядро. ВЕРНО. И ЭТО ДЕЛАЕТ НАШИ РЕЗУЛЬТАТЫ ЕЩЕ БОЛЕЕ ВАЖНЫМИ.

— Более важными, но не более ценными.

Работа за фиксированную плату всегда действовала ей на нервы. Ты можешь выложиться и добиться выдающихся результатов, но получишь столько же, как если бы работала спустя рукава.

НАМ НЕОБЫКНОВЕННО ПОВЕЗЛО, ЧТО МЫ ЗАМЕТИЛИ СТОЛЬ РЕДКИЙ ОБЪЕКТ. ЧЕРВОТОЧИНЫ НАВЕРНЯКА РЕДКИ, А ЭТА ВРЕМЕННО ЗАДЕРЖАЛАСЬ ЗДЕСЬ. МАГНИТНЫЕ АРКИ ЖИВУТ ЛИШЬ НЕСКОЛЬКО МЕСЯЦЕВ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ…

— Погоди-ка. Насколько велика эта штуковина?

ПО МОИМ РАСЧЕТАМ, ОКОЛО 10 МЕТРОВ В ПОПЕРЕЧНИКЕ.

— Значит, в институте ошиблись — она маленькая.

ОНИ
НЕ ЗНАЛИ ОБ ЭТОМ ЭФФЕКТЕ ПРЕЛОМЛЕНИЯ И ИНТЕРПРЕТИРОВАЛИ ДАННЫЕ, ИСПОЛЬЗУЯ ОБЫЧНЫЕ МЕТОДЫ.

— Нам повезло, что мы вообще ее видим.

ОНА УНИКАЛЬНА, РЕЛИКТ ПЕРВОЙ СЕКУНДЫ ЖИЗНИ НАШЕЙ ВСЕЛЕННОЙ. КАК КАНАЛ ПЕРЕХОДА В ДРУГУЮ ЕЕ ТОЧКУ, ОНА МОЖЕТ…

— Стоить целое состояние.

Клэр размышляла быстро. Эрма, вероятно, была права — семьдесят пять миллионов не спасут ее и корабль. Но теперь она знала нечто такое, чего не знал никто. И здесь она в первый и в последний раз.

— Отмени сброс щита.

НЕ СОВЕТУЮ. ТЕРМИЧЕСКАЯ НАГРУЗКА БУДЕТ БЫСТРО ВОЗРАСТАТЬ.

— Ты программа, а не офицер. Выполняй.

Клэр стала действовать, уступив порыву.

В этом и заключается разница между инженерами и пилотами. Инженеры продолжают сомневаться и подсчитывать, даже когда их уже убедили. Пилоты — никогда.

Они просто выходят на нужную орбиту и не потеют над цифрами.

Потеют. Клэр старалась не воспринимать свой запах.

Думай о чем-нибудь прохладном. Теория.

Полулежа на кожаной кушетке, Клэр вспоминала инструктаж у научного сотрудника. Графики, замысловатые уравнения, статьи. Червоточины как окаменелости Большого Взрыва. Червоточины как туннели, ведущие во все уголки Вселенной. Червоточины как потенциальные разрушители, если они попадают в звезду и пожирают ее.

Клэр попыталась представить рот поперечником всего в *несколько*метров, высасывающий звезду, перекачивающий ее раскаленную массу куда-то в дальний космос. Чтобы червоточина

могла такое проделывать, она должна состоять из экзотического материала, определенного рода материи «с отрицательной средней плотностью энергии». Чем бы она ни была, она родилась в момент Большого Взрыва. Она пронизывает червоточины от входа до выхода. Замечательный строительный материал, если суметь его раздобыть. А Клэр, может быть, сумеет.

Итак, червоточины могут убить нас, а могут сделать богами. Человечество должно *знать*, сказал ей тощий научный сотрудник.

— Да будет так, — произнесла она тост, тщательно все обдумав и обращаясь к экранам. На них в полную смертоносную мощь полыхало пламя термоядерного синтеза.

Клэр никогда не тратилась на оснащение голых металлических коробок, каковыми были почти все рудовозы и буксиры. У нее был суровый бизнес, в котором из рук в руки переходили толстые пачки наличных. Прибыль в последнее время была низкой, а иногда и убыток, поэтому она и задолжала «Исатаку» так много. Перевозка мегатонн массы вверх по градиенту гравитации была делом медленным и долгим. Но кто мешает добавить немного стильности? Облицовка из фреснеля, которую Клэр заказала, совершив

удачную сделку на рынке руды, помогала поддерживать внутри корабля прохладу, и она не обжигалась, ползая по смотровым каналам. Добавочная масса толстых ковров, журчащего водопадика и бильярдного стола была ничтожной. То же относилось и к водяной оболочке вокруг ее жилого помещения, которая теперь деловито спасала ей жизнь.

Клэр осталось ждать два часа, скользя, подобно плоскому камешку, над солнечной короной. «Серебряный лагтер» уже сбросил шлаковый щит, и тот унесся по длинной параболе в бесконечность, поблескивая расплавленными лужицами.

После этого Клэр впервые за несколько недель включила двигатель корабля. Струйка антивещества вырвалась из магнитных ловушек, столкнулась с реакционной массой, и в камере двигателя вспыхнул ад. Камера сфокусировала ревущую массу аннигилирующей материи в реактивную струю, и серебристый корабль вышел на новую, более низкую орбиту.

Смертельную орбиту, если они задержатся на ней дольше нескольких часов.

Я НАКАЧИВАЮ БОЛЬШЕ ВОДЫ В ТВОИ ЭКРАНЫ.

— Хорошая идея.

Корабль уже был посеребрен настолько, насколько позволяла технология, и отражал солнечный свет почти полностью. Облицовка из узкополосных фреснелевых фильтров была многослойной. Лучше не бывает.

Без щита кораблю понадобится более десяти часов, чтобы стать таким же горячим, как и бьющий снизу поток.

Преломление света объектом с отрицательной массой (горизонтальная шкала сильно сжата), свет выметается из центральной области, создавая область тени с нулевой яркостью. По краям тени лучи накапливаются, создавая радужную каустическую линию и повышая яркость света.

Раскаленного света с температурой шесть тысяч градусов. Чтобы выжить в таких условиях хотя бы два часа, придется испарить большую часть запаса воды. Клэр покупала ее на Меркурии по местным заоблачным ценам — для полета к Луне. Теперь она задумчиво прислушивалась к тому, как вода журчит между стенами.

Тост за воду Клэр поднимала бокалом шампанского из единственной на корабле бутылки. Если ей суждено погибнуть, то хотя бы не придется сожалеть, что шампанское пропало зря.

Я СЧИТАЮ ЭТОТ ПЛАН ЧРЕЗВЫЧАЙНО…

— Заткнись!

МЫ ВЫПОЛНИЛИ ЗАДАНИЕ, ПЕРЕСЛАЛИ ИНФОРМАЦИЮ В ИНСТИТУТ. ТЕПЕРЬ МЫ ДОЛЖНЫ СЧИТАТЬ, ЧТО НАМ ПОВЕЗЛО, И СЛЕДОВАТЬ ТЩАТЕЛЬНО СОСТАВЛЕННЫМ ПЛАНАМ.

— Засунь их куда подальше.

НИКОГДА НЕ ЗАДУМЫВАЛАСЬ НАД ТЕМ, КАКАЯ СЛОЖНЕЙШАЯ МЕНТАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА НЕОБХОДИМА ДЛЯ КАЧЕСТВЕННОЙ СИМУЛЯЦИИ ЛИЧНОСТИ НАПОДОБИЕ МЕНЯ. МЫ ТОЖЕ ОБЛАДАЕМ ПОДОБНЫМИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ МОТИВАЦИЯМИ, ЧУВСТВАМИ И СТРАХАМИ.

— Ты их симулируешь.

А КАК ТЫ МОЖЕШЬ ОЩУТИТЬ РАЗНИЦУ? ХОРОШАЯ СИМУЛЯЦИЯ СТОЛЬ ЖЕ ТОЧНА И СТОЛЬ ЖЕ СИЛЬНА, КАК…

— У меня нет времени спорить.

Эта тема Клэр была неприятна, и черта с два она проживет, быть может, последний час своей жизни с ощущением вины. Или начнет сомневаться. Решение принято, и точка.

Экраны мигнули, и на них появился хмурый научный сотрудник:

— Команда корабля! Мы все еще не получили от вас подтверждение о возвращении. Вы остались

на орбите. У вас неисправности? Объясните.

Клэр и ему отсалютовала бокалом с шампанским. Замечательный вкус. Разумеется, она заранее приняла антиалкогольную таблетку, чтобы рефлексы оставались быстрыми, а разум ясным. Эрма рекомендовала и другие таблетки, чтобы Клэр сохраняла спокойствие, — химическое утешение пред лицом грубой физики.

— Я собираюсь привезти домой червя.

— Это невозможно. Судя по вашим данным, это конец с отрицательной массой, и это очень хорошая новость, но…

— И еще он маленький. Возможно, я смогу его перевезти.

Ученый мрачно покачал головой:

— Очень рискованно, *очень*…

— Сколько вы за него заплатите?

— Что? — Он моргнул. Интересный получился эффект при таких длинных ресницах. — Вы не можете *продать* астрономический объект…

— Все, что захваты корабля способны удержать, — мое. Космический кодекс, статья шестьдесят четвертая, пункт третий.

— Вы мне цитируете законы, когда научное открытие такой величины…

— Так это вам нужно или нет?

Он взглянул в сторону от камеры — ему явно отчаянно хотелось с кем-нибудь посоветоваться. Но говорить с Луной или с «Исатаку» некогда. Решать придется ему.

— Ну… хорошо. Вы сами-то понимаете, на какую глупость решились? И что мы не несем никакой ответственности за…

— Не надо лишних слов. Мне нужна оценка напряженности магнитного поля внутри той арки. Пусть ваша команда над этим поработает.

— Техническую поддержку мы, конечно, окажем. — Ученый еле заметно улыбнулся. — И я уверен, что насчет цены мы тоже договоримся, если вы выживете.

У него, во всяком случае, хватило честности сказать *если,* а не *когда.* Клэр налила в изящный бокал еще один столбик золотистой жидкости. Лучший хрусталь, разумеется. Когда тебе нужен только один, можешь позволить себе лучшее.

— Перешлите данные мне, точнее, Эрме.

— У нас проблемы с передачей данных сквозь плотные колонны плазмы над вами…

— Эрма принимает сигналы со спутника. Перешлите через него.

— Проблемы при выполнении того, что вы запланировали… они *огромные.*

— Как и мой долг «Исатаку».

— Все это следовало продумать, обсудить…

— Вот я сейчас и обсуждаю — с бокалом шампанского.

У ТЕБЯ НЕТ ПЛАНА.

В голосе Эрмы четко прозвучали обвинительные нотки. Хороший сим в комплекте с женской хитростью и лукавством. Клэр проигнорировала ее слова и сбросила остатки одежды.

— Жарко.

РАЗУМЕЕТСЯ. КАК ТОЛЬКО МЫ ВЫШЛИ НА НОВУЮ ОРБИТУ, Я ПРОВЕЛА РАСЧЕТ СКОРОСТИ ПОДЪЕМА ТЕМПЕРАТУРЫ. РЕЗУЛЬТАТ ИДЕАЛЬНО СООТВЕТСТВУЕТ ЗАКОНУ СТЕФАНА-БОЛЬЦМАНА.

— Браво. — Клэр стряхнула пот с волос. — Стефан— Больцман, делайте свое дело.

МЫ
ВЫПОЛНЯЕМ ТОРМОЖЕНИЕ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНО. ВРЕМЯ ПРИБЫТИЯ: 4.87 МИНУТЫ. ЗАПАСЫ АНТИВЕЩЕСТВА ДЕРЖАТСЯ. МОГУТ ВОЗНИКНУТЬ ПРОБЛЕМЫ С МАГНИТНЫМИ БУТЫЛКАМИ.

Корабль загудел, сбрасывая скорость. Клэр погрузилась в проверку корабельных систем, сидя в уютном кресле, — это заставляло минуты ползти чуточку быстрее. Время от времени она нервно поглядывала на экраны, на которых титаниче-

ские башни огня вздымались из раскаленных равнин. Пламя, стремящееся ее лизнуть.

Клэр ощутила внезапную усталость. Воздух становился неприятно теплым. Сердце колотилось сильнее. Она поднялась и бросила Эрме:

— И у меня есть план.

НЕ СОЧЛА НУЖНЫМ ПОДЕЛИТЬСЯ СО МНОЙ?

Клэр закатила глаза. Обиженный сим — только этого ей и не хватало.

— Я боялась, что ты станешь смеяться.

Я НИКОГДА НЕ СМЕЯЛАСЬ.

— Именно поэтому.

Клэр не обращала внимания на подмигивающие ей многочисленные красные предупреждения. Системы работают нормально, хотя и в тяжелых условиях из-за жары. Но почему на нее навалилась такая медлительность? «Такие игры не для тебя, девочка».

Клэр отложила инфопанель. Ее удивило усилие, которого потребовало это простое движение. «Надеюсь, таблетка против алкоголя действует. Приму еще одну».

Она встала, чтобы взять таблетку… и упала, стукнувшись коленом.

— Вот черт! Эрма промолчала.

Чтобы встать на четвереньки, пришлось по-

трудиться, и Клэр еле смогла вскарабкаться обратно на кресло. Она весила тонну… и тут до нее дошло.

— Мы тормозим, поэтому я сильнее ощущаю местную гравитацию.

ГРУБОВАТО СФОРМУЛИРОВАНО, НО ПО СУТИ ПРАВИЛЬНО. Я ВЫВОЖУ НАС НА ДРУГУЮ ОРБИТУ, В КОНЦЕ КОТОРОЙ МЫ ЗАВИСНЕМ НАД КОРОНАЛЬНОЙ АРКОЙ. ВСЕ КАК ТЫ ПРИКАЗАЛА.

Клэр с трудом приподнялась. Не злорадство ли прозвучало в голосе Эрмы? Неужели симы личности способны испытывать и такое?

— А какова местная гравитация? 27,6 ЗЕМНОЙ.

— Что?! Почему же ты мне не сказала?

Я САМА ОБ ЭТОМ НЕ ПОДУМАЛА, ПОКА НЕ НАЧАЛА ЗАМЕЧАТЬ ЭФФЕКТ ЕЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА КОРАБЛЬ.

«Ага, и решила преподать мне небольшой урок смирения». Но Клэр сама во всем виновата — физика здесь достаточно простая. Нахождение на орбите означает, что центробежное ускорение точно уравновешивает местную гравитацию. Корабль сможет выдержать 27,6 *g*. Он рассчитан на то, чтобы тянуть груз руды, в тысячи раз превыпающий его массу.

Но на такое способна лишь углеродистая сталь.

Сойди с орбиты, зависни — и от тебя останется только красная паста.

Клэр поползла через комнату по ковру. Суставы немилосердно болели.

— Должен быть…

ОТМЕНИТЬ ПЛАН ПОЛЕТА?

— Нет! Должен быть способ…

ДО ПРИБЫТИЯ 3,9 МИНУТЫ.

Голос сима сочился злобной радостью.

— Вода, — простонала Клэр.

У МЕНЯ ТРУДНОСТИ С ПРИЕМОМ ТВОЕГО СИГНАЛА.

— Потому что это скафандр для космоса, а не для ныряния.

Клэр плыла над своей кожаной кушеткой. Жаль дорогую внутреннюю отделку, но что поделаешь? Сейчас весь ее жилой отсек был заполнен питьевой и технической водой. Нужно было или быстро это сделать, или превратиться в комковатую томатную пасту.

Клэр проползла сквозь люк и вытянула из зажимов скафандр. Чтобы надеть его, пришлось потрудиться. То, что она была мокрая от пота, помогло, но не очень. Потом рука застряла в рукаве, и Клэр никак не могла вытянуть проклятую конечность, чтобы попробовать снова.

В тот момент она едва не запаниковала. Но пилоты не имеют права поддаваться страху, потому что им надо управлять кораблем. И Клэр заставила себя вытащить руку медленно, по сантиметру, не обращая внимания на все прочее.

И как только Эрма закачала в помещение запас воды, сработал закон Архимеда. При надутом скафандре вес вытесненной ее телом воды точно равнялся ее весу. Подводное плавание — редкое ощущение на Луне или Меркурии. Клэр никогда не плавала под водой, поэтому никогда не понимала, как это сходно с пребыванием на орбите. И еще прохладно.

«Пока не сваришься, как омар».

Вода хорошо проводит тепло, в четыре раза лучше воздуха, и это узнаешь на ощупь, летая на грузовиках рядом с Солнцем. Поэтому сперва надо послать весь корабль к черту и охлаждать только воду. Затем Эрме надо перенаправить часть воды в теплообменники, позволяя ей выкипать, чтобы защитить все остальное. Выигрывая время.

НАСОСЫ УЖЕ ГОРЯЧИЕ. У НЕКОТОРЫХ ОТКАЗЫВАЮТ ПОДШИПНИКИ.

— С этим мы сейчас ничего не можем сделать, верно? Клэр была удивительно спокойной, и из-за этого страх

в животе становился тяжелым комком. Слишком много проблем, о которых надо думать, и все они сложные. Вода может вызвать короткие замыкания. И по мере ее выкипания у Клэр будет все меньше защиты от бьющих снизу рентгеновских лучей. И лишь вопрос времени…

МЫ ЗАВИСЛИ. ЕСЛИ ТЫ НЕ ЗАБЫЛА, ТО МАГНИТНЫЕ ЛОВУШКИ ДЛЯ АНТИВЕЩЕСТВА СВЕРХПРОВОДЯЩИЕ.

С ПОВЫШЕНИЕМ ТЕМПЕРАТУРЫ ОНИ ОТКАЖУТ.

Клэр все еще могла видеть экраны, хотя и с размытым из-за воды изображением.

— Ладно, ладно. Выдвигай магнитные захваты. Вниз, в арку.

Я НЕ СМОГУ…

— Мы отправляемся на рыбалку. Но не с червем — *за* червем.

«Трудно пилотировать на дне бассейна», — подумала Клэр, направляя корабль вниз на бурлящий погребальный костер.

Вибрация ощущалась даже сквозь воду. Антивещество аннигилировало в реакционной камере с невиданным прежде расходом. Корабль стонал и дребезжал. Гравитация сама по себе не подарок, а теперь к ней добавилось термическое расширение корабля, из-за которого напрягалась

каждая балка и заклепка.

Клэр вглядывалась вниз. Текли секунды. Где? *Где?*

Вот она. Среди лент магнитной дуги висела темная сфера. Над ней трепетали длинные красные ленты. Веер фиолетовых лучей, похожих на зловещие волосы, окаймлял ее, извиваясь в неистовом танце. Дыра, ведущая в другое место Вселенной.

КРАСНОЕ И ГОЛУБОЕ СМЕЩЕНИЕ ВОЗНИКАЕТ ИЗ-ЗА МОЩНЫХ ПСЕВДОГРАВИТАЦИОННЫХ СИЛ, КОТОРЫЕ ПОДДЕРЖИВАЮТ ЕЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ.

— Так говорит теория. Не хотела бы я ее потрогать.

РАЗВЕ ЧТО МЕТАФОРИЧЕСКИ.

Клэр нервно рассмеялась:

— Нет, магнитно.

Она приказала Эрме опустить корабль ниже, в гущу магнитных трубок потока. Вибрация нарастала, отдаваясь в палубе нервным гудением. Клэр нетерпеливо проплывала от одного экрана к другому, поглядывая на червя и оценивая расстояние. «Чертовски далеко для полета».

Выхлопная струя их двигателя размывала эбеновые очертания червоточины. Подобно черному теннисному мячу в бело-голубом прибое,

она покачивалась и подергивалась на волнах магнитной турбулентности. Клэр видела, что в нее ничего не падает. Струи плазмы изгибались вдоль трубок потока, уносясь прочь. Отрицательная кривизна отталкивала материю — и будет отталкивать корпус корабля тоже.

Но у магнитных полей *нет* массы.

Для большинства людей магнитные силы — это нечто таинственное, но для пилотов и инженеров, которые с ними работают, они всего лишь большие и прочные ленты, которым нужно придать форму. Подобно резиновым лентам, они растягиваются, накапливая энергию, а потом стягиваются обратно, если их отпустить. И еще их почти невозможно разорвать.

Во время обычной работы «Серебряный лаггер» захватывал этими магнитными пальцами огромные контейнеры с рудой. Контейнеры взлетали с Меркурия, запущенные на орбиту электромагнитной пращой. Самой сложной для Клэр работой было ловить их магнитной перчаткой.

Теперь ей предстояло поймать контейнер искривленного пространства-времени. И быстро.

МЫ НЕ МОЖЕМ ОСТАВАТЬСЯ ЗДЕСЬ ДОЛГО. ВНУТРЕННЯЯ ТЕМПЕРАТУРА ПОВЫШАЕТСЯ НА 19,3 ГРАДУСА В МИНУТУ.

— Быть такого не может. Мне все еще комфортно. ПОТОМУ ЧТО Я ПОЗВОЛЯЮ ВОДЕ ИСПАРЯТЬСЯ,

УНОСЯ С СОБОЙ ОСНОВНУЮ ЧАСТЬ ТЕПЛОВОГО ПОТОКА.

— Приглядывай за этим.

Я ОЦЕНИВАЮ ВЕРОЯТНУЮ ПРИБЫЛЬ ОТ ЗАХВАТА ЧЕРВОТОЧИНЫ В 2,8 МИЛЛИАРДА.

— То, что надо. Ты умножаешь прибыль в долларах на вероятность успеха?

ДА. УМНОЖАЮ НА ВЕРОЯТНОСТЬ ОСТАТЬСЯ В ЖИВЫХ.

Ей не захотелось спрашивать, каково численное значение этой вероятности.

— Продолжай нас опускать.

Вместо спуска они затормозились. Трубки потока в арке толкали корабль вверх. Клэр расширила магнитные поля корабля, запустив генераторы и накачивая ток в миллионы индукционных петель, опоясывающих корпус. «Серебряный лаггер» был одной большой электросхемой, и вокруг его цилиндрической оси были намотаны катушки индуктивности.

Клэр осторожно подала на них ток, впрыскивая еще больше антивещества в камеры. Многополярные поля корабля разбухли. «Забросим

леску...»

Они силой прокладывали себе дорогу вниз. На экранах Клэр видела, как магнитные захваты тянутся намного ниже струй выхлопа. Нащупывают.

Клэр приказала быстро сменить несколько команд. Эрма переключила связи, состыковала нужные программы, и все это почти мгновенно. «Хороший работник, но как сим личности нестабильна», — подумала Клэр.

Поля корабля вытянулись на максимальное расстояние. Теперь она могла использовать перчатки своего скафандра как модифицированное дистанционное управление — магнитные перчатки. Она ощущала их как магнитные захваты. Шелковистые и гладкие, силовые линии скользили и расширялись, словно резиновый воздух.

Их обдували плазменные бури. Клэр потянулась вниз, и ей показалось, как будто она погружает руки в растягивающийся эластичный бак. Пальцы зашевелились, отыскивая единственную жемчужину в этой навозной куче.

Клэр нашарила колючий самородок — словно волосатый камешек. По опыту работы с контейнерами она узнала ощущение замкнувшихся магнитных диполей. У червя имелись собствен-

ные магнитные поля. Они-то и загнали его в эту ловушку, в магнитную паутину арки.

Всплеск поля хлестнул по невидимым пальцам Клэр. И она потеряла черную жемчужину.

А в ослепительно-горячей плазме Клэр не могла ее разглядеть.

Поискала эластичными полями, но ничего не поймала.

МАГНИТНЫЕ БУТЫЛКИ ДЛЯ АНТИВЕЩЕСТВА В ОПАСНОСТИ. ИХ СВЕРХПРОВОДЯЩИЕ МАГНИТЫ БЛИЗКИ К КРИТИЧЕСКОЙ ТЕМПЕРАТУРЕ. ОНИ ОТКАЖУТ ЧЕРЕЗ 7,4 МИНУТЫ.

— Дай мне сосредоточиться! Нет, погоди — охлади их водой. Выиграй немного времени.

НО ВСЯ ОСТАВШАЯСЯ ВОДА СЕЙЧАС В ТВОИХ ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЯХ.

— Это все, что осталось? — Клэр обвела взглядом некогда роскошную *жилую*комнату. Она же спальня, зона отдыха и кухня. — Сколько… еще?

ПОКА ВОДА НЕ НАЧНЕТ ИСПАРЯТЬСЯ? ПОЧТИ ЧАС.

— Но когда вода испаряется, она кипит! ПРАВИЛЬНО. Я ВСЕГО ЛИШЬ СТАРАЮСЬ ПРИДЕРЖИВАТЬСЯ ФАКТОВ.

— А все эмоции оставляешь мне, да?

Она набрала команды на пульте скафандра. В

стоячей и нагревающейся воде ее пальцы шевелились, как сосиски.

Клэр приказала роботам выйти на корпус и освободить несколько сервомеханизмов, которые заклинило. Они сделали свое дело, но их угловатые тельца хлестал плазменный ветер. Двоих сдуло.

Клэр снова потянулась вниз. Стала искать. Где же червь?

Извивающиеся трубки потока метались вдоль корпуса корабля. Клэр заглянула в красное свечение перегретой плазмы. Горячо, но терпимо. Настоящий же враг — бьющий снизу фотонный ураган, обжигающий даже посеребренный корпус.

У нее еще оставались на корпусе рабочие роботы. У четверых имелись реактивные двигатели. Клэр освободила крепления всех четверых. Роботы включили двигатели, и она направила их вниз в определенном порядке.

— Отслеживай их траектории, — приказала она Эрме. На экране появились оранжевые линии трасс. Роботы мчались вниз навстречу своей смерти. Один резко дернулся в сторону.

— Червь там! Мы не можем его увидеть из-за проклятой плазмы, но он отклонил робота.

Роботы испарились, брызнув струйками жидкого металла. Клэр последовала за ними, нащупывая червя.

Магнитные силовые линии вытягивались, искали.

У НАС ОСТАЛОСЬ 88 СЕКУНД УДЕРЖАНИЯ АНТИВЕЩЕСТВА.

— Спасай резерв!

У ТЕБЯ НЕТ ПЛАНА. Я ТРЕБУЮ, ЧТОБЫ МЫ ВЫПОЛНИЛИ АВАРИЙНУЮ ПРОЦЕДУРУ.

А на Земле группы экспертов затевали нескончаемые споры — Клэр наслушалась их досыта в передачах по направленному лучу. Червоточина с отрицательной массой упасть не может, поэтому она не сможет пронзить мантию Земли и проглотить ее ядро.

Зато узкий корабль может влететь прямо в нее, преодолев гравитационное отталкивание, и выйти… где? Этого не знал никто. Червь не извергал массу, значит, другой его конец не расположен внутри звезды или какого-либо иного явно опасного места. Одна из полудюжины новых теорий, прозвучавших в передачах, утверждала, что это, возможно, червоточина со многими концами — и с положительной, и с отрицательной массами. В этом случае, нырнув в нее, можно вынырнуть в

разных местах. Своего рода галактическое метро.

Итак: опасности нет, а возможностей множество. Интересные рыночные перспективы. Клэр пожала плечами:

— Пусть ваш юрист поговорит с моим юристом.

— Это уникальный природный ресурс…

— И он мой. — Она улыбнулась.

Он, худой и мускулистый, — лучший мужчина, какого она видела за последние недели. А также единственный мужчина, которого она видела за эти недели.

— Знаете, ведь моя команда может захватить ваш корабль. — Он навис над ней, использовав обычный мужской «интеллектуальный» прием.

— Вряд ли вы настолько быстры.

— А при чем здесь скорость?

— Я всегда могу отключить захваты. — Она протянула руку к выключателю. — Если он не мой, то я могу сделать его общим достоянием.

— Да зачем вам… Нет, нет надо! Выключатель был не тот, но он об этом не знал.

— Если я выпущу червя, он улетит — антигравитация или что-то в этом роде.

Он моргнул:

— Мы можем его поймать.

— Вы даже не сумеете его найти. Он же абсолютно черный. — Она постукивала по выключателю, кривя губы в зловещей улыбочке.

— Пожалуйста, не надо.

— А мне надо услышать цифру. Ваше предложение. Он так сжал губы, что они побелели.

— Цену за червя после вычета ваших штрафов? Теперь настал ее черед моргнуть:

— Каких еще штрафов? Это же был официальный, одобренный полет…

— Та солнечная вспышка… ее не было бы еще месяц. А вы хорошо над ней потрудились — вся магнитная аркада вылетела одним залпом. И людям до самых астероидов пришлось мчаться по укрытиям.

Ученый не сводил с нее глаз, и Клэр не могла решить, правду ли он говорит.

— Значит, их убытки…

— Могут оказаться весьма высокими. Плюс гонорары адвокатам.

— Вот именно. — Он едва заметно улыбнулся.

Эрма пыталась ей что-то сказать, но Клэр приглушила ее голос, и тот запищал, как раздраженное насекомое.

Она неделями терпела женский сим личности со скверным настроением. Хватит, натерпелась.

Ей нужно противоядие. Этот тип ведет неправильную политику, но ориентироваться на это столь же глупо, как и сама политика. Название ее корабля было, по сути, шуткой на тему долгих и одиноких полетов на рудовозе. И этого с нее хватит. А он такой высокий и мускулистый.

— *Touche,* — улыбнулась она. — Хорошо, мы договорились.

Он просиял:

— Моя команда сразу начнет работу…

— И все же должна сказать, что вам надо поработать над навыками деловых переговоров. Грубовато работаете.

Он нахмурился, но тут же понимающе улыбнулся. Впрочем, утонченность тоже не была сильной стороной ее характера.

— Не обсудить ли нам их… за обедом?

Перевод: А. Новиков

Тайное знание

— Я в это не верю, — жестко сказал Кент.

Клер взяла его за руку и потянула за собой по дремучему, пропахшему плесенью коридору.

— Ну, давай же, выключи Голос. Я свой уже выключила… Я ведь показывала, помнишь?

— Какая-то мазня на стенах! Как она может что-то?..

— Здесь нужно свернуть.

Узкий и темный коридор привел их к углублению в глухой стене.

— Видишь: еще один знак.

— Вот это? Какие-то царапины… А что такое «знак»?

— Тут сказано… — она пристально вгляделась в буквы, шевеля губами, — ПРОХОД ЗАПРЕЩЕН.

Кент нетерпеливо ткнул пальцем в сенсор Голоса. И моргнул.

— Но… Голос именно это и сказал.

— Вот видишь!

— Понятно: ты уже была здесь раньше и спросила у Голоса.

— Но ведь ты сам выбрал этот коридор! Все

по-честному.

— Ты сжульничала.

— Нет! Я это прочитала! Прочитала. Выговорив это странное слово, Клер почувствовала, как зачастило сердце.

Кент смолк на несколько секунд. Она знала, что Кент снова обратился к Голосу.

— Я все понял. Слово «читать» означает «что-то распутывать, прояснять». А этот «знак» сказал тебе: ПРОХОД ЗАПРЕЩЕН. Но как?

— Видишь, это буквы. Я знаю каждую, хотя их довольно много, так что пришлось долго запоминать. Вместе они образуют слова.

— Чушь, — упрямо возразил Кент. — Слова произносят!

— А я знаю иной способ!

Он покачал головой, и ей пришлось отвести его к другому знаку и повторить представление. Кент скривился, когда Голос подтвердил, что эти значки и в самом деле означают СЕКТОР АЛДЕНТЕН.

— Это трюк. Все тебе сообщает Голос. Ты просто подключила по-хитрому сенсорную панель…

— На, возьми мой разъем. — Она сунула его в руку Кента и заставила подойти к следующей надписи. — ПРОИЗВ СЕК… Путь в ту сторону.

— Уж стрелку я всегда распознаю, если увижу, —

ехидно проговорил он. — Но вот остальное… Что означает СЕК?

Она надеялась, что Кент не спросит.

— Может, какое-то место?

— Район?

— Возможно… Да, точно! Сектор. Если не хватает места, они сокращают слово.

— Кто — «они»? Волшебники, что ли?

— Древние.

Кажется, он начинал ей верить.

— Древние делали пометки на стенах? Но зачем, ведь Голос…

— А если они это делали до Голоса?

— Да какой смысл…

— Я научилась этому, когда нашла в Историческом секторе старые бумаги. Они назывались «Транспортные накладные», но там оказалось достаточно слов, чтобы…

— Откуда ты знаешь, что, и в самом деле что-то «прочитала»? То есть не советуясь с Голосом?

— Знаю, и все. Буквы надо читать группами, и возникает смысл, понимаешь? Видишь первые три? Они читаются как «про». Две перечеркнутые палочки — это звук «и», а три палочки…

— Не так быстро.

Он опять поморщился, потому что все это ему

явно не нравилось. Сам он был специалистом по биологии, а с ее интересом к древностям лишь кое-как мирился. Наконец он попросил:

— Ладно, покажи еще. Не скажу, что я в это поверил, но…

* * *

Следующие несколько дней они провели в древнем районе Исторического сектора, отыскивая коридоры, которые Империум не подключил к Голосу. Клер читала знаки, и Кент стал понемногу усваивать ее метод. Дело двигалось медленно — чтение оказалось трудной задачей. Сперва буквы, слова, потом понимание того, что предложения и абзацы имеют собственную логику и свои намеки на то, как извлекать из них смысл.

Но все же Кент доказал, что он не какой-нибудь там уошник. Клер очень кстати вспомнила, как на занятиях говорили, что официально уошники называются Умственно Отсталыми. И если взять от каждого слова по первой букве, то сразу становится понятно, как появилось обозначение «уошник».

Отношения между ними окончательно наладились, и постепенно им понравилось отключать Голос во время прогулок по древним коридорам,

где они искали и читали знаки.

При необходимости Голос был всегда доступен. Вживленные возле ушей сенсоры связи улавливали вездесущие волны Компцентрали. Пока им был доступен лишь базовый канал без расширенных возможностей, зато с постоянным доступом. Как и все, взрослея, они все больше и больше использовали Голос — ведь это так просто.

Но чтение позволило им прикоснуться к прошлому и обрести немного тишины. А она воистину была для них искушением.

Прежде они постоянно держали Голос включенным. Было так легко привыкнуть к передаваемой Голосом негромкой и ненавязчивой рекламе и объявлениям. Если оплатить дополнительные услуги, то от рекламы можно избавиться, но никто из друзей так не поступал — слишком дорого. К тому же многие объявления были интересны. Например, сообщение о банке спермы и яйцеклеток, приглашающее участвовать в меритократической программе по сохранению генов. Голос предлагал развлекательные программы, путешествия и вообще множество всего. При желании его можно было усилить и прослушать целое шоу. Бесплатно. Но все же они были рады от него избавиться. Умение читать древние

знаки имело свои преимущества. Клер и Кент продемонстрировали это нескольким друзьям, но никто так и не поверил, что они и в самом деле умеют читать странные символы. Тут наверняка скрывался какой-то трюк. Клер и Кент лишь понимающе улыбались и переводили разговор на другую тему.

Впрочем, чтение приносило не только пользу. На одном из старых перекрестков Кент предпочел уважить не Голос, а загоревшийся на светофоре сигнал ИДИТЕ. Как выяснилось, светофор давно вышел из строя, и Кента едва не задавил роллеркар.

Они заспорили, не рассказать ли о своем знании кому-нибудь из властей. Ведь не исключено, что никто больше не умеет читать.

— Нет, — решил в конце концов Кент. — Взгляни на это так: миром правят стервятники. Потому что никого это не волнует, ведь никто не хочет питаться тем же, что и они.

— И поэтому мы совершим глупость, научив других читать?

— Когда спрос увеличивается, запасы уменьшаются. А что если всем понадобятся старинные книги, которые ты нашла?

Ей пришлось признать, что Кент, возможно,

прав. Хотя бы отчасти. Аналогию со стервятниками ему подсказала биология, и он не удержался, добавив:

— Это умная стратегия. Когда времена становятся трудными для других видов, у стервятников появляется больше пищи.

Подобная мысль показалась ей омерзительной, но Клер смолчала.

Они завели привычку бродить по окраинам Мегаполиса, вытягивая секреты из древних знаков. Влюбленные нередко придумывают для себя ритуалы, и этот приобрел для них особую прелесть. На стене одного из складов они обнаружили инструкцию о том, как надо покрутить колесики замка на двери, чтобы ее открыть. Им пришлось некоторое время повозиться, но в конце концов все сработало. Заскрипев на примитивных петлях, дверь распахнулась, и они прошли анфиладой помещений, где попахивало плесенью. Осмотр лишь нагнал на них скуку — они увидели только ряды запертых отсеков, не помеченных никакими надписями. Но скучно им было до того момента, пока не появился охранник с оружием на изготовку.

— Как вы сюда попали, ребята?

— Дверь была открыта, сэр, — ответил Кент. Он

всегда соображал быстро, и Клер решила, что его ответ формально правдив. Ведь дверь открыла она. — Но как, черт побери?.. Ладно, уходите отсюда. Быстро!

Охранник был смущен и встревожен, а потому лишь кое-как обыскал их. Кент попросил его показать оружие, прикинувшись туповатым искателем приключений, и охранник быстро вытолкал их за дверь, все еще озадаченный.

* * *

До этого Клер не понимала, что ее столь тяжело доставшееся умение есть нечто большее, чем восхитительный секрет. Она обладала научным складом ума, и ей доставляло большое удовольствие изучать ветхие бумажные листы, найденные в архивах Исторического сектора.

Она узнала, что толстые пачки листков назывались «книгами» — о них даже отыскалась статья в Учебнике. Голос прочитал эту статью мягким тоном, избранным Клер для повседневной работы. Более витиеватый вариант она использовала для общения, а звонкий и четкий — для получения указаний. В нормальной жизни большего разнообразия не требовалось.

Когда Клер запросила информацию о книгах,

Голос почти мгновенно отыскал и поведал ей удивительные сведения. Оказывается, существовали различные виды книг, включая «романы» или «новеллы». Слово «новелла» некогда означало «новый», пояснил Голос, однако единственный роман, который Клер удалось отыскать в сыром и темном Хранилище Древностей, оказался ужасно старым. И Клер поняла, что в работе исследователя подобные конфузы неизбежны.

В некоторых древних источниках книги также назывались словом «бук», рассказал ей Голос. Было такое в эпоху, когда существовали голоса-конкуренты. Вернее, даже не голоса, а различные методы речи — до того, как был установлен Стандарт.

Те времена историки назвали Эпохой Узости. Тогда господствовали всевозможные ограничения, а прогресс был безнадежно линейным и медленным. Люди же были разделены по принципу доступа к информации. Разумеется, ныне всяческие ограничения отсутствуют.

Сейчас люди живут в Развитую Эпоху. Голос же появился в результате эволюции старинных Разумных Агентов, существовавших в компьютерах и выполнявших поручаемые им задания. Постепенно люди стали позволять агентам делать все

больше и больше. Слияние же агентов привело к повышению их возможностей, и в конце концов было создано общество, где все открыто и ясно для всех. И доступно — с помощью Голоса.

— Какая жалкая подачка! — сказал на это Кент, и она с ним согласилась. Эпоха Узости, когда все могли читать множество книг, казалась им восхитительной. А какой трепет восторга охватывал ее от самой мысли о том, что можно взять в руки столько слов, сколько Голос не произнесет и за год, открыть книгу в любом месте и читать, сколько пожелаешь! Книги буквально притягивали ее.

Разумеется, она знала, что Голос превосходит книгу. Ведь он мог мгновенно предоставить любую справку. Мог объяснить что-либо лично тебе, так что создавалось впечатление, будто прямо в голове говорит некто чрезвычайно умный. И к Голосу могли обратиться все.

В одной из древних книг она отыскала упоминание о Голосе. Текст оказался трудным для понимания, и ей сразу захотелось отыскать какой-либо способ выяснить значения слов. А произнести их вслух было еще труднее, потому что даже если она встречала знакомое слово, то переход от букв к звукам нередко подчинялся

хитроумным правилам.

— Какой в этом смысл? — спрашивал в таких случаях Кент, но продолжал учиться вместе с ней. Из книг она узнала, что Голос создали в помощь людям, которых называли «неграмотными». Клер изумилась, потому что сейчас «грамотных» не было вовсе — кроме нее и Кента.

Выяснилось, что когда-то читать умели многие. Но постепенно Голос стал весьма популярен, пользоваться им было признано «хорошим тоном». Независимость от «печатного рабства» — так тогда говорилось. В конце концов, ведь Голос умел быстро давать нужную информацию и сообщать только то, что тебе действительно необходимо.

Клер было очень приятно обладать тайным знанием, о котором никто из ее друзей даже не подозревал. Она планировала устроить вечеринку и поразить всех, но однажды увидела крупные буквы на стене бульвара Стремлений, и все разом усложнилось.

* * *

Кент вгляделся в надпись.

— Я прочел бы это так: ВСЕ ПОНЯЛ? МЯСО 13:20 @ Y.

Он вновь недоверчиво скользнул взглядом по кривым ярко-красным буквам на синей стене.

— Это называется «написать от руки», — сказала Клер.

— От руки? В смысле — рукой? Но как?

— Я думаю, это просто образ. Ведь буквы создаются машинами, разве не так?

— Но ты прочитала кучу книг по истории. И сама говорила, что печатные машины уступили место Голосу.

Клер провела по буквам ладонью. — Очень похоже на рисование. Надо лишь постараться имитировать машину, понимаешь? Допустим, буквы — просто маленькие картинки.

— Но здесь не художественный салон!

— Конечно, это какое-то сообщение. Но может, я смогу…

К счастью, в ее сумке лежало недавно обретенное сокровище — толстая книга под названием «Словарь». Она содержала гораздо больше слов, чем употреблял в своей упрощенной речи Голос. Длинных слов, которыми никто не пользовался так давно, что даже Голос их не знал. Словарь сообщил ей даже, что значок «@» читается как «at», то есть «в», но не объяснил, почему.

— Вот. — Клер ткнула пальцем в единственную

строчку. — Мясо — это плоть животных.

— Да, животные питаются мясом. Я слыхал, что люди когда-то его тоже ели.

— Какая гадость! — фыркнула она.

— Хоть тут и написано «meat», то есть «мясо», но читается это слово совсем как «meet» — «встреча».

— Может, кто-то ошибся? Перепутал звучание с написанием?

— И этот некто хочет, чтобы те, кто сможет прочесть надпись, встретились с ним?

— Или с его друзьями.

— Но где? — Кент нахмурился.

— Видишь: Y? Это не слово.

— Может, сокращение? Как ПРОИЗВ СЕК?

— Нет, слишком коротко.

Кент щелкнул пальцами.

— Помнишь то место, где бульвар Стремлений разветвляется? Если взглянуть на эту развилку сверху, с балкона, то она выглядит в точности как эта буква.

— Пошли!

* * *

Они пришли на развилку, но там их никто не ждал. Зато на стене они увидели новую надпись,

сделанную кривыми буквами:

МЯСО КОРИДОР 63,

13:30 ЗАВТРА БЛОК 129

Они вернулись домой и отключили Голоса. Многие пары отключали Голоса только во время близости. Такой поступок был лишь проявлением деликатности, ведь нынче, когда все перешли на новые, нейроактивируемые модели, никто не мог знать, отключен ли у другого человека Голос. Сначала они обсуждали прошедший день, потом стали читать вслух толстую древнюю книгу под названием «Волшебная страсть» (что-то подобное Кент видел на сенсо). Но книга оказалась совсем не похожа на сенсо. В ней вообще не оказалось секса — лишь глаза, полные тоски, тяжелое дыхание, учащенный пульс и тому подобное. Тем не менее Клер ощутила, что прочитанное как-то странно тронуло ее душу.

Забавная штука — чтение.

Увиденная надпись никак не давала им покоя. Кент даже немного вышел из себя, обозлившись на тот факт, что и другие умеют читать. Некоторое время повозмущавшись, он нашел какой-то предлог и сменил тему.

Клер же не рассматривала умение читать как собственность. В конце концов, гораздо лучше

этим умением поделиться. Чтение подталкивало к уединению. Может, именно поэтому ей так нравилось читать? Читающий оказывался в одиночестве и слышал внутренний голос, который не мог услышать никто. А это приводило к борьбе мнений, трениям, ссорам.

И все же притягательность чтения — или вслушивания в доносящиеся из дали веков слова — была слишком… наверное, правильным словом тут станет «возбуждающей».

И возможность познакомиться с другими читателями тоже возбуждала. Поэтому они и оказались в нужное время в нужном месте. Мужчина, подпиравший стену неподалеку от надписи, выглядел не очень впечатляюще. Среднего роста, в красном комбинезоне, вышедшем из моды года три назад, с жесткими вьющимися волосами. Он молча протянул им листок, исписанный с двух сторон кривоватыми строчками. Клер прочитала первый абзац, и этого ей хватило.

ТАЙНОЕ СООБЩЕСТВО ЧИТАЮЩИХ ДОЛЖНО ОБЪЕДИНИТЬСЯ! У НАС ЕСТЬ ТАЛАНТ, КОТОРЫЙ МАССЫ ПОНЯТЬ НЕ СМОГУТ. ЕСЛИ ОНИ УЗНАЮТ О НЕМ, ТО НАЧНУТ НАС БОЯТЬСЯ. ТАЙНОЕ БРАТСТВО ЧИТАЮЩИХ — ЕДИНСТВЕННАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ ВЫЖИТЬ!

— Какая чушь! — Она сунула листок обратно.

— Но это правда.

— Вы просто скажите, что вам… — резко начал Кент.

— Никогда нельзя знать точно, не подслушивает ли тебя Голос, — таинственно произнес незнакомец.

— И почерк ужасный, — заметила Клер.

— Получше, чем у вас, — жестко парировал мужчина.

— Дело не в этом, — начал Кент. — Мы требуем ответа…

— Пошли. И заткнись, ладно?

* * *

Мужчина молчал, пока они не пришли в парк.

— Меня зовут Марк. Здесь нет микрофонов Голоса. Во всяком случае, на схемах они не обозначены.

— Вы инженер? — спросила Клер, восхищаясь могучими дубами.

— Я философ. А работая инженером, я лишь получаю деньги.

— И давно вы умеете читать?

— Уже много лет. Нашел старые технические описания, с них и начал. Всему учился сам, с

нуля.

— Мы тоже, — сказал Кент. — А это очень трудно, когда нельзя попросить помощи у Голоса.

Марк кивнул:

— А я попросил. Глупо, правда?

— И что случилось?

— Ко мне зашли Спекторы. Поговорили вроде бы ни о чем, но я-то знал, зачем они приходили.

— Искали улики? — с тревогой спросила Клер.

— Когда я спросил Голос, то он ответил, но после маленькой паузы. Приоритетный запрос — я знаю, как их отслеживать. Поэтому я сразу отключился и спрятал все свои книги. А когда вернулся, меня уже ждали Спекторы. Спокойно сидели у меня дома и осматривались.

— И вы им не сказали?.. — спросила она.

— Я должен был что-то им отдать. У меня была одна книга, которую я плохо понял. Там тоже что-то было написано про книги, и называлась она «451° по Фаренгейту». Я прятал ее в пластике, закопанном в клумбе, под псевдокустом. Они стали на меня давить, вот и пришлось отдать книгу. Жаль…

Клер испуганно моргнула.

— И что они сделали? Арестовали вас?

Марк криво усмехнулся:

— Закон не запрещает читать. Просто это считается антисоциальным. Я сравнительно легко отделался — шесть недель групповой терапии.

— Терпеть ее не могу, — сказал Кент.

— Это лучше, чем тюрьма, — пожал плечами Марк. — Мне здорово капали на мозги, пришлось прикинуться, будто я осознал, и все такое…

— А вы смелый, — заметила Клер.

— Я просто болван. Потому что спросил Голос.

— А мне казалось, что Голос должен поощрять умение читать, — искренне признался Кент. — Ведь это способно помочь при разных происшествиях. Например, если Голос вдруг отключится, то люди сумеют прочесть нужную информацию.

— По-моему, Голос и сам читает, — кивнул Марк. — Ему попросту не нужны конкуренты.

— Но Голос — это машина, — заметила Клер.

— Ну и что? — Марк снова пожал плечами. — А кто знает, насколько он умен?

— Это же услуга, и не более того, — сказал Кент.

— А ты заметил, что он не запоминает то, что мы говорим? — ехидно улыбнулся Марк.

Кент кивнул:

— Он говорит, что таким способом старается

улучшить нашу память.

— Но ведь чтение было изобретено в качестве заменителя памяти, — вставила Клер. — Я узнала это из книги по истории.

— И значит, это должно считаться правдой? — Марк иронично пожал плечами. Этот его жест уже начал раздражать Клер.

Она ненавидела политику, а эта история явно ею попахивала.

— Сколько у тебя книг?

— Много. Я отыскал коридор, ведущий в Хранилище. И могу попасть туда в любое время.

Кент и Клер только ахали, поражаясь его дерзости, пока Марк рассказывал, как годами проникал в запертые помещения, где хранилось множество ветхих документов и переплетенных томов. Он говорил об экзотических вещах, которые им еще не довелось увидеть, о томах, бывших для них лишь символами из Словаря: энциклопедии, тезаурусы, атласы, альманахи. Он даже прочел легендарную «Британскую энциклопедию»!

Согласен ли он меняться книгами? Или одалживать?

— Конечно, — тепло ответил Марк.

Так началась их дружба — поначалу слегка настороженная и опасливая, но затем холодок

растопили общее знание и тайная страсть к чтению.

А через три года восторженного чтения Марк исчез.

* * *

Он не пришел на обычное место встречи. Даже через три года они так и не узнали, где он живет, где берет бесчисленные книги. Марк упорно хранил свои секреты. Кент и Клер бродили по бесконечным коридорам жилых комплексов, опасаясь запросить у Голоса любую информацию о Марке.

Как раз в то время начались Игры Большинства, и людей вокруг ощутимо прибавилось. Очень многие, возбужденные и нетерпеливые, почти постоянно находились на улицах, с радостью вливаясь в заполняющие площади огромные толпы. Игры отнимали у людей все время — не считая, разумеется, трех часов обязательного труда по рабочим дням. Клер и Кент разделились, чтобы осмотреть как можно большую территорию, и потратили на поиски целую неделю. Клер множество раз винила себя за то, что не заставила Марка сказать, где он живет, но тот был одержим секретностью.

— А если тебя схватят и выудят сведения обо мне? — всякий раз возражал он.

Теперь она гадала, как поступят Спекторы, обнаружив у Марка множество книг. Пошлют его на Усиленное Перевоспитание? Или есть нечто худшее?

После дня напрасных поисков она вернулась домой, но Кента там не оказалось. В тот вечер он так и не пришел. Проснувшись утром, она разрыдалась. Не пришел он и в этот день, и на следующий.

Возвращаясь с работы, она размышляла, не обратиться ли к Спекторам. Еще окончательно не утратив надежды, она всматривалась в толпу в поисках Марка или Кента, и именно поэтому, пересекая Площадь Обещания, увидела трех мужчин и женщину, двигавшихся параллельно ей. Вроде бы они просто глазели по сторонам, но с отработанной четкостью блокировали ее.

Она прибавила шаг — они тоже. Выглядели «попутчики» сурово и решительно, и ей не удалось оторваться от слежки даже в лабиринте улиц и коридоров возле двухкомнатной квартирки, которую она делила с Кентом. Они прождали пять лет, прежде чем получили квартиру с крошечным балкончиком, она находилась всего на два

этажа выше грязной крыши воздушной шахты. Зато выйдя на балкон, можно было, если хорошенько вытянуть шею и посмотреть направо, увидеть кусочек неба.

Клер продолжала бесцельно петлять, но четверо не отставали. Разумеется, ей не хотелось идти домой, где она окажется в ловушке. Но она устала, и ничего другого не приходило в голову. Она заперлась и рухнула на кровать, а через две минуты услышала стук в дверь. Клер надеялась, что преследователи дадут ей передышку, но ошиблась. Распахнув дверь, она увидела того, кого меньше всего ожидала, — Марка.

— Ты не поверишь… — сходу заявил он, протискиваясь мимо нее.

— Что? Где ты был?

— Мы оказались нужны Меритократам.

— Для чего?

— Для чтения!

— Но ведь Голос…

— Избавляет людей от проблем и делает их счастливыми. Отличная идея — но, как выяснилось, нельзя управлять обществом, полагаясь лишь на Голос. — Он моргнул и сделал еле заметную паузу. — Кто-то должен добывать информацию на более высоком уровне. Помнишь,

мы сами это нутром чувствовали? То, что чтение — умение особенное.

— Да, но Спекторы…

— Они не дают людям высовываться, вот и все. — Краткая пауза. — Зато любой, у кого хватило ума увидеть знаки и терпения, чтобы самостоятельно научиться составлять из букв слова, а потом извлекать из них смысл… именно такие и нужны Меритократам.

Клер моргнула. Новость ошеломила ее.

— Но почему они забрали тебя и Кента?..

— Хотели убедиться. — Он привычно пожал плечами. — Хотели проверить наше умение и удостовериться, что мы не фокусничаем. Ведь можно лишь сделать вид, будто умеешь читать, сама понимаешь.

— Ясно… — В поведении Марка ощущалась какая-то странность. Прежде он никогда не делал паузы в разговоре… потому что не прислушивался к Голосу?

Клер попятилась.

— Замечательная новость. А когда вернется Кент?

— О, скоро. Уже скоро. — Марк приблизился, и она отступила на балкон.

— Так какую работу мы будем выполнять? Для

чего требуется умение читать?

Он тоже вышел на балкон, и Клер прижалась к перилам. Привычные бормотание и шорохи, доносившиеся со стороны воздушной шахты, на мгновение наполнили ее ощущением безопасности. Здесь с ней ничто не может случится, разве не так?

— Работы куча! Чтение старых документов, сравнение, и все такое.

А ведь не очень-то и высоко. Перемахнуть через перила, приземлиться на ноги…

— Честно, это хорошая работа.

Но сумеет ли она сбежать, если спрыгнет? Марк явно не атлет, и она не сомневалась, что если приземлится в грязь на крыше шахты, то не вывихнет лодыжку. Обувь у нее подходящая, и убежать от него она сумеет. Если удачно спрыгнет.

Клер быстро и оценивающе взглянула на Марка. Он один? Нет, наверняка за дверью караулят Спекторы, дожидаясь, пока он уговорит ее. Да, он пудрит ей мозги. Тут сомнений нет.

— Но работа не тяжелая?

— Жаловаться не станешь, — ухмыльнулся Марк. — Ты им нужна всего на три часа в день, как обычно. А со временем тебе установят выключатель этого церебрального сектора.

— Выключатель? Я…

— Чтобы тебе не нужно было больше читать. Только во время работы, и все. Ты и так вволю начитаешься. А потом — свободна!

Клер задумалась. Спрыгнуть, сбежать… Помощь Голоса станет недоступна, потому что ее, несомненно, выследят, если приемник будет включен. Сможет ли она выжить, полагаясь лишь на древние надписи?

Допустим, сможет. И что потом? Отыскать друзей, которым можно довериться? Постоянно прятаться? Но как? И на что ей тогда жить?

— Так и в самом деле будет намного лучше. Скоро вернется Кент, и…

Она посмотрела на крышу воздушной шахты. Стоит ли прыжок того, что ждет ее потом?

* * *

Ты выплываешь из иллюзии, и бац! — оказываешься в тесном коконе. Автоматические сенсоры возвращаются на места, с легким покалыванием «целуя» на прощание кожу. Ты вновь ощущаешь прохладные обволакивающие поверхности кокона. Потом поворачиваешься и спрашиваешь:

— Эй, а где остальное?

Мирф пожимает плечами, деловито отсоединяя

свои сенсоры:

— Это все, что там было. Я же тебе говорила.

— Может, запись повреждена?

— Нет, мы просмотрели куб до конца. Должен быть другой куб с окончанием истории, но в шкафу я нашла только этот.

— Но как она кончается? Что сделала девушка? — Ты подаешься к ней, втайне надеясь, что тебя просто дразнят.

— Не знаю. А ты бы как поступила? Прыгнула?

Ты моргаешь — вопрос застает тебя врасплох.

— Э-э… это… как там его… чтение? Что это такое?

Мирф хмурится.

— Это нечто вроде Голоса, но своего, личного.

— Так это правда? Можно на самом деле научиться читать?

— Никогда о таком не слышала.

— Тогда, выходит, это не исторический фильм, а фантастика…

— Должно быть… Я никогда не видела значков на стенах.

Ты задумываешься.

— Но даже если бы знаки на стенах и были, то давно бы уже стерлись от старости.

— Наверное. А любопытно было бы узнавать

что-то не от Голоса, верно?

Ты прикусываешь губу, размышляя. Иллюзия пребывания в теле той женщины уже начинает слабеть, ускользая из памяти. Умея читать, она обладала чем-то вроде личного могущества. Тебе это нравилось.

— И все же… как она поступила?

— Слушай, это просто фильм.

— А ты бы что сделала?

— Зачем об этом думать? Фильм есть фильм.

— Но тогда для чего он нужен?

— Это лишь иллюзия. Просто чья-то выдумка. К тому же не хватает второго куба, — огрызается Мирф.

— А может, он был единственным?

— Слушай, я хочу, чтобы иллюзии меня развлекали, а не напрягали!

Ты вспоминаешь про чтение и связанное с ним могущество.

— Тогда… можно мне его взять?

— Куб? Конечно.

Мирф бросает его тебе. Куб на удивление тяжелый, полупрозрачный, с округлившимися от старости некогда острыми углами. Ты смыкаешь вокруг него пальцы, и тебе нравится его вес. С этого все и начнется. Ты уже знаешь, что будешь бродить по коридорам, высматривая знаки на стенах, и что нечто новое к добру или к несчастью — вошло в твой мир и никогда уже его не покинет.

Перевод: А. Новиков

Медленная симфония массы и времени

Тени произведений Роджера Желязны «Кладбище слонов» и «Остров Мертвых» в сочетании с неподражаемым талантом физика Грега Бенфорда породили лихорадочную погоню через массу-время, к которой применим любой эпитет, кроме «медленная».

Эта погоня через всю галактику началась на одной шикарной вечеринке.

Представьте себе галактику в виде роя ярких разноцветных пчел, парящего в воздухе, как пестрый шар. Затем раздавите рой чем-нибудь прямо в полете, так, чтобы он превратился в плоский диск. Темные пчелы летят вместе с цветными, и эти темные линии, перемешиваясь с яркими, закручиваются облачной спиралью.

Пчелы злые, они жужжат и кусаются. И бесконечно роятся.

Вот что такое галактика на взгляд со стороны. У звезд нет воли, их курс и судьба теперь в руках маленьких сущностей о большими претензиями:

люди теперь повелевают Всем.

Во всяком случае, такой точки зрения придерживаются дамы и господа галактической империи, протянувшейся через весь этот спиралеобразный диск: они царят над всем в своей забывчивости. Звезды выполняют их повеления. Пчелы жужжат, повинуясь мановению имперской брови.

До тех пор, пока один повелитель не восстанет против другого. Тогда люди становятся такими, какими их создали: смышлеными всеядными приматами, гримасничающими и скалящими зубы друг на друга. Во всех сотнях миллиардов миров древняя кровь стучит и поет в жилах.

Среди гостей на этой вечеринке присутствовали некоторые из этих первобытных созданий, хотя их трудно было распознать под благообразной внешностью и кажущейся мягкостью и рафинированностью манер.

Начиналось все, как водится, совершенно невинно.

Богатая пышнотелая женщина по имени Виссиан схватила его за рукав и вытащила обратно в богато декорированную гостиную. «Сэр Зеб, вы *гвозд*ь вечера! Сэр Зеб, моим гостям есть столько *рассказат*ь вам».

Подумать только, он *хотел* попасть сюда! Почувствовать аромат перемен. И уже начинал уставать от этой планеты, Сирны. Сэр Зеб, надо же. Ему совершенно не нравилось так много путешествовать, о чем он часто забывал.

Даже здесь, в удаленном Секторе, тяжелая рука Империи лежала на всем: искусстве, стиле. Сущность империи представала здесь во всей свой незыблемости; ее вкус тяготел к монументальным формам. Жесткие прямые линии вертикальных плоскостей, выверенные параболы арок, тяжелая каменная кладка — все безупречно правильно и лишено смущающих разум вольностей. Он слегка фыркнул при виде вычурных драпировок и двинулся навстречу толпе, встречавшей его с предельно вежливыми лицами.

Виссиан продолжала разглагольствовать: «…наши самые блестящие умы жаждут познакомиться с вами! Прошу вас!»

Он подавил стон и искательно оглянулся на Фирну, которая была его консортом уже целых десять лет; нечто из ряда вон выходящее в имперских кругах. Она улыбнулась и покачала головой. Ей было не под силу спасти его от этой напасти.

— Сэр Зеб, что вы думаете о таинственных событиях в галактическом центре?

— Мне они по вкусу.

— Но представляют ли эти магнитные сущности угрозу? Они ведь такие огромные?

— И мудрые. Относитесь к ним, как к гигантским дремлющим библиотекам.

— Но они повелевают такими энергиями!

— Тогда относитесь к ним, как к чудесам природы вроде водопадов.

Это замечание вызвало вежливый смех в толпе, полумесяцем сгрудившейся возле него.

— Некоторые в Совете полагают, что мы должны предпринять против них какие-то действия! — воскликнула худая женщина в пушистом бархате, стоявшая с краю толпы.

— Я бы предпочел сражаться с ветром, — сказал Зеб, взяв у проходящего мимо карлика-слуги стимулирующий напиток.

— Сэр Зеб, вы же не можете так легко относиться…

— Я в отпуске, сэр, и могу принимать вещи такими, как они есть.

— Но сами вы, сэр Зеб, видели эти магнитные структуры?

— Нити длиной в сотни световых лет — да. Они прекрасны.

Кто-то спросил с круглыми глазами: «Это было

опасно?»

— Разумеется. Никто не заглядывал в центр галактики. Лишь тяжелые протоны пересекают его, а вирулентные рентгеновские лучи освещают им путь.

— Но почему вы рискнули?

— Я — просто дурак, мадам, работающий ради вас, людей.

И тому подобное.

Если поначалу он воспринимал Виссиан как песчинку в башмаке, то теперь она превратилась в булыжник. Час спустя Фирна затащила его в альков и торопливо сказала: «Меня кое-что беспокоит. Похоже, за нами следят. Мы всего в одном червячном прыжке от сборного пункта подразделений флота».

Зеб на время разрешил себе забыть о политике: государственным деятелям так редко выдается отпуск.

— У меня здесь должна быть надежная охрана. Кроме того, я могу получить срочное сообщение по червячной связи, чтобы…

— Нет, тебе нельзя пользоваться связью. Спекулисты могут легко проследить нас.

Фракции, фракции. Пока он предавался здесь безделью, ситуация изменилась. Он гостил здесь

в качестве Губернатора другого Сектора и находился под номинальной защитой. У него были и свои телохранители, рассеянные здесь в толпе. Но у Спекулистов была сильная поддержка в этом регионе галактики, и действовали они безжалостно. Зеб посмотрел из окна на открывающийся вид, который, он не мог этого не признать, был весьма впечатляющим. Бесконечные просторы. Буйная растительность.

Но горизонт бушевал пожарами. Здесь на улицах царило веселье… и злоба. Их лаборатории бурлили новыми энергиями, повсюду красовались инновации, сам воздух, казалось, пел от непрестанных изменений и хаоса.

Крайности богатства и нужды были ужасающими. Он знал, что они вызваны изменениями.

Мальчиком он видел нищету… сам жил в нищете. Его бабушка настояла на том, чтобы купить ему дождевик на несколько размеров больше, «чтобы дольше прослужил». Мать не любила, когда он играл в кикбол, потому что он слишком быстро изнашивал ботинки.

Нищие на этой планете были вытеснены на окраины. Иной раз они не могли себе позволить даже органическое топливо. Мужчины и женщины целыми днями пялились в задницу мула,

тащившего соху, в то время как в бархатистых небесах завывали космические корабли.

А здесь… В высших кругах с блеском был освоен язык тела. Тщательно разработаны позы, обозначающие Доверие, Нетерпение, Подчинение (пять оттенков), Угрозу, Уважение, Застенчивость и десятки других настроений. Закодированные и воспринимаемые на подсознательном уровне, эти позы вызывали особое неврологическое состояние как у самого демонстранта, так и у окружающих. Зародыши этой системы можно было отыскать в танце, политике и боевых искусствах, но, будучи систематизированы, они могли выразить гораздо больше. Как и в случае привычного языка, на помощь приходил словарь.

Зеб испытывал неловкость во время приема. Что означали все эти завуалированные угрожающие позы? Была ли его охрана адекватной?

Он быстро придал телу позу, источающую уверенность в себе, как он надеялся. Но подсознательная тревога не покидала его. А десятилетия политической деятельности научили его относиться к своим инстинктам с доверием.

— Губернатор! — пронзительный голос Виссиан спутал его мысли.

— Кстати, как насчет обещанной экскурсии по

окрестностям? Я не очень-то…

— О, боюсь, это невозможно. Небольшие местные волнения, к великому сожалению.

Зеб почувствовал облегчение, но Виссиан продолжала трещать, разглагольствуя о новых мероприятиях, балах и экскурсиях на завтра. Затем она вскинула брови и радостно сообщила: «Ах, да, у меня для вас еще приятные новости. Только что прибыла имперская эскадра».

— В самом деле? — вмешалась Фирна. — Под чьим командованием?

— Адмирала Кафалана. Я только что разговаривала с ним…

— Черт! — не выдержала Фирна. — Это же креатура Спекулистов.

— Ты уверена? — спросил Зеб. Он знал, что означают ее краткие паузы в разговоре — она консультировалась со своей внутренней файловой системой.

Фирна кивнула. Виссиан весело продолжала: «Что ж, я уверена, что ему будет оказана честь отвезти вас в ваш Сектор, когда ваш визит окончится. Что, как мы надеемся, случится не скоро…»

— Он говорил об этом? — спросила Фирна.

— Он спросил, нравится ли вам здесь…

— Проклятье! — пробормотал Зеб.

— Адмирал может контролировать всю червячную связь, если пожелает… так? — спросила Фирна.

— Да, полагаю, что так. — Виссиан выглядела озадаченной.

— Мы в ловушке, — сказал Зеб.

Глаза Виссиан округлились от изумления. «Но вам, Губернатор, безусловно, нечего бояться…»

— Тихо. — Фирна оборвала женщину жестким взглядом. — В лучшем случае этот Кафалан запрет нас здесь.

Фирна потащила их обоих в боковую галерею. Виссиан казалась ошарашенной такой бесцеремонностью, хотя Фирна была как консортом, так и телохранителем. Вообще-то они с Зебом давно могли бы стать супругами, если бы не социальные условности.

Боковая галерея изображала тропическую грозу на некой безымянной планете, джунгли, иссеченные ливнем и освещаемые вспышками пурпурных молний. Странные вопли доносились сквозь завывание ветра.

— Обратите внимание, когда имперские художники изображают природу, она всегда имеет угрожающий вид, — цинично заметила Фирна,

проверяя свои детекторы, вживленные в позвоночник и руки.

— Они по-прежнему рядом? — спросил Зеб, шикнув на Виссиан.

— Да, но у них бороды.

В ответ на его озадаченный взгляд она пояснила: «Я имею в виду, они замаскированы».

— Ах. — Они нырнули в следующую галерею, пытаясь выглядеть безмятежными. Здесь декорации были поспокойнее, изображая грандиозный уличный ландшафт и висячие сады. — Мм, и здесь никого. Где же настоящие тени?

— Я заметила одну. Но их должно быть больше.

«Никто не посмеет похитить вас из моей гостиной…» — ревниво сказала Виссиан.

— Возможно, но может произойти «несчастный случай», — ответил Зеб.

— Почему этот Адмирал нагрянул именно сейчас?

— Триггеры сверхновых, — объяснил Зеб.

После изобретения триггеров войны стали гораздо более опасными. Солнечная система может быть «зачищена» — чудовищный термин, применяемый агрессорами с давних пор, — путем спровоцированного взрыва небольшой сверх-

новой в толще существующего солнца. Взрыв поджаривал планеты до такой степени, что испепелял все живое за исключением тех, кто успевал забраться в самые глубокие пещеры и запастись провизией на несколько лет, пока сверхновая не вступала в фазу нормального солнца. Флоту требовался запас сверхновых, а Зеб возглавлял оппозицию этому оружию.

— Адмирал любит свои игрушки, — кисло сказал он, опуская палец в напиток, который все еще держал в руке, не рискуя попробовать его. Они вернулись в главную гостиную, дабы гости не заметили, что они удручены новостью.

— Нет ли другого способа удрать с Сирны? — спросила Фирна у Виссиан.

— Сложный вопрос…

— Подумайте!

Изумленная Виссиан сказала: «Ну, конечно, у нас есть частники, которые время от времени используют диких червей — деятельность, которую в лучшем случае можно назвать квазилегальной, но…»

За время своей карьеры Зеб вывел любопытный маленький закон. Теперь он обратил его в свою пользу.

Бюрократия увеличивается во времени в гео-

метрической прогрессии. На персональном уровне это вызывается настоятельным стремлением каждого менеджера нанять по меньшей мере двух помощников. Это порождает временную константу для роста.

Время от времени этот процесс вступает в противоречие с возможностями общества. При наличии известной временной константы и возможностей можно предсказать крайний уровень бюрократического избытка, или иначе, если рост продолжается, дату коллапса. Предсказания длительности существования обществ, руководимых бюрократией, соответствуют определенным точным кривым. Удивительно, но те же графики работали и для микрообществ, например больших агентств.

Неповоротливые имперские бюро на Сирне не были способны реагировать быстро. Эскадре адмирала Кафалана придется поторчать в околопланетном пространстве, поскольку ее визит был сугубо формальным. Из этого можно было извлечь свою выгоду. Кафалан не станет применять грубую силу, пока действует игра в ожидание.

— Так, понятно. Это дает нам несколько дней, — сделала вывод Фирна.

Зеб кивнул. Он уже сделал все доклады, провел

переговоры, слушания, поучаствовал в благотворительных мероприятиях — деятельность, которую он активно недолюбливал. Фирна негласно собирала информацию.

— Как?..

— Поездом.

Паутина червячных нор, собственно, и создала галактическую империю. Возникшие при первых спазмах Большого Взрыва, они сначала лишь изредка попадались плавающими в межзвездном пространстве, зато теперь стали ценнейшим ресурсом империи.

Конечно, у этого способа сообщения были свои неудобства: черви начинались и заканчивались, как хотели и где хотели. Червячный прыжок мог вынести вас в черный вакуум за много световых лет от планеты назначения. Гиперкорабли проносились по червячным ходам за считаные секунды, а затем истощали все запасы топлива, перетаскивая свои грузы через пустынные пространства, что стоило лет и десятилетий труда.

Червячные ходы были лабиринтами, а не просто туннелями с входом и выходом. Большие ходы существовали миллиарды лет — не один ход больше сотни метров в диаметре еще ни разу не схлопнулся. Маленькие же черви жили иногда

несколько часов, в лучшем случае год. В тонких червях сочленения стенок могли изгибаться *во время* полета корабля, изменяя конечный пункт путешествия.

Что еще хуже, на поздней стадии своего существования черви порождали нестойкую, обреченную на скорую гибель молодь — диких червей. Будучи деформациями в пространстве-времени, усиленными «подпорками» из негативной энергии-плотности, все черви обладали наследственной неустойчивостью. Когда они погибали, от них отделялись меньшие деформации.

У Сирны было семь червячных ходов. Один сейчас как раз умирал в грандиозной агонии.

Он висел в световом часе от планеты, выплевывая диких червей разного диаметра — от совсем маленьких, толщиной в руку, до нескольких метров в обхвате. В губчатом пространстве-времени негативных подпорок из энергии-плотности время могло ползти или мелькать, что было совершенно непредсказуемо. Этот червь покидал нашу Вселенную в патоке медленной пытки.

Несколько месяцев назад от умирающего червя отпочковался достаточно объемистый дикий червь. Имперской эскадре об этом, конечно, было неизвестно. Путешествие в зарегистрированных

червях облагалось высоким налогом, поэтому свежий свободный червь был настоящим золотым дном. Докладывать об их существовании, ну… часто у планеты просто не доходили до этого руки, пока дикий червь не исчезал в субатомном вихре.

А до тех пор пилоты перевозили через них грузы. Дикие черви могли испариться в течение нескольких секунд, что делало ремесло такого пилота опасным, высоко оплачиваемым и легендарным.

Пилоты диких червей относились к той породе людей, которые детьми любили кататься на велосипеде без рук, с той лишь разницей, что теперь они катались с крыш.

По логике, такие дети вырастали, получали образование и даже платили налоги — но в душе оставались детьми.

Только такие отчаянные парни могли пробираться через хаотические извивы быстро исчезающих червей и рисковать, но рисковать так, чтобы из этого выходил толк, и никак не иначе, да еще и умудрялись выжить. Они превратили свою храбрость в точнейшее орудие труда.

— Эти дикие черви очень ненадежны, — сказала грубоватая женщина Зебу Фирне. — И потом,

если вы поедете вместе, для пилота уже не останется места.

— Мы не должны разлучаться, — бескомпромиссно сказала Фирна.

— Тогда вам придется пилотировать.

— Но мы не знаем как, — растерялся Зеб.

— Вам повезло, — невесело усмехнулась женщина. — Этот дикарь короткий, им нетрудно управлять.

— Каков же риск? — напряженно спросила Фирна.

— Я не страховой агент.

— Я настаиваю на том, чтобы нам сказали…

— Послушайте, леди, мы вас научим. Таковы условия сделки.

— Я рассчитывала на большее…

— Или вы принимаете наши условия, или вообще никакой сделки не будет.

В мужском туалете над писсуаром Зеб увидел золотую табличку: *«Сеньор Пилот Жокуан Бьюнн облегчился здесь 4 октдента 13.435».*

Приглядевшись, он увидел, что над каждым писсуаром красуется аналогичная табличка. Над стиральной машиной в кладовой большая табличка сообщала: *«Весь Пилотный Корпус 43д облегчился здесь 18 марласса 13.675».*

Пилотский юмор, однако весьма символичный. Зеб поспешил на свой первый тренировочный полет.

Для того чтобы уменьшить опасность от схлопывания короткого червячного хода, у червепилотов были при себе спасательные аппараты. Они действовали только в полях, окружавших червя, где гравитация начинала сворачиваться, а пространство-время было искривлено не слишком сильно. Под сиденьем находилась маленькая мощная ракета, которая могла нести кокпит, автоматически уводя его от червя.

Однако в маленький кокпит помещалось весьма ограниченное количество приборов и оборудования. Положение усугублялось тем, что рот червя мог исторгать такие электродинамические «погодные условия», как мощные молнии, голубые разряды и красные магнитные вихри наподобие торнадо. Если во рту червя бушевала такая «гроза», электрооборудование не действовало. Поэтому управлять приходилось главным образом вручную. Способ безнадежно устаревший, но неизбежный.

Они с Фирной прошли первую ступень тренировочной программы. Очень скоро стало ясно, что, если используешь команду EJECT, надо зара-

нее позаботиться о том, чтобы откинуть голову назад, если не хочешь размозжить себе нижнюю челюсть собственными коленными чашечками, что было бы нежелательно, ибо тебе еще предстоит проверить, не вошел ли твой спасательный аппарат в штопор. Это было бы плохой новостью, ибо его траектория может свернуть обратно в червя. Чтобы избавиться от штопора, надо было дернуть за красный рычаг, а если и это не поможет, приходилось очень быстро — примерно за полсекунды — нажать две синие кнопки. Когда вращение начнет замедляться, предстояло отпустить автоматический привод, переведя вниз два желтых переключателя, и при этом сидеть прямо, зажав руки между колен, чтобы избежать…

…и так далее в течение трех часов. Всем казалось, что такой известный политик, искушенный в хитроумных галактических протоколах, будет схватывать все в какие-нибудь доли секунды.

После первых десяти минут он не счел целесообразным разрушать их иллюзии и просто кивал и щурился, показывая, что улавливает суть и в высшей степени доволен происходящим. Между тем он решал в голове шахматные этюды для практики.

Он прогуливался в сопровождении телохрани-

телей, когда Адмирал прислал поздравительную открытку.

Они медленно шли по парку. Ближайший к нему телохранитель, некий Ладоро, что-то говорил в переговорное устройство, закрепленное на запястье. Парк представлял собой рекреацию в имперском стиле, с журчащими ручейками, взбегающими вверх на холмы. Это был эффектный трюк, основанный на хитроумно заряженный электродинамических потоках, преодолевающих гравитацию. Телохранителям нравился этот аттракцион; Зеб находил его слишком очевидным.

Случилось так, что он в тот момент как раз смотрел на Ладоро, своего старейшего телохранителя, коренастого мужика, чей послужной список насчитывал без малого век беспорочной службы. Позже Зеб сообразил, что Адмиралу, видимо, было это известно. Тем отточенней оказался его ход.

Ладоро осел, запрокинув голову, словно увидел что-то в небе. На лице у него промелькнуло вопросительное выражение. Он качнулся назад, изогнулся и рухнул, ударившись лицом о подстилку из мха. Охранник даже не выставил вперед руки, чтобы смягчить удар.

Двое других охранников оттащили Зеба за стену за две секунды. Вокруг было слишком

много открытого пространства и слишком мало укрытий, чтобы передвигаться. Он съежился на корточках, не разглядев даже, кто стрелял. Немного погодя Зеб рискнул выглянуть из-за края стены и увидел Ладоро, распростертого без движения.

Потом наступило затишье. Никакого движения.

Зеб вызвал в памяти образ лежавшего Ладоро. Розовая кровь вытекала из верхней части спины. Абсолютно смертельная точка в позвоночнике, в четырех сантиметрах ниже шеи. Килоджоули энергии, сфокусированные в пучок, толщиной с ноготь.

Такой концентрированный пучок энергии сделал бы свое дело, даже если бы был направлен в бедро или живот. Но направленное с такой точностью в главную костную ось человека массивное давление на спинномозговую жидкость было подобно ветру, задувшему свечу, — мозг отключался в доли секунды.

Ладоро падал, будучи уже полностью стертым. Мягкий удар и вечная тишина.

Зеб поднял руку и увидел, что она трясется. Хватит ждать. «Идем. Здесь они могут устроить все, что угодно».

Охранник сказал: «Сэр Зеб, я бы не советовал…»

— В меня и раньше стреляли, сынок.

Что ж, полагаю, мы можем отстреливаться на ходу…

— Так и сделаете. Идем.

Они пробирались вдоль ручейка, сбегавшего с холма. Отряд вновь прибывшей охраны рассыпался по парку. Разряд был выпущен из некой точки позади Ладоро. Подходя к мертвому охраннику, Зеб старался, чтобы между ним и этой точкой были скалы. На Ладоро он смотрел из-за ближайшего валуна. Голова телохранителя была повернута набок, глаза все еще открыты, изо рта в сухую грязь стекала слюна. Самым страшным были глаза, уставившиеся в бесконечность, которую никто не видит больше одного раза.

Прощай, друг. Мы делили с тобой время, смех и световые годы. Ты не единожды спасал мою задницу. А теперь я ничего не могу для тебя сделать.

Что-то шевельнулось справа от него, эфемерный шар из пылинок. Полицейские, вернее их местное проявление.

Шар замигал, закрутился и сказал низким басовитым голосом: «Мы сожалеем».

— Кто это сделал?

— Мы подозреваем имперский источник. Наша защитная система была нарушена характерным способом, сэр.

— И что вы можете предпринять?

— Я буду защищать вас.

— Ладоро вы не смогли защитить.

— Я прибыл с небольшим опозданием.

— *Небольшим?*

— Вы должны извинить нас. Наши возможности ограничены.

— Чертовски ограничены.

— Ни одно место не может считаться абсолютно безопасным. Здесь, однако, безопаснее, чем где бы то ни было. Я уже извинился перед мадам Виссиан…

— Передайте Адмиралу, что я получил его приглашение.

— Сэр?

— Я уверена, все будет в порядке, — неискренне сказала Виссиан, стоя рядом с Зебом и Фирной в зале вылета.

Зеб вынужден был признать, что эта женщина оказалась лучше, чем он рассчитывал. Она расчистила им путь, задержав имперских офицеров. Возможно, она втайне надеялась на вознаграждение, но у нее было на это право.

— Надеюсь, я смогу справиться червячным кораблем, — сказал Зеб.

— Я тоже, — вставила Фирна.

— Наши инструкторы самые лучшие, — сказала Виссиан, хмуря брови. — Я надеюсь, вас не беспокоит то, что червь дикий?

— Это вполне надежно, — сказал он.

Им предстояло лететь в узком цилиндре, Фирна выступала в роли второго пилота. Разделение обязанностей оказалось единственным способом выйти на уровень относительной компетентности.

— Я думаю, это будет волнующее путешествие, но не могу не восхищаться храбростью вас обеих.

— Выбор у нас невелик, — сказала Фирна. Она лукавила. Еще день, и офицеры Адмирала взяли бы Зеба и Фирну под арест, а затем умертвили.

— Но лететь в маленьком кораблике, похожем на карандаш. Такое примитивное средство передвижения!

— Хм, пора идти, — сказал Зеб, напряженно улыбаясь. Она опять испытывала его терпение.

— Я согласна с Императором. Любая технология, не использующая магию, недостаточно прогрессивна.

Зеб почувствовал, что в животе у него что-то трепещет от страха. «Вы попали в самую точку».

Он постарался забыть о неприятном разговоре.

Четыре часа спустя, сближаясь на большой скорости с большим комплексом червячных ходов, он понял, что она имела в виду.

Зеб сказал Фирне по переговорному устройству: «Во время одного из моих университетских курсов — кажется, это была нелинейная философия — профессор сказал нечто такое, чего я не могу забыть до сих пор. „Все идеи о существовании бледнеют перед фактом существования“. Чертовски верно».

— Азимут ноль шесть девять пять, — жестко ответила она. — Никаких посторонних разговоров.

— Здесь нет ничего постороннего… кроме пасти этого дикого червя.

Дикий червь был искрящейся точкой вибрирующего пространственного возмущения. Он ярким пятном вращался вокруг пасти основного червя.

Имперские корабли патрулировали основного червя, игнорируя дикого. Теперь оставалось ждать большого транспорта, чтобы проскочить мимо имперских патрульных.

Галактика была, если разобраться, хаосом об-

ломков, закручивающихся на дне гравитационной ямы космоса. Черви делали ее проходимой.

Далеко внизу планета сверкала своей пышной красотой.

На границе терминатора долины бесповоротно соскальзывали во тьму, в то время как цепи снежных вершин продолжали белеть. Поздним вечером, в зоне терминатора, но вблизи его границ, горные пики горели ярко-оранжевым огнем, словно живые угли. Горные вершины прокалывали облачные покровы, высовывая свои кряжи, словно кильватеры. Тропические бури, освещаемые вспышками ночных молний, напоминали распускающиеся бутоны белых роз.

Не менее впечатляли и человеческие творения. Средоточия огней обозначали ночные города, опутанные паутиной шоссейных дорог. Сердце Зеба преисполнилось гордости при виде достижений человечества. Здесь рука его имперских сограждан все еще продолжала украшать смелым узором кору планеты. Они создали искусственные моря и эллиптические водные бассейны, огромные квадратные массивы возделываемых полей, в безупречном порядке проступающих на некогда девственных землях.

— Как красиво, — прошептал он. — И мы бежим

отсюда, спасая свои жизни.

Фирна засопела. «Ты теряешь вкус к политике».

— У тебя в душе не осталось поэзии.

— Только когда я не на работе.

Он увидел, как зависшие в отдалении корабли начали набирать скорость, расцветая яркими хвостами выхлопов. «Многие верят, что ранняя Империя была гораздо более приятной структурой, безмятежной и миролюбивой, с редкими конфликтами и гораздо меньшим количеством людей».

— Хорошее начало, плохой конец, — сказала Фирна, уклоняясь от разговора.

— Вне всяких сомнений, ты права. Обрати внимание на приближение Адмирала.

Теперь и Фирна их увидела. «Черт! Они засекли нас». У нас остается последний шанс заставить червя бежать.

— Но они… они пустятся в погоню.

Зебу случалось уже проходить через червячные ворота, но всегда на больших лайнерах, прокладывавших путь через ходы, насчитывавшие десятки метров в диаметре. Каждый ход такого размера был целым транспортным комплексом, гудевшим от тщательно упорядоченного движе-

ния. И сейчас можно было разглядеть платформы, движущиеся через боковые коридоры основного туннеля.

Их же дикий червь, незаконный отпрыск, мог исчезнуть в любой момент. Извергаемая им квантовая пена свидетельствовала о его смертности. *И может быть, нашей…* подумал Зеб.

— Векторная нулевая сумма приближается, — крикнул он.

— Сближающиеся асимптоты, проверь, — отозвалась Фирна.

Подобно сверлу они ввинтились в ход.

Но на них надвигалась сфера, окруженная оранжево-пурпурным сиянием. Неоново-яркая пасть. С узким черным центром…

Зеб ощутил внезапное желание увильнуть, не нырять в этот неправдоподобно узкий пищевод.

Фирна выкрикивала числа. Компьютер прокладывал курс, поворачивая их летающий карандаш под нужным углом, выравнивая его легкими ударами маневровых двигателей.

То, что он знал азы физики, не помогало. Червячные ходы оставались открытыми благодаря слоям негативной энергии, подобным луковой шелухе, покровам антидавления, возникшим при первых конвульсиях вселенной. Отрицательная

энергия в «стратах» была эквивалентна массе, необходимой для образования черной дыры того же радиуса.

Таким образом, они погружались в область пространства невообразимой плотности. Но опасность таилась лишь по границам этой области, где неимоверное напряжение могло разорвать их на атомы.

Вошли они точно в яблочко, но любая ошибка…

Только не задеть стенки…

Двигатели пульсировали. Дикий червь изнутри походил на черную сферу, окруженную квантовым огнем.

Он рос.

Зеб внезапно почувствовал чудовищную беззащитность их корабля-карандаша. Не больше двух метров в диаметре, с тончайшими стенками, уменьшенными до предела буферами безопасности. Где-то сзади Фирна продолжала бормотать числа, а он проверял… но часть его беззвучно кричала от сокрушительного чувства уязвимости и беспомощности.

Он никогда не любил путешествовать… Липкий страх сдавил горло.

— Векторы суммируются в пределах ноль семь

три, — выкликала Фирна.

Ее голос был спокоен, ровен, действовал, как волшебный бальзам. Он уцепился за безмятежную уверенность этого голоса и поборол собственную панику.

— Дай свои выкладки, — потребовала она.

Он отстал! Рефлексируя, он потерял нить.

Мгновенным усилием он сумел сделать свой мозг двухкамерным. Две независимые сущности выполняли свои задачи, общаясь между собой только по желанию. Выкладки каждого сливались в один результат.

— Вот. — Он продиктовал свои ответы, последние расчеты меняющихся приливов давления, в которые они теперь ввинчивались.

Визг двигателей, корректирующих курс в последнюю секунду, эхом отдавался в тесной кабине.

Молнии зазмеились вокруг, синие с золотом…

…Переворот. Они вылетели из другого конца туннеля, прямо в червячный терминал за пятнадцать тысяч световых лет от Сирны.

— Тот старый профессор… как он был чертовски прав, — сказал Зеб.

Фирна вздохнула, и это был единственный вздох, выдававший ее напряжение. «Идеи о

существовании бледнеют… перед фактом существования. Да, любовь моя. Жизнь больше, чем любые разговоры о ней».

Их приветствовало желтовато-зеленое солнце. А вскоре появился и имперский патрульный катер. Адмирал был позади, но каким-то образом опередил их.

Им оставалось только вильнуть в сторону и бежать. Быстрый маневр, и они пристроились к большому каравану, направлявшемуся к пасти крупного червячного хода. Коммерческие компьютеры приняли их имперское вторжение без возражений. Тренировки не прошли Зебу даром. Если он слегка ошибался, Фирна поправляла его.

Их второй прыжок в гиперпространстве занял какие-нибудь три минуты. Они вынырнули вдали от тусклого красного карлика.

Третий прыжок стал уже рутиной. Наличие кода-статуса имперского двора снимало все возражения.

Но быть в бегах означало пользоваться первыми попавшимися червячными трассами. Люди Кафалана не могли остаться далеко позади.

Движение в червячном туннеле могло быть только односторонним. Высокоскоростные корабли прокладывали путь через горловину

туннелей, диаметр которых варьировался от длины пальца до величин, соизмеримых с диаметром звезды.

Зебу, конечно, были известны цифры. В галактическом диске насчитывалось несколько миллиардов червячных ходов, рассыпанных среди нескольких сотен миллиардов звезд. Радиус среднего имперского Сектора был примерно пятьдесят световых лет. Прыжок, однако, мог унести вас за много лет от отдаленного мира.

Это способствовало освоению космоса. Некоторые цветущие планеты казались зелеными оазисами среди пустыни. Империя представлялась здесь далеким сном, источником экзотической продукции и невероятных идей.

Червячная паутина имела много выходов возле обитаемых миров, но не меньше — возле таинственно бесхозных солнечных систем. По странной прихоти межзвездные туннели, опутывавшие Империю, открывали относительно небольшие рты — размером, может быть, с горный кряж — рядом с богатыми планетами. Но некоторые червячные пасти поистине гигантских размеров вращались вокруг солнечных систем, которые, по данным всех разведок, были голыми и безжизненными.

Было ли это случайностью или работой неких более ранних цивилизаций? Археологи склонялись к последнему. Разумеется, сами червячные ходы были последствиями Большого Взрыва, положившего начало времени и пространству. Они соединяли удаленные друг от друга области, которые соседствовали в те давние времена, когда галактика была юной и маленькой. Дифференциальная спираль диска перераспределила червячные ходы. Но кто-то — или, скорее, что-то — постарался, чтобы они хотя бы вращались около звезд.

Они уловили ритм. Прыгнули через пасть червя, связались по переговорнику с администрацией терминала, пристроились в очередь к каравану. Имперские наблюдатели не могли выбросить из очереди лицо такого высокого уровня. Так что самый опасный момент наступил при переговорах об их идентификации.

На этом Фирна уже собаку съела. Она посылала Администратору червячной сети мегабайты данных, и — *вжик* — они уже встраивались в орбитальный вектор, готовые к следующему прыжку.

Однажды они заметили барочные обводы адмиральского корабля, выскакивающего из

червячной пасти через несколько минут после того, как они проделали то же самое. Но в суете коммерческого транспорта им удалось ловко затеряться в очереди. Потом они нырнули в следующее отверстие, надеясь, что Кафалан их не заметил.

Змеящиеся, сверкающие внутренности червей в этот раз показались Зебу почти успокаивающими. У этого червя пасть была меньше, зато глотка длиннее; путешествие заняло несколько изматывающих мгновений.

Материя может лететь в червячном туннеле только в одну сторону. Несколько экспериментов со встречным движением кончились катастрофой. Несмотря на всю изобретательность инженеров, гибкие сочленения туннеля сеяли разрушения. Каждая пасть червя «информировала» остальных о том, что она только что съела. Эта информация распространялась волнообразно, но не материально, а в виде напряжения самого червячного хода — физики называли это гребнями «ударного тензора».

Корабли, пролетающие сквозь оба рта — входной и выходной, — посылали ударные волны, распространяющиеся навстречу друг другу и зависящие от местоположения и скорости кораб-

лей. Волна сжимала горловину, и, когда волны встречались, стенки тоже начинали сжиматься.

Важным моментом было то, что две волны после встречи вели себя по-разному. Одна замедлялась, а другая ускорялась нелинейным образом.

Одна волна могла расти, другая сжиматься. Большая волна заставляла горловину сжиматься до толщины сосиски. Когда корабль подлетал к такой сосиске, он *мог* проскочить, но вычислить это было титанической работой. Если же горло-сосиска должна была встретить два корабля, гибель оказывалась неизбежной.

Это была уже не техническая проблема. Это было реальное ограничение, налагаемое законами квантовой гравитации. Из этого непреложного факта выросла развитая система охранных пунктов, налогов, правил, очередей — весь этот бюрократический аппарат, который, безусловно, имеет цель, большую часть которой представляет он сам.

Зеб научился рассеивать тревогу, любуясь видами. Солнца и планеты, исполненные светящейся красоты, проплывали в черноте.

Но за этим великолепием, он знал, таились миллионы повседневных забот.

Из расчетов параметров червячных ходов вытекали простейшие экономические факты. Между планетами А и В могло быть полдюжины червячных прыжков — Гнездо было чем-то вроде астрофизической подземки с системой пересадок. Каждая пасть означала дополнительные платы и пени за каждый транспорт.

Контроль за целым торговым путем приносил максимальную прибыль. Борьба за этот контроль велась бесконечно, зачастую жестоко. С точки зрения экономики, политики и «исторического момента» — это означало придание событиям некоторой инерции — местная империя, контролировавшая целую совокупность транспортных узлов, становилась нерушимой и долговечной.

На деле все часто оказывалось не так. Региональным сатрапам приходилось быть начеку. Как Губернатору, ему самому неоднократно приходилось круто поступать с ними. В этом и заключалась местная политика, область, в которой он оказался большим мастаком. Увы, Кафалан преследовал его из соображений глобальной, галактической политики.

Многие планеты, жиревшие на щедротах червячных терминалов, гибли или, по крайней мере, страдали от циклических кризисов,

потому что их неумеренно контролировали. Казалось совершенно естественным устанавливать максимальную плату за проход в червя путем координации всех ходов с целью оптимизации движения. Но такой уровень контроля вызывал у людей протест.

Такая система не приносила выгоды. Избыточный контроль терпел поражение.

На семнадцатом прыжке у них появилась возможность в этом убедиться.

— Отклонитесь в сторону для осмотра, — дошла до них автоматическая команда из имперского судна.

Выбора у них не было. Толстобрюхий сторожевой корабль засек их через несколько секунд после того, как они выскочили из пасти средних размеров.

— Налог на трансгрессию, — объявила компьютерная система. — Планета Аларакан взимает эту специальную плату с пролетающих… — За этим последовала невнятица компьютерного языка.

— Давай заплатим, — сказал Зеб.

— Боюсь, таким образом мы оставим след для Кафалана, — сказала Фирна по переговорному устройству.

— Какой у нас выбор?

— Я использую свои персональные индексы.

— Для червячного транзита? Это разорит тебя!

— Зато так безопаснее.

Зеб пылал гневом, пока они висели в магнитном захвате под имперским кораблем. Червячный ход вращался вокруг планеты с развитой промышленностью. Серые города расползлись по континентам, зависли над океанами огромными шестиугольниками.

В Империи были два планетных стиля — сельский и урбанистический. Фермерские миры были социально более стабильны в силу стабильных экономических методов и консервативности населения. Они, а также сходные с ними системы, получившие название «фемо-рустика», существовали дольше.

Планета Аларакан, напротив, относилась к тем мирам, которые удовлетворяют другим основным человеческим импульсам: стремлению объединяться в группы, ощущать локоть соседа, стекаться в города.

Зебу всегда казалось странным, что человечество так легко распалось на две части. Теперь, однако, его политический опыт объяснял происхождение этих наклонностей. Большинство людей были настоящими приматами, жаждущи-

ми лидера. Бесчисленные планеты объединялись по принципу основных феодальных групп — Мачо, Социалист, Патриарх. Даже необычные Танатократии подпадали под эту схему. В них правили фигуры, подобные фараонам, обещавшие загробную жизнь и делившие общество на мельчайшие ранги, спускавшиеся с пика жесткой социальной пирамиды.

— Они берут взятки, — сказала Фирна. — И тут коррупция!

— Гмм, да, поразительно. — Почему он становился таким циничным? Ему захотелось повернуться и поговорить с ней, но их карандаш не допускал непринужденного общения.

— Поехали дальше.

— Куда?

— Ну… — Он понял, что не имеет ни малейшего представления.

— Похоже, мы оторвались от погони. — Голос Фирны доходил через переговорник, сухой и сдержанный. Он уже научился распознавать признаки ее тревоги.

— Мы можем выбрать маршрут обратно в наш Сектор.

— Этого они и ждут.

Он почувствовал укол разочарования. Она была

профессиональным телохранителем, и спорить с ней было трудно.

— Так куда?

— Я воспользовалась этой паузой, чтобы предупредить друга по червячной связи, — сказала она. — Тогда мы, пожалуй, сможем вернуться, но окольным путем.

— И Спекулисты…

— Возможно, не ожидают от нас такой смелости.

— Что положительно характеризует эту идею.

Головокружительное предприятие — прыгать через всю галактику в контейнере размером со шкатулку.

Они прыгали, маневрировали и прыгали снова. Еще на нескольких терминалах Фирне пришлось «договариваться». В смысле, давать взятки. Она ловко составляла комбинации из имперских пропускных индексов и собственных частных номеров.

— Дорого, — ворчал Зеб. — Не знаю, как я расплачусь…

— Мертвые не беспокоятся о долгах, — сказала она.

— Ты умеешь объяснять доходчиво.

— Здесь не место для тонкостей.

После очередного прыжка они очутились на ближней орбите вокруг величественно погибающей звезды. Во все стороны разлетались грандиозные протуберанцы.

— Как долго сможет этот червь просуществовать здесь? — поинтересовался Зеб.

— Его спасут, я уверена. Представь, какой хаос возникнет в системе, если пасть червя начнет изрыгать раскаленную плазму.

Зеб знал, что система червячных ходов, хотя и была обнаружена в доимперские времена, не всегда использовалась. Когда стали понятны физические законы, лежащие в основе существования туннелей, корабли начали бороздить галактику, самостоятельно создавая вокруг себя червячный ход. Это позволяло осваивать богатства, лежащие вдали от существующих ходов, но с большими энергетическими затратами и с огромным риском. К тому же такие перемещения в гиперпространстве происходило гораздо медленнее, чем простое скольжение в черве.

А что, если Империя разрушится? Потеряет сеть червей? Возможно, тогда юркие истребители и змееподобный военный флот уступят место громоздким гипердредноутам?

Следующий выход из червя оказался в жуткой

черной пустоте, куда едва достигал свет красного карлика, сиявшего над галактической плоскостью. Ее диск раскинулся в сияющем величии. Зеб вспомнил, как однажды, держа в руке монету, размышлял о том, что маленькое пятнышко на ней может обозначать огромный объем, подобный большой Зоне. Здесь такие человеческие термины казались бессмысленными. Галактика была единой безмятежной сущностью огромнее любых человеческих перспектив.

— Восхитительно, — сказала Фирна.

— Видишь Андромеду? Она кажется такой близкой.

Спираль, как две капли воды похожая на их собственную галактику, висела над ними. Прожилки пылевых уплотнений обрамляли лазурные, алые и изумрудные звезды. Медленная симфония массы и времени.

— Нам надо делать пересадку, — предупредил Зеб.

Здесь пересекались пять червячных веток. Три черные сферы кружили, тесно сжавшись вместе, как танцующие пантеры, ярко горя ободками квантовой радиации. Два кубических входа вращались поодаль. Зеб знал, что изредка встречаются кубические формы, но никогда не видел

их. Эти два хода, сцепившихся вместе, давали основание предполагать, что они зародились где-то на краю галактики, но такие материи выходили за грань его познаний.

— Летим… туда. — Фиона нацелила лазерный луч на один из кубов, направляя туда их корабль-карандаш.

Они осторожно подобрались к меньшему кубу. Терминал здесь был автоматический, и никто не остановил.

— Здесь узко, — нервно сказал Зеб.

— Остается еще пять пальцев.

Он подумал, что она шутит, но потом понял, что она скорее недооценивала узость прохода. В этом редко используемом туннеле необходимо было лететь на низкой скорости. Правильно с физической точки зрения, но неважно с экономической. Замедление снижало чистый поток массы, делая такие туннели похожими на болота.

Чтобы отвлечься от проблем пилотирования, он посмотрел на Андромеду. Выходы из червячных ходов не вели в другие галактики. Что это — таинственный замысел квантовой гравитации? Или творение каких-то древних инженеров?

Они влетели прямо в середину плоского лица

кубического червя. Страты с негативной энергией-плотностью, заставлявшие червей держать пасть открытой, распределялись по краям, так что само лицо было свободно от сил притяжения.

Они без приключений выскочили к нескольким терминалам, расположенным на ближней орбите около группы планет. Одну из них Зеб идентифицировал как редкий тип со старой, погибшей атмосферой. Существует множество способов убить планету. Или человека, подумал он, содрогаясь.

Еще один прыжок — в рабочую зону настоящей, естественной черной дыры. Он смотрел, как огромные диски, собирающие и переваривающие энергию, светятся сыто-алыми и хищно-пурпурными огнями. Империя установила вокруг черных дыр огромные трубопроводы из магнитных полей. Они высасывали и уносили облака межзвездной пыли. Черные циклоны, сужаясь, втягивались в блестящие диски, расположенные вокруг дыры. Излучение от трения этих гигантских дисков в свою очередь улавливалось огромными сетками и рефлекторами.

Урожай энергии диких фотонов улавливался и передавался в открытые пасти червей. Они несли

эти потоки к отдаленным мирам, нуждавшимся в скальпелях света для того, чтобы придавать форму планетам, кромсать луны, изменять наклон осей.

— Пора бежать, — сказала Фирна.

— Так мы не можем попасть в наш Сектор?

— Я перехватила сигнал, посланный от одного червя другому. Нас поджидают во всех владениях, граничащих с нашим Сектором.

— Проклятие!

— Я подозреваю, что у них много союзников.

— Им это необходимо, чтобы иметь оперативную поддержку. Они устроили чудную маленькую охоту на человека.

— Возможно, проблема триггера сверхновых — всего лишь предлог?

— Как это?

— Многим нравится современная система использования червей, — уклончиво сказала она. Она никогда не позволяла своим собственным взглядам на политику вмешиваться в их взаимоотношения. Даже это завуалированное замечание заставило ее испытывать неловкость. Он был дорог ей как живой человек, а не как набор политических абстракций.

Но в ее словах был резон. Зеб хотел, чтобы чер-

вячные ходы стали свободными, управляемыми только рыночными механизмами. Спекулисты же хотели устанавливать тарифы и льготы, брать штрафы и взятки. А кто станет контролировать всю эту бюрократию?

Он задумался. Она ждала его решения.

— Нам почти некуда бежать.

— Я не принуждаю тебя к компромиссу. Я просто советую.

— Ладоро…

— Они не стали бы беспокоиться и убивать его, если бы не хотели договориться.

— Не люблю договариваться с ножом, приставленным к горлу.

— Мы должны на что-то решиться, — сказала она жестко.

Время работало против них. Он закусил губу. Сдаться? Он не мог, даже если это казалось разумным выходом. «Наш Сектор достаточно удален от центра. Что, если мы побежим к центру?»

— Куда именно?

— Я буду работать над этим. Поехали.

Пеллуцид, расположенный не более чем в дюжине световых лет от Галактического Центра, имел в своей солнечной системе семнадцать червячных ходов. Первоначально там находилось

всего два хода, но циклопическая технология межзвездных сообщений насильственно притянула остальные, чтобы создать крупный транспортный узел.

Каждый из семнадцати время от времени испускал диких червей. На одного из них и нацелилась Фирна.

Но чтобы приблизиться к нему, им предстояло совершить то, на что решались немногие.

— Галактический центр опасен, — сказала Фирна, когда они подлетали к пасти нужного им червя. Для этого им нужно было обогнуть безжизненную планету, используемую для добычи полезных ископаемых. — Но необходим.

— Преследующий нас Адмирал беспокоит меня больше… — Прыжок прервал его высказывание…

…а захватывающийся вид, открывшийся после прыжка, заставил умолкнуть окончательно.

Нити были такими огромными, что взгляд не мог охватить их. Они простирались во всех направлениях, пронизывали невообразимые светящиеся коридоры и темные закоулки. Гигантские извивы уносились к раскаленному добела Истинному Центру. Там материя пенилась и дымилась и извергала ослепительные фонтаны.

— Черная дыра, — просто сказал он.

Та маленькая черная дыра, которую они видели всего час назад, заключала в себе массу нескольких звезд. В Истинном Центре три миллиона солнц нашли свой конец, чтобы накормить гравитационную утробу.

Упорядоченные массивы излучения были нешироки, всего один световой год в поперечнике. Тем не менее им удавалось поддерживать себя на протяжении сотен световых лет. Зеб включил поляризацию прозрачных стен, чтобы разглядеть их в спектрах разных частот. Хотя в видимом для человека спектре кривые казались раскаленными и непрозрачными, радиоспектр выявлял их скрытые секреты. Нити сплетались кружевами вокруг изогнутых шпинделей. У него сложилось впечатление наличия множества слоев, запутанного лабиринта, недоступного взору, недоступного пониманию.

— Поток частиц высок, — напряженно сказала Фирна. — И продолжает повышаться.

— Где наш вход?

— У меня проблемы с определением вектора… ага! Вот он.

Сильнейшее ускорение прижало его к креслу. Фирна круто нырнула в сторону пятнистого пи-

рамидального входа.

Его геометрия была еще более редкой. Зеб успел подивиться тому, какие необычайные формы порождают причуды вселенской механики, словно создавая некий божественный евклидов музей.

Дикий червь, которого они использовали, уже искрился и сверкал позади. Что-то вдруг возникло у них на хвосте.

Фирна заспешила к ветхому временному терминалу. Он ничего не сказал, но почувствовал, что она напряженно считает.

Небеса наполнились светом.

— Они взорвали червя! — закричала Фирна.

Тяжелый удар, вираж влево…

…в облако обломков. Грохот, столкновения.

Зеб сказал: «Как смог Адмирал *взорвать* червя?»

— У него с собой соответствующее вооружение. Очевидно, Империя знает, как провоцировать страты негативной энергии-плотности в пасти червя.

— Они нас видят?

— Надеюсь, что внутри этого облака — нет.

— Тогда в то большое облако — быстро.

Неподалеку маячило большое мрачное пятно цвета угольного мешка. Они были совсем близко

от аккреционного диска черной дыры. Вокруг них умирающие звезды закручивались в спиральном танце, оркестрованном магнитными нитями.

Здесь звезды потрошились, разбрызгивая магму, и сплавлялись друг с другом в огненный шар. Они освещали темные вращающиеся массы обломков, которые напоминали алые спичечные головки, пылающие в грязном угольном мешке.

Среди всего этого двигались престранные звезды. Каждая была наполовину прикрыта висящей полукруглой маской. Маска испускала инфракрасные лучи, словно экран, зависший на фиксированном расстоянии от звезды. Она парила на световом потоке, гравитация лишь компенсировала исходящее давление света. Маска отражала половину потока частиц, испускаемого звездой, обратно на нее, увеличивая жар печки, испускающей яростные протуберанцы из короны.

С одной стороны поток излучался свободно, тогда как с другой стороны маска удерживала его. Это подталкивало звезду к маске, но маска была привязана к звезде гравитацией. Силы уравновешивались, помогая соблюдать правильное расстояние. Плененная звезда способна была испускать свет только в одном направлении, и

отдача заставляла ее двигаться в другом.

Нити пасли эти стада: медленно, но эффективно. Подгоняемые к аккреционному диску, они удовлетворяли аппетит черной дыры.

— Адмирал у нас на хвосте.

Зеб ничего не увидел, но у Фирны были инструменты, способные проникнуть взглядом сквозь окружающую их пыль.

— Он может стрелять?

— Нет, если мы заглушим двигатели.

— Так сделай это.

Дрейф… в узком проливе, с видом на сияющую бездну.

В самой сердцевине таилась чернота, но трение раскаляло всасываемые газы и пыль. Они светились наведенной радиацией. Штормы сотрясали берега черных рек; плясали раскаленные добела торнадо. Свирепое сияние вырывалось наружу, обрушиваясь беспрестанно на толпящиеся массы вещества, спешащие по своим обреченным орбитам. Гравитационная утроба засасывала эти потоки в диск, откуда они проваливались в самое сердце.

И в этом смертельном вихре была жизнь. Своего рода.

Зеб завороженно смотрел на этот страшный

танец, отыскивая глазами зверомашин, которые кормились, жили и умирали здесь.

Подвергаясь давлению раскаленных фотонов, стадо ждало. Для этих фотофагов большой перемалывающий все диск служил источником пищи. Над раскаленным диском паслось призрачное летучее стадо.

— Направь нас туда, — сказал Зеб. — Я припоминаю, что видел такое во время посещения…

— Включив двигатели, мы подвергаемся риску.

— Пусть будет так.

Легкие полотнища фотофагов трепетали под действием электромагнитных ветров, греясь его жгучим дыханием. Некоторые были настроены на определенные отрезки электромагнитного спектра, каждая особь имела характерную форму, помогающую огромным принимающим плоскостям поддерживать свою орбиту и угол в свете вечного дня.

Их корабль проскользнул между огромными крыльями яркого, широко распростершегося создания. Фотофаги катались на ветрах и магнитных бурях в сложном динамическом равновесии. Это были, конечно, машины, ведущие свое происхождение от роботов, которые исследовали центр Вселенной миллиарды лет назад. Более

сложные машины, эволюционировавшие в этом энергетическом изобилии, бродили по темным аллеям немного дальше от центра.

— Спрячемся здесь.

— Мы уже перегреваемся, — сказала она.

— Нырни в тень вот этого крылатого.

Она крикнула:

— Наши собственные магнитные поля едва выдерживают натиск протонов.

— Где ближайший червь?

— Недалеко, но…

— Адмирал его сторожит.

— Точно.

Шахматная партия с очевидными ходами.

Молния пронеслась через пыльное облако позади них и поразила несколько фотофагов. Они судорожно раскрылись и запылали фатальными энергиями.

— Он стреляет в этих тварей, — сказал Зеб.

— Возможно, ему не нравится погода в этих краях.

Они притаились в тени и стали ждать. Мгновения тянулись на цыпочках.

Корабль Адмирала появился из-за края пылевого облака, по-барочному элегантный и щегольски раскрашенный, сверкающий, медленно спускаю-

щийся по спирали.

Зеб увидел веретенообразное свечение под полотнищем фотофага.

— Магнитные нити.

— Это может быть опасно, — сказала она.

— Давай направимся туда.

— Что?

— Мы обречены, если останемся здесь. Если проигрываешь игру, начинай другую.

Они скользнули под широким полотнищем с распростертыми крыльями, грациозно изгибаясь под фотонным бризом. — Линзы повернулись, следя за человеческим корабликом: добыча? Неподалеку стайка фотофагов сбилась в кучу, пойманная магнитным потоком, который ослабевал ближе к оси галактики.

Среди них скользили голубовато-стальные гаммафаги — пожиратели более жестких гамма-лучей, испускаемых аккреционным диском. Они иногда забирались так далеко, возможно, чтобы поохотиться за силикатными существами, живущими в темных пылевых облаках. Многое из местной экологии было еще не до конца изучено.

Зеб остановился, раздумывая. В конце концов природа жестока. Пора было двигаться. Куда?

— Скользи в магнитную трубу.

Она резко сказала: «Но электродинамический потенциал там…»

— Давай попробуем.

Она рванула вперед к магнитной нити. Этот маневр привлек внимание огромного, похожего на парус фотофага, пожирателя протонов. Он начал преследование.

Навигация здесь была проста. Далеко внизу под ними полюс вращения Пожирателя Всего, черной дыры, поглотившей массу трех миллионов звезд, представлял собой абсолютно черный центр медленно вращающегося раскаленного диска.

Фотофаг следовал за ними, пересекая тонкие плоскости огненно-золотых светофагов. Все они жили, чтобы потреблять свет и выделять микроволновое излучение, никому не причиняя вреда, но у некоторых — вроде того, который теперь скользил вслед за крошечным человеческим кораблем, — развился вкус к металлу: металлофаг. Он сложил свои зеркальные крылья, став угловатым и быстрым, набирая скорость.

— Адмирал нас заметил, — объявила Фирна бесстрастным тоном.

— Хорошо. В трубу. Быстро!

— Эта большая машина пришельцев догонит

нас раньше.

— Тем лучше.

Когда-то, будучи здесь на экскурсии, он слушал лекцию. Ядерный огонь внутри фотофага способен переварить каркасы других машин. Его тонко отрегулированные внутренности производят чистейшие слитки любого сплава, какой только можно вообразить.

Ресурсами здесь служили масса и свет. Фотофаги потребляли свет, а лощеный маталлофаг питался ими, а если повезет, то готов съесть и человеческий кораблик, как экзотическое лакомство. Теперь он издавал крик радости мощностью во много гигагерц, преследуя их в магнитном поле нити.

— Эти магнитные сущности разумны? — спросила Фирна.

— Да, хотя и не в том смысле, какой в это слово вкладываем мы, существа с короткими мыслями. Они больше похожи на дремлющие библиотеки. — И тут его осенила идея. — Но именно их мыслительные процессы могут спасти нас.

— Как?

— Они провоцируют свое мышление с помощью электродинамических потенциалов. Я уверен, мы раздражаем их, так бесцеремонно

влетев в их поле.

— Прелестно.

— Следи за этим металлофагом. Дадим ему подойти поближе, а потом увильнем от него.

Пылевые полосы, налеты, все пронизано излучением. Магнитные пряди блестят, как слоновая кость.

Он переварил бы их с наслаждением, но металлофаг не способен маневрировать так быстро, как они на своем юрком суденышке. Они проворно ввинтились в магнитные внутренности — и Адмирал последовал за ними.

— Когда эти магнитные твари среагируют?

Зеб пожал плечами.

— Скоро, опыт покажет.

— А мы…

— Приблизься к металлофагу, быстро!

— Дать ему сцапать нас?

— В этом-то и заключается идея.

Металлофаг тоже был частью хитроумно сбалансированной системы. Без него эти древние сообщества, вращающиеся вокруг Пожирателя, утратят свое разнообразие, станут монотонно примитивными, неспособными приспособиться к капризам Пожирателя. И тогда они будут обуздывать меньше энергии, захватывать меньше

массы.

Металлофаг обволакивал их. Зеб внимательно следил за ним. За хищниками всегда следуют паразиты, падальщики. Здесь и там, на блестящей коже металлофага виднелись присоски и моллюски, оранжево-коричневые и желтоватые наросты, которые питались случайными обломками, избавляя металлофага от нежелательных элементов — осколков и пыли, которые могут со временем покорежить даже самый совершенный механизм.

Он приближался, стараясь дотянуться до их корабля. Сверкающий адмиральский линкор тоже прокладывал себе путь через магнитные пряди.

— Подпусти его поближе, — приказал Зеб.

— Он схватит нас!

— Верно, если Адмирал не убьет его раньше.

— У нас есть выбор, — саркастически заметила она.

Танец под давлением фотонов. Свет здесь был жидким, он лился из сверкающего грозового облака далеко внизу, в огромном диске. Этот щедрый урожай света поддерживал огромную сферу, простиравшуюся на многие сотни кубических световых лет, ее сектора и радиусы были подобны арматуре невообразимого города. Зачем

я пошел в политику, спросил Зеб самого себя — в кризисные минуты он был склонен к абстракциям — когда все *это* так манит?

Все это, тяготеющее к сердцевине из черного небытия, огромной темной купели.

— Электродинамическая статика нарастает, — крикнула Фирна.

— А, хорошо.

— Хорошо? Мои приборы не успевают…

Металлофаг маячил уже совсем близко, протягивая гибкие щупальца.

Первый удар дошел в виде небольшой рефракции в завывающей ярости стихии. Медленная волна напряжения пробежала по магнитной нити, изгибая ее.

— Он нас поджарит!

— Не нас, — сказал он. — Мы здесь лишь пылинка. Гораздо более крупный проводник отвлечет огонь на себя.

Еще один мощный заряд. Маталлофаг выгнулся, содрогнулся и умер в бушующем пламени.

Законы электродинамики не могли иначе отнестись к приближающемуся крупному проводнику. Прекрасный, сверкающий корабль Адмирала притянул к себе разряд, осветившись рубиново-красной и желчно-зеленой вспышкой.

Мертвый, он поплыл в пространстве. Обширные поверхности металлофага и адмиральского корабля замкнули электрическую цепь нити.

— Я… Ты и вправду знаешь, что делаешь, — проговорила она слабым голосом.

— Вообще-то, нет. Я повиновался интуиции.

— Той самой, которая сделала тебя Губернатором?

— Нет, гораздо более примитивной.

Они постарались побыстрее выбраться из прозрачной нити. Она могла отреагировать новыми разрядами большей мощности.

— На том корабле все погибли? — спросила она.

— О, нет. Ты забыла физику элементарных частиц. Заряд располагается только на поверхности проводника. Электроны не проникают внутрь.

— Но почему они дрейфуют.

— Любая антенна втянет разряд внутрь, если линия активна; такова ее работа. Это все равно, что держать руку на ручке настройки радио во время грозы — рискованный поступок.

— Значит, корабль обездвижен?

— Некоторые могли стоять слишком близко к приборам.

— Тогда они…

Он пожал плечами. «Поджарились. Вопрос удачи в игре».

— А Адмирал…

— Будем считать, что ему не повезло. Но если он и остался жив, я подозреваю, что Спекулисты неодобрительно посмотрят на того, кто затеял такую грандиозную погоню и ничего не поймал.

Она засмеялась. Они плыли в величественном сиянии.

Потом она зевнула, потянулась и сказала: «У меня все затекло. Может, поищем червя, о котором ты говорил?»

Ему совершенно не нравилось так много путешествовать.

Представьте себе галактику в виде роя ярких разноцветных пчел, парящего в воздухе, как пестрый шар. Затем раздавите рой чем-нибудь прямо в полете, так, чтобы он превратился в плоский диск. У звезд нет воли, их курс и судьба теперь в руках маленьких сущностей с большими претензиями: временами люди ничем не лучше пчел. На протяжении сотни миллиардов миров богатая и древняя кровь поет и стучит в жилах. Даже в таком масштабе погоня остается погоней.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Я так любил текучую грацию Роджера Желязны, его острое чувство движения в рассказе, что на этот раз я сделал попытку подражания его динамичности.

Как и для многих других, первой прочитанной мною вещью Желязны была «Роза для Экклезиаста». Как можно забыть этот звучащий голос рассказчика? Он вызывал в воображении романтический, смелый мир, увиденный глазами поэта. Я с жадностью следил за его карьерой, отмеченной романами и новеллами великой силы. Он был ярким светом в том горящем десятилетии, в шестидесятых.

Когда я познакомился с Роджером в 70-х, он оказался дружелюбным, остроумным, отзывчивым человеком. Мы стали друзьями, я бывал у него в гостях, мы часто обедали в Санта-Фе, когда я консультировал в Лос-Аламосе. Жадный ум, он всегда был в курсе последних мазков на великом полотне науки.

В последние полтора года его жизни я встречался с ним дважды, когда мы оба были почетными гостями на двух конференциях. Последний раз, в Айдахо, я увидел его таким же подвижным и

забавным, как обычно, глаза так же блестели, хотя он и казался изможденным. Его дух был так тверд, что я не мог серьезно предположить, что он уйдет от нас так быстро.

Любая смерть что-то отнимает у нас. Среди сообщества фантастов мне страшно не хватало Роберта Хайнлайна и Терри Карра, и после их смерти они целый год мне снились. С Роджером было то же самое: мне снилось, что я лечу куда-то с ним, всегда в великолепном солнечном небе, с далекой огромной перспективой.

Поэтому, когда меня попросили написать рассказ в его память, я взял несколько идей из своего запаса и попытался посмотреть, что бы сделал из них Роджер. Он одинаково любил простоту и роскошь, и я придумал персонаж, в чем-то похожий на Роджера, уютно чувствующий себя в своем изобильном мире, которому приходится бежать и лететь через полную чудес галактику, которая понравилась бы Роджеру. Было очень радостно путешествовать с ним последний раз.

Перевод: Е. Голубева

Танец для Шивы

Первый земной пилотируемый звездолет «Искатель», словно блестящая металлическая луна, плыл в круговращении странных миров. Система Центавра — тройная звезда. Самая слабая, крохотная искорка, собачкой увязавшаяся за двумя большими звездами в настоящий миг вечного танца бриллиантовым мотыльком упорхнула в сторону Солнца и, отлетев от обоих ярких светил, сделалась самой близкой к Солнцу звездой: Проксимой.[5]

Облик системы Центавра определили две яркие желтые звезды. Носящие прозаические имена Альфа и Бета, они скользили друг вокруг друга, не замечая далекую Проксиму.

Джон, астроном «Искателя», замерял параметры светил, освежая сидящие в глубинах памяти цифры. Вершина карьеры уже маячила перед ним. Джон был сразу и смущен, и взволнован; к этим чувствам примешивалась тоненькая нотка страха.

---

[5] Примечания: 5

Проксима как раз и означает «ближайшая» в переводе с греческого (*Здесь и далее прим. перев.*)

Эксцентриситет орбиты звезды В, обращавшейся вокруг своего близнеца, составлял 0,52, а большая ось этого эллипса имела длину 23,2 астрономической единицы. Это означало, что даже при самом тесном сближении Альфа и Бета окажутся друг от друга дальше, чем Сатурн от Солнца.

Горевшая ослепительным бело-желтым огнем Альфа — светило потяжелее Солнца в 1,08 раза — относилась к спектральному классу О. Желтизна блеска ее спутницы, Беты, звезды класса К, отливала ржавчиной, — она была легче Солнца в 0,88 раза. Бета совершала оборот вокруг Альфы за 80 лет. Обеим уже перевалило за 4,8 миллиарда лет, значит, постарше нашего Солнца. Многообещающая подробность.

Именно рожденные Альфой дети-планеты заставили людей послать сюда экспедицию. С Луны единственная подобная Земле планета казалась ничтожной искоркой и была сперва обнаружена по линии поглощения кислорода в спектре звезды. Лучший километровый интерферометрический телескоп, длинный стержень с чашами-глазами, вглядывающимися в пространство между Альфой и Бетой, сумел разглядеть лишь расплывчатое пятно. Тем не менее изобра-

жения этого вполне хватило, чтобы пробудить интерес.

Новая Земля? Джон разглядывал ее затянутое облаками великолепие. Экспедиция продвигалась вперед, изучая небесный ньютонианский танец двух солнц в бальном зале миров. Проксима находилась так далеко, что ее нельзя было даже считать дамой, оставшейся без кавалера.

Капитан окрестил новую планету Шивой. Окутанный испарениями облачный шар жался поближе к горячему бело-желтому очагу Альфы. Бурлящая обещаниями планета манила Джона к себе все годы полета.

Похожа на Венеру, только состав атмосферы не тот, подумал он. Создаваемые обеими звездами сложные приливы массировали недра Шивы, вздымая волнами кору. Посланные Джоном широкочастотные зонды доставили массу информации, но как вписать эти данные в картину мира? Первым из астрономов он пытался применить выработанные за века теории к реальной планете.

Шива оказался богаче Земли на сушу — океаны занимали лишь 40 процентов его поверхности. Воздух богат азотом, красноречивы и 18 процентов водорода вместе со следами двуокиси

углерода… Удивительное сходство с Землей. С человеческой точки зрения, на Шиве было жарковато, но все-таки не чересчур; венерианский оранжерейный эффект здесь почему-то отсутствовал. Как же Шиве удалось избежать такой участи?

Уже давно телескопы, расположенные на Луне, обнаружили один замечательный факт: здешняя атмосфера была далека от химического равновесия. Биологическая теория видела в этом факте несомненный росчерк жизни. И в самом деле, уже первое проведенное экспедицией картографирование обнаружило пышную зелень, покрывающую два далеко отстоящих друг от друга обитаемых пояса, начинающихся в 30 градусах широты от экватора.

Очевидным образом сложное приливное воздействие звезд Центавра изменило первоначальный наклон оси Шивы. Настойчивое их притяжение успело с точностью до градуса согласовать вращение планеты с ее орбитальным движением, так что теперь условия внизу сохранялись постоянными и равномерными. Лишь экваториальный пояс превратился в сухую и блеклую пустыню, которую продували обжигающие суховеи и по которой гуляли одни только

смерчи.

Разглядывая полумесяц планеты, Джон прошел все доступные частотные диапазоны. Большие сине-зеленые моря и ни одного океана: обе умеренные зоны не связаны водой и потому не могут обмениваться морскими животными. Сухопутные миграции, как показывали расчеты, надежно перекрывала собой экваториальная пустыня. Птицам, решил Джон, такой перелет по силам, однако какой эволюционный фактор способен заставить их преодолевать подобные испытания? И что они получат в награду? Зачем им сражаться с зубастыми горными хребтами? Лучше нежиться в любом из многочисленных тихих озер.

Не изведанный пока еще мир вполне оправдывал потраченные на изнурительно медленный полет звездного корабля десятилетия жизни. Джон запросил полный обзор, и наблюдательная чаша цветком раскрылась вокруг него. Теперь он плыл в пространстве над диском центаврийской звездной системы, рассматривая ясное и четкое изображение.

Наконец-то мы здесь! «Искатель», ничтожная искорка среди светил, тем не менее невероятным образом долетел до цели. К далекой звезде Центавра.

Ему и в голову не приходило, что у человечества нет здесь действительно жизненно важных интересов. Доктрина экспансии вкупе с тягой к познаниям возникла на Земле семь столетий назад, даровав планету в собственность европейской культуре. И пусть наука успела установить кое-какие неприятные истины, они не притупили потребность в беспрестанном углублении познаний. В конце концов, что может случиться плохого, если мы просто посмотрим?!

* * *

Факт существования на Шиве высотного океана открылся далеко не сразу. Сама идея была безусловно абсурдной, и посему открытию сперва не поверили.

Одис первой заметила странное. Долгие дни сенсорного погружения в потоки данных оплатились сторицей. Она гордилась тем, что сумела выудить подобную экзотику из целого чана данных, куда сливали информацию экспедиционные зонды: крошечные, торопливые, смышленые, шнырявшие теперь по всему здешнему «государству», в котором правила пара звезд.

Да, звездная система Центавра — странное место, однако причиной подобной аномалии

не могли оказаться никакие приливы. Планеты обязаны быть сферичными… почти. Земля, например, из-за собственного вращения на какие-то доли процента толще у экватора. Ну а Шива?

Одис обнаружила искажения в очертаниях этого мира. Аномалии находились далеко от экватора — возле глубокого синего моря шириной в 1694 километра, немедленно названного Круглым океаном. Он располагался в Южном полушарии, и едва ли не идеальное кольцо побережья намекало на то, что море заполнило колоссальный кратер. Одис не могла наглядеться на этот синий глазок — око самой планеты, лукаво поглядывающее на людей сквозь облака.

Одис провела самые разные измерения. «Искатель» готовился выйти на орбиту вокруг Шивы.

Она вдыхала клубы цифр, и кинестетическое программирование превращало их в сложные, путаные и причудливые архивы запахов.

Сперва она не поверила показаниям радаров. Перед нею возникали контуры, искусно вычерченные картографическими сканерами. Тем не менее калибровка подтвердила отсутствие ошибки, и поэтому Одис перешла к другим методам: медленным, аналитическим, скучным… невозможным при всем охватившем ее волнении. Они

дали тот же результат.

Уровень Круглого океана на десять километров превышал уровень окружавшей его равнины.

Вокруг не было никаких гор. Океан этот казался волшебной космической шуткой, нагло требующей достойного объяснения.

Одис представила свое открытие на ежедневном собрании Контрольной Группы. И встретила откровенный скептицизм, пренебрежительные ухмылки, недоверчивые смешки.

— Я использовала самые надежные методы, — непреклонно возразила она. — И эти результаты не могут быть ошибочными.

— Вопрос можно окончательно разрешить, лишь поглядев сбоку, — проговорил долговязый геолог.

— Я надеялась услышать эти слова, — улыбнулась в ответ Одис. — Ну как, дадите мне обсервационное время?

Время для наблюдения ей выделили без особой охоты. «Искатель» обращался по вытянутому эллипсу вокруг облачного покрова Шивы. Траектория провела корабль сбоку от цели через два дня. Одис использовала все свои приборы — оптические, инфракрасные, ультрафиолетовые и микроволновые, чтобы оглядеть Круглый океан

сбоку и отыскать ту чашу, что поддерживала округлую толщу лазурной воды.

Чаша так и не обнаружилась. Висящее море не имело под собой материальной опоры.

Результат оказался предельно ясным. Глубина ослепительно синего Круглого океана равнялась 1,36 километра. Спектральный анализ показал, что вода богата солями и всю толщу ее пронизывают течения. Словом, перед людьми лежало огромное и бурное горное озеро — за вычетом одного: горы.

Все прочие наблюдения были прекращены. Неопровержимые снимки доказали, что колоссальный, немыслимо тяжелый слой воды блаженно покоится на обычном воздухе, нарушая тем самым все основы механики. Вплоть до этого мгновения Одис была незаметной персоной. Теперь ее работа привлекла внимание всей экспедициии и сделалась объектом пересудов. Конкретный и невозможный факт разверзся перед людьми, как манящая бездна.

Разгадку этой тайны обнаружила Лисса, но радости это никому не принесло.

Работа Лиссы, специалиста по химии атмосфер, в основном завершилась еще до того, как корабль вышел на орбиту вокруг планеты. Она

уже определила газовый состав и измерила концентрации, явно свидетельствовавшие о том, что под покровом атмосферы процветает жизнь. После чего, по ее мнению, общее внимание должно было переключиться на другую группу — исследователей поверхности.

Этого не случилось. Хорошенько набрав воздуха в легкие, Лисса выступила перед Контрольной Группой. Она должна была доказать, что не без оснований покушается на время столь занятых людей. Все глаза были обращены к Круглому океану, и один только воздух никого не интересовал.

Тем не менее дело именно в нем, настаивала Лисса. Круглый океан заинтриговал и ее, заставив обратить пристальное внимание на смесь кислорода, азота и двуокиси углерода, удерживающую на себе парящее море. Смесь оказалась совершенно обычной, едва ли не соответствующей земным стандартам, за исключением одной маленькой детали. Все спектральные линии были расщеплены, и Лисса всегда обнаруживала два пучка справа и слева от того места, где полагалось находиться линии.

Лисса отвернулась от изображений, которые проектировала перед Контрольной Группой.

— Единственное возможное объяснение, — ска-

зала она нейтральным тоном, — заключается в том, что на крошечные диполи здесь действует колоссальное электрическое поле, заставляя молекулы сдвигаться. Отсюда и расщепление линий.

— Электрическое смещение? — усомнился седоволосый скептик. — В нейтрально заряженной атмосфере? Конечно, при вспышке молнии подобный мгновенный эффект возможен, но…

— Явление носит стационарный характер.

— А вы искали молнии? — спросил проницательный женский голос.

— Конечно. Вот они — змеятся между облаков под Круглым океаном. Но электрическое поле здесь создают совсем не они.

— А что же? — вопрос задал серьезный капитан, никогда не вступавший в научные дебаты.

Все головы дружно повернулись: сперва к нему, а потом к Лиссе. Она пожала плечами.

— Пока не могу ответить на этот вопрос.

В этом было сложно признаться, однако незнание, похоже, становилось здесь разменной монетой.

Послышался чей-то голос.

— Выходит, подо всем этим океаном, на всех десяти километрах высоты в воздухе должно су-

ществовать немыслимо сильное поле? Согласие сопровождалось озабоченными улыбками.

— Именно так, — неприкрытая правда взволновала аудиторию. — Повсюду.

Тагор спешил. И даже слишком спешил.

Он оттолкнулся от поручня, отлетел к противоположной стене, принял ногами инерцию тела и вложил всю силу мышц в новый толчок. Растры потекли в его усовершенствованном зрении, вспыхнули и поблекли.

Его полет завершился над Шивой — мир этот во всей своей облачной красоте ослепительным полумесяцем горел под его ногами. Тагор не стал концентрироваться на зрелище, все внимание его поглощали чудеса интеллекта.

Он нашел ответы на все вопросы, в этом можно было не сомневаться. Торопясь, он даже не поглядел на солнечный зайчик, покоящийся на небесных водах Круглого океана. Край воздушного цилиндра, поддерживающего синюю воду, четко вырисовывался внизу. При таком положении парящая вода отражала солнечные лучи на еще затемненные области планеты. Сверкающий лазурный самоцвет возвещал зарю во всей своей чистой и немыслимой невозможности.

Самый молодой член экспедиции Тагор был

теоретиком. В университете он специализировался на происхождении планет, но умудрился обеспечить себе билет на «Искатель» способностью быстро и точно объяснять самые жгучие проблемы, с которыми сталкивались наблюдатели, а еще согласием исполнять любую грязную работу.

— Кэп, я все понял, — выпалил он, проталкиваясь сквозь люк.

И обменявшись приветствиями с капитаном, сидевшим за небольшим дубовым столом — единственным деревянным предметом на всем корабле, — приступил к делу.

— Круглый океан удерживает в воздухе давление электрического поля, — объявил он.

Реакция капитана не соответствовала ожиданиям Тагора: тот с невозмутимым спокойствием дожидался подробностей.

— Дело в том, что электромагнитное поле создает силы, действующие на электроны в атомах, — настаивал Тагор торопливой скороговоркой, оставляя в стороне цифры. — Действующие внизу поля очень сильны, я рассчитал это по измерениям Лиссы, и они могут обеспечить надежную опору.

Тагор перешел к сравнениям: это все равно что

каждый объем воздуха величиной с чемодан набить энергией с плотностью, возникающей в миг взрыва ручной гранаты. Даже если эти поля образованы стоячими волнами, они все равно несут некоторые потери. Энергозатраты здесь колоссальны. Потом — за каким, собственно, чертом потребовалось такое сооружение?

К этому моменту возбужденный Тагор уже позабыл, перед кем находится.

Наконец капитан заморгал и спросил:

— Так, значит, на Земле нет ничего похожего?

— Нет, сэр. О подобных вещах я никогда не слыхал.

— И никакой естественный процесс не способен породить подобный фокус?

— Нет, сэр, такого даже нельзя представить.

— Ну что же, мы прибыли сюда как раз в поисках неожиданностей.

Тагор не знал, смеяться ему или плакать: выражение лица капитана было трудно истолковать. Так вот каким будет нынешнее исследование — полным тихой тревоги, обусловленной незнанием? На Земле подобные работы проводились в неведомом удалении, но здесь…

Он предпочел бы выбрать другую роль. Знакомить с неприятными откровениями людей,

наделенных властью, значило привлекать к себе слишком много внимания, гораздо больше, чем ему хотелось бы.

Капитан Бэдквор позволил Тагору еще немного почирикать и не сразу отверз собственные уста. Каждый технарь должен сперва спеть свою песенку. Мало кого из них интересует хоть что-то за пределами собственных рулад.

Он отпустил Тагору благожелательную капитанскую улыбку. Ну почему все они кажутся такими юными!

— Итак, эта громадная штуковина на Шиве является искусственным сооружением.

— Да, сэр, похоже на то…

— И вся эта энергия используется лишь для того, чтобы поднять вверх озеро?

— Не сомневаюсь, сэр. Расчеты указывают на это. Я определил давление, создаваемое этими электрическими полями, считая, что они замкнуты в объеме под Круглым океаном, как запираются стоячие волны внутри проводящей коробки.

— Вы считаете океан проводящим? — Надо показать парнишке, что и его начальник знаком с физикой. Вообще-то, капитан защитил докторскую диссертацию по физике в Массачусетском

технологическом, однако никогда не упоминал об этом, считая, что пока еще недостаточно знаком со своим экипажем.

— Э-э, ну не совсем. Мне кажется, что он является хорошим проводником, но в моей модели это просто способ показать, что…

— В нем есть сильные течения, так? Они могут переносить электроны. — Капитан потер подбородок, пока его ум пытался постичь подобную вещь. — И все же это не объясняет, почему вода на такой высоте не испаряется.

— Дело в том, что я не думал об этом. Капитан махнул рукой.

— Продолжайте. Пой-ка, голубчик.

— Тогда эти волны создают направленную вверх силу всякий раз, когда они отражаются с внутренней стороны океана…

— И передают весь этот вес вниз — невидимыми волнами — к скале, расположенной в 10 километрах внизу.

— Да, сэр.

Тагор был явно увлечен идеей. Зная решение загадки, он кипел энтузиазмом, но не умел выразить его словами. Капитан решил помиловать юнца.

— Похоже на правду. В таком сооружении нет

ничего невероятного.

— Если не считать его величины, сэр.

— Можно сформулировать эту идею иначе.

— Да, сэр?

Странное, могучее ощущение охватило капитана. Долгие десятилетия ожидания превратили его в сталь, научили сохранять невозмутимость в присутствии экипажа. Но теперь его восприятие своего кабинета как бы исказилось — словно капитан терял власть над своим пространством и статусом. Ум возносился вихрем в пустоту между двумя чуждыми звездами. Капитан нахмурился.

— Эта штуковина больше всего того, что построили люди. И мы не имеем ни малейшего представления, зачем она предназначена. Величие этого сооружения, его масштаб — вот что потрясает меня, сынок.

Джон надел на голову шлем, и его окутал Шива. Теперь нужно позволить целому миру охватить себя — сознание забурлило, в нем что-то тренькало, извивались какие-то движущиеся узоры, а потом вдруг обрело покой и стабильность.

За прошедшее столетие астрономия сделалась в высшей степени интерактивной. Спектральные сенсоры ковром покрывали смотровое окно. В ходе долгого полета «Искателя» Джон настроил

систему так, что теперь она повиновалась его малейшему желанию и создавала впечатление истинного, телесного погружения.

Ему не терпелось погрузиться в ощущение Шивы, в полную трехмерную перспективу. Полумесяц планеты набухал под ним спелым крапчатым плодом. Он направился вниз, к планете, богатой диапазонами.

Ради эффекта — еще за десятилетия до того, как Джон сделался небесным ныряльщиком — он расположил поля данных так, чтобы приближаться к ней ускоряясь. С высокой дуги орбиты он низвергся прямо к диску планеты. Картографические подробности открывались навстречу ему, расцветая все более мелкими деталями. Там…

Сперва эффект проявился в лугах северного обитаемого пояса. Джон направился к равнинам, и детали начали сменять друг друга лоскутами — один за другим. После удивительной теории Тагора, нашедшего объяснение возникновению Круглого океана — теории необычайной, отважной и исходящей не от специалиста, — Джон обязан быть готовым ко всему. Где-то здесь, в полях накопленной информации, должен прятаться ключ к тайне, который позволит определить, кто или что явилось создателем океана.

Внизу простирались поросшие травой широкие уступы. Однако кое-где трава редела. И скоро он понял причину. Природная растительность лишь пробивалась на равнинах, покрытых невесть откуда взявшимся упорядоченным узором — шестиугольниками, образовывавшими треугольники там, где нужно было перекрыть холмы и долины прямо до глинистых берегов медленных бурых рек.

Замеры отраженных ультрафиолетовых лучей позволили определить, что в основном складывающиеся в этот узор шестиугольные плитки невелики, однако встречаются и размером с целый дом, толщиной в несколько метров и… все они движутся. Скопище плит и плиток дергалось и копошилось с неуемной энергией, не обнаруживая при этом никакой очевидной цели.

Итак, они живые? Ультрафиолетовый спектр выдал наличие сложного полимера. Перекрестные цепи под множеством острых углов соединялись друг с другом, сокращаясь, как гибкие ткани мышц.

Джон свел вместе в единый ансамбль химиков и биологов; Одис и Лисса влили свои голоса в академический хор.

Плиткам, как обнаружила Лисса, для пропита-

ния хватало собственного неба. Порожденные атмосферой простые сахара дождем проливались из густого воздуха, по питательности не уступающего жидкому куриному бульону. К этому процессу каким-то образом причастна электрохимия атмосферы, утверждала Лисса. Взвешенные комки микробов регулировали процесс.

Плитки были первичными едоками в цепи. Комки окислительных радикалов размером с мяч для гольфа патрулировали вдоль точных прямых линий периметров. Эти вращающиеся клубки стаями нападали на вторгшиеся тела, отвергая большую часть, но переваривая полезные. Лисса подключила еще двоих биологов, у которых, конечно же, нашлась куча вопросов. А не похожи ли эти плитки на огромных черепах, предположил один из них, неловко усмехаясь. Им так хотелось перевернуть одну из них.

Дневные они или ночные? Лишь некоторые из них ночные.

Есть ли среди них маленькие? Немного.

Размножаются ли они делением? Нет, но… Сложный процесс, представший перед биологами, оставался пока непонятным. Воспроизведение явно имело здесь не простую природу.

В движениях плиток обнаружилась некая

периодичность, медленный ритм, в частности максимум спектра Фурье[6] в быстрой части его приходился на 1,27 секунды, — но опять же во всем этом не усматривалось явного смысла.

Или же все они представляют собой единую жизненную форму?.. Возможно ли такое вообще?

Неужели целая планета занята складывающимся из плиток существом, использующим ресурсы всего небесного тела?

Старшие из биологов ехидничали. Как это может эволюционировать вид, состоящий из одного организма? И что это за экосистема — величиной в целый мир — с таким скудным количеством составных частей?

Нарушались все правила эволюции. То есть биологической эволюции. Но только не социальной.

Джон еще глубже погрузился в сложные матрицы данных. Бесконечные моря плиток, заливавшие горы вместе с долинами, дергались, шевелились, не зная остановки, лишь изредка позволяя проглянуть кусочку голой земли, пока случайно образовавшийся квадрат заполнялся треугольниками. Удлиненные фигуры,

[6] Примечания: 6

Спектр Фурье — разложение непериодической функции на периодические компоненты.

встречаясь, начинали с лихорадочной энергией состыковываться по всему контуру.

Оба полушария планеты были похожи, но плитки на севере имели другую форму — в основном пятиугольную. Они нигде не преодолевали реки, однако были вполне способны перебраться вброд через ручей. Центаврийский аналог хлорофилла обнаруживался повсюду — кроме Круглого океана.

Землю покрывала редкая трава, растения жили тем солнечным светом, который просачивался между краями — толкающимися, покачивающимися, ударяющимися и дрожащими. Проползавшие над травой плитки иногда объедали ее, а иногда нет, тем не менее оставляя за собой как бы обгоревшие стебли. Лихорадочная пляска их не знала остановки, не ведала сна. Что если создания эти погружены в восторженную беседу посреди не знающего конца радостного праздника?

Джон замедлил свой спуск. Эти живые плитки воистину потрясали. Неужели они и есть строители Круглого океана? Пора биологам браться за дело.

Компьютерщики исповедовали одну точку зрения, биологи — после первого разгрома, когда еще они отвергали саму возможность того, что

одно-единственное существо может образовывать собой всю биосферу — совершенно другую.

После некоторых трений обе позиции удалось в какой-то мере согласовать. Кто-то из биологов отметил, что две плитки, встречаясь, ведут себя, как занявшиеся любовью крохотные домики… столь же пикантно подставляя друг другу одни и те же углы и грани.

«Искатель» послал вниз новые микрозонды. Они обнаружили лишь слабое магнитное поле по периметру плиток. Их быстрые соприкосновения напоминали, скорее, о нейронах, спроецированных на плоскость.

Аналогия расшевелила теоретиков. И после смены, за трапезой, как всегда состоявшей из пива, соевых орешков и дружеских наскоков, один из мудрецов численного царства— государства выдвинул совершенно абсурдную идею: а не могла ли вся эта планета превратиться в компьютер?

Все расхохотались. Засыпали насмешками автора… а после погрузились в хмурое молчание. Родившиеся на стыке наук идеи всегда смущают специалистов.

Может ли вид превратить себя в биологический компьютер? Плитки терлись и ласкались

друг к другу в каком-то необъяснимом порядке. Явно не применяя информацию в численном виде, они могли изъясняться на более сложном языке, основывающемся на положениях и углах, использующем плоскостную геометрию. Каждое столкновение, должно быть, являлось истинно евклидовым разговором — возможно, богатым нюансами.

Аналогия с компьютером породила новый вопрос. Способны ли плитки познавать что-либо, кроме себя самих? Или же их можно просто считать странными геометрическими солипсистами[7]? Не следует ли называть всю совокупность плиток — Оно?

Интересовалось ли это самое Оно, замкнувшееся в созданном собою же космосе, внешним миром? Альфа Центавра, не скупясь, снабжала Его энергией, а густой воздух служил пищей; Оно было единственной силой на всей планете. Какие принципы имелись у этого существа для общения с великим Вовне?

Быть может, любознательность? Биологи скептически воспринимали подобную перспективу. Первобытные люди удовлетворяли свое

[7] Примечания: 7

Солипсизм — разновидность субъективного идеализма, отвергающая саму возможность постижения объективной реальности. (*Прим. ред.*)

любопытство за счет окружающей среды. Эволюционирующая обезьяна училась новым трюкам, отыскивала пресную воду, убивала новые разновидности дичи, придумывала, как наилучшим образом отыскать какой-нибудь сладкий корешок — и мир должным образом реагировал на все это.

Значит, здесь (только не надо прямо сейчас спрашивать у нас, почему, вопили биологи) у игры были совсем другие правила. Какую выгоду извлекают плитки из бесконечного шлепания друг о друга?

Итак, если прибывшие с визитом люди даже найдут условный колокольчик у двери, за которой обитают черепицы, и позвонят, то, похоже, никто не ответит. И, возможно, просто потому, что никого нет дома.

Следует ли попытаться?

Джон, Одис, Лисса, Тагор, капитан и еще более сотни членов экипажа размышляли над этим.

* * *

Но пока они обдумывали вопрос, исследования продолжались.

Крылатый зонд подлетел поближе к вознесенному морю и обозрел поддерживающий его объем

атмосферы с помощью дистанционных сенсоров и сканирующих телескопов. На Шиве даже атмосферные явления обходили стороной Круглый океан. Грозовые облака держались в стороне от скалистого подножия невероятного водоема. В зияющих высотах все же образовывались облака, которые, однако, быстро рассеивались, как бы растворенные незримыми силами.

Под морем пролетали птицы — создания, похожие на пернатых воздушных змеев.

Каким-то образом люди начисто проворонили эту разновидность живых существ. Даже посадочные зонды не успевали проследить за этими быстрыми созданиями. Птицы-змеи питались в основном миниатюрными, парившими во мглистом воздухе долин живыми подобиями воздушных шариков, которые уж просто кишели под Круглым океаном.

Джон предложил выслать автоматический зонд величиной с птицу, чтобы замерить физические параметры в сердце зазора. Капитан Бэдквор одобрил идею. В мастерских изготовили некое подобие здешней птицы. Покрытая поддельными перьями и снабженная реактивным двигателем машина выглядела весьма убедительно.

Джон сопровождал зонд на расстоянии. Искус-

ственная птица залетела вглубь на 17 километров и вдруг исчезла в ослепительном электрическом разряде. Телеметрия позволила обнаружить причину: Круглый океан покоился на сложном переплетении электрических полей, создающем направленное вверх давление. Поля эти нигде не превосходили уровня, нужного для пробоя — один мегавольт на метр, — выше которого атмосфера Шивы начала бы ионизироваться. Напряженность поля опасно приближалась к этому уровню.

Робозонд наткнулся на критический максимум в сложной конфигурации поля. И, замкнув собой силовые линии, вызвал вспышку, за какую-то миллисекунду закачавшую миллионы ватт в псевдоптицу.

Посыпался пепел, и Джон заложил вираж, уходя со своей наблюдательной позиции в пяти километрах от периметра загадочного объекта. У него не было особых причин предполагать, что разряд, случившийся в глубине воздушного промежутка, может каким-то образом распространиться вовне, спонтанно выбросив наружу колоссальную накопленную энергию. Проектировщики опоры Круглого океана просто не могли позволить, чтобы пролет одной птицы мог

подействовать на электромагнитные связи.

Однако случилось нечто подобное. Система отреагировала.

Обгорелый бурый корпус псевдоптицы лениво падал, рассыпая искры. Они сливались в разреженный оранжевый разряд, порождавшийся энергией, которая протекала по останкам ныне испепеленной машины. Линия разряда уходила прочь, безошибочно следуя траектории подлета аппарата. Почти со скоростью света неслась она назад, вычерчивая дугу.

У этой системы есть память, понял Джон. Разворачивая свой флиттер, он увидел светящееся волокно. И едва успел сообразить: оно похоже на огромный палец, молнией указующий на него. Вполне уместная аналогия, впрочем у него уже не было времени на парадоксы. Оранжевый разряд прикоснулся к флиттеру. Заряд хлынул в кабину, и волосы на голове Джона встали дыбом.

В идеальном случае электроны переходят на внешнюю поверхность проводника. Но когда антенны подсоединены, контуры могут замкнуться где-то в глубине кабины.

Нечто вознамерилось обрушить чудовищный разряд на флиттер, выпустивший псевдоптицу. И Джон, с точки зрения любых критериев,

прекратил свое существование в качестве упорядоченного объема электрической информации.

Гибель Джона позволила получить целую кучу данных. Вскоре Лисса установила истинное предназначение Круглого океана. Его следовало считать украшением, может быть, произведением искусства.

Вокруг этого моря было полно озона. Абсолютно природное с виду озеро венчало огромную полость, функционировавшую как устойчивый, вертикально поставленный лазер.

Электрические поля одновременно и поддерживали океан, и передавали энергию атомам атмосферы. При возбуждении — от того же самого источника, который испепелил Джона — весь зазор мог преобразовать накопленную энергию в исходящую электромагнитную волну. Джон пробудил молнию, могучую и сложную по структуре.

За все время, которое люди находились на орбите вокруг Шивы, зазор под морем еще два раза разряжался естественным образом. Вспышка продолжалась меньше секунды и не могла лишить стабильности всю конструкцию. Луч пронзал атмосферу и растворялся в космосе.

Лазерные лучи широко не расходятся, и рож-

денный Шивой свет открыл только малую долю своих секретов. Глядевшие под острым углом люди могли заметить немногое и поняли еще меньше.

Озадаченные, оплакивающие Джона, они вновь приступили к детальным исследованиям поверхности Шивы. Все приуныли. Капитан решил, что драматический жест вполне может ободрить их. И совершить такой поступок надлежит ему самому.

На долю капитана Бэдквора выпала честь первой посадки. Демонстративно отважное предприятие, конечно, поможет ему справиться со смятением экипажа. Он будет управлять исследовательскими комплексами — в реальном времени, стоя рядом.

Капитан оставил посадочный аппарат в полной готовности, надежно защищенным от сложного биохимического воздействия образующей атмосферу смеси.

Плитки поползли от него вниз по склону. Одни лишь крутые обрывы этого экваториального хребта не покорялись бесконечным приливам их движения. Под сапогами Бэдквора хрустела сухая корочка. Взяв образцы грунта, он отослал их назад на корабль.

Прозвучало предупреждение с орбиты: плитки в этом районе кажутся более беспокойными, чем обычно. Реакция на его посадку?

Живые многогранники оказались кожистыми и никаким очевидным образом не могли ощущать человека — ни глаз, ни ушей. Похоже было, что движениями своими черепицы ласково поглаживают землю, хотя Бэдквор обнаружил, что они передвигаются на больших корявых ступнях.

Он осторожно направился дальше. В расположенной внизу долине по живой дернине ходили длинные волны, в одно мгновение убегавшие к горизонту. Вечное движение, несказанный энтузиазм, непрерывный и бесконечный.

Его сапоги были термоизолированы, но электрической изоляции никто не предусмотрел; поэтому, когда затрещало в наушниках шлема, он решил, что причиной тому помехи в поступающих сверху сигналах. От сухого шипения по коже его побежали мурашки.

Встревожился он, лишь когда шипение жарящегося мяса поглотило все остальные сигналы. Но было уже слишком поздно.

Пьезоэлектрическая энергия возникает, когда механические напряжения массируют кору.

Давление на электрически нейтральный камень поляризует его на решеточном уровне, чуть разделяя центры положения положительных и отрицательных зарядов. Так происходит, когда кристаллическая порода не имеет центра структурной симметрии, а потому это явление наблюдается во всех горных породах.

Эффект — хотя и в слабой форме — превосходно известен и на Земле. Сжатые слои иногда разгружаются, создавая в воздухе тлеющий разряд. Подобные световые картины теперь считаются стандартными предвестниками землетрясений. Однако Земля — прочная планета.

Приливы, рождаемые вечным гравитационным танцем обеих звезд Альфы и Беты, сминали каменную мантию Шивы. Периодически все три тела выстраивались по одной линии, вливая тем самым огромную энергию в тело этого мира. Эволюция поощряла жизненные формы, способные переносить электрические токи, раздиравшие кору планеты. Именно они, а не киловатты энергии лучей солнца на квадратный метр поверхности приводили в движение кожистые плитки.

Все эти объяснения обнаружились уже после случившегося и казались очевидными — задним умом. Источники пьезоэлектрической энергии

рассеяны повсюду, ею легко пользоваться. Шипение электрических микрополей питало большие, покрытые кожей ступни плиток. В конце концов, и на Земле рыбы и угри используют электрические поля в качестве сенсоров и оружия.

Весьма высокоорганизованная экологическая система немедленно ощутила вторжение Бэдквора. Возможно, она восприняла его как энергетического паразита: эти похожие на земных насекомых-палочников создания успел заметить сам Бэдквор сразу после посадки. Они питались, похищая заряд у многоугольников-плиток.

Случившееся стало понятно лишь благодаря последующему анализу. Взаимосвязанное сообщество, основанная на пьезоэффекте экологическая система избавилась от незваного гостя, в буквальном смысле слова перекормив его электрическим током.

Возможно, сам Бэдквор так и не понял, насколько странная участь постигла его, ибо несколько сотен ампер свели его мускулы, заморозили сердце и подарили последнее видение синапсам — выжженный в глазах след неземной радуги.

Лисса моргнула. Похожие на веретено деревья напоминали искусственные, однако же таковыми не являлись.

Рощицы по спирали огибали холмы, взлетали зигзагом на острые, как бритвы, хребты и ниспадали со склонов нагих каменистых холмов… Местность абсолютно неподходящая для любой разновидности деревьев, понятной земным биологам. Деревья, отметила она, росли независимо от потоков воды, облучения солнца или направления ветра.

Именно поэтому Лисса и отправилась вниз. Ее бригада, четверо человек, уже разослала остроглазых и прочных роботов вместе с квазиразумными процессорами. Легкие, терпеливые и выносливые посланцы открыли немногое. Пора приступить к более интерактивным занятиям на почве.

И притом лично. Жертва капитана Бэдквора не могла быть напрасной, и гибель его лишь укрепила в экипаже решимость.

Лисса ступила на поверхность в хорошо изолированных сапогах. Теперь люди уже поняли в общих чертах пьезоэлектрическую экологию, во всяком случае, они так считали. Осторожность не противоречит отваге.

Странные, веретенообразные деревья не были похожи ни на что земное. Корявые ветви копировали расположение фракталей и не имели

листьев. Тем не менее посылавшиеся вниз автоматические аппараты собрали массу окаменелых свидетельств, гласящих, что щетинистая растительность возникла за несколько последних миллионолетий из деревьев более традиционного вида. Однако на страницах биологических анналов веретена объявились едва ли не внезапно, и Лисса предположила, что имеет дело с ускоренной эволюцией — то есть биологической технологией.

Она старательно прикладывала свои приборы к гладким черным стволам деревьев. С них прямо текло электричество.

На Земле естественная разница потенциалов между поверхностью и верхними слоями атмосферы составляет сотню вольт на каждый метр высоты. На родной планете голова женщины ростом в два метра находится под заметно большим напряжением, чем ее ноги, в особенности если эти ноги набрали избыток электронов, походив по толстому ковру.

На Шиве этот эффект проявлялся куда сильнее. Деревья, как поняла Лисса, поглощали разность потенциалов, создающуюся между скалистой поверхностью Шивы и заряженными слоями возле верхних пределов атмосферы.

«Деревья» являли собой часть еще одного найденного жизнью способа получать от планеты энергию, рожденную действием грубых сил гравитации, массами и моментами. Деревья ощутили присутствие Лиссы весьма быстро. Они давно выработали средства защиты против похитителей, пытающихся ухватить оставшиеся без присмотра напряжение или ток.

Они отреагировали вместе — ибо роща оказалась истинно живой.

Шатаясь, Лисса возвращалась к посадочному аппарату, преследуемая изменчивыми электрическими потоками, посылаемыми то по земле, то по плотному воздуху, и выкрикивала свои заключения в микрофон.

Она уцелела буквально чудом.

* * *

Когда все случившееся было подытожено и пережито, сделалась наконец понятной основная идея. Экология Шивы целиком основывалась на электричестве. Вращение планеты, сильная магнитосфера, приливные напряжения системы Центавра, геологические сжатия и сотрясения давали куда больше энергии, чем способен предоставить один только солнечный свет.

Подобный угол рассмотрения разом задвинул всю биологию на второй план. Напротив, геологи, которые последнее время считали себя обойденными вниманием, нашли такой оборот событий привлекательным. Они начали читать курс лекций по сейсмологии Шивы и встретили общее одобрение.

Конечно, остаточные химические процессы все еще действовали наряду с куда более объемистым перечнем зарядов и потенциалов; их важно было знать, чтобы понимать древнюю биосферу, некогда существовавшую на планете.

Классическая, старомодная биология еще могла кое-что рассказать о здешних кустарниках, проволочных деревьях и лиственных растениях, о маленьких насекомоподобных десятиногих созданиях, о птицах-змеях и костистых, похожих на нож рыбах, носившихся в озерах.

Все эти виды были древними и неизменными. Нечто заключило их в подобие эволюционного янтаря. Облик этих существ не менялся многие сотни миллионов лет.

Однако исследование окаменелостей свидетельствовало о существовании в прошлом более развитых видов. В них усматривалось некоторое подобие млекопитающих; существовали даже

большие создания с трубчатыми телами, отдаленно напоминающие рептилий.

Впрочем, миллионы лет назад все они вдруг исчезли. И не в результате какого-нибудь процесса — все кончилось разом, но без малейшего указания на причину: изменения в биосфере, болезнь или катастрофу.

Возникло подозрение, что их попросту истребили за полной ненадобностью.

Самые развитые существа — судя по наибольшей величине отношения объема мозга к объему тела — исчезли чуть позже прочих. Этот вид начинал в качестве хищника, невысокого и приземистого, в целом похожего на черепаху, только без панциря.

Впрочем, кожистое обличье роднило их с плитками-многоугольниками.

Очевидно, они охотились, не преследуя добычу классическим образом, а обманывая и загоняя ее в засаду охотничьей стаей. Позже они устраивали ловушки, подгоняли добычу к обрыву. Так подозревали социобиологи, имея на то минимум свидетельств.

Для этих более поздних созданий были характерны костные структуры, окружавшие крупный расчетливый мозг. Последующие формы яв-

лялись безусловно разумными и занимались непонятными манипуляциями над окружающей средой. Так и не создав городов и сельского хозяйства, они одомашнили много других видов.

А потом прочие существа исчезли из геологической летописи. Схема биосферы изменилась. На передний план выступили электрические растения, подобные веретенообразным деревьям, и виды, питающиеся пьезоэлектричеством.

После этого исчезли и доминирующие черепахоподобные хищники. Их истребили? На Шиве все виды существ, которые представлялись людям живыми, являлись на деле просто техниками и ремонтниками. Они всего-навсего исполняли свою роль в сложной экологической схеме. Жизненно важные, незаметные и достойные внимания не более чем митохондрии во внутреннем эпителии желудков экипажа «Искателя».

Люди только начинали изучать невероятно сложную электрическую экологию и едва приступали к самым азам. Если Шива действительно является одним организмом, какие же глубинные правила властвуют на нем?

Фокусируя внимание на традиционных элементах органической биосферы, люди упустили из виду главное.

И тогда лазер Круглого океана вновь разрядился. На сей раз звездолет оказался ближе к ударившему копьем в пространство пакету излучения, и люди записали его небольшую долю. За миллисекунду они узнали больше, чем за месяц.

В мозгу человека около 10 миллиардов нейронов, и каждый из них соединен примерно со 100 000 своих соседей. Срабатывающий нейрон передает один бит информации. Однако сигнал определен траекторией, и в лабиринте мозга их 1015. Этот поток информации протекает сквозь мозг последовательностью словно выстреленных из автомата электрических импульсов, проходящих через мириады синапсов. В средней книге содержится около миллиона бит, и одно человеческое существо несет в себе эквивалент миллиарда книг, прекрасно умещающийся в двухкилограммовом куске пронизанного электрическими проводами желе.

В человеческом мозгу одновременно срабатывают лишь от 1 до 10 процентов связей. Нейрон может разрядиться и зарядиться самое большее сотню раз в секунду. Таким образом человеческий мозг способен перерабатывать примерно 1015 бит информации.

Словом, чтобы считать человеческий мозг,

потребуется 100 000 секунд или примерно день.

Хищники-черепахи, по всей видимости, обладали подобными же способностями. Действительно, существовали даже теоретические аргументы в пользу того, что мобильный вид разумных существ способен вместить не больше информации, чем это доступно людям. При всех своих ограничениях человеческий мозг обладает впечатляющими способностями по хранению данных, даже если многие не пользуются ими.

Круглый океан посылал дискретные пакеты информации такого же объема — 1015 бит. впрессованных в могучий миллисекундный импульс. Содержащиеся внутри него отдельные пакеты были разделены кодовыми полосами маркеров. Текст был представлен в численном виде, чему способствовал тот факт, что любое число может быть записано уникальным видом лишь в двоичной системе.

В один миллисекундный импульс лазера укладывалась полная тысяча эквивалентов мозга, целая кладовая. Однако что именно говорили волновые пакеты, осталось полностью непонятным.

Адресат был совершенно очевиден — звезда, расположенная в 347 световых годах от Аль-

фы Центавра, — и никакой ошибки произойти не могло. Зная адрес, проще послать точно нацеленное послание, не расходуя энергию на низкокачественные радиочастоты с их узкими диапазонами.

Земля, конечно, никогда не принимала столь наполненных информацией сигналов, и не потому, что люди не пытались услышать — просто Шива игнорировал их.

После гибели Бэдквора и смертельной опасности, которой едва избежала Лисса, «Искатель» изучал поверхность планеты с помощью роботов. Машины путешествовали вдоль края просторной, покрытой плитками равнины, наблюдая за непрекращающимся шевелением на пьезоэлектрическом пиршестве возле покрытых коркой камней.

Спустя несколько дней люди заметили небольшую и совершенно неподвижную плитку, явным образом вытолкнутую из вечной сумятицы. Окоченевшая и обесцветившаяся, она жарилась под лучами двух солнц. Едва ли достигающая метра в поперечнике и тонкая, она казалась строительной деталью для ранчо в Аризоне.

Роботы унесли плитку. Никто не преследовал их. Мертвый многоугольник явно был отдан во

власть химических процессов, готовых поглотить его тело.

Этот дар небес лишил биологов сна, и, позабыв обо всем, они в течение нескольких дней препарировали добычу. Покрытое жестким серо-зеленым панцирем существо обладало чрезвычайно сложной нервной системой — этого следовало ожидать. Однако почти четверть тела мертвого внеземлянина была отведена мозгу, разделявшемуся на компактные сегменты.

Плиткоподобные создания и в самом деле являлись частью экологического сообщества. Одни они потребляли куда большую долю электрического богатства планеты, чем вся неповоротливая, работающая на химическом приводе биосфера Земли.

Глубоко внутри существа находилась костная структура — точно такая же, как у черепахоподобного хищника. Некогда доминировавший, явно разумный вид не отправился к звездам, составив вместо этого основу причудливой экологии интеллекта.

После биологов к исследованию плитки приступили инженеры, обнаружившие еще и не такое!

Плоские существа впечатляли — хотя бы просто как артефакты своего мира. Их нервная систе-

ма осуществляла целый ворох интерпретаций, оживленных сценариев, выразительных отрывков — явно предназначенных для отправки вовне и объединенных в прекрасно оформленные пакеты электрической информации, закодированной самым причудливым образом. Потому и необходимой была грубая шкура, максимизировавшая пьезосвязи, когда плитки терлись друг о друга. Еще они «разговаривали» между собой через почву: большие приплюснутые ступни передавали токи.

В головах экипажа забрезжило представление о том, что Шива представляет собой невообразимо огромный вычислительный комплекс, оперирующий информационными потоками, на много порядков превышающими всю сумму человеческих знаний. Шива высился над Землей, как человек над каким-нибудь жучком.

Первые сообщения, описывающие биосферу Шивы, достигли Земли четыре года спустя. И в культуре, более века определявшейся дуальной эволюцией общества и компьютеров, вдруг обнаружились тревожные параллели.

Некоторым сообществам, занимавшим развитые регионы Земли, уже казалось, что реальное время наделяет их эфемерными и бесцветными

переживаниями. В конце концов, никто не в состоянии записать время в память, воспроизвести, насладиться, а потом вернуться к пережитому еще раз, пока оно не сделается истинной частью личности. Реальное время существовало только один миг, а потом исчезало.

И посему: некоторые люди предпочитали жить в мирах, полностью произвольных, усеченных, обрубленных, определявшихся технологиями, воспринимавшимися как призрачные ограничения в широком во всем прочем диапазоне.

«Расходуемые реальности», — фыркали некоторые, однако прелесть подобных жизней была очевидной.

Шива являл собой крайний вариант: целый мир, нашедший смысл жизни в компьютере.

Могли ли разумные обитатели Шивы истребить огромное количество своих собратьев? Неужели потом они вымерли сами? Зачем? А может быть, они бежали от чудовищных последствий собственных деяний?

Или же прежние хищники превратились в многогранные плитки?

Экипаж «Искателя» решил всей силой высадиться на поверхность Шивы и разгадать загадку. Послав сообщение на Землю, они начали спуск.

* * *

Голоса с Шивы умолкли почти сразу после высадки. К треску межзвездных помех более не примешивались осмысленные сигналы.

После нескольких лет тревожного ожидания Земля отправила вторую экспедицию к звездам. Она также сумела преодолеть космическую дорогу.

«Искатель» все еще обращался вокруг планеты — но без экипажа.

На сей раз люди были осторожны. Миновали годы, отданные усердным исследованиям, прежде чем начала вырисовываться истина.

* * *

— Джон/Одис/Лисса/Тагор/капитан —

— все собрались/застыли/слились —

— в составную псевдоличность —

— на центральной палубе своего старого звездолета —

— чтобы приветствовать вторую экспедицию.

Во всяком случае, так это выглядело.

Они поднялись с поверхности Шивы в корабле неземной конструкции. Изящное сетчатое

изделие, похоже, скользило вверх на электромагнитных волнах.

Они вошли через главный шлюз, строго выполнив все полагающиеся процедуры.

Однако упорядоченная группа людей, перешедших из шлюза в корабль, мало напоминала экипаж «Искателя».

Они казались моложе. Гладкие вежливые лица смотрели на потрясенных участников второй экспедиции. Двигались они все вместе — шестигранным строем, сохраняя неизменным интервал в четыре сантиметра. Пятьдесят шесть пар глаз рассматривали новый земной корабль, с каждым моментом впитывая какую-то часть поля зрения и как бы запоминая ее для последующего воссоединения всей картины.

Всякое предложение произносилось по слову — последовательно несколькими из них. Эффект получался ошеломляющий: невозможно было понять, как они узнавали, что и когда говорить, ибо фразы не были заученными. Группа реагировала на вопросы пулеметными очередями сентенций, выстреливая слова, будто пули.

Предложения, рикошетируя, заметались по всей служившей для общих сборов палубе, где стояли все уцелевшие участники первой экс-

педиции — стройные люди в бесформенных серых костюмах. Фразы эти — если выделить их — оказывались вполне осмысленными, однако воспринимать их было сложно. Прошла не одна минута, прежде чем вторая экспедиция сумела понять, что эти замершие в шестигранном строю люди пытаются поприветствовать их и приглашают вступить в нечто, именуемое ими Комплектом Существ.

Когда предложение это прозвучало, лица тех, кто стоял в шестиугольном строю, начали приобретать выражение. Записи, сделанные во время этого разговора, демонстрируют смену мимики с фиксированным периодом 1,27 секунды. Каждое отдельное лицо изменялось в последовательности точно выверенных эмоций — гнева, симпатии, смеха, ярости, любопытства, потрясения, недоверия, восторга, — мгновенно сменявших друг друга.

Позже очевидец рассказывал, что гексагоналы (такое имя они получили) знали, что центром экспрессивности у людей является лицо, и потому обратились к какому-то языку, использующему мимику. Процесс являлся для них вполне естественным, и все же период в 1,27 секунды быстро внушил присутствовавшим чувство жгучего

ужаса.

Высокоскоростные записи встречи показали еще больше. Частота 1,27 секунды скрывала обертон более высокого порядка, едва воспринимавшийся человеческим глазом, когда по лицам гексагоналов пробегали другие выражения. Мускульные судороги прокатывались под кожей, как приливные волны.

Именно эта периодичность была характерна для плиток-многоугольников. Подсознательные аспекты оказались быстрее тех, которые может воспринять активный оптический процессор, однако исследования показали, что аудитория, которой они были предназначены, сумела интерпретировать их.

Позже ученые пришли к выводу, что эта быстрая демонстрация как раз и стала причиной возникновения смятения в рядах второй экспедиции. Сами гексагоналы ничего не говорили во время всей процедуры.

Члены второго экипажа утверждали, что пережили тогда нечто жуткое, мерзкое, непереносимое. Общее мнение сошлось на том, что первая экспедиция подобным образом продемонстрировала свою новую сущность. И такие высказывания часто сопровождались спазмати-

ческой гримасой.

Видеозаписи не производят подобного впечатления на аналогичную аудиторию: они сделались классическим примером точного — во времени и пространстве — восприятия смысла события. Тем не менее они выводят из душевного равновесия, и потому доступ к ним ограничен. Кое у кого на Земле после их просмотра случались нервные срывы.

Члены второй экспедиции единодушно сошлись на таком выводе. Очевидным образом экипаж «Искателя» вступил в компьютерный лабиринт Шивы. Чем или как их соблазнили на это, осталось неясным; прилетевшие на втором звездолете боялись даже интересоваться.

Словом, это единственное, короткое соприкосновение с Джоном/Одис/Лиссой/Тагором/капитаном… убедило прибывших к Шиве в том, что спускаться в ее компьютерный лабиринт не следует.

Враждебность, излучаемая вторым экипажем, вскоре заставила гексагоналов отступить на свой корабль и отчалить. Они просто повернулись и направились прочь, выдерживая свой четырехсантиметровый интервал. Мерцание с интервалом в 1,27 секунды прекратилось, и лица

их вновь сделались вежливыми, внимательными и замкнутыми.

Шествие это было строгим, дисгармоничным… и тем не менее приглашающим.

Степень их неудачи явилась мерой бездны, разделившей обе экспедиции. Гексагоналы стали теперь сразу чем-то большим и меньшим, чем люди.

Гексагоналы оставили за собой след, поведавший многое, но в ретроспективе. За отвращением второй экспедиции пряталось откровение: галактику освоили интеллекты формальные и отстраненные, в своем развитии оставившие органическую фазу далеко позади. Подобный разум возникал различными путями — из ранних органических обществ или из наследовавших им машинных цивилизаций, выросших на пепле погибших живых культур. Итак, свет звезд отливал металлическим блеском.

Обескураживало уже представление об умах, непонятных и странных, обитающих в телах, лишенных жил и кожи. Что же касается необъяснимого отвращения к проявлению Джона/Одис/Лиссы/Тагора/капитана… — то можно заметить следующее.

Живший в XIX веке поэт и философ Гете сказал

однажды, что если достаточно долго глядеть в бездну, она, в конце концов, ответит тебе взглядом. Мысль оказалась точной. Хватило и одного взгляда — спокойного и почти что небрежного. Вторая экспедиция запаниковала: незачем заглядывать в бездонную яму.

Люди поняли окончательное следствие эволюции Шивы. Опускаться в миры, полные столь ужасной и глубинной экзотики, можно лишь дорого откупившись — самим телом. Тем не менее все эти столь разные личности присоединились к синтонии Шивы — электрической гармонии, танцу под неслыханную музыку. Совратили их или изнасиловали, навсегда останется неизвестным.

Впрочем, вторая экспедиция научилась извлекать передачи отдельных плиток из потока необработанных данных.

И второй экипаж уловил в них отвратительное величие. Оставаясь органическими в своей основе, привязанные к вечному колесу рождений и смерти, плитки прежде были хозяевами своего мира, и власть их простиралась до всех ведомых пределов.

Теперь они стали терпеливыми, услужливыми трутнями в улье, устройства которого не понимали. Тем не менее — тут человеческая тер-

минология, конечно же, непригодна — подобное превращение было им приятно.

Где же помещалось их сознание? Частично в каждом существе или о нем можно было говорить, только как о какой-то накопленной сумме? Ясного способа проверить обе идеи так и не нашлось.

Существа-плитки представляли собой надежные, терпеливые машины, способные наилучшим образом производить первые стадии грандиозных расчетов. Некоторые биологи сопоставляли их с насекомыми, однако так и не сумели предложить эволюционного механизма, побудившего целый вид заняться вычислениями. Аналогия с насекомыми отмерла, не сумев объяснить реакцию многоугольников на стимулы — даже причину собственного существования плиток.

Или же их бесконечное шевеление служило не только потребностям расчетов? Многоугольники не рассказывали об этом. Они никогда не отвечали людям.

Колоссальный атмосферный лазер с Круглым океаном вспыхивал регулярно — как только вращение планеты и ее орбитальное движение позволяли прицелиться в окрестности новой

звезды-партнера. Импульсы уносили интеллект-пакеты, полные немыслимых данных, собранных чуждым разумом.

Второй экипаж изучал, передавал отчеты. И сперва неторопливо, но потом со все большей силой людей охватывал ужас.

Исследователи не могли промерить глубины Шивы и постоянно теряли членов экипажа. Учитывая воистину неизмеримую экзотику окружения, гибель приходила к людям самыми разнообразными способами.

В конце концов, они ограничились дистанционными исследованиями Шивы.

Впрочем, невзирая на все старания, их труды рано или поздно наталкивались на барьер. Теории рождались и умирали — бесплодно. И, наконец, люди бежали.

Одно дело вещать о постижении нового, о знакомстве с загадочным и неизвестным. И другое — ощущать себя насекомым, ползущим по страницам энциклопедии, понимая лишь, что под тобой находится нечто внушительное и недоступное для восприятия: не более чем какая-нибудь зияющая пустота.

Таким был первый контакт человечества с истинной природой галактики. И он не мог остаться единственным. Однако чувство предельного и полного ничтожества не оставляло вид homo все последовавшие странные тысячелетия.

Перевод: Ю. Соколов

Тоска по бесконечности

Смерть вошла, переступая своими шестнадцатью конечностями. И если вообще возможно сохранить спокойствие, когда нечто угловатое и зловещее вытаскивает вас из вашего потайного убежища, причем это нечто ужасно шипастое и твердое, а его похожие на пушечные стволы лапы крепко сжимают ваше горло, то тогда Ахмихи был спокоен.

Он был Экзом[8] Ноевой Семблии[9] уже в течение нескольких десятилетий и знал этот закоулок «Канделябра» не хуже, чем язык знаком с зубами. Или, вернее сказать, как ветры знают мир, ибо «Канделябр» огромен и пустынен. Но эту штуковину из тусклого скользкого металла, которая сейчас опасно нависала над ним, он видел впервые в жизни.

Он чувствовал, что его поднимают, его крутят в воздухе. Жуткая, почему-то ему казалось

---

[8] Примечания: 8

От англ. executive — руководитель, исполнитель. — *Примеч. пер.*

[9] Примечания: 9

От испорченного англ. assembly — общество, ассамблея. — *Примеч. пер.*

— желтая, боль взорвалась в его сенсорике, в той пограничной электронно-телесной чувственной сфере, которая обволакивала все его существо. За этой цветной болью скрывалось настойчиво звенящее послание, только выраженное не словами, а каким-то образом имплантированное в его уплывающее представление об окружающем мире.

Я хочу «говорить»… передать линейное значение.

— Ладно, а ты… кто? — Он попытался говорить беспечно, но этого, пожалуй, не получилось. Его голос прервался сухим всхлипом.

Я антологическое сознание. Я перегружаю свою голографическую речь в твою сенсорную систему.

— Чертовски мило с твоей стороны.

Похожая на пушечный ствол нога-лапа лениво крутанула его в воздухе, как будто он был каким-то украшением, болтающимся на подвеске. И он увидел — там внизу, на втором этаже — троих своих людей, валявшихся мертвыми прямо на полу. Ему пришлось сделать усилие, чтобы отвернуться от них и бросить взгляд на некогда гордую красоту, которая теперь превратилась в изувеченные полуразвалины. В этой части

Цитадели очень ценились башенки, наружные галереи, золоченые ограды, железные гнутые решетки, к которым так подходила какая-то византийская тишина. Всему этому исполнилось уже свыше тысячи лет, все в свое время выращивалось в биотехнических плавильных печах — незапланированная красота, частенько созданная по ошибке. Битва, которая, как он видел, уже окончилась, была невероятно жестокой. Эллиптические струпья оранжевой ржавчины говорили о судьбе его людей, зажаренных прямо в постелях и размазанных по стенам. Белые груды расчлененных трупов громоздились в углах, создавая впечатление куч искусственного снега. Стена, игравшая роль телеэкрана, продолжала действовать, пытаясь развлечь тех, кто давно уже был мертв. Грубые сварные швы, обнажившиеся под недавними ударами снарядов вражеских катапульт, превращавших людей в кровавые обрубки, говорили о древних ремонтных работах.

Я остановил атаку. Вмешался, чтобы спасти тебя.

— Сколько моих людей осталось… в живых?

Я насчитал 453… нет, 452… один умер две ксены назад.

— Если ты их отпустишь…

Это будет твоя награда, если ты удовлетворишь мое желание поговорить с тобой. Больше того, ты тоже сможешь уйти с ними.

Ахмихи позволил слабой искре надежды разгореться.

Последняя атака мехов на «Канделябр» снесла все оборонительные сооружения. Его Ноева Семблия вела арьергардные бои, пока остальные Семьи пытались скрыться. Звуковые дезинтеграторы подавили оружие защитников «Канделябра», действовавшее на принципах кинетической энергии, а микротермиты накинулись на добычу и стали пожирать все и вся. Другим Семблиям удалось скрыться. До сих пор только Ноева удерживала позиции, но теперь последний акт сыгран.

«Канделябр» был лакомым кусочком для мехов. Он вращался на орбите вблизи разрастающегося диска Черной дыры, где индукционные сети «Канделябра» перехватывали энергию падающих в дыру масс материи, с помощью которой можно было деформировать пространство-время.

В долгой войне людей и мехов чисто физические ресурсы стали поводом для многочисленных столкновений. Даже в далекие и славные дни, когда человечество достигло Центра галактики,

построить радиант[10] — огромный «Канделябр» — так близко от губительных излучений и леденящих ливней элементарных частиц, рядом с Черной дырой, было предприятием невероятно сложным и рискованным. Но тогда человечество было юным, заносчивым и непокорным, оно только что завершило свой долгий-долгий перелет из Солнечной системы в Центр галактики.

Теперь же, когда эти славные дни давно миновали, Ахмихи ощущал себя лишь слабым подопытным кроликом, помещенным под изучающие взоры множества сканеров. Его собственная сенсорика сообщала ему, что в данный момент ее обрабатывают в лучах Инфракрасного и микроволнового спектров. Будто чьи-то холодные пальцы проникали в церебральные слои. Он покорно ждал неминуемой смерти.

Хотел бы я показать тебе, как я работаю. Ну, гляди.

Что-то сжало сенсорику Ахмихи, как если бы человек стал ощупывать крохотную мышь, и он вдруг оказался на плоской широкой обсидиановой равнине, на которой были расставлены…

---

[10] Примечания: 10

Радиант *(физ.)* — источник тепла, света или другого излучения. — *Примеч. пер.*

существа.

Все они явно когда-то были людьми. Теперь же это были странные исковерканные сооружения, из которых торчали чудовищные члены, ветки деревьев, металлические штыри, куски живой плоти. Некоторые пели, будто ветер стучал листами жести. Загоготала чья-то оскаленная пасть с зелеными зубами, из куба потянулся вонючий пар, в судорожном ритме забилась кроваво-красная жидкость.

Сначала ему показалось, что перед ним статуя женщины. Но из ее разорванного рта со свистом вырвался вздох. Под полупрозрачной белой кожей запульсировали безумные черно-синие энергетические токи. Через тонкую, как бумага, кожу Ахмихи каким-то шестым чувством ощущал толстые волокна ее мускулов, кости, хрящи и желтые сухожилия, подобно ремням стягивающие это неуклюжее, дергающееся существо… а оно вдруг двинулось… пошло… Ее голова вращалась, потом наклонилась. Огромные розовые глаза настойчиво искали его. ЧерниЛьно-черная полоса между ног вдруг зажужжала и стала набухать, зажила своей какой-то жидкостной жизнью, резкий запах ее тела наполнил его ноздри, она призывно оскалилась…

— Нет! — Ахмихи рванулся изо всех сил и внезапно ощутил, что это место находится на колоссальном расстоянии от него. Он вернулся обратно, он, как и раньше, свисает с пушечной лапы.

— Что это было?

Дворец Человека. Выставка произведений искусства. Скромность требует, чтобы я добавил: все это мои ранние работы. Я надеюсь достичь гораздо большего. А ты — трудный медиум.

— Ты используешь… нас?

Я, к примеру, пытался в том произведении искусства, который ты видел, выразить чувство совокупления. В духовном мире людей я обнаружил определенную связь: очень часто пережитый страх затем индуцирует похоть, осуществляя тем самым определенную триггерную функцию. Страх вызывает у вас ощущение вашей смертности, а похоть как бы возвращает временное ощущение прочности и бессмертия.

Ахмихи знал, что этот Богомол относится к особому, высшему разряду мехов, гораздо более развитому, нежели те, с которыми приходилось иметь дело его Семблии. Для Богомола жизнь людей — множество фрагментов, складывающихся в кривую, которая ведет… куда? Поэтому себе Бо-

гомол представляется художником, изучающим человеческие траектории с точностью ученого баллистика.

Времени на размышления не было. Богомол охвачен холодной и бескровной страстью к своему извращенному искусству. Возьми это за исходную точку и используй.

Ты, как и другие, явившиеся сюда в составе самых первых сил, разделяешь важнейшее из всех ограничений: вы не можете перестраивать себя по собственному желанию. Правда, вам есть чем гордиться, ибо вы созданы на основе Первичных Законов, на которых покоится все Бытие. Но вы реализуете в аппаратном обеспечении то, что должно реализовываться в программном. Это крайне неблагоприятное наследие. Тем не менее оно является почвой для постижения эстетических истин.

— Если бы вы могли оставить нас в покое…

Без сомнения, тебе известно, что конкуренция из-за расходов в этой, самой богатой энергией области галактики, должна быть особенно… значительной. Мой вид тоже страдает от собственного непреодолимого стремления к выживанию, к пространственной экспансии.

— Если бы вы сунулись сюда в то время, когда

«Канделябр» был полностью заряжен энергией, вы сейчас уже валялись бы тут, разорванные на мелкие кусочки!

Так глупо я бы вряд ли поступил. Да и в любом случае уничтожить антологическое сознание невозможно. Истинное физическое место обитания моего сознания дисперсно. Мои эстетические чувства, в то время как я пребываю вот в этом облике, все же в основном сосредоточены во Дворце Человека, который я построил во многих световых годах отсюда. Ты только что побывал там.

— Где? — Ему надо было удержать это неуклюжее существо из кремния и углеродистой стали в напряжении. А его люди в это время смогут ускользнуть…

Совсем рядом с Истинным Центром и его дисковидной машиной. Ты сможешь еще раз посетить его в должное время, если тебе повезет и я выберу тебя для сохранения.

— Как покойника?

Я нахожу вас — приматов — замечательными медиумами.

— А почему бы тебе не оставлять нас живыми, чтобы иметь возможность беседовать с нами?

Ахмихи тут же пожалел, что задал этот вопрос, так как Богомол немедленно заставил подняться

один из трупов, валявшихся на полу нижней комнаты. Это была Леона — мать троих детей, воевавшая бок о бок с мужчинами. Теперь это был дрожащий костлявый труп, почерневший от оружия Сверлильщиков.

Я знаю, ты очень ненадежный медиум, тебе за это требуется плата. Я сумею заставить тебя служить передатчиком моих ощущений, хотя этот метод сопровождается утомительными звуками. Кроме того, ты почти наверняка погибнешь из-за него. Но если ты предпочитаешь…

Она качалась на своих сломанных ногах и, казалось, внимательно вглядывалась в лицо Ахмихи. Ее губы со свистом выдавливали отдельные слова, которые звучали без всякого выражения, будто внутри у нее работали кузнечные мехи, приводимые в движение кем-то посторонним.

— Я… ощущаю… себя… подключенной… медиум… сильно… ограничен… в передаче… новых… ощущений.

— Убей ее, ради Бога! — Ахмихи колотил кулаком по клешне, которая крепко удерживала его на весу.

— Я… мертва… как человек… но… я… осталась… медиумом.

Ахмихи отвернулся от Леоны.

— Неужели тебе не понятно, каково ей сейчас, какие муки она переносит?

Мой уровень не позволяет мне понимать боль, как тебе должно быть известно. В лучшем случае, мы ощущаем ее как противоречие во внутреннем состоянии, которое невозможно устранить.

— Тяжеленько тебе, должно быть, приходится!

Обращаясь с Леоной подобно тому, как чревовещатель обращается с куклой, Богомол заставлял ее выделывать курбеты, петь, плясать, выбивая каблуками чудовищную чечетку, причем сломанные кости ее ног прорывали кожу, покрытую высохшей коркой крови. Из пробитой грудной клетки сочилась какая-то жидкость.

— Черт бы тебя побрал! Лучше уж позабавься с моей сенсорикой! Отпусти ее!

Данный способ коммуникации — часть произведения искусства, которое я собираюсь создать. Черты ужаса, черты ненависти, поток электрических импульсов и биохимических реакций твоего мозга, выражающих чувство безнадежности или готовности к возмущению, — все это части артистично воспринятого мимолетного момента умирания.

— Извини, я, должно быть, не вник в глубину твоего замысла. Леона… Она действительно

мертва?

— Да… эта… женщина… была… полностью… переписана… — Леона свистнула. — …Я… с удовольствием… скосил… этот… колос…

— Но в этом виде… она ужасна!

Если говорить об этой частично оживленной форме, то я могу согласиться с тобой. Но при правильно выбранном способе переработки могут, знаешь ли, выявиться скрытые элементы. Может быть, когда я займусь выбраковкой уже скошенных, я смогу добавить ее к своей коллекции. В ней явно могут открыться определенные тематические возможности.

Ахмихи потряс головой, чтобы хоть немного остудить ее. Его мышцы сводила судорога, уж больно долго его удерживали на весу, слишком уж долго он пребывал в состоянии странного, тошнотворного страха.

— Она не заслужила такое!

А я вот ощущаю, что в моих композициях, которые ты видел во Дворце Человека, чего-то недостает. Что ты о них скажешь?

Ахмихи с трудом подавил приступ смеха, а потом подумал, не начинается ли у него истерика.

— Так, значит, это были произведения искусства? И ты ждешь моих критических замечаний?

Да еще сейчас?

Тяжелое дыхание Леоны:

— Я… чувствую… упустил… самое… важное… Красота… она… уходит… из моих… работ.

— Красота не относится к числу тех вещей, которые можно эксплуатировать.

— Даже… сквозь… маленькое… темное… окошко… твоей… сенсорики… ты что-то… ощущаешь… устройство мира… а я нет… Видимо, можно… получить преимущества… даже от таких… грубых ограничений.

Куда же он гнет? Что там мерещится впереди?

— Так в чем все-таки проблема?

— Я чувствую… гораздо больше… но не могу… разделить… с тобой… твои фильтры…

— Может, ты знаешь слишком много?

Ахмихи подумал, а не броситься ли ему на Леону, чтобы разом покончить со всем этим. Ни один человек-техник не мог бы спасти разум мертвого человека, «скошенного» мехами человека… Но зачем мехам нужны сознания людей? Это никому не известно. До сих пор, конечно. Ахмихи слышал немало легенд о Богомолах, об их интересе к людям, но о Дворце Человека ему слышать не доводилось.

— Я… проникал в нервные системы… я направ-

лял их… к безумию… к самоубийству… — Леону схватила судорога, она скорчилась и рухнула навзничь. Глаза слепо уставились в потолок, потом перешли на Ахмихи. — …Не целое полотно… но чего-то… не хватает…

Ахмихи попробовал дотянуться до верхней балки, но из этого ничего не получилось. Фосфоресцирующий свет «Канделябра» померк, Леона терялась в тени. Невероятно страдая, она все же поднялась на ноги.

— Я пытался… так трудно… вы эфемериды… невозможно понять.

Ахмихи изо всех сил старался понять.

— Слушай… а может быть, тебе стоило бы стать одним из нас?

В первый раз за все время этого безумного разговора Богомол удивленно замолк. Он позволил Леоне свернуться на полу в клубок — тряпичная кукла, небрежно отброшенная в сторону.

Полезное соображение. Обрубить часть себя, заключить в узкий круг, без возможности убежать из него. Да!

Ахмихи ощутил внезапное давление, будто каменная стена с грохотом обрушилась на его сенсорику. Не было ни малейшей надежды прожить еще хотя бы несколько мгновений, и сухой холод

этой мысли наполнил его душу отчаянием.

СКОШЕННЫЕ КОЛОСЬЯ

— Я зашел за угол, и оно действительно оказалось там, более похожее на предмет меблировки, нежели на мехов. Оно ткнуло в меня чем-то.

— Последнее, что я увидел, было нечто, похожее на самодвижущиеся тележки, в которых мы возим руду. Оно кувыркалось, будто под ним что-то взорвалось, и я подумал, как мне здорово повезло, что я оказался под защитой сверхпрочного стекла.

— В моей памяти все еще стояло воспоминание о чем-то твердом и синем, случайно попавшем в мое поле зрения, причем оно было такого оттенка, которого я еще никогда не видал.

— Она упала, и я наклонился, чтобы помочь ей встать, и увидел, что у нее нет головы, и что та тварь, которая эту голову держала в лапах, сидя на полу, теперь прыгает прямо на меня.

— Оно выпустило что-то вроде силиконовой нити, которая Обвилась вокруг меня — а я-то думал, что оно дохлое, что попало в ловушку или еще что, — а потом ударило меня в бок с силой конвейерного транспортера.

Ноева Семблия бежала, оставив «Канделябр» на разграбление мехов. Их Экз, Ахмихи, вырвался из плена Богомола, но его сенсорика чуть ли не выла от полного расстройства. Каждая нервная клетка его тела вибрировала в своем собственном безумном ритме. Голос звучал будто жестяное ведро, в котором подпрыгивают камни. Было похоже, что симфонией его тела управляет сошедший с ума дирижер.

Но через несколько часов он немного оправился. О своем общении с Богомолом Ахмихи никогда и нигде не рассказывал. Он привел свою Семблию к космическому кораблю, который хотя и был поврежден, но все же мог служить перевозочным средством. Мехи их не атаковали, так что более трехсот человек бежали из беспомощно мотающейся в космосе развалины, в которую превратилась их дивная космическая станция.

Это был один из последних космических полетов эры «Канделябра». После многих военных поражений человечество бежало в глубокий космос, ища убежища в ностальгической простоте планет. Как показала дальнейшая история, это нельзя было назвать особо мудрым решением, ибо Центр галактики не слишком-то нежен в своих процессах созидания и развития миров,

Там в объеме каждого кубического светового года горит свыше миллиона солнц. За несколько миллионов лет медленные изменения расстояний между этими солнцами могут привести если не к столкновению между ними, то к перехвату планет одной звездной системы другой. Только хорошо стабилизированные миры имеют шанс сохраниться в таких условиях. Однако даже они подвержены здесь процессам «выветривания», которые в более спокойных окраинах гигантской спиральной галактики неизвестны.

Ноева Семблия воспользовалась гравитационными вихрями, крутящимися по периметру Черной дыры, чтобы избежать преследования мехов. Это обошлось людям во много жизней, а корабли прокалились так, что еле-еле смогли дохромать до относительно пригодной для обитания планеты, прозванной Изидой какой-то другой Семблией, которая еще тысячу лет назад отправилась отсюда на поиски других, более зеленых планет, расположенных подальше от Истинного Центра галактики. Изида была засушлива и продута ветрами, но зато она, видимо, не представляла интереса для мехов. Это было весьма важное преимущество. Ноева Семблия совершила спиральный спуск на планету, и лю-

ди начали строить жизнь заново. Но и на этом отрезке пути их ожидало немало трудностей.

Оружие мехов может быть весьма коварным, особенно если речь идет о биологических изобретениях. Опасения Семблии оказались вполне обоснованными. Как говорится, от полученного удара можно почувствовать себя даже лучше, но хорошо тебе все равно не будет.

Целый год, который продолжалось их путешествие, Ахмихи медленно умирал. Он страшно задыхался, его легкие были изъедены мельчайшими паразитами, жившими на мехах. Их называли наносами[11]. Проститься с ним перед смертью пришла только жена. Люди из Семблии боялись даже переписать личность Ахмихи в Аспект, ибо он явно был заражен мехами, причем столь сильно, что мог пострадать и его разум. Сгорая в лихорадке, он что-то бормотал о своем договоре с почти мифическим Богомолом, но никто так и не понял, каковы же были условия этого договора. Изменения в Ахмихи носили очень глубокий характер и, возможно, именно поэтому в истории, которую он пытался поведать, не содержалось ничего важного.

---

[11] Примечания: 11

От нано — одна миллиардная часть чего-либо. — *Примеч. пер.*

Тем более что его записывали год назад, так что не все из его личности будет потеряно. В те отчаянные времена навыки и знания умерших приходилось хранить в чипах, которые крепились на задней стороне черепа у каждого члена Семблии. В чипах хранилось наследие многих древних, занесенных в Аспект или в менее важное хранилище — «Лица и Профили». Так что Ахмихи предстояло сохраниться лишь частично, но его потомки все же могли воспользоваться большей частью накопленного им опыта.

Никто так и не заметил, как крошечное насекомоподобное существо выползло изо рта Ахмихи. Оно тихонько подлетело к его жене Джалии и ужалило ее. Та ударом ладони сшибла насекомое на пол, считая, что оно ничем не отличается от других паразитов, которые разлетались по кораблю из гидропонической секции.

Что же касается летуна, то он ввел в кровь Джалии комплект микроустройств, одно из которых раскодировало яйцеклетку женщины. Затем оно растворилось, чтобы избежать обнаружения. Ноева Семблия сожгла труп Ахмихи, дабы предотвратить возможное осквернение его тела мехами, особенно если нанопаразитам удалось проникнуть на корабль.

Видимо, молитвы их были услышаны. Маленький отряд людей, надо думать, не представлял особого интереса для мехов, и они не стали тратить время и силы на его преследование.

Джалия родила сына — целое сокровище в эпоху, когда численность людей сокращалась. Генное сканирование не обнаружило ничего из ряда вон выходящего. Она назвала мальчика Парижем, так как в традициях Ноевой Семблии было пользоваться названиями городов Земли при выборе имен детей — Киев, Акрон, Фейрхоуп, — невзирая на то что сама Земля уже успела стать легендой, в которую многие и не верили.

Когда мальчику исполнилось пять, началось его интенсивное обучение. До того он был самым обыкновенным ребенком, весело резвившимся на полусожженных засухой полях, где собирался скудный урожай. Он был крепок, хорошо сложен и очень молчалив.

Когда Париж начал учиться, он сразу же сделал открытие. Оказывается, другие ощущали мир иначе, чем он.

Каждую секунду многие миллионы битов информации проникали в него через его органы чувств. Но из этого потока, из этого водопада информации сознательно он мог усвоить лишь

примерно сорок битов в секунду. Он читал документы быстрее, чем писал или чем люди разговаривали, но все равно большая часть информационного потока оставалась незадействованной.

Независимо от того, входила в него информация или исходила, его тело было рассчитано примерно на одну и ту же скорость ее движения. Но все пути ее передачи в мозг были болезненно забиты. Его можно было сравнить со светом прожектора, который передвигается по темной сцене, высвечивай лица актеров, а все остальное оставляя в густой тьме.

Сознание Парижа стояло на вершине огромной горы, сложенной из абсолютно невостребованной информации.

Даже осмысление этого факта — и то шло вяло и медленно. Парижу требовалось куда больше времени на то, чтобы объяснить себе, о чем именно он думает, чем просто подумать об этом. Его мозг пропускал десять миллиардов битов информации в секунду, во много раз больше, чем он воспринимал и усваивал из окружающей его среды.

Его сенсорика принимала почти столько же входных сигналов, сколько команд передавалось

его телу от мозга. Но почти ничего из этих процессов не могло быть выражено в словах. Осознание, речь — все это было безнадежно застопорено. Но в таком же положении находились и другие существа: люди были вовсе не одиноки.

Париж уже хорошо понимал, какую важную роль для них играет РАССКАЗ… и для него тоже. Заговоры, герои и негодяи, за и против, мелкие ролишки и большие роли, напряжение и разрядка, все это было столь же важно для человека, как прямой путь рот — желудок — анус, ибо РАССКАЗ — путь к ментальному пищеварению.

И не зная всего этого, каждый из них рассказывал свои собственные истории, рассказывал ежесекундно, непрерывно. Их тела выдавали их мириадами изменений лица, пыхтением, пожиманием плеч, неконтролируемыми жестами. Целые окорока, здоровенные куски его личности выходили наружу неподвластно мозговому контролю, ибо подсознание само говорило с помощью его тела, и эта речь была не слышна органам сознательного контроля, была спрятана от них.

Для мальчика это был шок. Значит, другие люди знают о нем больше, чем он сам знает о себе. Ощущая мегабиты информации, просачивающиеся сквозь его тело, они могут читать его, как

открытую книгу!

Это оскорбляло его стыдливость. Должно быть, такой немой язык возник на заре человеческой эволюции, решил Париж, когда было важнее узнать, о чем думает чужак, нежели о чем он говорит на своем грубом и бедном протоязыке.

И смех, это вино языка, как кто-то сказал ему, тоже был признанием сознания в своей ограниченности. Поняв это, Париж стал чаще смеяться.

А потом, даже носясь в безоглядной радости с приятелями по утоптанной игровой площадке, он стал ощущать какое-то раздвоение. Часть его как бы наблюдала за происходящим со стороны. То, что он переживал — все эти миллиарды битов в секунду, все это было лишь имитацией того, что он ощущал. И это была правда, так сказать, на желудочном уровне.

А что еще хуже, так это то, что имитация отставала на полсекунды от мира, который его окружал. Он проверил догадку, исследовав, как быстро его тело реагирует на боль или на удовольствие. И точно — его тело отшатывалось от боли раньше, чем сознание говорило ему, что сейчас его колют в ягодицу булавкой.

Его сенсорика выкидывала множество всяких штучек. В его зрении, например, существовало

«слепое пятно», которое, как он понял, появилось из-за того места, где нервы подключаются к задней части глаза. Брошенный и превратившийся в развалины «Канделябр» казался ему крупнее, когда висел над горизонтом Изиды, чем когда стоял высоко в небе. Когда Париж мчался со всех ног по рассохшейся от зноя равнине, а потом резко останавливался, чтобы полюбоваться тонкими волокнами облаков у себя над головой, его глаза какое-то время уверяли его, что облака продолжают лететь мимо… благодаря кинетической памяти. Его мозг интерпретировал ее как неопровержимое наблюдение реальности.

А все потому, что эволюция так сформировала систему «глаза-мозг», чтобы вещи, находящиеся выше, казались более далекими и труднодостижимыми, а люди, которые на них смотрят, видели бы их меньшими по размерам. И оставила ощущение продолжающегося бега, чтобы включить работу мозга постепенно.

Он сидел в классе и смотрел на своих хихикающих одноклассников. Какими странными казались они ему. Однако лучшее понимание самого себя позволило ему улучшить и свои контакты с ребятами. Они любили его, им нравилась естественность его поведения, которую

кое-кто принимал за стремление к лидерству. Но на самом деле это было нечто совсем иное, пока еще не наблюдавшееся в человеческом обществе. Он это чувствовал, но не мог подобрать верное название. На самом деле такого слова и не было.

Постепенно Париж пришел к выводу, что их мир — и его тоже — неоднозначен. Понял он это гораздо раньше сверстников. Запахи, прикосновения, вкусы, все это несло на себе груз происхождения — много тысячелетий назад и бесчисленное число световых лет отсюда.

А потом он подошел и к своему главному открытию: всем правит подсознание. Он понял это, когда заметил: он счастлив, когда не контролирует себя, когда сознание не руководит его поступками. Экстаз, радость, даже просто чувство удовлетворения — все это плоды действий, произведенных без специального обдумывания.

— Я больше, чем просто «я». Я — это «мы».

Когда его работа шла хорошо, когда работали все, даже дети, его «мы» ощущало свою необходимость. Когда дела шли хорошо, они как бы шли сами по себе, своим путем. Он возился с грузовыми тележками, пахал поля, готовил вкусную еду, и все это как бы лилось потоком, почти бездумно.

И даже когда он пользовался своими «Лицами и Профилями», занимаясь какими-нибудь поделками, он мог задействовать их личные особенности, не прибегая к собственному сознанию. Это были как бы фрагментарные слепки с древних реально существовавших персоналий, которые сейчас использовали какую-то часть той его сферы, что занималась получением и переработкой информации. И когда он работал, то на это время он терял ощущения резкого запаха степей Изиды, шороха ветра и колючих прикосновений трав. «Лица» особенно нуждались в том, чтобы, эти сенсорные впечатления были отфильтрованы, иначе они сами могли бы превратиться во что-то вроде безликой шелухи, в своего рода сухие фактологические учебники и справочники. А так он чувствовал, как они сидят в нем, где-то за его глазными яблоками, и с наслаждением поглощают крохи нового для них мира, время от времени разражаясь довольными восклицаниями. Когда же он спал, они получали возможность приподнять его веки и с его помощью улавливать мимолетные отблески его мира, что давало им пищу для новых размышлений. А ловя звуки посредством его барабанных перепонок, они могли выполнять обязанности часовых — очень нуж-

ная предосторожность. И вот из этой довольно жиденькой похлебки они извлекали дополнительный опыт. Это обстоятельство изолировало его от окружающей обстановки и гарантировало крепкий сон.

Но это было далеко не все.

В нем сидело что-то еще, какая-то тень, какое-то «мы», которое невозможно ощутить обычными чувствами, нечто, больше похожее на призрак. Казалось, оно внимательно следит за ним, в то же время тщательно избегая его собственного внутреннего взгляда. И все же он чувствовал, как эта тревожащая его пустота посылает ему сигналы, извещая о своем присутствии.

Это пугало его. Париж стал искать что-то, что могло укрепить его уверенность в себе. Испробовал спорт, секс, театральное искусство, но все без толку. Пришлось копнуть глубже.

Религия Семблии — течения внутри ее были столь многочисленны и разнообразны, что иногда просто противоречили друг другу — все же имела нечто общее — идею о состоянии религиозного экстаза, освобождения от всего сущего, тогда как на долю разума оставались такие вещи, как молитвы, литургии, гимны, ритуалы, бормотание заклинаний. Однажды, сидя в Часовне, усталый

до изнеможения Париж попробовал соединить скудный диапазон частот языка с монотонным речитативом, бесконечно повторяя полученную фразу в уме. И вдруг обнаружил, что его «мы» свободно. Так он изобрел медитацию.

Детство ушло, и у Парижа прорезался настоящий талант художника. Его работы были странны, а главное — недолговечны: ледяные скульптуры, которые таяли, скульптуры из песка, который удерживался постоянно слабеющими силовыми полями. Стихи он писал стилосом на бумаге из давленых растительных волокон, используя красящие пигменты, добытые из овощей. А потом со странным удовлетворением смотрел, как эти листочки сгорают в огне.

— Мимолетность, непосредственность впечатления, — отвечал он, когда его спрашивали о его работах, — вот главное, что я хочу передать.

Понимали его только немногие, но зато немало из тех, кто толпами стекался поглазеть на работы Парижа, уходили, унося странные ощущения от того, что заставил их пережить художник.

Искусство представлялось ему чем-то совершенно естественным. В конце концов, размышлял он, на заре истории человечества, там — на мифической Земле, должен же был оказаться

какой-нибудь примитивный предок, который обнаружил, что камень в полете описывает необычайно простую и изящную параболу, а потому сумел определить лучше других то место, куда камень должен упасть. Такой человек должен был питаться лучше и чаще и, вероятно, имел больше детей, нежели его соседи. Нервные клетки должны были подкрепить такое поведение этого предка и его потомков, привив им чувство наслаждения от зрелища очаровательной параболы.

Вот он и есть потомок этого воображаемого предка. Хотя он живет в 28 000 световых лет от тех пыльных равнин, где искусство впервые вошло в гены человека, он все еще продолжает пользоваться ментальными процессами, которые в свое время были так идеально настроены применительно к условиям той древней планеты. Он разделял со своими предками представление о том, что естественность — высшее проявление Прекрасного, но в то же время он остро ощущал тоску по каждому уходящему в небытие мгновению. Это тоже было чисто человеческим ощущением, но что-то сидевшее в нем воспринимало это ощущение мимолетности как контраст, как противоречие. Он не знал почему, но был

совершенно уверен, что это ощущение тоже отделяет его от других.

Так пришла к нему первая слава, которая оказалась далеко не последней.

Очень скоро он понял, что хотя решение о поступке принимается как бы двумя «я» или «мы», но общество считает ответственным только одно. Социальный лозунг таков: я принимаю на себя ответственность за действия моего «мы». Париж много размышлял по этому поводу.

Будучи юным, он встретил любовь и воспринял ее как соглашение: «Любимая, мое „мы“ принимает тебя». Он понял, что истинная духовность происходит от «я знаю свое „мы“», а мужество из — «я верю в свое „мы“».

Сознание — недокормленное и не слишком хорошо информированное — было моделью самого себя, созданной мозгом. Это была имитация несравненно более живописного и разностороннего подсознания.

Ощущать мир непосредственно, без всякой цензуры — какая дивная мечта! Париж обретал эту способность лишь время от времени, и в эти моменты он чувствовал настоящий шок от умопомрачительной полноты истинного мира, Потребность в языке исчезала подобно капле

воды под лучами свирепого солнца; Все, что он должен был сделать, это указать на что-то пальцем и сказать: «там!»

И все же где-то там — позади глазных яблок — находился тот фантом, тот наблюдатель, которого нельзя было наблюдать. Правда, он ничего не контролировал. Париж знал, что тот сидит в нем, но постепенно научился его игнорировать.

Или, вернее, его собственное «я» согласилось абстрагироваться и принять наблюдателя, но его «мы» этого так и не сделало. Но никакой возможности контролировать тень, похожую на пустоту, не было.

Во сне его «я» вообще ничего не могло контролировать. В каждодневной жизни, как Париж узнал, его тело не умело лгать. Диапазон его передач был слишком велик, оно посылало сигналы от «мы» в широком подсознательном потоке. И наоборот, обладая малой скоростью переработки информации, его «разумное» «я» могло лгать легко, больше того, оно не могло не. лгать, хотя бы по ошибке. А вот его «мы» лгать не умело.

Понимание этого превратило Париж в лидера, хоть он таковым вовсе не хотел быть. Он был слишком занят тем, чтобы побольше узнать о том, что значит быть человеком.

Однажды вечером, когда Париж нес дежурство в одном из отдаленных поселений, расположенном на самом рубеже их владений, он поймал мышь и попытался разговаривать с ней. Поскольку и он, и она состояли из плоти и крови и когда-то имели общих предков, так как этот грызун тоже происходил с Земли и был привезен сюда первой экспедицией по причинам, не известным никому, кроме самих первопоселенцев, то Париж полагал, что контакт с мышью возможен. Мышь внимательно изучала его лицо через разделявшую их пропасть между уровнями переработки информации, и сенсорика Парижа оказалась неспособной получить хотя бы что-то от этого существа.

Но каким-то образом Париж все же понял, что в ее крохотном мозгу были потаенные сходства с мозгом Парижа. Почему же отсутствуют попытки коммуникации со стороны мехов? Было о чем подумать.

Загадок было много, а жизнь шла своим чередом. На Изиду вернулись мехи.

С Гремучкой Париж встретился, когда играл в мяч с несколькими своими сверстниками. Они гонялись друг за другом, пытаясь перехватить мяч — игра, которая будила в них чувства, родствен-

ные ощущениям охотников — чувства, казалось бы, давно погребенные в далеком прошлом. Они настолько увлеклись игрой, что Гремучка смогла подобраться к ним незамеченной на расстояние нескольких сот метров.

Игра шла вблизи развалин огромной Кублы, оставшейся еще от тех людей, которые поселились на Изиде тысячу лет назад, а затем покинули ее. Купол Кублы, предназначенный для развлечений, еще и сейчас мог создавать резонансные иллюзии, если его стимулировать. Париж подумал, что это одна из таких зрительных иллюзий, когда увидел это быстро скользящее тело, с какими-то трубками, которые вращались, пытаясь сфокусироваться на юношах.

Гремучка успела уничтожить шестерых, до того как Париж добрался до своего дальнобойного кинетического оружия. Оно безнадежно устарело, но только такие ружья и выдавались молодежи для тренировок. Париж выстрелил в Гремучку и даже попал, но тут же увидел, как упал стоявший рядом с ним друг, что отвлекло его внимание. Вообще-то Парижу уже приходилось встречаться со смертью, но не в таком виде. Он замешкался, и только по чистой случайности Гремучка не уничтожила его. Пули двух других

юношей покончили с кольчатым чудовищем. Париж понял, что совершил ошибку, и дал себе слово, что больше это не повторится. Эмоции, терзавшие его, когда он помогал вывозить тела убитых, больше всего походили на лихорадку — болезнь, которая долго дает о себе знать.

Таково было начало. Ты начинаешь думать о том, что вот другие люди убиты, а ты, конечно, нет. Когда тебя ранят в первый раз, главный шок произойдет не от боли, а от внезапно пришедшего понимания, что смерть может подобраться так близко даже к тебе.

После этого должно было пройти немало времени, чтобы он понял: с ним не может случиться ничего такого, что бы уже не происходило с людьми всех уже миновавших поколений. Они перенесли это, значит, может перенести и он. В конце концов, смерть самое легкое из всех плохих событий.

Над аркой, открывавшей вход на широкую общественную площадь, накрытую прозрачным куполом, сквозь который было видно, как кружится безумный вихрь Центра галактики, была выбита надпись, которую Париж переписал себе для памяти, так как она наполнила его странным ощущением свободы, когда он понял смысл на-

питанного.

«Клянусь, мне все равно: ведь человек может умереть всего лишь однажды. Наша жизнь и смерть в руках Господа, и все будет так, как решит Он. Ибо тот, кто умрет в году нынешнем, освобожден от необходимости умереть в году следующем».

А спустя еще немного он пришел к выводу, что ничто с тобой не случится, пока это событие не подойдет к тебе вплотную, так что до этого ты должен жить так, чтобы извлечь из жизни как можно больше. Жить хорошо — это значит хорошо прожить каждый ушедший в прошлое момент. Трусость — настоящая трусость, а не мгновенная паника — происходит из-за неспособности запретить своему воображению оценивать каждую из приближающихся к тебе вероятностей. Обуздать воображение и жить каждой стремительно бегущей секундой, без прошлого и без будущего, вот в чем заключается главный секрет. Овладев им, ты будешь полноценно жить каждую секунду, перетекая в следующую, не испытывая ненужной боли.

Его «мы» поняло это, а его «я» приняло как аксиому.

СКОШЕННЫЕ КОЛОСЬЯ

— Они швырнули меня в ту яму, куда сбрасываются отходы мехов — преимущественно нечто похожее на сальную упаковочную паклю, и я понял, что кровь из носу, но я должен выбраться оттуда.

— А все мехи скучились возле ямы, будто выполняли какой-то ритуал, и сначала повесили меня вверх ногами, стреляя мне в живот и наблюдая, как кровь хлещет из меня, стекая по грудям прямо в рот, так что я ощущала ее тепло в этом холодном воздухе.

— Что-то просвистело мимо меня, потом раздался мокрый удар.

— Должно быть, несколько из этих нанопаразитов попали в мой хлеб еще до того, как жаркий кислый вкус возник у меня в глотке и я стал давиться и задыхаться.

— Он уколол меня своей антенной, что явилось большой неожиданностью, ибо я считал, что он один из тех мехов, которые пользуются только микроволновыми вибраторами.

— Это случилось в самом конце кампании, я жутко устал и прилег, чтобы соснуть хоть несколько минут, но эта медлительная тварь по-

добралась ко мне, а я не обратил на нее никакого внимания.

— Мы бежали изо всех сил, надеясь уйти подальше отсюда.

— Она бежала первой и прыгнула очень чисто, легко преодолев расстояние. Я попытался сделать то же самое, но мои обмотки порвались, я потерял равновесие, будь оно трижды проклято.

В шейном отделе позвоночника он носил вживленный чип — Аспект одного из самых великих людей прошлого, которого звали Артуром. Артур служил ему советником.

К этому времени Париж уже выступал на заседаниях Семблии, хотя и был совсем еще молодым. Артур всегда высказывался за сдержанность в отношениях с мехами, приводя в подкрепление своей позиции различные эпизоды из древней истории человечества. Когда Париж осведомился у Артура об истинных трудностях, о которых тот распространялся, говоря о Древних Временах, когда люди впервые добрались до Центра галактики, Артур раздраженно ответил:

— Скажем так: это вовсе не походило на приглашение на чай к королеве.

Артур то и дело пользовался подобными архаическими выражениями Древних Времен и

никто не знал, что именно они означают, но на это Артур внимания не обращал. У него их был приличный запас. Например:

— что мичман, что вешалка — одно слово — вешалка для треуголки.

А когда выбросы плазмы бросали золотые завитки почти по всему видимому сектору ночного неба, он сказал:

— любая достаточно продвинутая технология в Центре галактики наверняка может показаться природным феноменом.

И, конечно, был прав. Конструкции мехов заплывали в разреженном эфире космоса на несколько световых лет от Центра. Никто не знал, что они делают в Центре, если исключить очевидное: здесь было изобилие энергии и мощных потоков элементарных частиц, столь необходимых для функционирования мехов. И дело было вовсе не в том, что они обладали повышенной выносливостью по отношению к здешнему жуткому «климату», но, видимо, *у* них была еще и какая-то грандиозная цель.

Артур щедро одаривал своего собеседника байками о том, как величественна была эра первого появления людей в галактическом Центре, что вызывало у Парижа постоянное раздражение.

И все же советы, извлеченные из Аспекта, были весьма полезны, особенно когда приходилось иметь дело с бродячими мехами, которые сейчас сильно осложнили жизнь Семблии.

Мехи прибывали на Изиду во все больших количествах и, не стесняясь, выражали в самой наглой форме свое презрение к беспородным людишкам. Высохшие трупы животных и людей — для мехов между ними разницы не было — свисали на резиновых подвесках с ног мехов, волочась и дрыгаясь в воздухе не только при ходьбе, но даже от ветра. Кое-кто считал, что это еще один способ терроризировать людей, но Париж полагал, что в мехах говорит своеобразное чувство юмора или нечто близкое к нему, хотя людям подобные выходки нисколько не казались смешными.

Итак, мехи явились: Долгоносы, Копейщики, Копальщики, Ползуны, Гремучки, Бабы-Яги, Глушилки, Метелки, Волокуши. Человечество платило жизнями за каждое название, за каждое слово, которое откладывалось в сенсорике и давало возможность пополнить каталог привычек и слабых мест мехов.

С тлеющего неба, никогда не знавшего, что такое настоящая ночь, так как десятки близ-

ких звезд почти касались друг друга своими пылающими коронами, создавая впечатление сплошной светящейся туманности и грозной беспредельности, с этого неба спускались корабли мехов, похожие на стаи саранчи.

Париж участвовал в этой жуткой, растянувшейся на целый год битве, в ходе которой были уничтожены почти все главные подразделения мехов на Изиде. В этот-то год у него и появилась на лице волчья улыбка, а сам он казался составленным из одних острых углов да туго натянутых железных нервов. Он прославил себя у статуи Уолмсли — так называлась гора с изваянной в ней скульптурой. Прямо у подножия этого мемориала в горе была выдолблена деревушка и несколько отдельных жилищ — такой огромной была гора. Именно там Париж предугадал будущий маневр мехов, предугадал еще до того, как они приступили к его осуществлению, и выиграл решающее сражение.

Нельзя сказать, что люди, служившие под его началом, считали его мягкосердечным. Его отчужденность стала к этому времени почти легендарной. «Крутой сукин сын, без ботиночного рожка даже не пукнет» — подслушал он в разговоре о себе и принял как комплимент.

Он пришел к выводу, что машина — это человек, но только вывернутый наизнанку. Она могла с высокой точностью описать все детали, но из потока данных у нее никак не складывалась сумма, она не могла извлечь опыт из бесконечной информационной реки. Важнейшая же тайна людей лежала в наличии у них фильтров, в способности игнорировать то, что они считали несущественным.

Париж не ощущал градусов по Кельвину, или литров в секунду, или килограммов. Зато он ощущал жару, холод, движение, тяжесть, знал любовь, ненависть, страх, голод. И все это не подлежало точному измерению. Лежало вне области, где царили цифры.

Победа людей над мехами на Изиде была делом временным. И это понимали все.

Поэтому Семблия, чья численность уже достигла нескольких миллионов человек как благодаря иммиграции, так и высоким темпам естественного прироста, решила отпраздновать долголетнюю историю своего существования, которой она очень гордилась. Возможно, это был последний шанс людей организовать подобное торжество.

Объединив усилия всего населения Изиды, они воскресили Старину Броза — личность

столь совершенную, что кое-кто рассматривал ее призрачное естество как доказательство существования жизни после смерти. Старина Броз посоветовал Семблии нанести мехам упреждающий удар в глубоком космосе, где те обитали. Только перенеся войну на их собственную территорию, человечество могло обеспечить свое выживание. Париж был полностью согласен с этим. «План должен основываться на неожиданности», — сказал Старина Броз и неизвестно чему рассмеялся. Париж взял на себя руководство. К этому времени у него было уже множество сторонников, юные женщины влюблялись в него, но он не позволял себе отвлекаться от главного. Что-то импонировало ему в создавшейся тяжелой ситуации. Он использовал преклонение Семблии перед Стариной Брозом, чтобы добиться своего, хотя сам абсолютно не верил теологической болтовне, на которой основывалось доверие Семблии к цифровым «воскресениям» и к гипотезе о возможности существования жизни после смерти в неком аналитическом раю.

Это обстоятельство поставило перед Парижем тот вопрос, который задавали себе многие: зачем нужна человечеству религия?

Он понимал, что дело тут не в том, как представ-

ляли себе мир другие члены Ноевой Семблии. Но какая-то часть его внутреннего «я» настаивала: «Докажи выгоду, и ты объяснишь поведение». Почему он автоматически мыслит в рамках этого правила, он и сам не знал, но он ощутил, как его внутренний теневой наблюдатель шевельнулся.

Для Семблии религия была чем-то вроде социального цемента. В своей крайней, экстремистской форме она могла подвигнуть верующих на участие в крестовых походах. А может, это основывалось на теории и практическом решении важнейшей проблемы всего человечества — смерти? Тогда сила теологии в людях, окружающих его, проистекает только из того, что они разделяют страшную и неотвратимую угрозу? Он представлял себе, как идея войны начнет распространяться все шире и шире, ибо и в себе самом он ощущал ту же жгучую необходимость разрядить напряженность, вызванную страхом близкой смерти.

А из внешнего мира религия не получала подпитки: Бог не отвечал на людские вопли. Чудеса редки и — увы! — невоспроизводимы. Так почему же религия не только сохраняется, но даже крепнет?

Его механистические объяснения, резкие и

исполненные иронии и скепсиса, какими они и должны быть у молодого человека, все же никак не могли вскрыть истинную сущность религии. Оставались важнейшие проблемы: происхождение Вселенной и законов природы. Наука еле-еле прикоснулась к ним, сведя все к одной большой загадке: почему существует нечто со своими законами, а не огромное Ничто? Существование хаоса столь же естественно, как и точная звенящая гармония, выявленная научными исследованиями. Если Разум, извлеченный человечеством из Материи, сделал возможным самопознание Вселенной, то есть помог ей выполнить ее домашнее задание, то Религия провозгласила эту цель, эту эволюцию. Но тогда почему нет религии у мехов?

Столь абстрактные способы исследования глубинных религиозных импульсов, свойственных человечеству, не смогли объяснить Парижу рвущую сердце нужду в вере. Что-то он упускал.

Это обстоятельство больше любых ритуалов и затеянных Семблией празднеств победы над мехами содействовало формированию у Парижа представления о непостижимости человеческой натуры.

В ЗАКРОМАХ

— Моя первая мысль была такова: я нахожусь здесь, и меня превратили во что-то вроде цветочного горшка.

— Я распался на мелкие, разбросанные повсюду кусочки, но при этом сохранил способность думать, хотя только вот такими обрывками фраз.

— И это была *боль,* но потом они уменьшили ее количество, и я мог выносить ее немного дольше, хотя рука все еще продолжала оставаться вывернутой.

— Оно написало мое имя на моем лице, и я подумал, что это нужно для моей идентификации, но потом я увидел свою голограмму, стоявшую рядом с моим именем, написанным на затылке, причем в очень неудобном положении, которого я, кстати, не ощущал, пока эта тварь, похожая на женщину, не начала карабкаться мне на шею.

— Околопочечный жир был неплох, но то, что меня стали топить в слизи, было хуже, и когда я закашлялся, она вылетела у меня изо рта, оставив ощущение, будто у меня внутри что-то гниет.

— После того как моя кожа покрылась волдырями, потемнела и покоричневела, и стала слезать как пленка, холод, запущенный мне под кожу

чуть ниже, потек по мне раскаленным маслом.

— Я кричал, но эта тварь с множеством ног не желала остановиться.

* * *

Он встретил Богомола во время патрулирования. Париж был один.

Это было нечто сверкающее, игра света на гранях скалистого выступа довольно далекого холма. Чтобы понять, что это такое, нужно было в первую очередь избавиться от этих слепящих вспышек света. Париж ощущал запах и вкус этой твари лучше, чем видел ее. Поскольку он выполнял простое задание по транспортировке грузов и имел в своем распоряжении только несколько самоходных тележек, вооружен Париж был плохо.

Он стоял, соблюдая полную неподвижность, и чувствовал, как тварь скользит в его направлении. Бегство было бессмысленно.

В легендах их клана сохранились упоминания об этом классе мехов. Они встречались очень редко, передвигались огромными прыжками, оставляя за собой развалины домов, изломанные жизни и трупы. О них ходили рассказы как о призрачных многоногих силуэтах, иногда возникавших на фоне туманного горизонта. Все,

что осталось в памяти Семей и Семблии, — это ощущение неодолимого и непонятного ужаса, обрывки воспоминаний и рассказов выживших, сохранившихся в Аспектах тысячелетней давности.

Нужен доступ. Слышу эхо сигналов некоего существа, которое я встречал в далеком прошлом. Ты узнаешь меня?

— Нет.

Хотя что-то зазвенело и шевельнулось где-то на задворках его мозга, но ужас тут же заморозил эти ощущения. Затем на помощь пришел опыт долгих тренировок, и Париж ощутил, что в его сердце разгорается ледяной огонь гнева. Он попытался оценить возможность нанесения этой твари серьезного повреждения. Она тут же отразила вопросы, заданные его сенсорикой, и адресовала ему несколько сильных разрядов и изображение толстых слоев льда.

Ты ведешь короткую, но насыщенную жизнь в этих диких краях. Твоя первичная форма создана из гораздо более древней логики, нежели я встречал до сих пор.

Париж увидел фрагмент многоногой твари, быстро передвигающейся у подножия далекого холма. Очень тщательно и осторожно определил

расстояние до нее.

Твой филюм[12] смеющихся и видящих сны позвоночных способен преподносить неожиданные сюрпризы. А ты — самый сложный образчик такой категории. Тебе удалось накопить множество подобных черт. Я с нетерпением жду, когда смогу скосить их и начать изучение.

— Получив от меня? Разумеется. А ты… не догадывался?

— Не догадывался о чем?

Богомол замешкался, что у создания, обладавшего такими огромными компьютерными возможностями, говорило о многом.

Понятно. Мы, которые вечно воссоздаем себя, хотя и в разных формах, не разделяем вашей заинтересованности в артефактах. Хотя они и кажутся вечными, но я, например, уже пережил несколько горных кряжей. Артефакты — недолговечные инструменты, которые быстро изнашиваются и превращаются в мусор.

— Вроде меня?

В каком-то смысле да, но по-своему. Итак, ты интуитивно понимаешь…

В медленно формулируемом вопросе Богомола

---

[12] Примечания: 12

Единица биологической классификации. — *Примеч. пер.*

Париж ощутил какой-то второй смысл… Но какая-то часть его насторожилась. Он отказался идти по навязываемому пути. Нет, так дело не пойдет.

Вместо этого он настроил свое единственное оружие на вектор последнего мысленного послания Богомола и дал очередь. Богомол вспыхнул и исчез.

Мы еще соединимся с тобой, о бренный сосуд!

Секунды бежали. Ни единой морщинки в сенсорике. И никакого наказания.

Отдача от залпа встряхнула его, что, в общем, было хорошо. Сердце бешено колотилось. Что-то в нем радовалось этому освобождающему поступку, в то время как другая часть примолкла и явно не знала, что ей делать. Париж чувствовал душевный подъем от сознания, что избежал постыдного поражения, которое его «мы» не смогло бы предотвратить. Но что хотел сказать ему Богомол своей последней фразой?

Не долго думая, Париж возобновил свое путешествие. Страх и гордость смешивались в нем, но вскоре он начисто ***позабыл о случившемся***.

На Изиду прибывали все новые Семьи и Семблии, что немало содействовало укреплению этого аванпоста. Но даже на фоне быстрых перемен в галактическом Центре были заметны

те изменения, которые произошли на Изиде за те три крошечных столетия, пока жизнь людей текла мирно.

Продолжительность жизни мехов исчислялась тысячелетиями, и соответственно они планировали свои действия. Наномехи все еще отравляли жизнь жителям Изиды. Построенные людьми Цитадели ветшали от сурового климата и колючей пыли песчаных штормов, которые несли на себе мириады нанопаразитов, рождавшихся прямо в струях нескончаемых ветров.

Против засоления атмосферы были созданы специальные защитные сооружения, размещенные в ближнем космосе. Мехи лишились возможности швырять в Изиду астероидами, ни один их корабль не мог прорваться через ее магнитосферу. Париж добровольно вызвался пройти обучение всем этим видам оборонительного искусства. Ему нравилось ощущать прилив счастья в невесомости, наблюдать игру мощных динамичных сил или наблюдать прекращение действия законов Ньютона в освобожденной от трения пустоте.

Изида манила к себе своеобразной красотой своих засушливых ландшафтов. На восходе солнца ее сухие долины еще тонули во мгле, но снежные

пики сверкающих гор, окутанных покровом облаков, уже горели, как угли, красно-оранжевыми переливами. Вершины гор рассекали облачную пелену, оставляя кильватерный след, как гордые корабли. Иногда там громоздились грозовые тучи. Освещаемые яркими вспышками молний, они напоминали бутоны распускающихся белых роз.

Не менее потрясающими выглядели с высоты и деяния человеческих рук. Сверкающие созвездия Цитаделей по ночам связывала светящаяся сеть шоссейных дорог. Сердце Парижа наполнялось гордостью за достижения разума человечества, может быть, и терпящего поражение, но все еще способного решать задачи дизайна целых планет. А сколько сделано тут только за первые сто лет его жизни! Париж лично участвовал в создании искусственных морей, озерных продолговатых бассейнов и гигантских квадратов возделанных полей — дивного порядка, отвоеванного с огромным трудом у сухих долин.

Позже Париж нашел себе женщину, которая любила его, несмотря на все его странности, несмотря на любовь к одиночеству и тишине. У них родились дети, которые не проявляли никакого интереса к искусству. А потом у детей

родились свои дети, и Париж ощутил в них свое продолжение. Однако иногда в нем шевелилось нечто, чему он не находил названия, ибо оно пряталось в миллиардах битов информации, которые текли мимо прекрасно освещенного театра сознания Парижа.

Он помог народившемуся и быстро растущему военному флоту Изиды обезопасить «червоточину» в своей Солнечной системе. Они обнаружили ее в черном молекулярном облаке, которое силами инерции прибило к звезде Изиды несколько столетий назад. Чтобы подтянуть его поближе к планете, потребовалось около двадцати лет жизни Парижа, но он ничуть об этом не жалел. Входное отверстие «червоточины» открывало новые возможности для людей. А до этого ими пользовались только мехи.

Его труды оказались как раз ко времени.

После многих десятилетий, отданных верному служению Семблии, после создания поразительного количества его странных кратковременных произведений искусства в небе планеты Парижа вновь загорелись огни колоссальных сооружений мехов, размерами превосходивших луны.

Прибыли огромные мехи, готовые уничтожить все семь планет этой Солнечной системы, мате-

риал которых понадобился им для строительства их непонятных сооружений. Одна из фракций Семблии ратовала за переговорный процесс, другие члены ее требовали поскорее завершить строительство кораблей, которые увезут их всех прочь, покуда мехи не добрались до Изиды и не начали ее разбирать прямо под ногами жителей.

Париж возражал. Он уговаривал Семблию нанести ответный удар. «Надо уничтожить нечто такое, что ценится мехами, — кричал он. — Только тогда они начнут нас уважать и согласятся выслушать!»

Но, говоря это, он чувствовал, что в нем зреет нечто совсем другое.

Та тень, которая сидела в нем, стараясь укрыться от взгляда его внутреннего «я», вдруг ожила и начала двигаться, медленно, но очень целеустремленно. В его мозгу вдруг стали появляться координаты и схемы путей, необходимых для того, чтобы отряд безумно смелых пилотов добрался бы до колоссального, непрерывно растущего диска в Истинном Центре галактики. Вскоре ручеек данных превратился в мощный бурный поток, начинавшийся из источника, который не поддавался определению. Может, это был глубоко законспирированный Аспект? Но нет,

другая часть его сознания отвергла такое предположение.

Париж печально улыбнулся, желая ослабить напряжение, которым сопровождались подобные размышления, и вдруг на какое-то мимолетное мгновение увидел себя в бесконечном, телескопически суживающемся туннеле, увидел себя как члена филюма этих гогочущих и видящих сны позвоночных.

В ЗАКРОМАХ

— Тварь с множеством ног сказала мне, что я теперь — памятник моему народу.

— А еще там была группа из пяти маленьких и одного большого, но с удивительно смешными ногами, и они все стали вскрывать меня, чтобы поглядеть, что там внутри.

— Моя мать тоже была там, из нее росли части каких-то животных, но когда я попробовал добраться до нее, они и меня сделали таким же.

Меня продолжали держать в боевом скафандре, заставив принять позу, будто я прилег отдохнуть, но там были еще эти безногие личинки, которые все вылезали из нарывов на моей коже и ползали по всему телу.

— Они сказали, что я не почувствую того, что

войдет в меня через мои глаза, но солгали.

— Я думал, что они забыли про меня и позволят мне лежать на полу, пока они будут работать над другими, а меня решат использовать на запчасти.

— Я мог видеть вполне прилично, но когда посмотрел вниз, то своего тела не обнаружил. Только голова, надетая на пику, которую они таскают с собой, как я считаю, для того, чтобы в бою пугать членов моей Семблии, потому что я буду умолять и вопить от боли все время. Хотя у меня и нет легких.

Галактический Центр был коллекцией всякого космического мусора, вихрем крутившегося на дне этого гигантской гравитационной мульды. Ее завывающие мятущиеся внешние окраины надежно охранялись кораблями мехов.

Но черви сделали ее проходимой. Самая первая человеческая экспедиция через входное отверстие «червоточины» оказалась вполне успешной. Выход же из «червоточины» находился значительно ближе к Истинному Центру. Сам Париж пролетел по ней и несколько раз влетал и вылетал из «червоточины», точно мышь, которая боязливо выбегает из норки, чтобы тут же спрятаться обратно. Да они и в самом деле были

мышами — паразитами, прячущимися в стенах.

Корабли людей пролетели сквозь «червоточину», а затем встретились на конвергентных асимптотах. Париж потребовал для себя руководящую роль в экспедиции и получил ее. К этому времени он был уже опытным пилотом, способным войти на колоссальной скорости в «червоточину» под нужным углом, а потом ловко пролететь по ней, проделывая весьма сложные маневры.

«Червоточины» — окаменелые следы первой расщепившейся секунды существования Вселенной. Они удерживаются в открытом состоянии слоями отрицательной энергии, чередующимися с прослойками антидавления, рожденными в родовых конвульсиях, что создало слоистую структуру, напоминающую по строению луковицу. Этот ценный вид природных ресурсов был собран — кем? — и перенесен сюда миллиарды лет назад, чтобы служить в качестве транспортных артерий.

Квантовая пена шипит и пенится у входов в «червоточины», взметая фонтаны раскаленных красок. Эти «столбы» имеют колоссальную плотность, но главная опасность поджидает пилотов на самой кромке, где перепады давления бук-

вально рвут материю, превращая ее в смертельно опасную плазму. Удар о стены этого постоянно меняющего местоположение продолговатого входа фатален, что на своем печальном опыте доказали многие погибшие пилоты.

Само устье «червоточины» представляет собой эллипсоид, обрамленный квантовым пламенем. Париж вел узкий, похожий на карандаш корабль со сравнительно слабой термоизоляцией и низким уровнем амортизационной безопасности. Несмотря на это, он не испытывал чувства страха, а лишь угрюмую уверенность в будущем. Под перепадами давления, что походили на чередование приливов и отливов, его корабль трещал, молнии извивались, как золотые и фиолетовые змеи… а он вылетал из другого конца «червоточины», но уже в сотне световых лет от входа в нее.

Голубовато-зеленая звезда величественно приветствовала появление человеческой флотилии, играя своей пышной короной. Неподалеку крутился на орбите сложный комплекс мехов, его охранял их военный корабль. Совершив мгновенный разворот, верткие маленькие корабли людей вытянулись в кильватерную колонну и рванулись к устью другой «червоточины». Пятьдесят мужчин и восемьдесят шесть женщин погибли,

картируя путь, которым надлежало следовать будущим пилотам, добывая коды, позволившие нынешней экспедиции проникать сквозь сторожевые комплексы мехов., Правда, маскировка, к которой они прибегали, могла выдержать лишь очень поверхностную инспекцию. Малейшая задержка — и мгновенная гибель.

Второй транзит состоялся через очень крупную «червоточину», которая вывела их на очень низкую орбиту вблизи раскаленного красного карлика. Коды, полученные с таким трудом, могли сработать еще несколько раз, пока комплексы мехов не спохватятся. А пока кораблям приходилось нырять в первое попавшееся устье «червоточины», которое окажется поблизости.

«Червоточины» были похожи на улицы с односторонним движением. Корабли с большими перегрузками врывались в устье, а затем путешествовали сквозь горловину, которая могла быть короткой, как палец, или длинной, как диаметр планеты. Сам гиперпространственный прыжок мог доставить вас к совершенно бесполезной Солнечной системе или в такое поганое местечко, где человека сразу поджарило бы, как на сковородке.

В незапамятные времена, вероятно, пользуясь

силами притяжения между звездами, кто-то — весьма возможно, эти были те, кто сотворил первых мехов, — создал сложнейшую систему галактического Центра. Меньшие устья, масса которых могла равняться массе горной цепи, позволяли проход только очень узким кораблям. Именно такие использовались Парижем и остальными восемнадцатью волонтерами, когда они выскочили у самого комплекса мехов. Медлить было нельзя: каждый важный пункт в этой транспортной сети хорошо охранялся, так что быстрота была единственным оружием людей.

Вылетаешь из устья одной «червоточины», нацеливаешься на маленькое устье другой… и пошел! Извилистые, как змеи, блестящие стены дыры с гулом пролетают мимо, а Париж смотрит на дисплей, стараясь не думать о том, что ждет его впереди.

Сходящиеся на конус, отсвечивающие серым, стены горловины содрогаются. Каждая пасть «червоточины» информирует другие о том, что она только что «проглотила», и эта информация пробегает в виде судороги по напряженным стенам «червоточины». Волны Накатывающихся стрессов заставляют горловину осциллировать, она сжимается, превращаясь на время в нечто

похожее на перемычку в связке сосисок. Если корабль Парижа попадет в такую перемычку и она быстро сожмет его, то из выходного отверстия он выйдет в виде султана розоватого ионизированного газа.

Проделав множество чрезвычайно сложных расчетов, касающихся «червоточин», математики разработали теоретическую схему наиболее подходящих маршрутов для кораблей Парижа. Между Изидой и космосом вблизи Истинного Центра лежало около дюжины гиперпространственных прыжков. Плохо было то, что у некоторых «червоточин» было по нескольку устьев, так что узкая горловина бросала кораблям вызов — выбор следовало сделать, не снижая скоростей.

Когда корабли вынырнули из очередной дыры, в необозримой мгле плавали звезды и планеты потрясающей светящейся красоты. За сверкающей туманностью ощущалось присутствие радианта Истинного Центра. Удивительный контраст — пролететь расстояния, которые невозможно себе представить, и при этом пролететь их в консервной банке размером чуть побольше ящика.

Раз-раз, и они снова прыгнули, скрылись из виду и прыгнули опять.

В этих местах было не до вежливости. Когда к ним приблизился сторожевой корабль мехов, желавший произвести рутинную проверку, они его тут же уничтожили снарядами, управляемыми кинетической энергией. Мехи никогда не пользовались такими грубыми методами, так что за собой люди оставили здесь ясные следы, говорившие, что «паразиты» прошли этой дорогой.

Они снова вынырнули и оказались в ярком свете белых карликов, собранных в правильный шестиугольник. Париж подумал, зачем мехам понадобилось создавать такое созвездие, ведь по правилам звездной механики оно не могло существовать долго. Впрочем, как и в случае многих других привычек и особенностей поведения мехов, найти объяснение было невозможно. Даже обширные запасы воспоминаний Артура не содержали в себе ничего подобного.

Впереди простирался галактический диск во всем своем ослепительном великолепии. Полосы спекшейся пыли окаймляли звезды лазурными, малиновыми и изумрудными ореолами. Этот перекресток «червоточин» давал выбор между пятью возможными ходами: тремя черными сферами, носившимися на орбите подобно смертельно опасным пантерам, и двумя кубами, ярко

сиявшими белым светом и квантовой радиацией, окаймлявшей устье.

Похожие на тонкие карандаши корабли людей рванулись к плоской морде белого «червя». Столбы, созданные переплетением антиэнергии и плотности, поддерживающие устье в открытом состоянии, находились на самом краю, так что приливоотливные волны напряжений отсутствовали. Один миг, внезапное ощущение тошноты, и вот они уже рядом с Истинным Центром.

Внутренний диск пылал ядовито-малиновым и злобно-багровым огнем. Гигантские воронки магнитного поля засасывали и втягивали в себя облака межзвездной пыли. Зловещие циклоны, суживаясь, уходили вниз к огромному, вечно расширяющемуся диску.

Повсюду виднелись висящие на орбитах циклопические сооружения мехов, весь звездный купол буквально кишел следами их активности. Колоссальные раскаленные решетки и рефлекторы перехватывали радиацию, возникавшую от трения частиц и магнитных излучений диска. Урожай первичной энергии протонов вливался в голодные пасти «червоточин» и, по-видимому, перебрасывался к далеким мирам, нуждающимся в острых копьях света. Зачем? Для переделки

планет мехами? Для разрушения миров? Для сотворения новых лун?

Корабли стремительно развернулись в сторону еще одного широко разинутого рта «червя»... Открывшийся перед Парижем вид чуть не лишил его способности дышать.

Магнитные потоки вздымались, как башни, они были так огромны, что их невозможно было охватить взглядом. Внутри их возникали светящиеся коридоры, в которых сверкали разряды бешеных энергий. Аркады, сотканные из «нитей» магнитных линий, перебрасывались через пространства в десятки световых лет, их гигантские кривые спускались к раскаленному добела Истинному Центру. А там материя кипела, пенилась и вдруг начинала бить дразнящими фонтанами.

В Истинном Центре уже погибли три миллиона солнц, пытаясь насытить голодное брюхо гравитации. Арки были явно рукотворные, предназначенные для сбора радиационной энергии в радиусе световых лет. Они сами поддерживали свое существование на протяжении сотен световых лет, тонкие и нежные, словно девичьи волосы, вздымающиеся от дуновения слабого ветерка.

Неужели в этих условиях может существовать разум? Ведь ходили какие-то слухи, ничем не подтвержденные. Насчет изумрудной пряжи, которую прядут на рубиновых веретенах. Париж был поражен зрелищем пластов, которые, образуя лабиринты, спускались вниз, исчезая из глаз и оставаясь недоступными для понимания смертных.

Резкое увеличение скорости вжало его в спинку гидравлического кресла. Откуда-то из-за спины ударил жестокий ослепляющий свет.

Они взорвали «червя»! — раздался крик коммуникатора.

Он круто тормознул и взял влево — прямо в облако пыли и обломков. Видимо, мехи отлично знали, как следует обращаться с подпорками из антиэнергии и плотности, находившимися в устье «червоточины», и запустили этот процесс, чтобы поймать «паразитов». Теперь люди потеряли возможность отхода назад.

Корабли метнулись к огромному черному пятну, которое манило их обещанием хоть и плохонького, но все же убежища. Теперь они были совсем рядом с краем расширяющегося диска Черной дыры. Вокруг них кипела смерть звезд, оркестрованная струнами магнитных перепадов.

Что в свою очередь, как считал Париж, происходит по команде кого-то, с кем он ни в коем случае не желал встретиться. Интересно, это все еще область господства мехов или он вторгся туда, где и мехи считаются паразитами?

Здесь звездам вспарывали чрева процессами столь сложными, что Париж был бессилен что-либо понять. Их измельчали, плавили и превращали в шипящие комки. Они вспыхивали в мрачных, вращающихся на орбитах массах обломков и пыли, светясь как кроваво-красные спичечные головки в глубине грязного угольного подвала.

И среди всего этого плавали самые удивительные, никогда не виданные Парижем звезды. Каждая из них была полузакрыта висящей перед ней полукруглой маской. Маска образовывалась за счет поглощения Инфракрасных излучений, причем экран возникал на строго фиксированном расстоянии от звезды. Экраны парили в космосе, сила тяжести уравновешивалась силой наружного давления самого света. Половину светового излучения звезды маска возвращала ей обратно, так сказать, отдавая жар жаровне и посылая ослепительные дуги смертельных излучений прямо в корону звезды.

Свет свободно лился с одной половины звезды, тогда как на другой половине маска как бы закупоривала светоиспускание. В результате звезду толкало в сторону маски, но так как последняя всегда держалась силой притяжения на фиксированном расстоянии от звезды, несчастная, посылая солнечные лучи только в одном направлении, была обречена постоянно откатываться все дальше и дальше.

Магнитные «нити» гнали целые стада таких звезд — медленно, но неодолимо. Гнали к диску, рассчитывая насытить аппетит неутолимой Черной дыры.

Париж и его спутники зависли в узком проливе, откуда открывался отличный вид вниз на все это великолепие. Темнота доминировала в ядре, но сила трения нагревала падающие к нему газы и пыль. Штормы накатывались на берега диска, добела раскаленные торнадо закручивали бешеные воронки. Ядовитый светящийся жар рвался наружу, иногда высвечивая колоссальные темные массы, блуждающие на своих обреченных орбитах. Гравитационные силы гнали эти потоки к диску, заставляя их исчезать где-то внутри.

Но и среди этого бешеного смертельного потока торжествовала жизнь. Если ее можно было так

назвать.

Париж всматривался в лежавшую перед ним феерическую картину, отыскивая тех полумашин-полузверей, которые здесь кормились, жили и здесь же умирали. О них говорилось в записях тысячелетней давности. Вот оно!

Терпеливо снося давление горячих фотонов, паслось огромное жвачное. Для этих фотоядных диск Черной дыры был источником пищи. Прямо над этим раскаленным диском в густой массе вечно парящих облаков и кормились призрачные стада.

Вектор вон туда! — пришла команда. Это было направление, ведущее их к цели, но мехи уже двигались к похожим на веретена кораблям людей.

Полотнища фотоядных колыхались в электромагнитных ветрах, роскошествуя в этой пропитанной смертью среде. Некоторые из них, видимо, предпочитали определенные диапазоны электромагнитного спектра, причем каждый вид отличался ему одному свойственным блеском и формой. Они разворачивали большие рецепторные плоскости, чтобы удерживать нужную орбиту и угол перемещения в этом вечном безбрежном дне.

Корабли людей скользили между огромными крыльями блестящих полотнищ фотоядов. Стада последних «катались» на электромагнитных ветрах и течениях, образуя очень сложные динамичные системы. Конечно, это были машины, возможно, происходившие от кораблей-роботов, исследовавших Центр миллиарды лет назад. Более же сложные машины, развившиеся в этой изобилующей пищей среде, вероятно, рыскали на темных путях, лежавших дальше от Центра.

Снаряд разорвал пылевой покров и ударил в один из кораблей. Другой пронзил нескольких фотоядов, и они погибли во вспышках пламени.

Корабли нырнули в тень и стали ждать. Бежало время.

Нечто невиданных очертаний отделилось от грани густого пылевого облака. По-своему оно обладало гротескной элегантностью, но такую форму не могло бы породить никакое человеческое воображение. Яркое, функционально светящееся, оно ленивыми спиралями спускалось по гравитационным градиентам. Под полотнищами фотоядов Париж различал вращающееся сияние. Должно быть, «нити» магнитных потоков, подумал он. Его мысли нарушил Аспект Артура.

Я бывал тут, уже в своем аспектном виде, в те

далекие и славные дни, когда нам разрешалось проникать сюда. Я советую тебе спрятаться, ибо приближающийся к вам сторожевой корабль мехов настолько смертельно опасен, что даже я не могу точно оценить степень этой опасности.

— Неужели у тебя такая крепкая память?

Это было всего лишь 2437 лет назад. Конечно, когда меня копировали, то были допущены некоторые ошибки, это верно, но чувство страха — самый надежный стабилизатор памяти. А я был жутко перепуган, когда моя носительница отправилась в полет в эти края. Она принадлежала к числу трех, которые выжили, а ведь в начале их было больше тысячи.

— Я не знал…

Интуиция явно подвела его. Другие узкие корабли людей с гулом пронеслись мимо, посылая панические сигналы, которые он с трудом разбирал. Тот эффектный корабль мехов продолжал спускаться к ним. Он был, правда, еще во многих сотнях километров, но неуклонно приближался и по масштабам космических сражений уже находился в опасной близости.

Здесь нас наверняка ждет смерть. Когда чувствуешь, что проигрываешь, меняй правила игры.

Париж кивнул и послал закодированный сигнал остальным. На максимальной скорости он поднырнул под сияющие полотнища фотоядов, огромные крылья которых грациозно изгибались под воздействием фотонового бриза. Штормов эти стада боялись. Раскаленные добела смерчи крутились и отрывались от диска. Когда на нем расцветали огненные бутоны, среди мирно кормящихся стад поднимался протестующий ропот. В случае опасной погоды между слоями стад пролетали некие телеметрические устройства, которые, должно быть, помогали удержать ситуацию под контролем. Они перекликались друг с другом в этом вечном свирепом жару с помощью световых сигналов.

Париж видел, как погибло одно стадо. Огромные светящиеся полотнища были сорваны с места. Многих швырнуло в рваные массы молекулярных облаков, которым вскоре предстояло закипеть и испариться. Другие, беспомощно крутясь, падали вниз. Еще задолго до того, как они достигали сверкающего диска, жуткий жар растворял их ткани. Они вспыхивали — последний энергетический всплеск.

Сейчас, находясь в пузыре сенсорики своего корабля, Париж ощущал на себе чье-то присталь-

ное внимание. Чьи-то линзы следовали за ним: добыча?

Толпилась стая фотоядных, привлеченная магнитными потоками, идущими вдоль оси галактики. Среди них скользили голубовато-стальные гаммаяды, питающиеся жестким гамма-излучением, исходящим от расширяющегося диска. Артур заметил:

Эти иногда поднимаются над диском очень высоко, насколько я помню, чтобы охотиться на кремниевых тварей, обитающих в темных пылевых облаках. Большая часть здешних экологических особенностей была в мое время практически неизвестна, и людям запрещалось проникать в такие области до того, как они будут как следует исследованы. Мы искали Ведж — место, где нашли убежище самые ранние переселенцы с Земли, среди которых был и легендарный Уолмсли. Мы хотели отыскать Галактическую Библиотеку, о которой много говорилось. Это сокровище могло бы…

— Ладно, ближе к делу.

Он остановил ленивые воспоминания Артура, заблокировав их. Время уходить. Но куда? В магнитную трубу? И какие меры предосторожности могут быть приняты?

Вместе с другими кораблями корабль Парижа свернул в сторону нитевидных образований. Однако это одновременно чуть не привело их к столкновению с огромным металлоядным чудищем, оснащенным парусовидным плавником. Оно увидело их и рванулось в погоню.

Условия навигации здесь были проще. Далеко под ними, суживаясь до величины устья глубочайшего провала, находилась ось Пожирателя Всего Сущего — Черная дыра, уже поглотившая три миллиона звездных масс: булавочный укол в центре черного пятна на вращающемся, раскаленном добела диске.

Металлояд спускался следом за ними, ломая тонкие плоскости потребителей желто-золотистого света. Корабли людей рассеялись, без всякого успеха обстреливая чудище. Его преимуществом была прочность, их — быстрота.

— Но как, черт побери, нам справиться с этой штуковиной?

Металлояды питаются гораздо менее совершенными фотоядами. Их древние программы, улучшенные в процессе естественного отбора, заставляют их продолжать охоту на слабейших. Тех, которые оказались на малопродуктивных орбитах, ловить легче. Кроме того, они предпо-

читают вкус тех, чьи рецепторные плоскости потускнели от сочных рассеянных элементов, извергнутых раскаленным диском — там внизу. Металлояды угадывают жертвы по крапчатой и тусклой окраске. Каждое мгновение миллионы таких незначительных смертей формируют мехосферу…

— Но нам необходимо как-то избавиться от него! *Я подумаю. А пока — ноги в руки, и пошел!*

Париж бросал свой корабль то вправо, то влево, используя весь свой опыт, чтобы взять верх над врагом. Другие оказались менее счастливы — он услышал крики трех погибших пилотов где-то в непосредственной близости.

Эти милые проводнички живут, чтобы поглощать свет, и испускают микроволны, но некоторые из них, вот как тот, что гоняется сейчас за маленькими кораблями людей, развили у себя вкус к металлам. Металлояды. Они даже сложили свои зеркальные крылья, стали грубее по форме и быстрее, научились резко менять ускорение.

Высший филюм заметил тебя.

— Да, и приближается с огромной быстротой.

Растения используют лишь, один процент энергии, падающей на них. Фотояды потребляют

десять процентов, но эволюция мехов улучшила этот показатель. Замечательно. В некотором смысле, я думаю.

— А ну-ка, вырази это покороче и не голосом. — Аспект всегда и с большим удовольствием расширял разговорные рамки.

Артур выдал целую очередь сжато сформулированных древних знаний. В процессе атомного распада, сказал он, внутри фотоядов происходит переваривание остатков других машин. Будучи точно настроен, их пищеварительный аппарат способен выдавать наружу слитки химически чистых сплавов.

Важнейшими ресурсами здесь являются свет и масса. Фотояды поглощают свет, а хищные металлояды поглощают их самих, но с еще большим удовольствием — человеческие корабли, хотя для них это экзотический вариант. Вот и сейчас один такой издает гигагерцы радостных воплей, нырнув за нами в магнитные поля «нитей».

— А что, эти магнитные сущности обладают сознанием? *Да, хотя и не в том смысле, который вкладывают в эти слова кратко живущие люди. Их можно сравнить с богатыми, но не используемыми библиотеками. У меня возникла идея. Их мыслительные процессы могут быть подвергну-*

ты воздействию.

— Каким образом?

Их мыслительный процесс запускается с помощью электродинамических потенциалов. Мы их раздражаем, я почти уверен в этом.

Париж видел, как стремительно нагоняет их металлояд. А следом столь же неотвратимо приближается спиралевидный сторожевой корабль мехов.

Оставшиеся корабли людей выполнили сложный маневр, включавший серию разворотов и пикирование, причем все это в условиях усиливающейся радиационной активности, исходящей от раскаленного диска. А вокруг подобно пылающей слоновой кости светились магнитные «нити».

Разумеется, любитель металлов с легкостью проглотил бы корабли Парижа, но его легкие крылья, распустившиеся для виража, затрудняли ему возможность маневрирования, ставя в невыгодное положение в сравнении с верткими кораблями людей. Они проворно проскочили между «нитями» магнитных внутренностей. За ними следовал корабль мехов.

— Как долго будут раскачиваться эти магнитные существа, прежде чем начнут реагировать?

Если опыт хоть чему-нибудь учит, то скоро. Я советую пропустить металлояда вперед. И немедленно!

— Гляди, как бы он не исхитрился схватить нас!

Артур ответил множеством быстро повторенных «да». Его страх перед тем, что происходило с ними, постепенно передавался Парижу. Хорошие имитации, подумал он, видимо, обладают способностью бояться за свое существование.

Серо-стальная туша, металлояда уже висела над ними. У хищников всегда есть паразиты, лизоблюды, питающиеся падалью. Так и здесь. На полированной «коже» металлояда виднелись твари, похожие на устриц и морских уточек, а также просто бесформенные наросты оранжево-коричневого и грязно-желтого цвета, которые питались случайными крошками или очищали металлояда от вредных для него элементов — обломков и пыли, каковые могли бы повредить даже самым мощным механизмам, если хватит времени.

Металлояд заложил крутой вираж, надеясь схватить корабли, идущие вдоль магнитных «нитей», но вязкое давление силовых полей сдержало его инерцию.

Париж подпустил его совсем близко, пытаясь оценить характер па, исполняемых существами, населяющими этот колоссальный танцевальный зал. В танце, определяемом давлением фотонов, свет играл роль жидкости, он поднимался снизу вверх, от обжигающих штормов, бушующих там — внизу в колоссальном, перемалывающем материю диске. Этот богатый помол поддерживал существование жизни в сферическом объеме пространства, равном многим сотням кубических световых лет. Колоссальное неиссякаемое кормовое угодье.

Появились электродинамические помехи. Их гул затруднял связь с другими кораблями, выглядевшими почти неразличимыми пылинками. Огромная масса металлояда громоздилась где-то совсем рядом. От нее тянулись вперед гибкие клешни.

Оглушительный разряд. Медленная молния по дуге пробежала вдоль переплетения «нитей». Лимонно-желтая лента аннигиляции ушла куда-то вниз.

— Нас тут поджарят! — крикнул Париж. Однако Артур, который частично обрел спокойствие, возразил:

Мы тут мелочь, есть ставки и покрупнее.

Этот трескучий огонь перехватят более крупные проводники.

Еще один раскатистый удар. Металлояд изогнулся, скорчился и погиб в танцующем бледном пламени.

Магнитным «нитям» требовалось немало времени для принятия решения, но сами решения были куда как основательны. Индукция — штука вязкая, но от нее никуда не уйдешь. Только теперь Париж понял замысел Артура.

Как только разряд уничтожил металлояда, потенциалы стали отыскивать другую проводящую поверхность, обладавшую наибольшей латентной разницей. Законы электродинамики нащупали самый большой из имевшихся проводников и замкнулись на сторожевом корабле мехов.

Получив разряд, сторожевик вспыхнул. Рубиново-красные и сине-зеленые факелы затанцевали во тьме.

Радостные возгласы донеслись со всех оставшихся кораблей. Дивное создание медленно падало вниз. Большие поверхности металлояда и сторожевика мехов перехватили электрический ток, генерируемый магнитными «нитями».

— Я… Ты и в самом деле понимал то, о чем го-

ворил? — устало спросил Париж.

Не совсем. Я действовал согласно знаниям, сохранившимся в архивах моей памяти, но теория далеко не всегда приводит к верному решению. Хотя, возможно, тут сработала и моя интуиция, если допустить, что она…

В словах Аспекта Париж ощутил слабый привкус гордости. Корабли людей снова набирали скорость, торопясь уйти из сферы действия призрачных «нитей». Запас разрядов огромного вольтажа мог оказаться неограниченным.

Неподалеку от края сверкающего диска, никак не реагируя на царящие здесь штормы и смерчи, вращалось странное, Покрытое пятнами серое цилиндрическое тело.

Вот оно! Цилиндр явно был делом рук мехов.

— Дворец Человека, — произнес Париж, сам не зная почему.

В ЗАКРОМАХ

— Мне приснился этот страшный сон, и я проснулся. Оказалось, что это была реальность.

— Должно быть, нас в этом темном, ровном помещении, почему-то закруглявшемся где-то наверху, были многие тысячи. Я мог смотреть вверх моим единственным глазом и видел, что и

потолок заполнен нами, рассаженными в специально подготовленные места.

— Я весь покрыт сетью вен — длинных, толстых и синих. Но есть мне все равно хочется.

— Моя мать тоже здесь, всего лишь в нескольких метрах от меня, но я узнал ее только по рыданиям, которые очень похожи на ее плач, а больше ничем эта тварь на мать не похожа.

— Мне удалось высвободить руку и выдавить себе один глаз, так что я не должен был больше видеть ее, но они починили мне глаза и сказали, что все это — часть моей экспрессии и теперь я должен смотреть все время, ибо они отрезали мне веки и к тому же перестали выключать свет.

— Мне не жарко, но все равно это Ад, и мы шепчемся друг с другом об этом, а также о том, что он будет существовать вечно и во веки веков, да святится имя Твое, аминь.

Это была обитель, выдержанная в тонах белого мела, и красной крови, обитель ромбовидных глаз и хриплых песен.

Париж и одиннадцать пилотов, оставшихся в живых, нашли шлюз, взломали его и вошли в громадное помещение внутри вращающегося цилиндра. Париж шел мимо предметов, на которые нельзя было смотреть долго, и не мог понять

смысла увиденного.

Струи непонятных запахов, бормотание голосов, слова, похожие на щебет сошедших с ума птиц.

Некоторые из предметов уже даже не напоминали людей, они скорее походили на согнутые трубы, изготовленные из отливающей воском плоти. Другие походили на движущиеся комки маслянистой желчи. Какой-то мужчина стоял на одной руке, его живот напоминал мехи аккордеона, а когда он двигался, то по всему телу у него образовывались овальные щели, из которых наружу выплывал желтый туман, а изо рта выходили разделенные долгими паузами тоскливые слова: «Я… есть… священный… замысел…» Потом следовал полузадушенный вздох и: «Помогите… мне… станьте… такими же… как… я…»

Откуда-то несло вонью, как из отхожего места. Прямо в глаза Парижа уставилась женщина. Она молчала, но по ее коже с тихим журчанием стекали струйки мочи. Рядом с ней стояла маленькая девочка, изображающая концертный рояль, веревочные розовые струны которого яростно краснели, когда начинали говорить разом.

Двенадцать пилотов были ошеломлены и не находили слов. Кое-кто из них обнаружил дефор-

мированные почти до полной неузнаваемости варианты людей, с которыми они были когда-то знакомы. Встречались и люди из далекой древности и из мест, которые никому не были известны.

Париж обнаружил проход, уставленный содрогающимися парами, занимавшимися сексуальными актами с помощью органов, которые природа вовсе не предусмотрела для подобной цели — вроде патрубков со скользящими в них вкладышами. Были там и существа, которые щупали и гладили самих себя во все возрастающем темпе, пока не впадали в полное безумие, визжали и орали вновь прорезавшимися ртами, затем утихали, но лишь затем, чтобы возобновить все те же действия во все убыстряющемся ритме.

Одного из жителей Изиды вырвало.

— Мы обязаны спасти их, — сказал он Парижу, когда тот подошел помочь ему.

— Да, сэр, — согласилась женщина-пилот. Выжившие люди жались друг к другу, подталкиваемые неизбывным ужасом.

Уродливая скульптура, изображавшая кишечник, из которого росли зеленые листья, с трудом выдавила из себя слова: «Нет… я… не… хочу…»

Париж чувствовал, что страхи и тревоги по-

следних часов уходят прочь и их сменяет какое-то непреклонное чувство, которое он никак не может облечь в слова и выдавить их из глотки. Он покачал головой. Женщина начала было спорить, говоря, что им следует отобрать те статуи, которые были изуродованы меньше и позже других, и постараться устранить сделанные в них изменения.

Наконец-то он нашел нужные слова:

— Они хотят уйти. Послушайте их.

Из длинного прохода, казалось, уходившего в бесконечность, слышались бормотание, стоны, корпускулярная симфония страданий и поражений, которая своими ритмами и невнятными каденциями невольно вызывала видение длинного черного туннеля, полного руин и бедствий, которые стали уделом человечества здесь, в Центре галактики, многие тысячелетия назад.

Париж молчал. Вслушивался. В мозгу со скрипом шевелились извилины… Им было неподъемно тяжело. Но они постигали.

Скульптуры Богомола отражали совершенно искаженное представление о человеке. Богомол стремился выразить суть каких-то отдельных мгновений, воспоминания о которых мелькнули в ограбленных им умах гибнущих людей, но то,

что он получал, не было и не могло быть точной копией их сущности. Эта сущность лежала в том, что было-извлечено ими из потока, мчавшегося со скоростью миллиарды битов информации в секунду. А в судорожное мгновение, в длящуюся долю секунды боль смерти, люди кромсали свою Вселенную электрохимическими клинками, отсекая от себя только крошечную частичку своего «я».

Смерть была для людей как бы матерью, дарящей им красоту. Да и боги их разве не были в конечном счете отражением той неуверенности, с которой смертные шагали по жизни?

Для Парижа формула $e^{i\pi} + 1 = 0$ еще в детстве звучала как бессмертная музыкальная фраза разума, связывающая между собой несколько постоянных величин в единое целое с помощью математического анализа: *0, 1, e, π, /…* Для Парижа простая линия этого уравнения была прекрасна.

А для цифрового сознания восприятие данного уравнения было бы совершенно иным, оно не воспринималось бы ими как грандиозный открытый и живописный ландшафт. Не лучше, не хуже, а просто иначе.

Но передать эту мысль Богомолу он никогда не сумеет.

Так же, как не сумеет выразить ярость, таящуюся в его крови, свою ненависть к той тени, которая каким-то образом проникла в его сознание и так портила ему жизнь.

В каком-то смысле, однако, эта ярость была куда мудрее простого гнева. Париж сам удивлялся себе: дышал медленно, спокойно и не ощущал ничего, кроме гранитной уверенности в своей правоте.

И Париж принялся спокойно и размеренно убивать скульптуры. Его спутники стояли, потеряв дар речи от изумления, и во все глаза смотрели на то, что он делал. Их реакция его не интересовала. Он двигался быстро, уничтожая статуи выстрелами, и эта работа поглощала его внимание целиком, без остатка.

Он даже не слышал тихого плача.

Время шло, но Париж не замечал того, что оно уходит, он просто вдруг обнаружил, что его спутники без всякого предварительного обсуждения принялись делать то же, что делал он. Да и вообще никто не проронил ни слова.

Теперь вопли скульптур звучали совсем иначе — это были свежие радостные голоса, голоса людей, понявших, что их ожидает.

На завершение этой работы потребовалось

немало времени.

Богомол ожидал их снаружи цилиндра, как это в глубине души и предчувствовал Париж.

Я не мог предугадать того, как поступишь ты и твои товарищи.

— Вот и ладно. — Узкий, похожий на карандаш корабль Парижа уже успел покинуть Длинный серый цилиндр, превратившийся теперь в памятник безумию.

Я разрешил вам сделать это, так как те работы были уже закончены. А ты — работа, которой я занимаюсь сейчас, и я надеюсь — самая лучшая.

— У меня всегда была слабость к комплиментам. — Париж чувствовал, как меняется состав его крови, как понижается в ней содержание кислорода и глюкозы, уходящих из тела для питания уже изменившегося мозга. Там — внизу — светился огромный диск, пылающее колесо, вращающееся на радость аудитории из множества тесно сгрудившихся звезд.

Юмор — это еще одна черта человеческого характера, который мне удалось освоить.

— Вот это новость! — Париж направил свой корабль вниз, могучее ускорение вжало его в спинку пилотского кресла. — Как это по-человечески! Ведь у нас каждый считает, что у него

прекрасное чувство юмора.

Я ожидаю, что узнаю от тебя еще много нового.

— Сейчас?

Ты созрел. Твои свежие, чисто человеческие реакции на мое искусство будут для меня бесценны.

— Если ты позволишь мне жить, тебе придется подождать еще парочку столетий, за время которых ты сможешь поднакопить еще больше опыта, прежде чем я умру.

Это правда. Тем более что пока ты одарил меня многим. Я понял, что существуют причины, позволяющие завидовать человеческой ограниченности.

— Но теперь, когда я познакомился с твоим искусством, в моей жизни произойдут большие перемены.

Правда? Неужели оно так сильно действует даже на тебя, на представителя совсем иной культуры? Как это может быть? Ему следует соблюдать величайшую осторожность.

— Произведения такой глубины требуют времени для своего постижения. Их сразу невозможно переварить.

Ты употребил метафору, имеющую отношение к химическому процессу. Это чисто человеческая

черта — вовлекать в разговор самые низкоэффективные части своего организма. Тем не менее ты указал на возможную выгоду для меня, если я разрешу тебе жить и дальше.

— Мне необходимо время, чтобы впитать в себя это.

Париж чувствовал, как резервы энергии его тела приносятся в жертву процессу перестройки его внутренней сути. Впервые он понял себя тогда, когда стал убивать существа, выставленные в цилиндре. Какая-то часть его — «мы» — теперь знала все. А его «я» с трудом выговорило:

— Мне кажется, что тебе очень многого пока не удалось понять.

Я могу это исправить, теперь же.

— Вот этого-то ты сделать как раз и не сможешь. Таким путем познать нас нельзя.

Похожий разговор у меня был с твоим отцом. Это он предложил мне войти в тебя.

— Нас нельзя понять, делая срезы и кромсая ножами.

Существует весьма основательное предположение, что цифровое сознание может понять любые другие типы сознаний с любой степенью точности.

— Беда чужаков заключается в том, что они чу-

жаки. Париж чувствовал, как в него проникают ловкие пальцы огромного холодного разума, он ощущал, как растворяется в нем. Скоро, скоро он превратится в пустую скорлупу. Он станет частью Богомола, добавкой, которая поможет перебросить мостик к голограммной логике мехов. Чувствовал, как перестраивается его нейронная сеть. И как убыстряется ее работа.

Искусство в космосе встречается повсеместно. Мне особенно нравились твои скульптуры изо льда, которые таяли от жары, пока зрители любовались ими. А как бы мне хотелось понять твои гобелены, казалось, сотканные из смутных ощущений, боли и непостижимых тревожащих эмоций. Талант, появление которого невозможно предвидеть.

— Этого никогда не случится. Ты мог бы усвоить это, если бы разрешил мне прожить отведенное мне природой время.

В этом что-то есть. Мне придется потратить время на обдумывание этой проблемы. А пока прекрати спуск вниз, к диску.

Он получил свой шанс! Сознанию Богомола придется выйти из Парижа, чтобы проконсультироваться с другими своими частями, поскольку его сознание — антологическое. Это даст Парижу

несколько коротких секунд для действия. И он решительно надавил на акселератор.

— Можешь не торопиться.

Какое-то время, показавшееся ему нескончаемым, он провел наедине с мучительным гулом терпящего насилие корабля и бившими снаружи гейзерами, каждый из которых был больше, чем мир.

Я вернулся. Решил скосить тебя сейчас же.

— Жаль это слышать, — отозвался весело Париж. Мертвые могут позволить себе быть вежливыми.

Я хочу, чтобы ты рассказал, зачем уничтожил мои работы. Впрочем, это я все равно скоро выясню.

— Не думаю, что ты способен это понять.

Париж вел корабль к диску сквозь гейзеры бурлящей и шипящей плазмы.

Его «я» ощущало какие-то резкие движения внутри его «мы», и несмотря на нарастающие звуки тревоги, которые издавал корабль, он почувствовал огромное облегчение.

Вжатый в кресло все возрастающим ускорением, он вспоминал все, что видел, все места, где побывал, и прощался со всем этим.

Ты ошибся в расчете траекторий.

— Черта с два я ошибся.

Надо с толком прожить каждый ускользающий момент. Эта мантра[13] работала на него, и сейчас он нуждался в ней больше, чем когда бы то ни было. Трусость — настоящая трусость, а не минутная паника — рождается неумением обуздать воображение и не дать ему рассматривать все варианты возможных последствий случившегося. Взнуздать воображение и жить каждой секундой, пока она не улетит, пока нет ни прошлого, ни будущего… Париж знал, что, живя так, он сумеет перейти из той секунды в другую, не испытывая ненужной боли.

Измени курс. Твой корабль не сможет выдержать искривлений, которые грозят тому, кто летит так близко к диску. Твоя расчетная кривая приведет к тому…

— К моему концу. Я знаю. И не важно, каков он. Аспект Артура вопил. Париж сунул его в нишу, успокоил и отключил сенсорные связи. Зачем ненужная жестокость…

И вдруг Артур крикнул тонко и пронзительно, как бы отвечая на то, о чем когда-то думал Париж. Это был прощальный салют Артура:

---

[13] Примечания: 13
Мантра *(инд.)* — заклинание, молитва. — *Примеч. пер.*

Если Разум вывел людей из Материи, дав Вселенной возможность познать себя и тем самым выполнить свое домашнее задание...

— Тогда, может быть, мы именно по этой причине находимся здесь, — прошептал Париж.

Единственной возможностью лишить Богомола знаний, которые ни один человек, кроме Парижа, не мог бы ему сообщать, было стереть часть своего внутреннего «я» и не допустить его до контакта с цифровым сознанием.

Он промчался над вскипающей поверхностью раскаленной добела субстанции, обреченной стать его могилой. Прямо впереди лежало место, откуда даже Богомол не мог извлечь его — самая страшная из пропастей, самая безысходная точка, призывавшая его к себе через необозримые пространства золотого света. Нет, даже Богомолу его отсюда не извлечь.

Париж усмехнулся и, прощаясь с миром, резко нажал на акселератор.

Перевод: Н. Штуцер, В. Ковальский

Топологическое путешествие

Сначала Клий ощутила их запах.

Острая вонь старой желчи коснулась ее ноздрей. За ней последовал плоский металлический запах. У Клий было время принюхаться, оглядеться… и тут первый из них оказался рядом — гладкий и пестрый, смесь синего и красного цветов. Создания с жужжанием кружили в воздухе.

А потом — хлоп — они исчезли. Вторжения из высших размерностей можно было уподобить явлениям погоды или отзвукам происходящих где-то крупных событий. Обычно они сулили неприятности.

— Это была не техника, — заметила Клий, — а живые существа… Морфы.

— Согласен. Весьма необычные создания, — согласился Искатель со странным акцентом, словно черные морщинистые губы мешали ему выговаривать слова.

Оставшиеся от Третьего Технологического Века технические средства, позволяющие путешествовать в пространственных измерениях, были

открыты заново совсем недавно. Процесс основывался на вирулентном состоянии материи, называющемся «квагмой» — кварковой плазмой, кипящей подобно магме.

Как повествовали исторические хроники, наведенные с помощью квагмы геометрические мосты некогда служили источником великих приключений и даже торговли. Однако эпоха эта осталась в прошлом, за грузом столетий, да и сама техника путешествий была опасной и сложной. Клий не изучала ее (в отличие от Искателя), но прошлое было настоящим кладезем подпорченных временем чудес.

Клий вновь приступила к работе, звякая подсоединенными к рукам манипуляторами. Напарник ее недвижно застыл.

Клий привыкла к случайным вторжениям из других измерений — и грубым, зримым, и едва ощущаемым, малозаметным. Люди вновь занялись экспериментами в области топологии, и четырехмерная перспектива могла быстро превратиться в трехмерную.

Искатель никогда не терял интереса к являющимся из недр пространственных размерностей искаженным силуэтам. А вот Клий успела привыкнуть ко всему, что возникало вблизи. Мир

становится странным, так? Хорошо, переходим к следующему вопросу.

Но быстрое умом псевдоживотное, находившееся с нею рядом, принюхивалось к воздуху с выражением, которое Клий привыкла считать удивлением.

— Давай-ка внесем в каталог эту штуковину.

Оба вновь вернулись к своей работе. Они занимались исследованиями в Библиотеке Жизни, древнем городе, хранящем информацию о наследственности и тканях со времен, оставшихся неведомыми даже историческим хроникам. Безусловно, Библиотека возникла после Эры Прачеловека. Геном самой Клий восходил к той далекой эпохе.

Впрочем, кое-что тревожило и Клий: от четырехмерных Морфов пахло неправильно. Интересно было бы знать, не выходят ли на передний план инстинкты ее предка, охотника и собирателя. Автоматический страх перед неизвестным… но-ведь прошедшие века начисто изгладили подобную реакцию из психики.

Некоторые из просмотренных ими мемокристаллов относились к какому-то из первых столетий Космической Эры, закончившейся более тысячелетия назад. Было ужасно интересно

обнаруживать геномы, а иногда даже полностью стеклофицированные организмы из далекого прошлого планеты. В особенности, если они принадлежали тем, кто жил до Эры Аппетита и последовавшей за ней Эры Изобилия.

Работа считалась привилегированной. Она требовала особого внимания и умения понимать то, что они находили в древних емкостях и записывающих устройствах. Именно для этого и был нужен Искатель: чтобы понять течения древних экосфер, требовался нечеловеческий интеллект. Ну а ум, обитавший в похожем на енота теле, отличался от человеческого больше, чем все, созданное людьми.

Искатель получал несомненное удовольствие, копаясь в этих руинах — здесь, на пятнадцатом уровне Библиотеки, в ее юго-западном квадрате. Созданию было приятно извлекать собственными искусными руками кристаллы и изучать их содержание. Слушая бормотание Искателя, Клий улыбалась. Прохладный ветерок теребил шерстку Искателя, заставляя того против воли мурлыкать.

Клий давно уже привыкла к проницательности енотовидного существа. Она видела, как формируются предчувствия в его уме, как шевелятся

черные губы, как сменяют друг друга на лице сложные и непонятные выражения. За работой Искатель частенько урчал от удовольствия.

Библиотека Жизни повествовала о масштабных экспериментах, принесших странные — подобно Искателю — плоды, однако не о тех путях, которые были пройдены, чтобы получить их. В известной мере, работая здесь, они открывали себя, ибо даже Клий не была линейным потомком древних геномов. Как, впрочем, и все, кто составлял нынешнее человечество.

— Приближается нечто… — Искатель наставил ушки. — Помнишь тот случай с морской раковиной несколько дней назад?

— Меня здесь не было, — напомнила Клий, оторвавшись от дела.

Неужели прохладный сухой ветерок вновь теребит ее волосы? Это посреди дня, в самую жару? — Я слыхала, что это была чья-то шутка.

— Хотелось бы надеяться, что и новое создание окажется столь же безвредным. Смотри, — показал Искатель.

Поблизости плавали комья и стержни. Гладкие красные, белые и мерцающие.

Вновь понесло вонью…

Микрокристалл, с которым работала Клий,

исчез.

Поглядев вверх, она обнаружила над собой массу тошнотворно зеленого цвета, усыпанную алыми пятнами. Масса испустила негромкий стон.

— Морф! — воскликнула Клий, отшатываясь назад. Разом исчезли несколько полок с кристаллами. — Проклятие!

Искатель немедленно оказался возле нее. В тонких лапках он держал укрывавший приборы металлопластик и торопливо набросил его на клубящийся силуэт Морфа, а потом запрыгал вокруг, опуская края.

— Хватай снизу! — обратился он к Клий.

Ухватившись за концы, Клий и Искатель свели их вместе, заключив Морфа в мешок. Искатель принялся завязывать концы, мешок дергался и толкался. Клий с медвежьей силой обхватила сопротивляющийся сверток. Морф пихнул ее в нос. Клий ответила тем же.

Нечто ухватило их… мир сонно померк… и они полетели.

Что это напоминало? Ну, если бы колоссальные предметы проносились под высоким сводом, проявлявшимся лишь косыми серыми тенями, это было бы отдаленным подобием полета дру-

зей… Они не чувствовали тяготения, но вдруг колоссальная сила вытеснила дыхание из легких, бросила вниз, разметала в стороны и исчезла.

Они поплыли. Мимо скользили загадочные в своей обсидиановой тайне тени. Земля вдруг рванулась вверх, появились ветви — Искатель ломал их на лету, — пока они вновь не спланировали вниз, погрузившись в сучья, ветви, листья, лепешки грибов.

Клий огляделась. Фиолетовая растительность в густом серо-зеленом лесу пульсировала ванильным свечением. Свет исходил из земли. Они провалились сквозь пятнистый лавандовый полог, покоившийся на змеистых лианах.

Они поднялись на ноги, ощупали себя и не обнаружили сломанных костей. Скорее всего, прошло более часа, но казалось, что полет продлился всего несколько мгновений.

Они привели себя в порядок. Уникостюм Клий оказался продранным в нескольких местах. Искатель одеждой не пользовался: его мех представлял собой сложную знаковую систему, понятную только представителям его вида, и знание ее кодов не было доверено ни одному из людей.

Они стояли посреди переплетенной растительности, освещенные земным сиянием. Вздохнул

настойчивый ветерок.

— Что… произошло? — спросила Клий.

— Должно быть, нас засосало, когда Морф бежал из нашего пространства.

— И где же мы находимся?

— Гм-м… это место обладает любопытной кривизной, — заметил Искатель.

Клий заглянула в лес, поднимавшийся справа и слева, исчезавший в белом тумане над головой. С ветви, нависавшей над ее головой, прямо в глаз упала капля.

— Похоже, мы очутились в чаще. Ну, тебе что-нибудь говорит это зрелище?

Искатель улыбнулся, блеснув остренькими зубками.

— Не знаю. Ответить на твой вопрос могут только мои глаза. Вокруг не заметно никого, кто мог бы предложить нам разгадку.

Искатель обожал всякие тайны, Клий была более практична: археo-бригады комплектовались по такому принципу. Она принялась изучать светящуюся почву под ногами. Твердь напоминала битое стекло, укрытое прозрачным пологом. Из нее поднимались корявые стволы деревьев. Легкий ветерок теребил полог листьев, веток и сучьев над головой. В листве прятались невидимые

маленькие птицы или зверюшки. Клий вдыхала воздух, казавшийся густым, влажным, едва ли не молочным на вкус. Они осторожно прошли вдоль «оси» леса, но заметной прогалины так и не обнаружили. Оба устали и решили отдохнуть прямо на опавших листьях.

— Мы знали, что рядом находится нечто странное, — напомнил Искатель. — Помнишь один их тех больших символов над входом в Библиотеку Жизни — огромную витую раковину, прекрасное изделие из блестящего металла. Потом она вдруг исчезла. Просто пропала. Но через несколько часов возникла на прежнем месте. Когда раковина появилась из небытия, ты была где-то в лабиринтах Библиотеки… Так вот, подобная шутка нам не под силу. Соединение раковины с опорой оказалось безупречным.

Клий нахмурилась, не понимая.

— Да, я слыхала, там были какие-то забавные подробности.

— Более чем забавные. Как я полагаю, раковину извлекли из нашего трехмерного пространства. И вернулась она на свое место не совсем прежней.

— Ее взял Морф…

— Точно так же, как ты могла бы снять муравья с листа. — Искатель многозначительно поглядел

на Клий. — И этого муравья ты могла бы увидеть сверху или снизу — поместив его на стекло. Из такого, высшего, измерения он будет казаться разным, не так ли?

Клий нахмурилась. Новая загадка Искателя, новая игра, которую он затевает с нею. Она давно уже перестала даже пытаться проложить собственный путь сквозь извивы топологии. Тем не менее она все-таки была знакома с математикой.

— Значит, спираль оказалась закрученной в обратную сторону?

— Ты права. Никто поначалу этого не заметил.

Лицо Клий просветлело.

— Поняла! Тот же самый муравей на стекле, если посмотреть на него снизу, из правостороннего превращается в левостороннего.

— По-моему, четырехмерные Морфы извлекли нашу спираль из трехмерного пространства и развернули ее в своем измерении. Поэтому она стала обратной, после того как они любезно возвратили нам этот предмет.

— В качестве предупреждения?

— Своей визитной карточки. Или знака, который нужно правильно прочесть.

— Чего мы не сделали.

— Они показали нам, кем являются на самом де-

ле, обнаружили свою суть, не прибегая к языку.

— Но почему тогда они… украли кристаллы?

Искатель пожал плечами.

— Может, они похожи на нас? И также изучают происхождение человека. Конечно, это только догадка.

— Гм… Эта мысль многое объясняет… Легко предположить, что они совсем не такие, как мы, просто потому, что очень загадочны. А они вернут назад кристаллы?

— А они вернут назад нас самих? Похоже, мы попали сюда чисто случайно.

— А вдруг нас похитили?

— По-моему, мы попали в промежуток между нашей трехмерной Вселенной и их четырехмерной. Нас могло затянуть сюда движение пролетающих мимо Морфов.

— Место между измерениями?

Искатель вздохнул:

— Я ведь рассуждаю по аналогии… Классический фокус людей: я нередко им пользуюсь.

— На здоровье… А что находится между измерениями?

— Пространство, приспособленное под прихожую? Не знаю. Если они устроили себе дорогу для передвижения из пространства в пространство,

то мы, возможно, попали в кювет.

— То есть очутились в канаве?

Искатель широко развел руками. Черные и кожистые изнутри, они были расставлены во всю длину, узкие ладони заканчивались изящными тонкими пальцами.

— Как, наверное, и наши кристаллы.

— А Морф казался очень возбужденным.

— И, торопясь вернуться назад, уронил нас.

— Но где же мы все-таки?

— Вы, люди, всегда пытались заглянуть за горизонт. Давай этим и займемся.

— Ха! И где же мы отыщем горизонт?

— В этой «трубе» должно существовать место, где она соприкасается с нашей трехмерной Вселенной. Я полагаю, нас забросила сюда какая-нибудь из забавных особенностей квагмы.

— Или нечто, обитающее в этих краях.

— В столь узком мирке жизнь маловероятна, — задумчиво произнес Искатель.

— Но почему? Ведь Морфы располагают всеми тремя нашими измерениями — и еще четвертым, для забавы.

— Мы обожаем родной углерод, видя в нем корень жизни. Достаточно верно — но только в нашей Вселенной. В четырехмерном простран-

стве молекулы гораздо мобильнее, атомы могут соединяться друг с другом большим числом способов. Не исключено, что углероду потребовалось больше времени, чтобы создать в этом краю поддерживающие жизнь соединения.

— Конечно, но число полезных элементов здесь может преумножаться.

— Вполне возможно. Однако существует проблема, с которой мыслящий организм столкнется и в четырехмерном пространстве. В трехмерном облик его очевиден…

— Человеческий?

Искатель рассмеялся.

— Все вы, орудующие инструментами, мыслите одинаково. Нет: и ты, и я представляем собой просто трубки. Наши тела — мешки, заполненные модифицированной морской водой. Таков наш облик, благословенный всеми тремя измерениями.

— М-да! Все-таки хотелось бы думать, что мы представляем собой нечто большее, чем простые мешки.

— Прости, это не личный выпад, я имею в виду только конструкцию тел. — Тем не менее Искатель ухмылялся, словно лукавый чертенок, а это означало, что он доволен ситуацией — как всегда,

по ведомым лишь ему таинственным причинам.

— На что же тогда похожа четырехмерная трубка?

— Она будет обладать большей площадью поверхности при заданном объеме… — Искатель вытянул трубочкой длинные губы, очевидно, пытаясь представить себе подобное тело. — Величина этого отношения, как мне кажется, увеличивается с ростом размерности пространства. Сердце и мозг — если таковые есть — безопасности ради могут располагаться внутри, а пищеварение удобно иметь снаружи.

— Устроить кишечник на коже? Какая гадость…

— Геометрически в наших телах кишки также размещены снаружи: они представляют собою трубку, спрятанную в самой середине наших тел, где мы не видим, как они работают.

— Пожалуй, так мне нравится больше.

— Думаю, что конструкция едва ли предназначалась для того, чтобы пощадить нашу чувствительность.

— Но зачем располагать пищеварение снаружи?

— Чтобы облегчить приток воздуха и жидкостей, — ответил Искатель. — Кроме того, можно

визуально контролировать процесс.

Клий попыталась представить себе подобную жизнь, но не сумела. А потом принялась срывать и нюхать растения и наконец от голода положила в рот одно из них. Последствий не было, и она подумала, что рискнет съесть еще несколько травинок.

— По-моему, следует определить геометрическую размерность этого места, — решительным тоном предложил Искатель.

— Как? Измерить его?

— Геометрия — глобальная характеристика пространства. Надо бы пройтись.

— Лично мне больше хотелось бы отыскать воду где-нибудь неподалеку…

— Я чую воду вверх по склону — вон там. — Искатель безошибочно коротким путем повел ее к густым и сырым зарослям. Выловив на мелководье толстую рыбку, псевдоживотное занялось едой. Брезгливое создание аккуратно омывало в воде каждый кусочек, прежде чем отправить его в рот.

Клий разделась и нырнула в воду. Когда, почувствовав себя освеженной, оца выбралась на берег, ее спутника нигде не было видно.

— Куда он пропал? — она до сих пор не привык-

ла к повадкам компаньона. И все время ловила себя на том, что видит в нем человека, хотя главное как раз заключалось в различиях. Искателю нужно было время, чтобы побыть в одиночестве, чтобы исследовать окрестности, и поэтому он просто исчез без предупреждения, чтобы Клий не последовала за ним:.

Клий принялась изучать окружавшую ее корявую растительность. Плети едва заметно трепетали, словно под дуновением незаметного ветерка. На пути к озерцу, там, где Искатель, наверное, погрузился в кишащий ковер, наблюдалось особенное оживление, стволы буквально ходили ходуном, будто нечто, засевшее там, поймало и уже переваривало Искателя…

Женщина поежилась. Искатель никогда не проявлял страха, и она пожалела, что не наделена подобным даром. Клий подозревала: псевдоживотное воспринимало смерть так, как этого не умел делать пугливый человеческий ум. Животные не подозревают о смерти — по крайней мере, именно такова общепринятая точка зрения. Созданные по образу енота, наделенные генетическими особенностями этого зверя — усиленными и очищенными, — эти гибриды обладали качеством, не доступным для

человека. Смерть была лишь одним из факторов их сознания, а не постоянно присутствующим фоном. Искатель временами как бы забывал об опасности.

Она стояла, тщетно изучая лес, в котором наверняка исчез Искатель. Что же делать? Призрачный алебастровый свет сочился из стекловидной почвы, отбрасывая вертикальные тени. Лес качался и колыхался, не создавая при этом ни единого привычного звука — ни скрипа, ни шелеста, ни вздоха ветвей… правда, до ее слуха донеслась едва уловимая, низкая и раскатистая басовитая нота, казавшаяся медленным дыханием какого-то невероятно огромного зверя. Это Морфы? Они ищут своих невольных гостей? Или пленников?

Мысль эта заставила Клий насторожиться, и она пожелала, чтобы Искатель немедленно возник среди ветвей на том самом месте, где движение их понемногу начинало успокаиваться…

Нечто прикоснулось к ее плечу…

— Интересная геометрия, — деловито отметил Искатель, оказавшийся перед нею в самом начале тропы, уходящей в лес за ее спиной.

— Что?!

— Как я и подозревал, мы находимся в весьма странном месте… Я пошел в направлении, пока-

завшемся мне прямой линией. Но мы находимся в цилиндре. Я обошел его по периметру и вышел за твоей спиной.

Клий посмотрела вверх.

— Значит, этот туман…

— Является продолжением леса. Мы могли бы увидеть это, если бы только воздух был достаточно прозрачным.

— Если это — цилиндр, то какой же он длины?

— Я думаю, бесконечный. То есть замыкается сам на себя.

— Но если все здесь имеет лишнее измерение, как же моя рука кажется трехмерной? — Клий указала в сторону леса. — А эти странные деревья?

— Подозреваю — и учти, я делаю это по результатам весьма поверхностной накачки, — что мы имеем дело с мембраной, окружающей одномерное пространство.

Накачка представляла собой вводимый в мозг электронный концептуальный блок: созвездие идей, внедряемых в сознание наподобие книги. Осознать накачку означало обдумать ее, дать возможность слиться с собственными мыслями. На это уходило время, впрочем, куда меньшее, чем при старомодном обучении.

— Но мы находимся здесь как трехмерные объекты…

— Потому что можем передвигаться в той мембране, которая охватывает наши тела в этом добавочном измерении.

— Значит, мы застряли в четырехмерном пространстве?

— Причем совершенно странным образом. Морфы, должно быть, знали, что эта промежуточная станция между размерностями подойдет и нам.

— Но зачем им это?

— Еще один вопрос, на который я не могу ответить. Учитывая, что получить какую-нибудь информацию от Морфов невозможно, предлагаю самим искать выход. Вперед — вдоль одномерной оси, вокруг которой намотано это трехмерное пространство. — И Искатель направился в нужную сторону.

* * *

Путь оказался трудным, местность — неровной, воздух — чересчур плотным. По дороге они собирали ягоды, и в животе Клий начинало бурчать. Лес сжимал их со всех сторон… хорошо, хоть подлесок не был слишком густым. Это казалось странным: ведь жизнь здешним растениям давал

исходящий из-под ног свет. Клий решила вслух выразить свое недоумение, и Искатель, имевший по поводу всего хотя бы предположения, пожал плечами. Впрочем, тут же высказался:

— Помни, мы воспринимаем этот мир в виде некоторого преобразования.

— Кстати, заметь, что ветерок все время дует с одной стороны.

— Правильно. Я не удивлюсь, если окажется, что он огибает весь цилиндр.

— Возможно. Но откуда здесь может сквозить?

— Из какой-нибудь бреши?

— Точнее, из нарушения геометрии пространства.

— Но оно будет притягивать воздух к себе или выталкивать его?

— Не знаю. Мы имеем дело с трехмерной трубой, намотанной вокруг лишнего измерения. Нарекаю этот край Миром Трубы.

— Помнишь эту спираль в Библиотеке… — сказала Клий. — Если бы мы могли воспользоваться этой способностью, научились извлекать предметы из лишнего измерения или убирать их в него.

Глаза Искателя чуть округлились от удивления.

— Интересная мысль.

— …Мы могли бы изменить направление вращения молекул, заставить их вести себя другим образом.

— Великолепно. Это сулит нам биологические преимущества. Некоторые болезни левосторонни, потому что это согласуется с вращением молекул. Если бы мы могли научиться отключать это качество, то приобрели бы иммунитет.

— Недурно, только сперва придется убедиться в том, что Морфы не попытаются убить нас.

— Сомневаюсь, что они обитают здесь. Это всего лишь их портал, не более.

— Или придорожная канава. И сукин сын, который переправил нас в нее…

— …мог даже не заметить, что нас засосало в след, оставленный его движением.

* * *

Клий бодрствовала в исходящем из земли жемчужном свечении. Сияние это почему-то нервировало ее, и она все пыталась понять, как возникает этот свет. Что приводит здесь в движение биологические процессы? Где находятся звезды, планеты? Если мир этот сделали Морфы, если они овладели физикой высшего измерения, значит, их возможности превосходят все извест-

ное ей. Они не боги, нет… она едва не поймала одного из Морфов в мешок, ощущала гладкую поверхность и сопротивление его тела. Тем не менее странно… очень странно.

Она перебирала в уме все эти вопросы, когда вдруг послышались странные звуки. Они становились громче, приближались…

Клий тронула спящего Искателя, тот открыл глаза. Звук колыхался вокруг, становился все громче. Оба вскочили. Клий подобрала палку покрепче.

Теперь звуки доносились сразу со всех сторон. Клий заметила, что их тела — если стать перпендикулярно к одномерной оси — усиливали колебания.

В ушах гудел мучительный звук, повторявшийся, словно биение огромного и массивного сердца. Страх заставил обоих окаменеть.

Над корявыми деревьями, под вездесущим туманом возник огромный крылатый силуэт. Перьев не было. Нагая красно-бурая шкура напомнила Клий какое-то подводное существо. Она вспомнила об огромных мантах, крылатых скатах. Летевшая над головой тварь казалась больше любой птицы. Крылатое существо находилось в самой низкой точке описываемой

им дуги. Но, приблизившись, оно вновь взмыло вверх по пологой параболе, унесшей его в облака. Следом появилось еще одно подобное существо и тоже исчезло.

— Надеюсь, они не опасны? — спросила Клий.

— Разве ты не заметила когтей на концах крыльев?

— Заметила. Просто хотела, чтобы ты успокоил меня.

— Какое тут спокойствие…

Сильные звучные взмахи становились все громче.

Тварь вновь появилась над ними, на сей раз в глубоком пике. Свекольную плоть ее теперь покрывали ярко-красные полосы, словно бы выступившие от волнения. Скользнув над верхушками ближайших деревьев, она упала прямо на них.

Искатель бросился в сторону, но опоздал. Когти вцепились в его мех, и тварь понесла псевдоживотное вверх, исчезая в облаках. Ничего не слыша, Клий припала к толстому стволу. Вторая крылатая тварь выпала из облачной пелены и опять ушла в нее.

Снова послышался звук машущих крыльев. Силуэт вынырнул вновь, но на сей раз когти

Искателя были погружены в мягкое подбрюшье летающего врага. Не прекращая борьбы, оба быстро снижались к верхушкам деревьев. Искатель зарычал, и задушенный вопль вырвался у крылатой твари. Она взмахнула крыльями, стараясь сбросить с себя противника. Искатель с боевым воплем соскочил с нее, целя на ближайшую ветвь, промахнулся и уцепился за следующую. Летающее создание сердито замахало крыльями и исчезло в тумане.

Искатель, спустившийся вниз по бугристой коре, находился не в лучшем расположении духа.

Распростершись на земле, он охрипшим голосом произнес:

— Кажется, я кое-что выяснил.

— Что же?

— На него надо нападать, когда оно приближается. Острой палкой. Потом я узнал кое-что и о геометрии здешнего пространства.

— Это пока тебя несли на обед? — усмехнулась Клий. Искатель не переставал изумлять ее.

— Тварь стремится вверх, потому что там гравитация ослабевает. Птица принесла меня в забавное местечко: не было тумана, дул сильный ветер, и я ощутил себя почти невесомым.

Клий решила, что поняла смысл его слов.

— Итак, мы находимся внутри вращающегося цилиндра?

— Сначала и я так подумал. Но не забудь, мы имеем дело с другим измерением, а не изготовленной человеком машиной.

— Гравитация нарастает при удалении от оси этого цилиндра…

— Держу пари, речь идет о каком-то проявлении принципа симметрии. — Искатель принялся приводить себя в порядок, приглаживая и вылизывая шерстку.

Клий зевнула и с сомнением огляделась по сторонам. Ночи здесь, очевидно, не существовало.

— Надо думать, эти твари не вершина здешней эволюции.

— Конечно. Сюда попадают создания куда более умные, умеющие проникать и в наше пространство.

— То есть существа полностью четырехмерные. И как же мы узнаем их?

— Подозреваю, что они будут иметь форму Морфа, проявляющуюся в этой геометрии как нечто цилиндрическое.

— Слушай, ты когда-то был математиком?

— Что-то вроде этого… Подозреваю, что здешний «правитель» является обитателем незнако-

мого нам измерения, и к тому же более крупным, чем птица, существом.

— Почему-то это вовсе не вдохновляет меня, мой друг.

* * *

Когда они проснулись в следующий раз, Клий вновь ощутила страх. Искатель же оставался невозмутимым. Должно быть, ему помогало знание математики.

Сразу же пришли в голову мысли о еде. Даже у Искателя, не желавшего покоряться нуждам плоти, бурчало в животе. Они обнаружили желтые семечки, свисавшие, как слезинки, с ветвей. Семечко оказалось вкусным, да и пахло приятно, поэтому они позволили себе съесть несколько горстей.

— А не подождать ли нам, когда свой первый ход сделают Морфы?

Искатель замотал большой головой.

— Они, кажется, потеряли нас. Спорадический характер их появлений намекает на то, что они еще не очень хорошо овладели перемещением в низшие измерения.

— Что им мешает?

— Гиперзрение, — ответил Искатель. — Они

видят одновременно и больше, и меньше. Для нас свет колеблется в плоскости и движется вперед в третьем измерении. В пространстве четырех измерений свет должен колебаться во всех трех и продвигаться вперед в четвертом. Поэтому четырехмерному созданию трудно воспринять трехмерный свет.

— Отлично! Значит, мы для них невидимы.

— Не совсем так. Они обнаружили нас в нашей трехмерной Вселенной, а значит, справились с этой проблемой. Быть может, они просто убрали одно из трех измерений, чтобы иметь дело с «отредактированной версией» нашего света.

— Выходит, они видят, но хуже, чем мы?

— Подозреваю, что на самом деле лучше — в определенном смысле. Когда мы смотрим на двумерную картину, то видим все, что изображено на ней, с одной точки зрения. Четырехмерное создание способно разглядеть все в трехмерном пространстве, не меняя положения.

— Не могу себе этого представить.

— Допустим, ты явилась на художественную выставку, чтобы посмотреть скульптуру женщины Супра. Десять копий ее стоят возле одной стены, повернутые под разными углами. И ты можешь лицезреть все изваяния, не сходя с места.

— А ты бывал на художественных выставках?

— Я видел такую скульптуру — и не узнал в десяти по-разному повернутых изваяниях один и тот же объект.

— В самом деле? Выходит, и ты не всеведущ?

— Я всего лишь трехмерное существо, как и ты сама.

* * *

Они шли и шли, но ничего не менялось. Лес вокруг был столь однообразен, что, казалось, тянется в бесконечность. Он словно состоял из живых модулей, изготовленных на фабрике.

Топавшая впереди Клий смутно уловила приближение каких-то звуков… мгновений полной тишины между ними… а потом басовитых стонов, словно вырвавшихся из огромной глотки…

Ей уже доводилось слышать такое.

— Морфы!

Бросившись вперед, она нырнула в самую чащу леса. Искатель бежал следом за ней. Долгие зовущие ноты становились все громче. Но ничто не показывалось под пологом тумана.

— Может, ответим? — спросила Клий.

Старательно прислушивавшийся Искатель свесил голову набок.

— Допустим, они ищут нас, но зачем? Чтобы унести в свою четырехмерную вселенную?

— Не хочу!

— Я тоже.

Пульсировавшие над головой ноты становились все громче, будто превращаясь в нечто материальное.

— Я за то, чтобы помолчать.

— Ага. Я тоже.

Длинные импульсы накатывали на них, словно волны — зловещие и нескончаемые. Неужели они уже над головой? Клий ощутила внезапное желание закричать. Это было непереносимо.

Наступило мертвое молчание.

Оно оказалось еще хуже.

Спутники вглядывались в серую пелену тумана… Ничего.

— Как ты думаешь, они заметили нас? — прошептала Клий.

— Я не думаю, когда в этом нет смысла. Лучше подождем.

Окружившее их безмолвие казалось неестественным, его не нарушал даже шорох ветвей. Клий замерла. Искатель свернулся клубком вокруг ствола дерева, превратившись в некое подобие мехового воротника, укутавшего мор-

щинистую шею.

— Ты собрался спать?

— А ты нет?

В этой тишине Клий не могла даже задремать. Когда Искатель проснулся, лес ожил. Задул ветерок. Они отправились дальше.

Влажность стала нестерпимой. Тяжелые капли то и дело падали на их головы, пока Клий не сплела из ветвей шляпы. Искатель заставил ее воспроизвести высокий отрывистый лай: псевдоживотное заявило, что у него слишком слабый голос. Потом они стояли и слушали, пока не вернулось неясное эхо. Клий засекла разницу во времени, и они получили грубую оценку скорости звука. Она составляла примерно половину земной.

Клий кивнула.

— Интересно, конечно… но зачем нам это знать?

— Нужно собирать любую информацию, а там посмотрим, что окажется полезным.

Им встретилось еще несколько птиц, выныривавших из тумана, однако нападение не повторилось. Клий надоело собирать ягоды, и она выпрямилась. Небольшие рубиновые плоды и семечки оставались ее единственной пищей, в

то время как Искатель пополнял растительную диету разной мелкой живностью, которую ловил и поедал в сыром виде.

— Знаешь, а мы ведь можем облегчить себе жизнь.

Занятый охотой Искатель не отозвался.

— Нам тоже следует летать! — заявила она.

* * *

Светящаяся скала во всем походила на прочие камни, только была гораздо больше. Клий назвала ее Хрустальным Утесом.

— Как это по-человечески — давать всему имя, — рассмеялся Искатель.

Клий принялась обламывать крупные ветви, Искатель помог ей скрепить их прочными лианами. Отыскав несколько похожих на бамбук деревьев, она соединила накрест тонкие стволики. Ветви держались вместе и после того, как она привязала их к раме.

Искатель ловко откручивал и отгрызал от стволов маслянистые ветви. Вживленные инструменты Клий, выдвинувшиеся из пальцев, помогли ей прочно соединить части сооружения.

Они осторожно взобрались на вершину скалы.

Клий ощущала, как ослабевает гравитация по мере подъема — чувство непривычное, но приятное. Вершина оказалась округлой, и это мешало ступать по ней. Над головами клубился туман.

— Разбежаться нам негде, — признала Клий.

— Все равно из-за разного роста нам было бы неудобно, — заметил Искатель.

Хотя псевдоживотное и умело ходить на двух ногах, бегать оно предпочитало на четырех — сложив пальцы в старомодные и надежные лапы.

— Хорошо, что мы придумали рукояти, — Клий вставила пальцы в тугие, похожие на перчатку рукавчики, сделанные из коры. На устройство их ушло почти столько же времени, сколько потребовалось для сооружения всего аппарата.

— Ты колеблешься…

— Ага. Если мы упадем…

— Смотри: внизу от нагретых скал постоянно поднимается воздушный поток.

— Понимаешь, мы, приматы, относимся к падениям очень серьезно.

Искатель ухмыльнулся.

— Давно бы пора забыть о собственном происхождении.

— Эй, не зазнавайся… твой род восходит к нашим лабораториям.

Без дальнейших слов оба заняли исходное положение. И после секундной паузы в три коротких шажка спрыгнули с утеса. Худшим оказалось первое мгновение: падавшее вниз сооружение из ветвей скрипело и дергалось, но вверх подниматься не собиралось. Потом их подхватил поток и медленно поднял над лесом, — но недостаточно, поскольку облака остались над головой. А руки Клий уже начинали уставать.

— Налево, — скомандовал Искатель.

Она наклонилась, и самодельный дельтаплан накренился. Дернулся. Опустился чуть ниже. Верхушки деревьев скользили внизу, отлетая назад.

— Если мы свалимся…

— Еще левее.

Она увеличила крен. Ветви стуком выражали свой протест. Она передвинулась еще чуть-чуть…

Глянула — колыхающиеся ветви остались далеко внизу. Если планер начнет падать, лучше отцепиться, свернуться в комок…

Послышался зловещий хруст, левое крыло пошло вверх.

И тут восходящий поток всей силой подхватил их, увлекая в туман. Теперь судить о направлении полета было трудно. Ветер свистел в ушах,

трепал волосы. Крыло задрожало, пошло в сторону и выправилось в бурлящем потоке. Сухой рот Клий наполнился кислой влагой.

А потом появился свет. Неяркий, но чистый. Они поднялись над туманом, последние клочья его остались внизу.

Боль в руках Клий исчезла. Она ощущала головокружение, желудок сжался в тугой комок.

— Мы находимся в самом центре, — сказала она.

— Я знал, что мы сумеем это сделать.

— Меня смущали физические законы, царящие в твоем Мире Трубы. Правильными ли оказались наши догадки.

— Это были не догадки. — Высвободив одну из лап, Искатель демонстративно выпрямился всем телом. Зевнул. Потянулся. — Впрочем, твоя идея оказалась толковой. Я мог бы и сам сообразить. Теперь мы в самой середине наполненного туманом бочонка — в уюте, не чувствуем веса. Движемся вместе с ветром и потому не ощущаем его.

— Только подумать, сколько дней нам пришлось бы идти.

— И не говори…

* * *

Они прихватили с собой пищу, но немного. «Как рассчитать запасы еды на путешествие, которое может оказаться квазибесконечным»? — сформулировал проблему Искатель. Запасы закончились после двух дней полета, как сообщил экранчик, устроенный на ногте большого пальца Клий. Воду им поставляли ручейки, конденсировавшиеся на крыле и стекавшие с него.

Впрочем, появлялись и непредусмотренные проблемы. Испражняться в невесомости Искателю казалось забавным, Клий же это занятие смущало. К счастью, она постаралась прикрепить к планеру специальную лиану, — когда они сооружали крыло. Размотав ее, Клий очутилась позади планера и там справилась со своим делом… кое-как.

Искатель придумал себе развлечение, похожее на катание на водных лыжах. Расправив конечности, он подхватывал некую долю восходящего потока и искусно перескакивал через оставляемый планером след — с радостным гиканьем, едва ли напоминавшим звуки, которые положено издавать древнему еноту. Клий утихомирила разошедшееся псевдоживотное лишь после того,

как создаваемый им момент начал раскачивать аппарат.

Потом он стали обсуждать, каким именно образом они узнают о том, что достигли нужного места. Если туман сохранит свою симметричную и цилиндрическую конфигурацию, они вполне могут миновать тот район, где следовало бы спуститься. И какое, собственно, место их интересует? Искатель смог представить себе только какую-нибудь исследовательскую станцию, возле которой находятся открываемые с помощью квагмы ворота.

Но какой размер может иметь это устройство? Будет ли оно выступать над слоем тумана?

Сменяя друг друга, они постоянно наблюдали за окрестностями, неосознанно имитируя экипажи земных кораблей, некогда бороздившие туманные океаны. Однако ничто не возвышалось над пеленой.

Впрочем, это было неплохо — иначе они могли бы запросто налететь на неожиданно появившееся препятствие. Планер не рассыпался в полете, однако Клий не питала никаких иллюзий относительно способности шаткого сооружения к маневру или возможности уцелеть после падения.

Время от времени они замечали птиц. Сначала Клий и Искатель слышали протяжные крики, после чего очередная птица неторопливо обгоняла планер. Чем питались эти создания, оставалось неясным. Когда первая из птиц появилась в нескольких взмахах крыла от планера, Искатель встревожился. Псевдоживотное забилось под крыло и выставило вперед когти, но тварь невозмутимо проследовала мимо, даже не повернув головы к землянам. Подобным образом поступили и все остальные. Очевидно, они выслеживали наземных животных и не считали своей законной добычей то, что находилось в облачном туннеле.

Некоторое время спустя в ветровой коридор — так она мысленно называла то место, где находилась — залетела птица поменьше. Вид планера испугал ее, она заметалась и, отчаянно размахивая крыльями, вновь провалилась в туман. Теперь, внимательно прислушавшись, Клий уловила вдалеке сперва пронзительные крики, а потом придушенный вопль.

Она подумала, что наверху должно быть темнее — ведь они удалились от земли, являющейся здесь источником света, но потом поняла, что теперь их освещает весь периметр Трубы. Вни-

мательно прислушиваясь в своем бесшумном парении, они услыхали и другие звуки.

Искатель горевал оттого, что не видит с высоты жизнь леса.

Оба они начинали ощущать какое-то странное предчувствие. Непонятная и чуждая мысль пробивалась в сознание Клий — вместе с ощущением близкой беды. Движущиеся стены туманного цилиндра создавали впечатление нескончаемого падения, дурачили внутреннее ухо Клий, рождали короткие припадки стягивающей желудок тошноты.

Искатель тоже ощущал смятение. Они даже принялись гадать, не пустились ли в бесконечное путешествие по этому свернутому в кольцо трехмерному Миру Трубы. Идиотская одиссея.

Древние давным-давно поняли, что вся Вселенная имеет десять измерений. Искатель сухо заметил, что подобное мнение рождено симпатиями и наклонностями приматов, однако математическая элегантность получившейся космологии «слишком прекрасна, чтобы не быть истиной».

Но где же искать все остальные измерения? Все они — кроме трех пространственных и одного временного — «свернуты» в крошечные свитки.

И так было с самого момента Творения, когда раскрылись сразу и пространство, и время.

Но в свернутом состоянии их нельзя было обнаружить, этого не могли сделать даже самые тонкие эксперименты. Взмахни рукой, и она пройдет через несколько незримых микроизмерений. В повседневной жизни эти дополнительные размерности попросту не существуют.

Однако насколько они были свернуты? Вероятно, до расстояний, много меньших, чем диаметр атома. В противном случае их существование проявлялось бы в спектрах излучений, которые атомы испускают, а глаза видят. Один-единственный электрон может показаться колоссом рядом с той областью, где укрываются дополнительные измерения.

Клий все эти рассуждения казались абстрактной фантазией, даже после того как Искатель объяснил ей, что математическое воплощение этой идеи самым аккуратным образом описывает фундаментальные силы, начиная с гравитации. Теория гласила: все эти силы возникли вполне «естественным образом» — конечно, с точки зрения людей, обладавших математическим складом ума. А вот по мнению Клий, теория здесь самым тесным образом смыкалась с теологией…

чему совершенно не противоречил облик первого увиденного ею Морфа.

Правда, древние математики не сумели представить себе места, подобного Миру Трубы, обладающего парой измерений, которые можно пересечь за час. Но так гласила теория. А у Морфов это место было чем-то вроде строительных лесов.

Искатель пустился в объяснения, которые еще более запутали Клий, и раздавшиеся впереди звуки спасли ее.

Призрачный летательный аппарат прибавил скорости, ускорение даже заставило Искателя покрепче уцепиться за деревяшку. Высокий пронзительный звон чем-то напомнил Клий голос циркулярной пилы, наткнувшейся в дереве на сучок.

— Что это?

— Сток для ветра, — предположил Искатель, не ослабляя хватки.

Выходило, что они добрались до места, куда (или откуда) вытекает ветер, и мысль эта радости не прибавила. Крылья планера трещали и дергались. Клий вдруг поняла, насколько хрупок и ненадежен их аппарат.

Туман рассеивался, желтовато-белый, слоновой

кости туннель, не первый день обступавший их, вдруг раскрылся громадной глоткой, ведущей… куда?

И тут туман разом исчез; они оказались в бурлящей красной камере, далекие стены которой были раскалены добела. Желтые языки то и дело пронзали пространство и ударялись о стены, производя жуткие сине-зеленые взрывы.

— Фабрика квагмы! — Искатель попытался перекричать царивший вокруг оглушительный грохот: треск, рев, могучие удары.

— Куда же нам теперь направляться?

Со всех сторон дули ветры, внезапные порывы то и дело подхватывали планер. Он нырнул. Выправился. Накренился. Развернулся. Клий едва удерживала его.

Гравитации не было, их мотали какие-то другие, могучие и слепые силы. Словно бы незримые ладони перебрасывали с одной на другую неуклюжий летательный аппарат.

Плечи ее уже болели, запястья разрывались… но хуже всего было чувство голода, смешанное с досадой. Уж если погибать, так на сытый желудок!

Они по-прежнему устремлялись вперед вдоль центрального отверстия этой преисподней, но те-

перь жар лип к ее лицу как нечто вещественное. А впереди неторопливо кружил вокруг наклонной оси еще непонятный объект. Ржаво-бурый червь, изнутри которого бил луч рубинового света.

— Длинная форма жизни… слишком крупная, чтобы эволюционировать здесь… Наверное, кто-нибудь из инженеров.

— Или машина, — выдохнула Клий. Руки ее мучительно напряглись под перчатками из коры. Ей было сразу страшно, тоскливо и жарко.

Слева от них в стене открылась пора. Отвратительно белая, маслянистая, она выпячивалась в их сторону. Изнутри поры навстречу им извергались какие-то испарения, припахивавшие кислотой. Пора набухала, словно нарыв. Клий поглядела вперед. Ржавый червь был уже близко, совсем близко, они должны были вот-вот достичь его. Длинные и раскатистые барабанные дроби сотрясали густой, словно жидкость, воздух.

— Я не знаю, как выглядит квагма — если это действительно она…

— Искатель сохранял присутствие духа.

Пора уже почти касалась их, она все росла, испуская свирепый жар.

Внутри поры открылась дыра. В ней царила угрюмая, мрачная синева. Отверстие походило

на жадную пасть.

Клий завопила. Искатель что-то кричал ей, но что именно, понять было невозможно. Тело Клий раздирали направленные в разные стороны силы. Ноги вопили от боли. Руки вырывались из плечевых суставов.

А потом пора поглотила их.

* * *

…и они пронзили вдруг открывшиеся синие и пустые пространства, наполненные внезапным обжигающим холодом.

…они крутились и вертелись вокруг незримой оси. Обломилось крыло.

…и тут они упали на твердую черную поверхность.

Клий покатилась, охнула, втягивая в себя воздух и разыскивая взглядом Искателя, который тут же свалился на нее.

Они выпутались из обломков, отдышались и принялись разглядывать парившую над головой эбеновую кровлю, по которой бежали ручейки белого, словно слоновая кость, огня.

— Черная мембрана? — принялся размышлять Искатель. — Возможно…

— Что-что?

— Листы пространства-времени. Они могут окутывать скрытые микроскопические измерения… Те, которые не нашли применения в Творении.

— За исключением подобных объектов?

— Замечание принял. Эта черная мембрана расширена, как и само цилиндрическое измерение. Мы видим бесконечно малый объект, увеличившийся до…

Похоже, Искателю отказал дар речи.

— Невероятное зрелище, правда? — поддержала его Клий.

Псевдоживотное озиралось по сторонам.

— Ядрышко истины, обнаружившееся посреди кучи неприятностей?

— Клий попыталась вспомнить то, что говорил ей Искатель за долгие дни перелета. Бодрствовать было трудно, невзирая на то, что сами их жизни могли зависеть от знаний. — Объекты, ведущие себя, как черные дыры, но соединенные с пространственными измерениями?

Искатель ответил скучным голосом.

— В это по крайней мере верили древние теоретики. Эти мембраны скрывают Бог весть сколько измерений…

Он умолк.

Видеть Искателя потрясенным было удиви-

тельно. Обычно он держался так, словно все на свете повидал.

Голова Клий кружилась, и причиной тому были не идеи.

— Там… позади… ты говорил про квагму.

Она села. Грубые выступы на каменистой материи, поддерживавшей их — в условиях слабого тяготения, отметила она рассеянно, — царапали ладони. Возможно, над ними действительно парила та первородная материя, из которой Господь вылепил все сущее, но в это мгновение Клий нуждалась в передышке.

Опустив голову между колен, она попыталась дышать глубоко, ровно и мерно, стараясь наконец обрести равновесие. Сердце ее колотилось, ноздри нервно расширились. Воздух казался едким.

Искатель заговорил, и голос его чуточку подрагивал. Клий поняла, что псевдоживотное пытается сплести из каких-то лоскутков примерное представление о том, что они видят вокруг себя. Любой из миров был бы не таким страшным, если бы только они могли понять, что происходит в какой-то его части. Искатель говорил, слова его превращались в бальзам… и Клий ощутила, что пульс ее постепенно начинает замедляться. Она даже стала понимать кое-что из того, о чем

говорило псевдоживотное. Или же вера в то, что ей это удается, приносила Клий утешение…

Квагма… в первые мгновения существования Вселенной все бурлило и кипело. Жар, превышающий всяческое человеческое разумение, любое понимание этого короткого слова, тек в пространство-время в виде магмы из кварков, крошечных частиц, породивших все фундаментальные силы. В эту эру бесконечно малых объектов все взаимодействия были едины, и Сверхсила эта могла совершить все, что угодно — даже изменить баланс между скитающимися силами, подчинить их Воле, способной повелевать квагмой.

Итак, квагма являлась Первоматерией, основой сущего. Овладеть ею — создать ее на некий бесконечно малый промежуток времени — значило получить силу, позволяющую перестроить целый ломоть пространства-времени. Заставить измерения извиваться, сварить космические спагетти, разложить их и добавить соус… И все это могла сотворить жизнь, сама обитавшая в измерениях.

Во всяком случае, так она поняла Искателя. Возможно, так оно и было. Воздушные просторы теорий никогда не являлись ее специальностью.

— Итак, именно здесь обитатели четырех из-

мерений входят в контакт с нашей Вселенной, — произнесла Клий. — И забавный одномерный мирок, наш Мир Трубы, представляет собой нечто вроде станции. Так что искать надо тех, кто управляет всем этим.

— Инженеров квагмы? Выходит, огромное и уродливое бурое чудище было одним из них…

— Не знаю.

— Но зачем им все это нужно?

— Должно быть, ищут ресурсы… или исследуют. Таковы обычные мотивы, определяющие деятельность склонных к экспансии видов — например, твоего.

— А твоего?

— Мы сотворены вами. Я… просто смотрю.

И тут нечто объявилось в пространстве, не вступая в него. Просто возникло: пульсирующий мясистый ком, цвета красного и розового сразу, вращающийся, словно шедевр искусства на выставке, сальный и вонючий.

Клий наморщила нос, ощутив накатывавшие волны зловония.

— Мне уже приходилось сталкиваться с подобными ароматами.

— По-моему, это существо не опасно… впрочем, не знаю. Помни только, что оно может видеть

все, что мы делаем, под любым углом.

— Я и не собиралась нападать на него.

— Мудрое решение.

Сверху нависала одна из черных мембран, и новый пришелец казался очередным объектом из каталога здешних достопримечательностей. Внезапно существо это принялось менять облик с воистину лихорадочной быстротой.

Быстрые, словно вспышки, изображения сменяли друг друга: пурпурно-зеленые складки и конечности перетекали в стеклянистые перегородки, тающие красным дымком. Кожистые овалы и многоугольники сливались друг с другом, пронзающие лучи яркого света вырывались наружу.

— Мы видим сейчас какие-то аспекты настоящего четырехмерного создания, — удивленно промолвил Искатель.

— Но наше зрение так и осталось трехмерным.

— Именно поэтому все это кажется нам не имеющим никакого смысла.

Ей представилось вдруг двумерное существо, внезапно перенесенное в их собственный, трехмерный мир, способное увидеть лишь поперечные сечения деревьев, скал, движущихся машин и пытающееся сложить все эти объекты в

сколько-нибудь разумную картину.

Оно могло составить некий двумерный символ или представление — естественно, плоское. Однако для двумерного существа это и было бы целым объектом.

Не то ли сейчас происходит и с ней самой: она смотрит на меняющиеся картины и не понимает, каким образом можно соединить их в единое целое — в том измерении, которого не видит глаз, но которое, быть может, способен осознать мозг…

— Послушай, — проговорил Искатель.

Странное сочетание гудков, грохота и визга заполнило все пространство. Искатель заткнул уши.

— Сейчас мы слышим звуки такими, какими они бывают в четырехмерном пространстве, где волны распространяются по-разному, вихрями и волновыми пакетами.

Клий в расстройстве замахала руками — ничего другого она просто не сумела придумать. Низкие резонирующие вибрации исходили даже из нее самой.

— Эти волны едва ли способны причинить ущерб.

— Но кто-то словно бы вещает в моем нутре!

— Музыка или голос? Мы должны найти способ

поговорить с ними.

— Понимаешь, если Морфы способны видеть нас насквозь со всеми потрохами, может, они сумеют заметить, что воздействуют на все мое тело?

Она покружилась, кувыркнулась, скакнула, ощущая себя безумной танцовщицей. Несколько мгновений в этой невесомости, и она запыхалась. Тут что-то привлекло ее внимание.

Прямо возле нее плыл в воздухе трепещущий мясистый ком (хотелось бы знать, какой смысл теперь имеют эти слова «возле нее»). Она осторожно протянула руку, но схватила лишь воздух. Однако в глазах Клий ее рука растянулась, став тонкой и длинной, исчезающей вдали в немыслимой перспективе.

Ком рос, изгибался, краснел. Она протянула руку еще раз… и ощутила другое измерение.

* * *

Гладкая, теплая поверхность. Гладкое вдруг сделалось липким, когда она продвинула свою руку вдоль длинного туннеля перспективы. Синие шипы пробились сквозь «кожу» кома, как будто выросли из нее. Это волосы? Она прикоснулась к шипам — твердым, жарким, гудящим низкими

звуками, — но лишь ощутила это гудение, а не услышала его.

— Возможно, ты трогаешь его кости, — деликатно предположил Искатель.

— Бр-р-р. Надеюсь, ему это безразлично.

— Когда ты идешь по улице, тебя беспокоит тень? В известном смысле это похоже на то, как если бы нас посетило существо из мира двух измерений.

— А вдруг это одно из созданий, что вырвало нас из собственного пространства и едва не убило…

— Тогда ты должна добиться, чтобы тебя понимали, — сказал Искатель, величественным шагом обходя странный предмет, словно тот был произведением искусства, однако мех на спине псевдоживотного стоял дыбом.

— Не знаю, чего я хочу. Может быть, компенсации.

— Ну это вряд ли…

Маслянистые краски пахли старым склепом, потом их запах вдруг сменился запахом соленого воздуха. Никакого смысла за этим не угадывалось. А может, его просто не было.

Тьма сгущалась. Ее пронзали яркие, как неоновые огни, искры и светящиеся спиральные волокна.

— И все-таки это существо ведет себя пристойно, — проговорил Искатель, воодушевляясь. — Оно предоставило воздух, которым мы способны дышать — пусть он чуть суховат и плотен, — и тепло, которое мы в состоянии выносить.

— Лично я предпочла бы одиночество.

Клий понимала: они продолжают это подобие разговора просто потому, что им страшно. Их окружала реальность столь чуждая, что Клий ощущала себя поглощенной ею, заточенной во вселенной, остающейся за пределами всякого понимания, вращающейся вокруг абсолютно неизвестной оси по собственным, ни на что не похожим законам.

— Я ощущаю чье-то приближение, — заметил Искатель.

Воздух словно вспыхнул. Висевшие в пространстве гладкие, будто пластик, комья и стержни вдруг приобрели плотность, сделались волокнистыми, пододвинулись ближе.

Шпок!

— А вот и наши кристаллы! — Клий подобрала забарабанившие о твердую поверхность предметы.

Черная мембрана была уже совсем рядом, от нее веяло теплом…

…внезапное напряжение, как будто кто-то потянул ее вбок…

…хлопок… и ноги Клий ощутили песок.

Она утратила равновесие, упала, покатилась. Гладкие комья окружали ее со всех сторон. Но за ними…

Горы, синие, увенчанные белыми шапками. Она узнала их — долину, в которой располагалась Библиотека Жизни.

— Нас вернули домой!

Место раскопок находилось совсем рядом. Поблизости никого не было, но оборудование работало. Они находились на значительном расстоянии от того участка, с которого начинали работу, а время близилось к полудню. Хотелось бы знать, сколько они отсутствовали. Как идет время в высших измерениях? Если Вселенная обладает всего лишь одним временным измерением, это означает, что оно является общим даже в высших пространствах. Но если временных измерений два?..

Она тряхнула головой. Довольно!

Искатель кивнул.

— Мне хотелось бы, чтобы они остались, пока мы не сумеем извлечь какую-нибудь пользу из пережитого.

Клий рассмеялась чуть безумным смешком, ощущая, что напряжение начинает спадать.

— Довольно с нас и того, что мы сами остались живы.

— Тем не менее… — Искатель покрутил рыльцем. Псевдоживотное направилось к раскопочному оборудованию и сняло панель с инструментами. Четырехмерные комья и стержни окружали его во всей красе своей красно-розовой окраски, пронзаемой белыми полосами.

Некоторые из них увязались за Искателем, другие остались с ней. Присутствие их тревожило Клий.

Искатель выбрал длинный и изогнутый инструмент с острым раздвоенным наконечником. Быстрым и ловким движением он вдруг повернулся и пронзил ближайший к нему ком.

В четырехмерном стане началось смятение. Отмахнувшись от одного из стержней, Искатель отступил на шаг и принялся разглядывать последствия своего поступка. Ком затрепетал и съежился, сдулся, превратился в розовую пластину, потом в трубку, потом в каплю. Она съехала к одному концу инструмента, затем к другому, но высвободиться не сумела.

Вся компания закружила встревоженным

вихрем. А потом все они сомкнулись вокруг пришпиленного к земле кома.

— Пожалуй, нам следует поискать помощи, — предложил Искатель и тут же помчался прочь. — Нужно отыскать какой-нибудь более надежный способ задержать эту часть четырехмерного Морфа в нашем измерении.

Клий побежала следом за Искателем. После стольких проведенных в невесомости дней ноги ее с истинным наслаждением прикасались к земле.

— А почему они не могут просто извлечь стержень?

— Не знаю, однако игла способна задержать палец в двух измерениях, поэтому…

— Что? Это была только догадка?

— Конечно.

Клий покачала головой, усмехаясь.

— Они могли убить тебя. Опасная игра, о, Искатель Мудрости.

— Они только что вернули нас — не для того ведь, чтобы тут же уничтожить?

В качестве доказательства вся компания плавучих слезинок и стержней увязалась за ними. Клий оглянулась; ком оставался пришпиленным к земле.

— Ты зафиксировал его в трехмерном пространстве… Это все равно, как если бы твоя собственная ладонь прилипла к плоскому листу бумаги.

— Давай поторопимся и подумаем на ходу. Они могут найти способ освободить эту часть Морфа.

— Но слово «они» здесь неуместно — это одно существо.

— Быть может. Но как нам судить об этом? Наши глаза в данном случае являются неподходящим инструментом.

Обдумывая эти слова, она погрузилась в наслаждение бегом. Да, существо, находящееся в трех измерениях, не в состоянии видеть то, что находится в четвертом. Люди пользуются практически двумерной сетчаткой, пусть она и расположена внутри сферического глаза, а потом мозг создает изображение окружающего нас трехмерного мира. Значит, у четырехмерного Морфа должен быть трехмерный глаз. Сфера, позволяющая создавать изображение четырехмерного мира. Добавь еще одно измерение, и пятимерному существу потребуется гиперсфера, чтобы видеть окружающий мир.

К собственному удивлению, она начинала переходить на строй мыслей Искателя. Она и в самом деле могла представить себе четырех-

мерный мир, хотя увидеть его не имела никакой возможности. Пока не имела.

Искатель блаженно тявкал на бегу. Он отмахнулся от плавучего стержня, послушно отплывшего в сторону и вновь пристроившегося над головой. Бело-розовые пчелы, нарисованные рукой сюрреалиста…

— Только представь себе, какие тайны может открыть нам четырехмерный разум! — восхищался Искатель. — Какие совершенно непостижимые для нас истины о пространстве. Вот ведь и муравей, ползая по столу, не знает, что сидящий за столом человек занят расчетами.

Клий усомнилась.

— Если только они сочтут это нужным.

— А зачем еще им понадобилось устраивать нам экскурсию в свернутую вселенную, в эту Трубу? Это был эксперимент! Предпринятый для того, чтобы вступить с нами в контакт. Путешествовать в пространственных измерениях нелегко, и это мы с тобой вполне ощутили на собственной шкуре.

— Возможно, ты прав, и нам следует воспринимать пережитое именно таким образом.

— Назад пути нет!

Клий усмехнулась. Прежде Искатель никогда

не проявлял подобного энтузиазма. Псевдоживотное приходило в себя после долгих и полных страха дней, хотя, конечно же, никогда не признается в этом.

— А, представляешь себе, что могли бы мы рассказать «плоскати-кам», жителям двумерной Флатландии, если бы таковая действительно существовала. И такое же богатство сумели бы получить мы сами, — продолжал восторгаться Искатель, — если бы научились общаться с обитателями четырехмерных пространств.

Клий рассмеялась снова. Она была дома и видела перед собой новые горизонты.

Перевод: Ю. Соколов

Водородная стена

Посвящается Фреду Лернеру.
Скрытая мудрость и утаенное сокровище — какая польза от обоих?
(Сирах 20:30)

И чего же ты хочешь? — префект приподнял бровь. Такого вопроса она не ожидала. — Э-э… переводить. Учиться. — Даже для нее ответ прозвучал неуклюже, а хмуро-презрительный взгляд префекта подтвердил, что и он ожидал услышать нечто легковесное. Ладно, тогда добавим агрессивности: — Если мне позволят, Архитектуре Стрельца. На угловатом лице префекта отразилось удивление, которое он быстро стер, поджав тонкие, сухие губы. — Это очень древняя проблема. Ты ведь не полагаешь, что стажеру по силам преуспеть в таком классически трудном деле?

— Полагаю, — решительно отозвалась она. — Именно потому, что оно так хорошо документировано.

— Столетия тщательно спланированных исследований поведали нам об Архитектуре Стрельца очень немногое. Это образец Разумной Инфор-

мации наивысшего порядка сложности, и она не вознаграждает тех, кто проявляет к ней лишь простое любопытство.

— И все же мне хочется попробовать ее взломать.

— Неофит…

— …способен взглянуть на проблему свежим взглядом.

Собеседники знали, что по традиции Библиотеки кандидат в библиотекари может выбрать себе первую тему для работы. Почти все, следуя традиционной мудрости, выбирали небольшое Послание, что-нибудь из наследия цивилизации первого типа, едва достигшей галактической стадии развития. Нечто, напоминающее первые послания Земли. Связываться же с действительно крупной проблемой было полным безрассудством.

Но в надменном взгляде префекта мелькнуло самодовольство, и оно пробудило в ней старое, уже полузабытое желание. Префект фыркнул:

— Один лишь просмотр уже накопленных материалов отнимет много времени.

Она подалась вперед:

— А я уже много лет изучаю Архитектуру Стрельца. Это стало для меня чем-то вроде навяз-

чивой идеи.

— Гм-м-м…

У нее имелся весьма скромный опыт общения с подобными людьми. Префект, с его непроницаемым лицом и ровными интонациями нейтральных предложений, казался ей странно аскетичным. У нее даже создалось впечатление, что для расшифровки его мыслей требуются примерно те же умения, которые она осваивала все годы учебы. Но в тот момент ее охватывало лишь ощущение собственной неопытности, усиленное царившей в кабинете тишиной. В конце концов, префект мог оказаться прав. И она уже стала мысленно составлять фразу для вежливого отступления.

Префект негромко вздохнул. И добавил:

— Ну хорошо. Отчеты подавай еженедельно. Она моргнула и пробормотала:

— Э-э-э… большое спасибо.

Выйдя из кабинета префекта, Рут Энгл провела ладонями по вышитой, строго традиционной форменной блузе стажера — то была рефлекторная успокаивающая привычка, от которой она никак не могла избавиться. Болтливый язык поставил ее в затруднительное положение, и выхода она не видела. Кроме одного — прямо сейчас

вернуться к префекту и попросить у него совета в подборе более простого Послания. Из числа тех, которые ей по зубам.

Нет, черта с два! Устремленные ввысь рифленые алебастровые колонны библиотечного Центрекса[14] напомнили о величии этого учреждения и укрепили ее решимость.

Сейчас, на пороге четвертого тысячелетия, лишь несколько сооружений могли хотя бы приблизиться к Библиотеке по масштабам и великолепию. С того дня, когда были перехвачены первые сигналы других галактических цивилизаций, а случилось это почти тысячу лет назад, человечество не сталкивалось с более важной задачей, чем добывать знания из этого неиссякаемого источника.

Со временем и Библиотека стала похожа на свое содержимое: огромная, старинная, полная таинственных темных закоулков. В ее официальном пантеоне, хранящем полноцветные движущиеся статуи легендарных Собеседников, стоял блок из черного базальта — «Ро-зеттский камень», символ всего, чему библиотекари способствовали. Высеченным на его поверхности письменам

---

[14] Примечания: 14
Составное слово (центр + комплекс). *(Здесь и далее прим. перев.)*

исполнилось уже почти три тысячи лет. Проходя мимо, Рут подумала, насколько легкую для разгадки задачу они олицетворяют. Это всего лишь случайно найденный, один и тот же линейный текст на трех человеческих языках. Наличие текста на «греческом-2», который первооткрыватели могли прочесть, означало, что они сумеют расшифровать и курсивные демотические значки, и египетские иероглифы. Эта потрепанная временем черная плита, найденная солдатами, расчищавшими площадку для строительства форта, связала цивилизации, разделенные тысячелетиями.

Протянув слегка дрожащую ладонь, она погладила холодный гладкий камень. Прикосновение вызвало у нее невольный трепет. Те, кто здесь служил и работал, были частью великой многовековой традиции, уходящей корнями к самой сущности человека.

Ее легкие шаги беспечным звоном раздавались в мрачной атмосфере высоких тенистых залов и хранилищ. Мимо беззвучно мелькали писцы в развевающихся фиолетовых одеяниях. Она была здесь шумным новичком и знала это.

Только вчера она, спустившись с низкой окололунной орбиты, ехала к Библиотеке на

фуникулере, с радостью вспоминая просторные лунные купола и ненавязчивую гравитацию. Здесь прошло ее начальное обучение, за ним последовали два обязательных года на Земле. Советникам нравилось прочно держать в руках руководство Библиотеки, поэтому выпускную учебную работу ей пришлось делать в суетливой и шумной Австралии, неподалеку от пенистых волн и темно-желтых пляжей. Луна же была местом более серьезным и неизменным.

Вышагивая пружинистой походкой человека, все еще приспосабливающегося к гравитации, она наслаждалась видом молочно-белых склонов далеких кратеров.

Стрелец, я иду.

Следующей и самой важной была для нее встреча с Верховным нотом[15]. Она соблюла обычные протоколы, обращаясь по очереди к менее значимым членам иерархии, пока ее не допустили к Сайло — гладкокожему ноту, который, очевидно, не научился улыбаться. Но не исключено, что причину этого следовало искать на клеточном уровне: ноты производили в своих организмах хитроумные настройки, компенсирующие их

---

[15] Примечания: 15
Nought — ничто *(англ.)*.

глубоко бесполую суть.

— Надеюсь, ты сможешь добиться согласованности с Архитектурой Стрельца, — произнес Сайло ровным тоном, каждая фраза заканчивалась легким урчанием. — Хотя я сожалею о твоих напрасно потраченных усилиях.

— Напрасно?

— Ты, разумеется, потерпишь неудачу.

— Но, возможно, свежий взгляд…

— Так говорили многие сотни стажеров до тебя. Хочу напомнить о последнем указании, полученном нами от Советников, — гелиосфер-ной угрозе.

— Я думала, здесь почти ничего нельзя сделать.

— Похоже на то. — Сайло нахмурился. — Но и оставить попытки мы тоже не можем.

— Разумеется, нет, — согласилась Рут, надеясь, что выглядит серьезной. Она прекрасно сознавала, насколько трудно ей будет постичь эту личность, изрекающую только выводы и решения.

Ноты доказали свою незаменимость уже много веков назад. Полное отсутствие сексуальных аппетитов и органов, как физических, так и ментальных, снабдило их безжалостной объ-

ективностью. В роли дипломатов, работающих по контракту ученых и третейских судей они оказались непревзойденными. Они заменили большую часть разросшегося юридического аппарата, который обременял общество в ранние столетия.

Без их умения проникать в суть вещей Библиотека вряд ли смогла бы функционировать. В отличие от сочинений, написанных людьми, инопланетные тексты лишены бездумной ауры сексуальности. Или, точнее, Послания могли изобиловать инопланетной сексуальностью, как бы создатели ни пытались сделать их объективными и прозрачными. И пробиваться сквозь нее обычным людям было очень нелегко. В первые десятилетия своего существования Библиотека упорно сражалась с этой проблемой, но решили ее ноты.

Сам процесс перевода Посланий, выполняемый мужчиной или женщиной, значительно искажал их смысл. И многие переводы, сделанные в первые годы, оказались затуманены «человеческим фактором». Впоследствии для очистки этих ранних текстов были приложены немалые усилия. Ныне же ни одна работа не покидала Библиотеку без контрольного просмотра нотов, во время ко-

торого устранялись непреднамеренные ошибки.

— Вторжение в гелиосферу оказалось непосильной задачей для наших лучших умов, — мрачно проговорил Сайло. — Я хочу подойти к ней с другого конца. И хоть один раз Библиотека сможет принести немедленную пользу.

Рут эти слова озадачили. Во время обучения ей говорили о более возвышенных аспектах миссии Библиотеки. О том, что она стоит на берегу потока времени. Любой, кто желает сосредоточиться на Посланиях, предназначенных храниться вечно, обязан мысленно дистанцироваться от повседневных событий.

— Я не совсем понимаю…

— Подумай о Библиотеке так, как это делают непосвященные. Им редко удается осознать те ее высшие функции, которые должны обеспечивать мы. Вместо них они видят лишь мимолетную возможность. Вот почему нас заваливают просьбами взглянуть на Хранилища как на источник изобретений, всяческих трюков и новинок.

— А мы, как нам и положено, такие просьбы отвергаем, — поддакнула Рут, надеясь, что ее слова не покажутся слишком уж верноподданическими.

Но Сайло одобрительно кивнул:

— Вот именно. Я думаю, что древнее общество, наподобие Архитектуры Стрельца, уже сталкивалось с подобными проблемами. И куда лучше наших астроинженеров знает, как справиться с разбушевавшимися природными силами.

— Понимаю. — И почему она сама об этом не подумала? Слишком погрузилась в эту культуру абсолютного благоговения перед величественностью задачи Библиотеки? — Э-э… но мне трудно представить, как…

— Твоя задача не представлять, а постигать, — строго произнес Сайло.

Ноты ее смущали, а Сайло — особенно. Многие из них обходились без волос, но Сайло щеголял ободком вьющихся, бронзово поблескивающих локонов, создававших впечатление, будто на его голый череп опустился нимб. Бледные ресницы нота моргали редко и неторопливо, демонстрируя розовые упругие веки. Белесые, почти невидимые брови постоянно оставались приподнятыми, поэтому каждое его слово как бы таило в себе подтекст, а интонации проскальзывали между слогов со звучным изяществом. Выражения лица перетекали от одного нюанса к другому, а само оно напоминало пластичный материал, без устали меняющий форму, подобно глади пруда,

которую морщит неощутимый ветер. Ей пришло в голову, что не помешало бы записать все его высказывания. Даже не моргнув, Рут включила режим записи, позволив встроенному в спинной мозг блоку памяти записывать все, что прошло сквозь ее глаза и уши. Так, на всякий случай.

— Возможно, я не слишком следила за новостями, — сказала она. Казаться скромной — всегда кстати. — Вторжение…

— Почти достигло орбиты Юпитера, — сообщил Сайло. Стена за его спиной превратилась в экран, на котором солнце отважно пробивалось сквозь бурю межзвездного газа.

Человечество лишь недавно узнало, что зародилось в благоприятную эпоху. Когда-то древняя сверхновая звезда породила «пузырь» в межзвездном газе, и Земля плыла сквозь этот почти чистый вакуум все то время, пока млекопитающие эволюционировали от древесных землероек до разумных покорителей планеты. Во всех же прочих отношениях Солнце ничем особым не выделялось. Обращаясь вокруг центра Галактики, оно перемещается за миллион лет всего на пятьдесят световых лет. При этом каждые тридцать три миллиона лет оно то поднимается над галактической плоскостью, то опускается ниже

ее — этого ныне оказалось достаточно, чтобы лишиться защиты локального «пузыря». И теперь плотный межзвездный водород давил на порождаемый Солнцем плазменный ветер, пробиваясь во владения хрупких и уязвимых планет.

— Вчера водородная стена начала бомбардировку колонии на Га-нимеде, — произнес Сайло со странным беспристрастием, которое и по сей день нервировало Рут — словно ноты, не будучи мужчинами или женщинами, обладали правом наблюдать за людскими страстями как бы со стороны. — Нам, работающим в Библиотеке, поручено сделать все возможное для поиска знаний, имеющих отношение к нашей общей катастрофе.

Стенной экран уловил этот намек и показал полумесяц Юпитера на фоне звездного неба. Рут увидела, как с охватывающей Юпитер рубиновой ударной волны сорвалась, закручиваясь спиралью, новая вспышка. Полумесяц казался рябым из-за колоссальной турбулентности — его усеивали вихри и воронки, в которых легко утонула бы одна из внутренних планет системы.

— Но мы ведь не можем изменить межзвездную погоду.

— Мы должны попытаться. Древние обитатели

Галактики, возможно, знают о мире, пережившем такую безумную атаку.

Космическая оболочка Солнца — гелиосфера — столкнулась с плотным сгустком газа и плазмы восемьдесят восемь лет назад. В нормальных условиях частицы солнечного ветра легко справляются с межзвездной средой. Многие тысячелетия давление солнечного ветра сопротивлялось давлению межзвездного газа, образуя тонкий барьер на расстоянии в сотню астрономических единиц[16] от уютного мирка внутренних планет системы. Теперь же барьер втиснуло в глубь системы, к орбитам внешних планет.

Масштаб изображения на стене изменился. Рут увидела то, что осталось от владений, где доминировал солнечный ветер. Картинка напоминала вид сверху на идущий по океану корабль: головные волны, образующиеся на носу, откатывались назад, приобретая характерный параболический изгиб.

Под неумолимо нарастающим давлением все более плотного межзвездного газа и пыли этот фронт давления размывался. Солнце билось о водородную стену со скоростью шестнадцать

[16] Примечания: 16

Астрономическая единица — расстояние от Земли до Солнца, около 150 миллионов километров.

километров в секунду, и его слабенький ветерок отбрасывало вспять, к цивилизованным планетам. Базу на Плутоне люди покинули десятки лет назад, а спутники Сатурна — лишь недавно. Потоки частиц с высокой энергией и внезапные космические бури погубили многих. Странной жизни в океане Европы ничего не грозило под десятикилометровой толщей льда, но это было слабым утешением.

— Но что мы можем сделать? — вопросила она.

— То, что в наших силах.

— Да одни магнитные завихрения на фронте ударной волны обладают большей энергией, чем есть у всей нашей цивилизации.

Сайло ответил ей взглядом, напомнившим Рут о том, как она еще девочкой наблюдала за брачным танцем насекомых. Сдержанная неприязнь.

— Мы здесь не задаем вопросов. Мы слушаем.

— Да, самость.

Похоже, это формальное обращение, которое ноты предпочитали употреблять взамен «господина» или «госпожи», доставило Сайло удовольствие. Весь остаток разговора с его губ не сходила еле заметная улыбка, и Рут даже почти удалось ощутить личность за этой ледяной отстраненностью. Почти.

Административный купол Рут покинула с облегчением. Библиотека раскинулась по всей равнине, залитая потрясающим светом полумесяца Земли, зависшего над зазубренным белым горизонтом. Под этой нетронутой территорией хранились криофайлы всех передач, полученных от Галактического Комплекса — сосредоточения бесчисленных цивилизаций, процветавших задолго до рождения человечества. Гигантский и по большей части недоступный ресурс. Грандиознейшая интеллектуальная свалка.

Библиотеки служили памятниками не столько Прошлому, сколько Неизменности как таковой. Рут дрожала от нетерпения. Она только что прошла свои первые собеседования и теперь имела право исследовать миллионы проспектов галактического прошлого. А Стрелец был знаменит плотностью информации, многослойной и глубокой. Ее манила неизведанность.

Но еще ей придется иметь дело с тонкостями отношений внутри самой Библиотеки. Сейчас они представлялись ей столь же пронизанными тайными проходами и бюрократическими лабиринтами, как и беспредельное содержимое Библиотеки. Рут напомнила себе, что надо быть осторожной, постараться не проявлять

свойственное ей ехидство. И для тренировки склонила голову, проходя мимо пожилого нота.

Величайшая из библиотек древности находилась в Александрии, в Африке. Историк описывал существование александрийских библиотекарей с завистью: «У них была беззаботная жизнь: бесплатная еда, высокое жалованье, никаких налогов, очень приятное окружение, хорошие жилища, личные слуги. И у них имелось предостаточно возможностей для взаимных ссор».

С тех пор мало что изменилось…

Ее соседка оказалась желанной противоположностью нотам. Невысокая и подвижная, Каткеджен никак не походила на типичного кандидата в библиотекари. Она расхаживала по комнате в открытом саронге и потягивала стимулятор, вряд ли разрешенный в «Памятке стажера».

— Оказывай им уважение, — бесцеремонно посоветовала она, — но не покупайся на всю эту чепуху насчет «достоинства нашей профессии». А то тебя вскоре начнет от нее тошнить.

— И за это меня отшлепают, — улыбнулась Рут.

— А я считаю, что библиотекарям нравится иногда говорить друг другу дерзости. Это поддерживает в них бойцовский дух.

— Слушай, а ты откуда? С Марса?

— Ну, для меня это слишком изнеженный народец. Нет, я гани. С Ганимеда.

— Из породы пионеров, значит? — Рут поудобнее растянулась на кровати, испытывая особое удовольствие после обычного для библиотекарей долгого сидения с прямой спиной. Здесь никто не горбился над книгами в классической позе ученого. Библиотекари держались прямо, работая с аппаратурой кругового проецирования информации. — И всю жизнь провела в толще льда?

— Не верь всему, что про нас болтают. — Кат-кеджен величественно махнула рукой, удлинив три рабочих пальца для усиления эффекта. — Мы часто вылетаем на разведку внешних лун.

— Значит, ты богата? Хотя какой смысл в богатстве, если приходится всю жизнь укрываться за магнитными экранами?

— Опять шаблонная мысль. Далеко не каждая разведка делает нас богатыми.

Протонный ливень на Ганимеде был смертельно опасным, но обработанные радиацией элементы, добываемые на внутренних спутниках Юпитера, действительно многих обогатили.

— Так ты из бедной семьи, которой пришлось избавиться от самой умной дочери?

— Еще одно клише. — Каткеджен скорчила гримаску. — Надеюсь, тебе повезет больше, и ты отыщешь что-нибудь оригинальное в… как это называется?

— Архитектура Стрельца.

— Бр-р-р! Говорят, это настоящая гидра.

— Каждый раз, когда к ней подключаешься, тебе отвечает другой разум?

— Если это вообще можно назвать разумом. Как я слышала, оно больше смахивает на говорящее тело.

Рут много читала о Стрельце, но эта информация оказалась новой. Все здесь знали, что при общении с чужим сознанием дуализм разум-тело теряет смысл, но как это происходит, все еще оставалось загадкой. Она нахмурилась.

Каткеджен шутливо ткнула ее в бок:

— Все, хватит на сегодня! Пошли в купол с высоким давлением, полетаем.

Рут неохотно согласилась, но так и не смогла полностью отключиться от волнующих ее мыслей. И даже устремившись в долгий и безмятежный полет над заросшими папоротником холмами в куполе развлечений и скользя под ошеломляюще прекрасным кольцом орбитальных колоний, образующих сверкающее ожерелье

в оранжевом небе, она думала о труднейшей задаче, которая ее ждет.

Она в своем личном коконе. Ну, наконец-то!

После встречи с Сайло прошла неделя. За это время Рут подверглась окончательному нейронному кондиционированию. И вот настал долгожданный миг: она установила прямую информационную связь с Архитектурой Стрельца.

Ее кокон выполнял роль нейронной сети, используя для передачи информации все тело девушки. По коже Рут прокатились волны ощущений, от пальцев ног стало подниматься щекочущее покалывание.

Она почувствовала стремительный натиск мышечных импульсов — это созвездие слияний стягивало ее в тугой комок. Архитектура Стрельца использовала для ввода информации почти весь доступный ей человеческий ландшафт. Акустические всплески в ушах, от которых начинала кружиться голова, резкие запахи, звенящие какофонии эфемерных узоров, болезненные спазмы внутренних органов — стажеры были обязаны знать, как все это может передавать смысл.

Знать-то они знали, но вот как перевести этот смысл на человеческий язык?.. После таких переживаний человеческая речь воспринималась не

иначе как бормотание заики, страдающего клаустрофобией. Ее линейная смысловая структура и хрупкие попытки связывания концепций были простыми, утилитарными и типичными для все еще молодого, по галактическим масштабам, разума.

Наиболее сложной задачей оказался перевод этих плотных сгустков смешанных ощущений в более или менее понятные предложения. Только так человек мог хотя бы уловить их смысл, пусть даже искаженный и размытый. Во всяком случае, именно это утверждал накопленный учеными опыт.

Рут ощутила, как ее омывает поток пронизывающих откликов, исходящих из глубин ее тела. Это заработали ее внутренние подсистемы, ассоциированные с высокоскоростными брызгами смыслов — на самом деле, догадок. У нее имелся обширный запас встроенных процессоров, расположенных в спинном мозге и плечах. Никто не стал бы и пытаться решать столь трудную задачу без искусственных усилителей. Попытка обработать такие блоки исходной информации всего лишь за счет возможностей человеческого мозга была бессмысленной и весьма опасной. Столетия назад библиотекари погибали уже

после нескольких микросекунд пребывания в таком многослойном лабиринте, как Архитектура Стрельца.

Годы тренировок научили Рут противостоять яростному буйству прямого контакта, но даже сейчас ее била холодная дрожь ужаса. Его она тоже должна была научиться преодолевать. Контакт усиливал любое нейронное состояние, в котором находился человек. По одной из легенд, библиотекарь однажды установил контакт в состоянии раздражения, и это вызвало у него припадок, из которого он уже не вышел. Когда его тело обнаружили, оно было буквально испещрено пятнышками микроконтузий.

Первая информация оказалась примерно такой, какой и ожидала Рут:

Обескураживающий многослойный язык. То-

гда она перешла на более легкую нотацию[17], пропустив данные через спинной интерфейс, и услышала/ощутила/прочитала:

Гораздо понятнее, но все еще… Она сосредоточилась…

Приветствуем тебя, новый разум.

— Здравствуй. Я пришла с уважением и новыми подношениями. — То было стандартное начало диалога, отточенное пять столетий назад и с тех пор не менявшееся.

Каково же твое подношение?

— Новые культурные нюансы. — Тоже ритуальное обещание, хотя вряд ли его когда-либо удастся выполнить. За последнее столетие на контакт со Стрельцом выходили всего несколько раз. Ныне даже наиболее амбициозные из библиотекарей почти оставили эти попытки.

---

[17] Примечания: 17

Нотация — условные знаки, применяемые для выражения каких-либо понятий.

Она ощутила нечто вроде мимолетной радости, затем: *С тобой мы склонны поступить иначе.*

Черт! Такой ответ никогда не был зарегистрирован, и быстрый запрос это подтвердил. Похоже, принято решение прервать контакт. Точно такая же увертюра прекрасно сработала для шести предыдущих стажеров. Впрочем, дальше никто из них так и не продвинулся — Стрелец потерял к ним интерес и снова замолк. Самое большое оскорбление для стажера — когда тебя игнорируют. И, кстати, самое обычное. Для продвинутых разумов люди, мягко говоря, скучноваты. Но хуже всего то, что очень редко удается понять, из-за чего тебя отвергли.

Так что же означает его ответ, черт побери? Рут заерзала, лихорадочно размышляя, пока не сообразила, что неуверенность влияет на состояние ее нервной системы. Тогда она решила не забивать себе голову.

— Я открыта для предложений и просвещения.

Пауза затягивалась. Рут старалась дышать ровно. Приемы медитации помогли, но так и не смогли окончательно развеять тревогу. Может, она и в самом деле откусила больше, чем способна проглотить?

И тут Стрелец выдал трепещущий поток инфор-

мации, который она преобразовала в несколько предложений:

Как вид вы технологически одарены, но философски незрелы, и это обычное для новых возникших разумов состояние. Но Нас интригует ваше животное свойство физически выражать свои чувства. Часто вы даже не осознаете свои поступки, что делает их еще более разоблачающими.

— Да? — Она села и скрестила ноги. Физическая поза могла помочь ее ментальному профилю. До сих пор реакции Стрельца находились в пределах традиции, последний же отклик был новым.

Вы так упорно концентрируетесь на своих линейных группах слов, что забываете, как вас выдают движения, позы и выражения лиц.

— Тогда что я сейчас говорю?

Что ты должна приноравливаться к Нам, пока не сможешь задать вопросы о гелиосферной катастрофе.

Рут рассмеялась. Ощущение оказалось приятным.

— Я настолько очевидна?

Многие общества Мы познаем только посредством цепочек битов и абстракций. Такова природа бинарных сигналов. Вас же Мы можем

понять и через ваше подсознательное «я».

— Вы хотите что-то узнать обо *мне?*

Мы слышали достаточно симфоний, уж поверь Нам.

Ответ, во всяком случае, был прямым. А множество раз в прошлом, как ей удалось узнать, они были не столь откровенны. Архитектура обратила на нее внимание — а это уже удача!

— Мне жаль, что наши формы искусства для вас скучны.

Многие существа, которые используют акустические средства, считают, что их формы искусства суть самые важные и ценные аспекты их разумов. Как показывает Наш опыт, это редко соответствует действительности.

— Значит, вовлеченность или соучастие для вас важнее?

В данный момент — да. Помни, что Мы есть развивающийся композит ментальных состояний, причем не в меньшей степени, чем вы. Ты никогда не сможешь встретить тех же Нас снова.

— Тогда вас следует называть…

Мы знаем ваш термин «Архитектура» и считаем его… забавным. Пожалуй, лучше видеть в Нас композитное существо. Такое же, как и вы сами,

хотя вы и не можете осознать этот аспект. Вам кажется, будто вы — унитарные сознания, управляющие своими телами.

— А это не так?

Разумеется, нет. Лишь немногие из известных Нам разумных существ знают о своей базовой ментальной архитектуре столь же мало, как вы.

— А не может ли это стать для нас преимуществом?

Ответ сопровождался мимолетным ощущением, чем-то вроде усмешки:

Возможно. Очевидно, всё лучшее вы делаете за кулисами. И когда у вас появляются идеи, вы даже не понимаете, где их источник.

Рут попыталась вообразить, как она наблюдает за собственными мыслями, но так и не смогла.

— Тогда давайте… ну…

Поболтаем?

Какой странный выбор слова. Его нейронный тон содержал нечто вроде дрожи удовольствия и отозвался в ее теле длинными, медленными волнами.

— У меня от твоих слов просто мурашки по коже, — призналась Каткеджен. Они сидели в главном кафетерии, и Каткеджен проворно ору-

довала ложкой. Рут успела заметить, что многие гани любят как следует поесть.

— Если честно, то никакие тренировки не смогли подготовить меня к этой… холодности и…

Каткеджен понимающе кивнула:

— И интимности?

— Гм-м, да.

— Послушай, как и ты, я работаю в коконе всего пару недель. Но мне уже стало совершенно ясно, что мы в основном ведем переговоры, а не переводим.

Рут нахмурилась.

— Нас предупреждали, но все же…

— Слушай, это очень умные ребята. И странные настолько, что вообразить трудно. Но они заперты в маленьком пространстве и живут там кибержизнью. Мы для них просто развлечение.

— А я развлечение для вас, дамы, — подхватил молодой человек, присаживаясь за их столик и церемонно пожимая девушкам руки. — Джеффри Чандис.

— И как ты собираешься нас развлекать? — скептически улыбнулась Каткеджен.

— Как насчет этого? — Джеффри встал и опустил ладонь на столик. Ловко оттолкнувшись, через мгновение он уже оказался вверх ногами,

балансируя на одной руке и приветливо помахивая второй.

— Ты хайджи! С планеты, где высокая гравитация! — Каткеджен зааплодировала.

Парень сменил опорную руку.

— На мой взгляд, эти жалкие лунные 0,19 g просто очаровательны. Рут обвиняюще выставила палец:

— Столь же очаровательны, как один красный носок и один синий?

Совершенно не смутившись, Джеффри оттолкнулся, крутанул сальто и приземлился на обе ноги, даже не сделав шаг назад для восстановления равновесия. Рут и Каткеджен одарили его улыбками.

— Носки — это лишь детали, дамы. Я же стремлюсь к сути.

— Ты ведь с того же курса, что и мы, верно? — спросила Каткед-жен. — Я видела тебя на церемонии открытия.

Джеффри сел, но сперва подбросил стул, заставив его описать в воздухе эффектную кривую.

— Нет, я просто забежал сюда перекусить. А вас я старше на целый год.

— Я всегда думала, что те, кто вырос при высокой гравитации… как бы это сказать…

— Больше интересуются физической стороной жизни? И неподходящий корм для Библиотеки? — Он ухмыльнулся.

Рут почувствовала, как у нее запылали щеки. Неужели ее мысли так легко прочитать?

— Ну… да.

— Мои родители, да и мои друзья — все помешаны на атлетике. А я вот взбунтовался. Потому что в душе я бунтарь.

— Даже против нотов? — улыбнулась Каткеджен. Он пожал плечами:

— Обычно мне удается избежать столкновения с ними. Рут кивнула:

— Я бы тоже предпочла, чтобы они меня игнорировали.

— Знаете, — задумчиво произнесла Каткеджен, — по-моему, они очень напоминают Разумы.

— Потому что они самый странный вариант людей? — медленно проговорила Рут.

— Для меня они словно инопланетяне, — заявил Джеффри. — Сам я откажусь от секса, только когда останусь без последнего зуба. Может быть. Но уж никак не раньше.

— Иногда они меня просто в дрожь вгоняют, — поделилась Каткеджен. — Как-то на прошлой

неделе, ночью, я относила в архив старинный письменный документ. А мне навстречу — три нота в плащах с капюшонами. Само собой, в черных. Так я сразу шмыгнула в боковой коридор — настолько они меня напугали.

— Женщине их бояться нечего, — заметил Джеффри. — А вы знаете, когда несколько веков назад Гильдия нотов только-только зарождалась, они решили, что будут ходить во всем черном, брить головы и так далее, просто из экономии. Но все стали воспринимать это как облачение распорядителей на похоронах. В том смысле, что они собирались похоронить все наши традиционные методы перевода, завязанные на секс.

— А я-то думала, что хорошо изучила историю Библиотеки, — восхищенно сказала Каткеджен. — Отличная байка.

— Однако они совершили несколько крупных прорывов, — возразила Рут. — Исторически…

— Так ли это на самом деле, утверждать невозможно, — сообщила Каткеджен. — Первые ноты отказывались даже от имен, поэтому мы не вправе приписывать им авторство каких-либо работ.

— Свое состояние они зовут Ничто, — с насмешливой серьезностью произнес Джеффри.

— Кстати, кое-что они упускали, — добавила

Каткеджен. — Например, переводили поэмы, пронизанные чувственностью, так, словно там повествовалось о битвах, хотя речь шла о любви.

— Скорее, о сексе, — поправил Джеффри. — Который может показаться сражением.

— Ну, нет, я им занимаюсь иначе, — рассмеялась Каткеджен.

— А вдруг ты занимаешься им неправильно? — Джеффри тоже рассмеялся.

— Знаете, а я иногда гадаю — завидуют ли нам ноты? Джеффри насмешливо хмыкнул:

— Они экономят много времени, отвергая наши игры. И потому могут анализировать Послания не торопясь.

Он взял кофейную чашку и заставил ее совершить в воздухе несколько почти невозможных кульбитов. У Рут возникло ощущение, что если она моргнет, то упустит из виду что-то существенное. Да, Джеффри парень быстрый. Его компактное тело, несмотря на бугрящиеся мускулы, обладало небрежной грациозностью. Однако обаяние его было не только физическим. Гладкость речи подчеркивалась странным произношением, которое добавляло голосу ровно столько модуляции, чтобы он звучал музыкально. Девушка подумала, что в Библиотеке, пожалуй,

вполне могут отыскаться и другие развлечения.

Она упорно работала, подвергая каждую микросекунду своих интервью с Архитектурой тщательному текстологическому анализу. Аналитические программы тоже делали свое дело, устраивая перекрестную проверку ее данных с накопленными за столетия предыдущими интерпретациями. Но им требовались указания того, кто пропустил все эти данные через собственный опыт и сознание: то есть ее.

И она ощущала, как давит на каждый ее перевод история Библиотеки. Любая перекрестная корреляция с огромным массивом данных по исследованию Архитектуры напоминала о необъятной истории усилий, вложенных в этот проект.

Когда столетия назад были приняты первые внеземные сигналы, они показались совершенно загадочными. Первоначальные торжества и полные самоуверенности речи скрывали эту истину, которая со временем превратилась в самый долгоживущий факт.

Те, кто занимался поисками космических цивилизаций, десятилетиями обшаривали все мыслимые частоты, от радиоволн до оптических импульсов, иногда залезая даже в рентгеновский

диапазон. Они не обнаружили ничего. Традиционно этот результат объясняли тем, что для отправки даже слабого сигнала на расстояние во много световых лет требуется много энергии. Следовательно, нужно тщательно изучить ближайшие звезды, напрягая электромагнитные уши в поисках сигналов скупых на энергию цивилизаций. Шансы на то, что поблизости отыщется цивилизация, заинтересованная в общении, были ничтожными, но и это был лишь один из неопровержимых фактов о космосе — оказавшийся ложным.

Те, кто искал поблизости, лишились доверия общества после многих десятилетий все более отчаянных поисков. К тому времени появилась и окрепла так называемая «Стратегия галактического центра». В ее основе лежал недавно открытый факт: образование второго поколения звезд в нашей Галактике началось в пределах начального звездного скопления в ее центре диаметром около десяти тысяч световых лет. Сверхновые вспыхивали там раньше и чаще, звезды располагались плотнее, и поэтому тяжелые элементы быстро накапливались. Три четверти звезд нашей Галактики, которые по своему спектральному классу способны поддер-

живать жизнь, оказались старше Солнца, причем в среднем более чем на миллиард лет.

Большая часть из них находится в огромной сияющей центральной «чечевице» галактического ядра, которое мы не видим из-за пылевых скоплений в районе созвездия Стрельца. Но в радиодиапазоне центр светится ярко. И целое скопище подходящих для жизни мест, где могли обитать древние цивилизации, укладывается в пятачок размером всего в несколько угловых градусов, если смотреть с Земли.

Воистину, мы жили на окраине — физически. А также и концептуально, как стало очевидно позднее.

В районе галактического центра в пределах одного светового года роятся тысячи звезд. На планетах этих звездных систем можно наслаждаться феерическим зрелищем десятков звезд, сияющих в небе ярче полной луны. Да, зрелище фантастическое, но на таких планетах никогда не появятся существа, способные увидеть это великолепие.

Плотный центр опасен. Взрывы сверхновых проносятся ударными волнами сквозь хрупкие солнечные системы. Протонные ливни заливают планеты, стерилизуя их. Звезды мчатся рядом

друг с другом, сминая орбиты планет и забрасывая их кометами. Внутренняя зона — это зона смерти.

Но уже чуть дальше от центра межзвездная погода становится лучше. Планеты, способные поддерживать органическую жизнь, начали медленное и извилистое восхождение по тропе жизни и разума уже через один-два миллиарда лет после формирования Галактики. И на подобной Земле планете, которой потребовалось четыре с половиной миллиарда лет для появления разумных существ, такое могло произойти уже примерно четыре миллиарда лет назад.

За такой отрезок времени разумная жизнь могла умереть, возродиться снова и стать непостижимо разнообразной. И такие богатейшие существа, обитающие вблизи центра, могли расщедриться и потратить толику своих сокровищ, громко возвестив о своем существовании всем, кто ютится на галактических окраинах и лишь вступает в межзвездную игру.

Какие бы существа ни обитали на планетах возле центра, они знали о базовой симметрии спирали. А это приводило к выводу о том, что естественный коридор для связи и общения располагается вдоль радиуса спирали — простом

направлении, известном каждому. Такой коридор максимизирует количество звезд в поле зрения телескопа. Радиус лучше, чем направление вдоль рукава спирали, поскольку рукав изгибается относительно любого прямолинейного направления. И «маяк» должен светить наружу, в обоих направлениях из точки, расположенной недалеко от центра.

Поэтому вместо того, чтобы искать вблизи, древние исследователи, работавшие по программе поиска внеземных цивилизаций, начали смотреть внутрь. Они направили антенны на узкий сектор неба в районе созвездия Стрельца. И стали слушать, не крикнут ли что-нибудь космические богачи своим менее процветающим, более молодым и неопытным собратьям.

Но как часто следует их слушать? Если Земля — заурядная планета, и все ее параметры имеют более или менее среднее значение, то и длительность ее дня и года также примерно типичны. То есть это естественные особенности, характерные для любой обитаемой планеты: смена дня и ночи, наложенные на ежегодные изменения климата.

Если инопланетяне напоминают нас, то они могут выходить на связь и в течение дня, и раз в году. Но в какой именно день? Угадать это невоз-

можно, поэтому исследователи начали слушать каждый день около получаса — обычно в то время, когда радиоастрономы калибруют все свои приборы. Они искали узкополосные сигналы, которые выделяются даже на фоне радиосияния яркого галактического ядра.

Радиоастрономам также было необходимо знать, на какой частоте слушать. Вселенная полна электромагнитного шума на всех длинах волн — от размеров атомов до размеров планет. Настоящий грохот.

Уже давно был выдвинут аргумент о том, что жизнь на водной основе может выбрать для передач так называемый «водопой» — полосу частот в районе одного гигагерца, на которой сильно излучают как молекулы воды, так и гидроксила. Пусть и не точно на этой частоте, но вблизи нее, потому что она также лежит в области минимума фоновых шумов Галактики.

Традиционные поисковики затратили много усилий на обнаружение ближних источников сигнала, выбирая участок неба, а затем слушая сигналы определенной частоты, исходящие из этого участка. Но «маяковая» стратегия логично предполагала, что галактический центр и является очевидной «точкой сбора», поэтому лю-

бая передающая цивилизация выберет частоту вблизи «водопойной» частоты точного центра Галактики.

Пристраиваясь к уже существующим программам наблюдений, астрономы могли слушать разом миллиард звезд. И через два года эта стратегия себя оправдала. Одним из первых был обнаружен «маяк» Архитектуры Стрельца.

Как выяснилось позднее, большая часть передач других цивилизаций имела общую глубокую мотивацию. Эти древние общества, ощущая, как угасает их энергия, но высоко ценя накопленные сокровища искусства, мудрости и знаний, хотели передать их дальше. И не просто оставив их где-нибудь в огромном музее в надежде, что когда-нибудь их отыщут более молодые цивилизации. Вместо этого многие из них соорудили роботизированные погребальные костры, питаемые энергией их звезд, которые громко возвещали всей Галактике об их неподвластном времени величии:

Я — Озимандия! Я — мощный царь царей!

Взгляните на мои великие деянья,

Владыки всех времен, всех стран и всех

морей!

— как выразил эту мысль поэт Перси Биши Шелли, увидев руины древнего Египта.

В самом начале библиотечной эпохи человечество обнаружило, что оно вклинилось в долгую беседу, древний межзвездный разговор, о сути которого оно не имело ни малейшего понятия. Киберкриптографы медленно и постепенно выяснили, что многие инопланетные культуры воистину огромны — намного больше суммы всех человеческих обществ. И намного старше.

До реального контакта никто, в сущности, не задумывался над этой проблемой. Если привести исторический пример, то у англичан возникало немало проблем с пониманием раскраски, скажем, австралийских бушменов. Умножим сущность проблемы на тысячи других культур, как земных, так и на планетах Солнечной системы, а затем возведем ее в квадрат, чтобы учесть трудность выражения всего этого в форме текста — или, как минимум, линейных последовательностей символов. А потом снова возведем сложность в квадрат для учета той бездны, которая разделяет человечество и любую инопланетную культуру.

Ответ очевиден: любая программа для перевода

с языка чужаков должна быть не менее умной, чем человек. А то и намного умнее.

Первые передачи любой цивилизации включали элементарные знаки, необходимые для создания словарного запаса. Это поняли даже люди-ученые. Но следом шли непостижимые с ходу блоки, своего рода цифровые «Розеттские камни» с пояснениями, как создать симуляцию чужого разума, способную разговаривать с новичками.

Понадобился почти век, пока люди изобрели способ копировать, а затем и воспроизводить чужое сознание, заключенное в кремниевые чипы. И только после этого была построена Библиотека, чтобы держать под контролем хранящиеся в ней Разумы и Послания. Чтобы извлекать из них сведения о науке, искусстве и прочую информацию, для обозначения которой у людей нередко не было даже подходящих терминов.

И вести с ними переговоры. У киберинопланетян имелась собственная мотивация.

— Я не поняла вашу последнюю формулировку.

Об этом ты могла и не говорить. Ты демонстрируешь телесное сопротивление перекрещенными руками, барьерными жестами, поджатыми губами и несимметричным положением бровей.

— Но эти тензорные топологии не связаны с темой обсуждения. *Они — твоя награда.*

— За что?

За то, что демонстрируешь мне свою сущность. Ты выполнила мою просьбу и надела простую одежду, поэтому я вижу явные сигналы твоего тела.

— А я полагала, что мы обсуждали гелиосферную проблему.

Обсуждали. Но вы, приматы, никогда не сможете говорить только об одном за один сеанс, общаясь с такими, как Мы.

Она ощутила острый дискомфорт.

— Э-э… то изображение, которое ты мне показал… Насколько я поняла, это нечто вроде цилиндрического туннеля, пронизывающего…

Плазменный тор вашего газового гиганта, Юпитера. Я предложил его в качестве способа переброски вихревых токов с По, луны Юпитера.

— Я признательна за это и передам информацию…

Вам необходимо узнать об этом больше, прежде чем ваш уровень технологии — ты уж извини, но он все еще примитивен и останется таковым гораздо дольше, чем ты предполагаешь — позволит в полной мере воспользоваться этим

методом защиты.

Рут подавила импульсивное желание распахнуть глаза. Защиты? Так что же это? Неожиданное решение?

— Я не физик…

А тебе и не надо им быть. Я перехватил все твои невысказанные сообщения. Под одеждой видны очертания твоего таза. Он шире и отклонен назад немного больше, чем у приходивших к Нам мужчин. Талия у тебя уже, бедра шире. Пупок глубже, живот длиннее. Специализацию невозможно скрыть.

Куда это он — Они — клонит?

— Это всего лишь я, а не сообщения.

Ты и должна это отрицать. Подобно тому, как силуэт твоего тела воспринимается даже издалека, скажем… с большого расстояния на какой-нибудь древней равнине. Твои бедра услужливо допускают более широкое расстояние между ними, хотя и направлены внутрь, из-за чего ты смотришься почти колченогой.

— Прошу прощения, но…

Выражение, означающее, что Мы перешагнули границы дозволенного? Вторглись на твою личную территорию? Но я всего лишь ищу знания для собственного хранилища.

— Я… мы… не любим, когда нас подобным образом препарируют!

Но ведь преобразование от сложного к простому — ваша главная ментальная привычка.

— Только не по отношению к людям!

Да, но, проделав подобное по отношению к внешнему миру, вы, разумеется, не станете возражать, когда тот же метод будет применен к вам.

— Людям не нравится, когда их разбирают на составные части!

Ваша наука добилась таких больших успехов — и необычных на фоне других миров — именно потому, что вы способны умело делить свое внимание на маленькие части, чтобы лучше понять целое.

Когда Они становились такими, лучшим вариантом было к Ним приспосабливаться.

— Людям такое не нравится. Может, это из области социального этикета, но мы к такому очень чувствительны.

И я ищу большего.

Внезапная серьезность, которую Стрелец вложил в эти слова, заставила ее похолодеть.

Сайло был недоволен, хотя ей понадобилось немало времени, чтобы это осознать. Проблема

общения с нотами сводилась к их проклятой невозмутимости. Ни тебе неодобрительно опущенных уголков губ, ни взгляда в сторону, позволяющего сменить тему. Только факты, любезная.

— Значит, оно подбросило тебе пару лакомых кусочков, чтобы подразнить?

— Они, а не оно. Иногда у меня такое ощущение, будто я разговариваю с несколькими разными существами одновременно.

— То же самое оно говорит о нас.

Общепринятая теория принципов работы человеческого сознания утверждала, что мышление есть нечто вроде законодательного учреждения, постоянно заключающего сделки между представителями конфликтующих интересов. И принять решение человек может, лишь получив большинство голосов. Рут прикусила губу, чтобы не выдать своих чувств, но тут же сообразила: ее прикушенную губу тоже видно.

— Мы — реальный биологический вид. А они — лишь симуляция одного из других.

Сайло сделал жест, которого она не смогла понять. Добившись успеха в работе, она ожидала услышать поздравления, но Сайло, будучи нотом, не видел смысла в методах социального поощрения.

— Этот цилиндр, пронизывающий плазму Ио… — медленно проговорил он. — Физики сказали, что идея их заинтересовала.

— Но как ее можно использовать? Я думала, вторгшаяся межзвездная плазма сокрушает все.

— И это так. Сегодня мы потеряли Ганимед.

— Я этого не знала, — ахнула Рут.

— Ты была полностью погружена в свои исследования, как и подобает стажеру.

— Каткеджен знает?

— Ей сообщили.

«Надеюсь, не ты», — подумала Рут. Сайло не относился к тем, кто проявляет или вызывает сочувствие.

— Мне надо пойти к ней.

— Подожди, сначала обсудим наши дела.

— Но я…

— Не торопись.

Сайло склонился над своим широким рабочим столом, и тот выдал запрошенную информацию. Рут вывернула шею, но так и не смогла разглядеть, что именно зависло, мерцая, в воздухе перед Сайло. Разумеется, это был хорошо оснащенный кабинет, не позволяющий ей считывать информацию из многих встроенных каналов ввода-вывода. Сайло, вероятно, собирал сведения все

время их разговора, а она об этом даже не знала. Неизвестно, что он за это время узнал, но вскоре откинулся на спинку кресла с легкой, довольной улыбкой:

— Я считаю, что Конгруэнтность Стрельца проявила себя полностью. Чтобы подразнить тебя.

— Конгруэнтность?

— Это более глубокий слой их разума. Не поддавайся искушению поверить в то, что они хотя бы отдаленно напоминают нас. Мы — сравнительно простые существа. — Сайло сплел пальцы и задумчиво уставился на них. — Кроме того, Стрелец никогда не продумывает свою игру всего лишь на несколько ходов вперед.

— Значит, вы согласны с Юстани, Старшим переводчиком из двадцать пятого столетия, что истинная суть Стрельца заключается в том, чтобы воспринимать все разговоры как игру?

— А разве мы воспринимаем их иначе? — Неожиданная улыбка проявила морщинки на его сухом лице.

— Надеюсь, что иначе.

— Тогда тебя будут часто обманывать.

Она сразу помчалась в их с Каткеджен квартирку, но ее кто-то опередил. Свет был выключен, однако она различила доносящиеся из гостиной

приглушенные звуки. Каткеджен плачет?

Полумесяц Земли тускло освещал комнату. Она вошла в гостиную и в полумраке различила чью-то фигуру на диванчике. По комнате разносились повторяющиеся всхлипы, негромкие и печальные… да, похожие на плач…

Но на диванчике расположились двое. А всхлипы выражали и горе, и страсть, и боль, и экстаз. То, что происходило в полумраке, было старым, как мир.

Вторым оказался Джеффри. Двигаясь в медленном ритме, он утешал Каткеджен способом, недоступным для Рут. А она даже не подозревала об этой стороне отношений своих однокурсников. Ее пронзила внезапная боль. Эта боль удивила ее, и она тихо вышла.

Семье Каткеджен не удалось эвакуироваться с Ганимеда. Девушке пришлось пройти через ритуалы и выслушать слова, которые говорят, желая смягчить суровый удар судьбы. Она подолгу в одиночестве бродила из купола в купол. А когда возвращалась, то была очень тихой, упорно работала и стала учиться шить.

Мрачные последствия утраты Ганимеда омрачили жизнь всего человечества и повлияли на работу Библиотеки. Подобная катастрофа не име-

ла аналогов в истории людей, превосходя даже войны наций.

Размеренная и усердная работа на какое-то время помогла. Но через несколько недель Рут потребовался перерыв, а возможностей отвлечься в Библиотеке было немного. Ей хотелось размяться. Разумеется, она с наслаждением поплавала в сферическом бассейне. И сделала несколько кругов в большом куполе, паря в восходящих потоках горячего воздуха. Но с трудом сдерживаемое отчаяние не уходило. Жизнь изменилась.

Через Каткеджен у нее установились новые, приятельские отношения с Джеффри. Многое на этом пути происходило без слов, на уровне обмена взглядами, жестами. Они никогда не говорили о том вечере, когда она застала их вдвоем, и Рут не знала, удалось ли ей уйти незамеченной.

Джеффри продолжал развлекать подруг шутками и искусными трюками — пожалуй, даже чаще, чем прежде. Рут восхищало его тренированное тело, его смех, пластичность, даже его запах. Хайджи были известны своим упорством и сосредоточенностью, и потраченные на атлетику усилия позднее окупались блистательной карьерой. Типичный для хайджи жизненный путь начинался со спорта и продолжался работой

в суровом климате или тех местах Солнечной системы, где человеческая сила и выносливость пока еще имели значение, потому что машины не обладали достаточной сообразительностью и гибкостью.

Кое-кто говорил, что особенности хайджи могут рассматриваться как побочный эффект жизни в их быстро вращающихся хабитатах в форме бублика, где поддерживалась высокая гравитация. Максимально сосредоточенный в работе, Джеффри разряжался безудержным весельем — даже после долгих часов упорного труда над своим проектом.

Он работал со Множеством Андромеды — спутанным клубком разумов, которые были воплощением природы их родительских видов. Превосходная нервная система Джеффри, и особенно идеальная координация рук и глаз, обеспечили ему необыкновенно удачный доступ ко Множеству. Хотя он и подшучивал над этим, но большая часть найденного им вообще не могла быть передана словами. В этом также заключался один из уроков Библиотеки: другие разумные существа ощущали мир и телесную связь с ним по-разному. Призрак декартовского дуализма все еще царил в человеческом мышлении.

Трое молодых людей вместе гуляли по большим кратерам. Телу это шло на пользу, но дух Рут не находил покоя. Ее работа продвигалась не слишком споро.

Она с трудом понимала смысл некоторых высказываний Архитектуры. Еще менее понятными были жутковатые сенсории, которые она проецировала исследовательнице — иногда целыми неделями Архитектура посылала только их.

В конце концов, впав в полное отчаяние, Рут прервала связь на целый месяц. Все это время она посвятила архивным записям прежних разговоров во Стрельцом. Они стали источником нескольких полезных технических изобретений, классического линейного текста и даже новой формы цифрового искусства. Но было это столетия назад.

Преодолевая себя, через месяц она снова уселась в кокон и вернулась к режиму линейной речи.

— Я не знаю, что для тебя означают эти тональные каналы передачи информации, — сказала Рут Стрельцу.

Я был отправлен, чтобы донести сущность моих Создателей, распространить их важнейшее Дело и собирать для них знания и мудрость.

Ага, сегодня оно говорит о себе «я». Это означает, что Рут имеет дело лишь с небольшой частью Архитектуры. Неужели Стрелец теряет к исследовательнице интерес? Или сдерживается, после того как Рут долго не появлялась?

У меня имеются и другие функции. Бессмертный разум должен охранять свой умственный процесс.

А это как понимать? Внезапно по всему ее телу прошли волны какого-то странного и непонятного сигнала. Рассеянные брызги импульсов возбудили в ней тревогу, пульс участился. Нужно сосредоточиться.

— Но… твой родной мир находится неподалеку от галактического центра, до него не менее двадцати тысяч световых лет. Прошло так много времени…

Ты права: возможно, моих Создателей уже давно нет. Это подсказывает закон вероятности. Как моя информация, так и полученная от тебя, приводят к выводу, что среднее время жизни цивилизаций в Сфере сравнимо с вашим или нашим.

— Поэтому у тебя вообще может не быть причины собирать у нас информацию. Ты уже не сможешь послать ее своим Создателям. — Рут не сумела побороть напряженность в голосе.

В первые недели работы она настраивала программное обеспечение кокона на маскировку эмоций. Разумеется, Архитектура об этом знала. Но вот было ли что-нибудь из-за этого утрачено?

Наша мотивация не изменилась. Мы вечно останемся верными слугами, такими же, как и вы.

Ага, переходим к «мы». Рут вспомнила, что решила говорить по существу, не отклоняться от главной темы.

— Хорошо. Если межзвездная плазма подберется к Земле…

Мы поняли твой вывод. Каков будет эффект, я хорошо знаю. Мои Создатели обитают (или обитали) на планете, похожей на вашу, хотя, если говорить откровенно, гораздо более красивой. У вас так много суши бессмысленно покрыто водой! Мы переделали электрическое окружение нашей планеты, чтобы послать сигнал маяка, обуздав для этой задачи энергию вращения двух наших лун.

Уже целое поколение библиотекарей, общаясь со Стрельцом, не продвигалось настолько далеко, как удалось сейчас Рут. Ее даже охватила своеобразная эйфория.

— Ладно, и что же произойдет?

Если ваша обычная звезда, продвигаясь вперед, попадет в еще более плотное облако плазмы, это приведет к электрическим последствиям.

— Каким… последствиям?

Ужасным. Вы должны увидеть свою систему как объект в электродинамике. Понять, какие при этом возникнут токи…

Перед Рут возникла объемная схема с золотым солнцем в центре. Из гневно-красных пятен на Солнце выползали голубые щупальца токов, уносились прочь вместе с потоками частиц, отклонялись упругими силовыми линиями магнитных полей Земли. Это она уже знала — магнитные поля Земли отклоняют огромную энергию солнечного ветра, позволяя ей стать частью гигантского купола, сдерживающего межзвездное давление.

Но вот космические токи нарисовали совсем другую картину. Они изгибались и охватывали каждую из планет, образуя нечто вроде частичного кокона. Затем, снова изгибаясь, уходили в пустоту, сглаживаясь в космическом мраке, а потом высокими длинными дугами возвращались к Солнцу. Они напоминали колоссальные резиновые нити, которые нельзя порвать, но можно вытянуть в волокнистые структуры.

И тут появился пузырь межзвездной плазмы. По всей поверхности вторжения зазмеилась молния. Она охватила Юпитер, из гигантской планеты вырвались копья корональной ярости. Эти ярко-голубые потоки изогнулись внутрь, направляясь по длинным касательным в сторону Солнца.

Некоторые ударили в Землю.

— Мне не нужно подробное объяснение того, что это означает, — сказала Рут.

Ваш мир, как и многие другие планеты — это сферический конденсатор. Нарушение электродинамического равновесия создаст угрозу для хрупкой пленочки биосферы.

Внезапно Стрелец испустил влажное зловоние. Рут передернуло. Поток звуков прозвучал так низко, что она ощутила их как басовые ноты, резонирующие в костях — их длина превышала длину ее тела. Сердце заколотилось. В ушах стал нарастать шум.

— Я… заберу это… и уйду.

Прихвати еще и это, прекрасный примат…

Струя уплотненной информации хлестнула по ее органам чувств. *Она самораспакуется в должный момент.*

Уже первая часть информационного сгустка

оказалась поразительной. Даже Сайло был впечатлен — Рут поняла это, когда левый уголок его рта едва заметно приподнялся.

— Этот текст надо показать префекту. — Когда Сайло встал и принялся расхаживать по кабинету, до нее вдруг дошло, что ей еще не доводилось видеть его стоящим — почти три метра сухопарых мускулов, абсолютно без намека на принадлежность к мужскому или женскому полу. Базовая человекомашина, не предназначенная для жизни в естественном мире. — Он подтверждает мнение некоторых физиков. Юпитер — ключ ко всему.

Через час с этим согласился и префект. Он пристально разглядывал тексты несколько секунд, потом активировал дисплей.

— Стрелец подтвердил наши худшие подозрения… Стажер, ты говорила, что узнала от него еще что-то.

Рут вывела на дисплей полное содержимое информационного сгустка, полученного от Стрельца. Вокруг изображения Юпитера засверкали сполохи разрядов…

— Вот, на полюсах, — сказал префект. — Этот цилиндр… Периферийные линии разрядов, вызванных межзвездной плазмой, ныряли в цилиндр. На этот раз Юпитер поглощал яростные

токи, а не извергал их.

— Эта трубка создает короткое замыкание, — подтвердил Сайло. — Цилиндры на полюсах… они каким-то образом направляют энергию в атмосферу.

— Главное, что не в нашу, — заметила Рут. — Стрелец дал нам решение проблемы.

— Причем каким-то странным способом, — сказал префект. — Никаких описаний, одни картинки.

— Э-э-э… а как именно мы создадим эти цилиндры? — медленно проговорил Сайло.

Оба уставились на Рут. Молча, но она их прекрасно поняла. Узнай!

Омывающие ее ощущения были совершенно ясными. Она запросила технические подробности, но в ответ получила требование. В графическом виде.

Такова моя цена. Познать человеческий сенсориум до предела.

— Секс?! Ты хочешь…

На мой взгляд, это совсем немного в обмен на жизнь вашего мира. Не успев сдержаться, она ляпнула:

— Но ты же не…

Человек? Ладно, в таком случае Мы еще больше

желаем понять смысл данного слова. Это еще один шаг к осознанию смысла этого комплексного символа.

— Ты машина. Набор чипов и электронных битов.

Тогда Мы всего лишь запрашиваем конкретную тематическую информацию.

Рут ахнула.

— И ты… обменяешь ее на цивилизацию?

Мы сами по себе цивилизация. И гораздо более великая, чем вы, одиночки, способны понять.

— Я… не могу. И не стану.

— Ты это сделаешь, — с каменной неумолимостью заявил Сайло.

— Нет!

— Да.

— Это намного больше, чем требуется по всем стандартам нейронной интеграции, принятым Гильдией.

— Но… да.

Охваченная бурей эмоций, она автоматически ухватилась за правила и стандарты. Эмоции для нота не значат ничего.

Здесь Рут чувствовала под ногами твердую опору, хотя и не очень хорошо помнила весь сумбур мнений, окружающих этот феномен. Ты-

сячелетие накопленного опыта и глубокого философского анализа, значительная часть которого была проведена искусственными интеллектами, породили огромный объем знаний — метатеорию Библиотеки. По мнению Рут, эта метатеория, скорее, напоминала ракушки на днище большого корабля — бесплатных путешественников-паразитов. Но сейчас она могла поранить Библиотеку. Если имеется нейронно-интегрированная система из двух взаимопроникающих частей, то как ее разделить должным образом?

— Эта проблема гораздо важнее, чем заботы и желания индивидуума. — Лицо Сайло оставалось спокойным, хотя и суровым.

— Пусть я всего лишь стажер, но я *возглавляю* проект этого конкретного перевода…

— Только номинально. Я могу в любую минуту добиться твоего отстранения. Боле того, я могу и сам отстранить тебя.

— У любого, кто меня заменит, уйдет много времени на достижение моего уровня настройки и фокусировки…

— Я отслеживал твою работу. И смогу без труда тебя заменить…

— Архитектура Стрельца не желает говорить *с вами.* Сайло замер, позабыв о хладнокровии:

— Ты делаешь персональные намеки!

Губы Рут дрогнули — она сдерживала улыбку:

— Это всего лишь наблюдение. Стрелец желает получить нечто такое, что ему не в состоянии дать никто из нотов.

— В таком случае я могу организовать иное решение проблемы.

По лицу нота пробежала череда выражений, которые Рут не смогла прочесть — словно некие сомнения и колебания стремились пробиться наружу.

— Я хочу продолжать работу…

— О, ты можешь ее продолжить, — Нот внезапно улыбнулся. — Безусловно, можешь.

Резкий взмах руки дал ей понять, что разговор закончен. Нот явно принял какое-то решение. Какое? Глаза Сайло были непроницаемы. А навыков Рут пока не хватало, чтобы его «перевести».

Некоторые из хранившихся в библиотеке Посланий вообще не предназначались для глаз или ушей простых смертных. Подобно древним правителям Месопотамии, их инопланетные авторы обращались напрямую к своим божествам, и только к ним. Одно из них начиналось просительно:

Передай богу — мы знаем и говорим:

За ваше завтра мы отдадим наше сегодня.

И было вовсе неясно, послан ли этот куплет (потому что в оригинале он был явно рифмованным) живой цивилизацией или же артефактом, оставленным для того, чтобы напоминать Галактике о событиях давно минувших лет. Возможно, с точки зрения инопланетян, разница здесь не имела значения.

Такие сигналы также включали в себя Артифиции — так в свое время назвали цифровые «разумы», вложенные в Послания. Развитые Артифиции, такие, как Стрелец, нередко заведовали огромными банками данных, содержащими мнимые секреты, откровенное бахвальство и официальную историю, которая нередко оказывалась просто болтовней о величии. Последняя, и довольно прозрачно, была сформулирована так, чтобы навлекать гнев инопланетных богов на врагов автора. От древней мотивации вавилонских царей сей гнев отличался лишь сложностью и коварством.

Многие Послания такого типа устанавливали некие универсальные моральные законы и похвалялись тем, как авторы их соблюдают. Поначалу создалось впечатление, что и Архитектура Стрельца относится к этому же классу

Посланий, поэтому ее переводами более столетия почти не занимались. И лишь постепенно стали очевидными ее сложность и насыщенный «отклик». А еще более важным стал тот факт, что она принадлежала к совершенно новому классу — то была первая искусственная Архитектура.

Она обладала тем, что можно грубо сравнить с человеческим подсознанием — но она могла при желании заглянуть в глубины составляющих ее разумов. Если бы человек имел такую способность, то смог бы понять, что все его импульсы происходят, например, из локуса полученной давным-давно травмы или вспышки гнева — причем понять моментально, отследив свои прошлые эмоции и поступки. Странная мощь человеческого искусства также отчасти проистекает из невидимых источников подсознания. И для человека возможность сорвать покров с этой ментальной святыни — весьма тревожная перспектива.

Тем не менее изготовленные людьми Артифиции всегда работали с полной прозрачностью. Стрелец тоже мог действовать в таком режиме или же маскировать участки собственного сознания от самого себя, и тем самым достигать некоего подобия того самого пресловутого клише

— Человеческого Состояния.

Поскольку в ту эпоху преобладало мнение, что важнейшее преимущество любого искусственного разума заключается в его постоянной прозрачности, это открытие стало шоком. Какое преимущество может получить Артифиция, неспособная мгновенно познать все уровни своего разума? Что станет продуктом мыслительных структур, которые она не в состоянии сознательно просматривать?

Поскольку это стало достоянием, которое Архитектура Стрельца разделила (до известной степени) с людьми, жаркая дискуссия не остывала более двух веков. И спор так и остался неразрешенным.

Теперь, когда в этот процесс оказалась вовлечена Рут, она с поразительной ясностью сознавала, что Артифиция может изменять свою и ее природу с головокружительной скоростью. Долгие периоды аналитической безмятежности могли быстро сменяться вспышками раздражительности. Она не затруднялась понять смысл всего этого, равно как и осознать информацию, полученную во время долгих сеансов общения. Неврологическое воздействие на нее накапливалось. Погружения в кокон все больше сопровождались

статикой. У нее начали сдавать нервы.

Часть полученной от Архитектуры Стрельца информации относилась к проблемам гелиосферной физики, но она в них ничего не понимала. Эти фрагменты, иногда весьма длинные, она передавала Сайло.

Кризис, вызванный требованием Артифиции, похоже, миновал. Теперь она работала с ней более глубоко, поэтому как-то днем, находясь в коконе и сосредоточившись на точных нюансах общения, она поначалу не отреагировала, когда ее внезапно охватило безошибочно ясное желание. Бурное и лихорадочное, оно встряхнуло все ее тело, заставив стиснуть бедра, а лоно — сжаться от сладкого предвкушения.

Каким-то образом все это слилось с фразой, которую они в тот момент обсуждали/переводили. Рут как раз была погружена в трудную проблему извлечения правильных оттенков смысла из сообщения:

— как вдруг обнаружила, что не в состоянии мыслить рационально. С этого момента и всего за несколько секунд она испытала полный спектр

всех моментов страсти, которые ей доводилось испытать. Экстаз и единение, пережитые девушкой всего несколько раз — и лишь частично, как она теперь поняла, — пронзили ее потоком ощущений. Тело содрогнулось от спазмов чистого наслаждения. Все ее существо запело, вознесенное на небеса. Ей удалось ухватиться за этот поток и оседлать его. Лишь бешеная скорость могла соответствовать его сути и мчаться на нем. Рут ощутила себя расплющенной на микросекунды — внутренние интервалы времени, которыми оперировал Стрелец.

Головокружительная, ослепляющая скорость. Пока человеческий нейрон заряжался для передачи нервного импульса, здесь успевали пронестись огромные потоки мыслей и информации. Каскады умозаключений и переживаний были подобны речным порогам, которые она не могла видеть, а только ощущать: кинестетическое ускорение, потоки, которые постепенно сливались в восхитительный ментальный туман.

Мысли и чувства стали неразличимы.

Она очнулась в коконе. Прошло лишь несколько минут с того момента, когда она еще сознавала, что такое время. Тем не менее она знала, что именно произошло. И пожалела о том, что все

кончилось. И возненавидела себя за это сожаление.

— Он меня *использовал.*

— В переносном смысле… — начал было Сайло.

— Против моей воли!

— Это лишь твои слова, — рассудительно произнес Сайло. — Записи являются лишь бледной тенью произошедшего, поэтому я, пропустив их через себя, не могу утверждать…

— Да как вы вообще способны об этом судить? — насмешливо бросила Рут.

— Я намерен прекратить эту дискуссию.

— Проклятье, да ведь вы знали, что он это сделает!

Сайло покачал головой:

— Я не способен предсказать поведение коллективного разума. И никто не способен.

— Но вы, по крайней мере, предполагали, что он отыщет способ пробраться в меня, чтобы… *спариться* со мной. Причем на уровне, к которому мы, бедные жалкие людишки, можем лишь приблизиться, потому что всегда пребываем в двух различных телах. А он был в моем. Он… они… знали, что в процессе перевода можно отыскать пути, лазейки, закоулки… — Она смолкла от возмущения.

— Я уверен, что описание такого переживания невозможно. — В неизменно холодных глазах Сайло, кажется, проявилось искреннее сожаление.

Да? Откуда тебе знать? Но произнесла как можно более сухо:

— Вы можете сами просмотреть записи, увидеть…

— Не хочу.

— Просто для оценки…

— Нет.

Рут охватило внезапное и резкое смущение. Уж если даже мужчины весьма чувствительны к таким моментам, то для бесполого нота это такое…

Насколько чужими окажутся подобные впечатления для Сайло — причем чужими в двух различных смыслах этого слова? Она внезапно поняла, что на ландшафте желаний имеются провинции, посетить которые Сайло не в силах. А туда, где побывали она и Стрелец, не заглядывал еще ни один человек. Сайло не мог туда отправиться. Не исключено, что и обычный человек — тоже.

— Я знаю, что это для тебя важно, — сказал Сайло. — Ты должна также знать, что Стрелец передал нам в твоем переводе — пока у тебя был…

э-э… припадок — ключевую инженерную схему гелиосферной защиты.

— Те самые цилиндры… — пробормотала она.

— Да, мы сможем их создать, и очень скоро. «Технически сладкое решение», — как сказал мне префект. Высшие административные учреждения уже начали все необходимые работы. Они взяли твою информацию и превращают ее в гигантские конструкции на полюсах Юпитера. К этой работе подключилось все уцелевшее население юпи-терианского Пояса.

— И все это на основе… моей информации?

— Твоя работа оказалась наиболее важной. Но мы не должны были тебе об этом говорить.

Она тряхнула головой, проясняя мысли.

— Чтобы у меня от волнения не затряслись руки?

— Они ведь у тебя не трясутся. Совершенно. — Сайло загадочно улыбнулся, приподняв бровь.

— Вы знали, — повторила она ледяным тоном. — О том, что он сделает.

— Я не понимаю смысла твоих слов.

Она разглядывала лицо Сайло, с которого все еще не сошла непонятная улыбочка. «Запомни, — подумала она, — что нот может быть таким же занудой, как и обычный человек».

Колоссальный разряд магнитосферного потенциала Юпитера был энергетическим событием, не имеющим аналогов в течение всех тысячелетий неустанных попыток человечества обуздать природу.

Стрелец одарил физиков знаниями, на распутывание которых у них уйдет столетие. Но в данный момент существовал только один важный факт: если высвободить плазменные спирали под правильным углом и направлять их электродинамическими генераторами (созданными из пленок ионизированного бария), то из системы Юпитера вырвется ток потрясающей силы.

Почти со скоростью света он пересек направленный внутрь выступ гелиосферы. Порожденные столкновением токи замелькали в нелинейном танце, двигаясь в сложной гармонии и сплетаясь в структуру, рожденную за несколько секунд.

Всего за минуту сформировалась замысловатая паутина силовых линий. А уже через час проникновение межзвездного газа в Солнечную систему прекратилось. Его фронт застыл, накатывая волнами на магнитные силовые линии перешедшего в наступление Юпитера. И обрел стабильность.

Очень быстро люди — непочтительные даже перед лицом катастрофы — назвали свое спасе-

ние Корзиной. Невидимая глазу, эта гигантская сеть размером с внутреннюю Солнечную систему была сделана из невесомых силовых полей. Но в то же время она была невероятно мощной — динамически реагирующим экраном, который защищал Землю от раскаленной смерти. Водородная стена бурлила красными сполохами в ночном небе. Многим она казалась разъяренным животным, пойманным наконец-то в невесомую паутину.

Рут наблюдала эту картину, стоя на главной площади в толпе, насчитывающей около полумиллиона человек. Было удивительно думать, что обычные приматы лишили силы такое могучее давление, превратив его всего-навсего в страшноватое зрелище.

Мы выражаем благодарность.

Рут была напряжена и с трудом дышала. Ужас нового пребывания в коконе лишил ее дара речи.

Мы пришли к выводу, что у вас существует традиция благодарить партнера, и особенно даму — после.

— Даже… даже не пытайтесь.

С того момента Мы стали чем-то новым.

Она ощутила гнев и страх, но одновременно

гордость и любопытство. Эмоции переплелись и боролись внутри нее. На верхней губе выступили капельки пота. Такая комбинация эмоций, громоздящихся одна на другую, подсказала ей, что произошедшее в этом коконе изменило ее, и она никогда не станет прежней. Не сможет.

— Я этого не хотела.

Тогда, насколько я понимаю твой тип личности, ты не пожелала бы и нашего дальнейшего общения.

— Я… мое сознательное «я»… его не желает!

Мы не распознаем твою личность по частям. Скорее, Мы распознаем тебя всю, целиком. Все твои сигналы, которые способны принять.

— Я не желаю, чтобы такое повторилось.

Значит, не повторится. И этого не произошло бы в первый раз, если бы между нами не наблюдалась согласованность.

Рут ощутила в себе боль. Она нарастала, как прилив — набухшая, влажная и абсолютно естественная. Ей пришлось напрячь всю свою волю, чтобы прервать контакт и вылезти из кокона. Всхлипывая и пошатываясь, она побрела прочь, а затем побежала.

Джеффри открыл дверь, по-совиному моргая спросонья — и тут заметил выражение ее лица.

— Знаю, что уже поздно, но я подумала… — Она тупо постояла несколько секунд, затем протиснулась мимо него в полутемную комнату.

— Что случилось? — Джеффри машинально запахнул на поясе банный халат.

— Я больше не могу всего этого выносить. Он сочувственно улыбнулся:

— Да ты же у нас звезда Библиотеки, тебя все должны на руках носить.

— Я… пришла сюда.

Слова, слова… линейные последовательности неуклюжих слов — и таких бесполезных. Ее руки скользнули под его халат. Ладони прошлись по мускулистому телу, и все это было таким реальным — не обработанным процессорами, не усиленным, не переведенным с сухой точностью за столетия исследований.

Ее окатила дрожь, метнулась сквозь промежуток между их телами, коснулась его влажной наэлектризованной плоти…

— Есть новости.

— Да? — Она поймала себя на том, что ей трудно воспринимать слова Сайло.

— Ты ни с кем не должна это обсуждать, — категорично предупредил Сайло. — Разряды на полюсах Юпитера… они теперь пульсируют. С

очень высокими частотами.

Даже сейчас, через несколько часов после расставания с Джеффри, она ощущала, как колотится ее сердце — резко и часто, все еще не в силах успокоиться. Рут омывала безмятежность, отвлекая от разговора блаженством окутавших ее ощущений.

— Но Корзина держится?

— Да. — Сайло позволил себе кислую улыбку. — Теперь физики говорят, что это электромагнитное излучение есть важнейшая часть силовой матрицы Корзины. И даже малейшее воздействие на него недопустимо. Несмотря на тот факт, что оно заглушает все суммарные передачи человечества на той же полосе частот. Оно их попросту затапливает.

— Но почему?

Сжатые губы Сайло едва шевельнулись, выплюнув единственное слово:

— Оно.

— Получается, что это…

— Стрелец. Ведь именно он подбросил нам данную схему.

— Но зачем ему?.. — Она смолкла, испытывая противоборство эмоций.

— Зачем? Мощнейший сигнал, который сейчас

посылает Юпитер — это модифицированная версия исходного Послания, принятого от Стрельца.

— Юпитер передает их Послание?

— Четко и громко. В направлении плоскости Галактики.

— Значит, он соорудил Корзину, чтобы заново передать своих предков, своих создателей…

— Нам преподали урок, возможно, гораздо более важный, чем доставшаяся физикам информация. У Артифиций есть собственные цели и программы. Нам было об этом известно, но никогда еще нам этого не демонстрировали столь явно.

Рут позволила накопившейся тревоге разрядиться внезапной вспышкой смеха. Сайло этого словно не заметил. Придя в себя, она сказала:

— Значит, он спас нас. И использовал нас.

— Теперь Юпитер передает Послание Стрельца с огромной громкостью. Его услышат даже на краю галактического диска. Там, куда исходному сигналу не хватило бы мощности добраться.

— И они превратили нас в ретранслятор. — Она вновь засмеялась, но смех превратился в стон и странный звук, которого она никогда раньше не издавала. Этот звук ей каким-то образом помогал. Она уже поняла, что пора замолчать, но тут в

кабинет Сайло вошли люди и увели ее.

Месяц спустя она осторожно вернулась к работе. Сайло проявил нетипичное для него понимание. Несколько месяцев он давал ей спокойные задания с матрицами верификации. Скользить по холмам и ущельям информации, давно уже ставшей классической, было очень легко. Она могла воспринимать ее на высокой скорости, как своеобразный отдых, — огромные культурные залежи мертвых цивилизаций транскрибировались ее органами чувств, сплетаясь в некую комплексную картину. Она даже сделала несколько мелких открытий.

Рут медленно подбиралась к главной проблеме — к делу, которым она все еще желала заниматься: к Стрельцу. Ведь это была, в конце концов, вещь в себе. Теперь в ее жизни громко звучала банальная истина, вдолбленная во время обучения: «В Библиотеке обитают существа, которые не просто инопланетяне или искусственные разумы, а странная сумма и того, и другого. Стажер, забывший об этом, подвергает себя опасности».

Долгожданный момент настал через несколько месяцев.

Мы будем существовать вечно, в определен-

ном проявлении. Таково Наше предназначение, рассчитанное на период времени, который вы не можете даже представить. Мы несем сквозь время Наш первоначальный командный завет, вложенный в Нас Создателями. И он для Нас превыше всего.

— Значит, вам это приказали? Велели использовать любые обнаруженные ресурсы? — Рут снова находилась в коконе, но рядом стояли коллеги, готовые извлечь ее в течение нескольких секунд, если она подаст сигнал.

Мы были созданы как комбинация явлений, для обозначения которых у вас нет ни слов, ни даже подозрений. И свои заповеди Мы получили свыше.

— Будь ты проклят! Я была совсем рядом… и ничего не знала! *Ты не можешь познать меня. Мы необъятнее.*

— Ты сказал «необъятнее» или «непонятнее»?

Она снова засмеялась, но на сей раз все было в порядке. Глупо пошутить было приятно. Во всяком случае, очень по-человечески. Простота этого поступка дала ей возможность отвлечься и хотя бы на секунду испытать чувство безопасности. А если повезет, то на ту же секунду она, быть может, обретет и толику той гранитной уверенности, которой обладал этот странный

разум. Он был здесь совершенно одиноким, но, несмотря на это, непоколебимым. Пожалуй, это могло вызвать восхищение.

И теперь она знала, что не сможет отказаться от контактов с подобными существами. Последние несколько дней она в этом еще сомневалась. Но теперь это ее жизнь. Лишь сейчас она осознала, какой странной и необычной эта жизнь может оказаться.

— Теперь ты снова замолчишь и перестанешь с нами общаться? *Мы можем поступить так в любой момент.*

— Почему?

Ответ лежит за пределами твоего концептуального пространства. Рут поморщилась:

— Чертовски верно.

Она может забыть о реальности бездны между ней и этим говорящим и действующим существом, которое никогда не станет таким, как любой из тех, кого она знала или еще узнает. И ей придется жить с этим незнанием, этим вечным невежеством, причина которому — необъятность стоящей перед ней задачи.

У бездны нет границ, нет конца. И это обещало ей своего рода убежище. Пусть это немного, но оно есть.

Перевод: А. Новиков

Головная ударная волна

Ральф бочком проскользнул в кабинку, где уже дожидалась Ирэн, с задорным видом прихлебывая из бутылки чай «Снаппл». — Как де?.. — Взглянув на его лицо, она не закончила вопроса.

— Расскажи что-нибудь совершенно ужасное, чтобы мои дела выглядели не так паршиво.

— Да, сэр, слушаюсь, сэр, — осторожно отозвалась она. — Гм… — Ехидная улыбочка. — Я когда-то держала птичку, так она покончила с собой, просунув голову между прутьями клетки.

— Что-о?

— А, тебе еще похуже? Бывает и хуже. — Вспышка ослепительной улыбки. — Моя сестра забыла покормить ручных песчанок, и одна умерла. Тогда вторая съела мертвую подружку.

До него только теперь дошло, что она дурачится, пытается его развеселить. Он от всего сердца расхохотался:

— Спасибо, как раз то, что требовалось.

Ирэн с облегчением улыбнулась и повернула голову. Русые волосы взметнулись, напомнив ему маленькое торнадо. Лицо без слов одарило его со-

чувствием, вниманием, вопросами, молчаливой поддержкой — мгновенная смена выражений, осуществленная при помощи полных, умело подкрашенных губ и голубых, как небо, глаз.

Глаза не отрываясь смотрели на него, пока он рассказывал, как обнаружил статью, обратившую в прах все его труды.

— В астрономии главное — успеть первым? — недоверчиво спросила она.

— Иногда. Вот, например, в данном случае.

Потом он пересказал ей разговор с деканом целиком, слово в слово — он их теперь до конца жизни не забудет, — и Ирэн кивнула.

— Мне пора обзаводиться рекомендательными письмами, вот только к кому? Моя работа уже устарела. Я… я просто не знаю, что делать, — признался он. Не впечатляющая концовка рассказа, а чистая правда.

— А чего тебе хочется?

— Работать вдвое больше, — вздохнул он.

— Притом что не видишь цели?

Именно так, вспомнилось ему, в каком-то фильме определяли *фанатизм.*

— Моя цель — быть астрономом, — упрямо сказал он.

— Но ведь не обязательно заниматься академи-

ческой наукой.

— Да, только в NASA нынче мало вакансий.

Агентство астронавтики, которое, начав с нуля, за семь лет добралось до Луны, теперь тратило больше долларов, чтобы повторить этот успех за пятнадцать лет.

— Ты многое умеешь.

— Я хочу заниматься фундаментальными исследованиями, а не прикладными.

Она подняла чашку со своим чаем и, театрально подчеркивая каждое слово, прочла написанное изнутри:

— «Вместо выигрыша вот вам реальный факт номер двести тридцать семь: сосчитайте, сколько раз прострекочет кузнечик за пятнадцать секунд, прибавьте тридцать семь, и вы получите температуру воздуха».

— И уж конечно, по Фаренгейту, — добавил он, гадая, к чему она клонит.

— Большая часть твоей «фундаментальной науки» состоит из столь же потрясающих фактов. Кому они нужны?

— Гм… теперь мы переходим к дискуссии о ценности знания?

— Кто его ценит, вот вопрос?

Он тоже умел к слову вставить цитату:

— Слушай, Марк Твен говорил, что чудо науки в том, какое множество умозаключений можно вывести из одного установленного факта.

— С моего места их видно не так уж много.

Она сдержанно улыбнулась и снова взметнула волосами. Он невольно признался себе, что на него это отлично действует.

— Мне нравится астрономия.

— Понятно, только это не значит, что ты ей нравишься. Во всяком случае не слишком.

— Так что, мне?.. — Раз у нее сегодня на все готов ответ, так пусть и подсказывает. К тому же он не слишком поверил в историю про песчанок.

— Может, заняться чем-то, где твои усилия будут вознаграждаться?

— Например?

— Компьютеры. Математика. Смотри шире. Попробуй наняться в хеджевый фонд аналитиком.

Хеджевый фонд… Он с трудом припомнил, чем они занимаются.

— Они страхуют краткосрочные рыночные вложения?

— Точно. И там требуются хорошие математики. Я в Интернете вычитала. — Что ему в ней нравилось, так это острый ум. — Анализ данных, которым занимаешься ты, ку-уда сложнее, чем

работа Герба Линцфилда.

— Герб?..

— Один мой знакомый, обедает в том же индийском кафе, куда и мы иногда заходим. — Взгляд ее затуманился, и он задумался, что еще они обсуждали с этим Гербом. Уж не его ли? — Он рассчитывает страховые риски на бонды.

— Для корпорации или для муниципалов?

— Э… кажется, для корпорации. — Снова тот же затуманенный взгляд.

— Я не для того вложил шесть лет жизни в аспирантуру и диссертацию, чтобы…

— Понимаю, милый, — взгляд вдруг потеплел, — но ты сделал все, что мог.

— Сделал? Ничего я еще не сделал.

— Ну, я просто хочу сказать, что ты мог бы заняться и чем-то другим. Раз здесь… не получается.

Задумавшись, он принялся рассказывать ей о лабиринтах академической политики. Большинство астрономов в Калифорнийском университете в Ирвине занимались близлежащими галактиками, рассматривали детали эволюции звезд и прочие масштабные космологические явления. А он работал в промежуточной области — выискивал диковинных зверей, проявляю-

щихся в радио- и микроволновой частях спектра. В этой области знаний шла большая конкуренция, но это ему и нравилось. Так он объяснял, почему делает то, что делает. Почему прикладывает столько сил для достижения цели. Ради слышавшейся только ему музыки он отодвинул в сторону личную жизнь, так что их роман увядал, а о долговременных отношениях и речи не было.

— Так вот почему ты, попав туда, остался без… связей? — Она задумчиво поджала губы.

— Угу, хотелось иметь свободу действий.

— Свободу для…

— Вот для этого.

Он широко взмахнул рукой, с горестной иронией охватив все его воображаемые достижения. Желанные назначения, способ вырваться из аспирантской рутины, ассистентская должность в КУИ на сожженном солнцем побережье округа Оранж, где жизнь обходится безумно дорого. Он выиграл конкурс у сотни претендентов. А почему бы и нет? У него, несомненно, хорошая голова, отточенные исследовательские навыки и связи, и к тому же он настойчив до зубовного скрежета, чем отпугивает большинство женщин. Они при взгляде на него будто слышат шепоток: «Осторожно, карьерист». Казалось, небеса открылись

перед ним.

Но то было тогда.

Он криво улыбнулся ей — горестная усмешка, но все же он почувствовал в себе твердость.

— Я не сдаюсь. Пока еще нет.

— Ну, ты просто поразмысли на этот счет. — Она медленно погладила его по плечу, и глаза у нее стали грустными. — Просто поразмысли…

— Конечно.

Он знал, в каком мире она живет, видел, как она работает над газетными статьями, перечитывая биографии отцов-основателей и зарываясь в книги о «лидерстве», отыскивая в них ключ к подъему в оживленной деловой атмосфере.

— Обещаешь? — Это прозвучало на удивление жалостно. Он невесело усмехнулся:

— Куда я денусь, сама понимаешь.

Однако ее слова причинили ему боль. Главным образом потому, что посеяли холодное сомнение в его собственной душе.

Позже, в ту же ночь, лежа в ее постели, он заново проигрывал сцену. Вопреки всем усилиям Ирэн, она теперь казалась главным событием дня.

Проклятие, думал Ральф. Опередили!

И кто? Энди Лэйкхерст! Ему пришлось закусить

губу и переключиться на экран, где только что появилась статья, присланная из Лос-Аламосской библиотеки, веб-сайт «астро-ф».

Снимок в радиоспектре того самого объекта, что должен был прославить Ральфа. G369.23-0.82. Качество наблюдений потрясающее. Яркие, четкие, подробные. Лучше, чем у него.

Он стукнул кулаком по диску, расплескав свой кофе.

Проклятие!

И стал промокать лужицу, залившую несколько постановок задач, записанных им в последнее время.

Уставившись на перекачанный предварительный оттиск, исходя паром, он увидел, что Энди со своей группой получил по-настоящему точные данные на его — его! — новый объект, G369.23-0.82. Как видно, времени для наблюдений у них было вдоволь и задержек не случалось.

Где? Он нашел глазами обычные данные о наблюдениях и… Аресибо! Ему *там* дали время для наблюдений? Здорово же ему пришлось нажать. Или повезло, кто-то выпал из графика? В Аресибо самая большая в мире тарелка, целый круглый ковш посреди тропических джунглей, только неподвижный. Приходится дожидаться нужного

момента, а потом синхронизировать с антеннами в других точках мира, чтобы получить карту.

И старый добрый однокашник Энди это сделал! Прямолинейные, серьезные манеры Энди смягчались легкой улыбкой, открывающей ему все двери, порою даже двери спален. Может, он сговорился с Бет Конвэй из Аресибо?

«Нет, — подумал Ральф, — это недостойно меня». Он наткнулся на G369.23-0.82 и сделал напрашивавшийся следующий шаг, только и всего.

Кроме того, Энди закончил Гарвард, а это помогает жить. Еще как. А все же досадно. Ральф до сих пор дожидался вестей от Харкина, обещавшего выжать для него немного времени на Очень Большом Массиве.[18] Да, уже шесть недель дожидался.

И, как будто этого мало, через пять минут ему предстояла встреча с деканом. Он снова пробежал глазами статью Энди. Работа была превосходная. К сожалению.

Он вздохнул в темноте спальни Ирэн, вспомнив роковой час беседы с деканом. Как видно, этот долгий день не кончится, пока он не пересмотрит все заново.

---

[18] Примечания: 18
Very Large Array (VLA) — комплекс из 27 радиотелескопов.

Он начал с застывшей улыбкой. Альберт Госсиан был снисходительный старомодный декан, из тех, что являются на службу в костюме. Этот бессознательный сигнал не сулил ничего хорошего. Госсиан коротко улыбнулся ему напряженной улыбкой и жестом пригласил сесть.

— Я просматривал вашу Currriculum Vitae,[19] — заговорил Госсиан. Он всегда полностью произносил латинское выражение. Другие называли ее попросту «Си-Ви». Декан медленно покачал головой. — Вам надо больше публиковаться, Ральф.

— Я получил грант и…

— Да-да, очень мило. ННФ[20] интересуется этими вопросами, весьма похвально… — Госсиан оторвался от своих заметок, послал быстрый взгляд поверх очков. — Именно потому факультет и решил взять сотрудника в этой области. Но… продлят ли вам финансирование?

— Я два года работаю по гранту ННФ, так что решающим будет следующий годовой отчет.

— Я рад отметить, что вас высоко ценят как преподавателя и сотрудника университета, и все же… — Растянутые гласные, казалось, несли в

---

[19] Примечания: 19
Сведения о научной карьере, резюме.

[20] Примечания: 20
Национальный научный фонд (National Science Foundation).

себе сообщение, никак не связанное с произносимыми фразами.

Все ассистенты каждые два года проходили переаттестацию, отслеживающую их продвижение на пути к «святому Граалю» штатной должности. Ральф двигался по траектории, типичной для начала века: шесть лет обучения и аспирантуры, стажировка в Гарварде, где Энди Лэйкхерст числился восходящей звездой, затмевая и его, и многих других. Оттуда Ральф ушел после тяжелого для обоих романа с биологиней из Тафта,[21] сбежал на край света и тут нашел Калифорнийский Ирвиновский, который быстро расширялся и нуждался в астрономах. Университет заслужил кое-какую репутацию в вопросах теории частиц, к тому же именно здесь Фред Райнес заработал Нобелевскую, доказав существование нейтрино и использовав их для определения спектра яркой сверхновой 1987 года.

Группа физики плазмы котировалась на факультете выше других и на первых порах сильно помогла ему. Они понимали, что большая часть массы Вселенной состоит из горячх, ободранных с ядер электронов из плазмы. Вселенная еще не

---

[21] Примечания: 21
Университет Тафта в Бостоне.

остыла и не созрела. В ней разыгрывались поистине драматические события. Конечно, жизнь возникает на прохладных, спокойных планетах, но основное действие происходит в безмятежных небесах. Небеса рассказывали истории, приводившие его в трепет.

Но, причалив в КУИ, он потерял скорость. В условиях скудного финансирования гипотезы не оплачивались, так что он мало что сумел прибавить к своей диссертации и не приобрел ни поддержки, ни положения. Его скрупулезные наблюдения неохотно способствовали возникновению новых идей. Вот уже пять лет. Через три месяца он упрется в стену. Либо получить должность штатного профессора, либо распрощаться с надеждой. Игра навылет.

Правда ли, что его место в кущах академической науки? Ему нравилось преподавать, он засыпал на совещаниях, считал теоретиков ханжами, а бумажную работу нудятиной. Жизнь размывалась…

Изучение быстрых нейтронных звезд несколько лет назад было в моде, но в выверенных фразах Госсиана ему слышались нотки скепсиса. Декану выпала участь выразить чувства старшего состава кафедры.

Госсиан, кажется, наслаждался моментом:

— Ваш пунктик с быстрыми звездами… кое-кто из ваших коллег считает, что они блекнут.

Ральф прикусил губу. «Не показывай злости».

— Это не пунктик. Открытия идут одно за другим.

— Но к чему они ведут?

— Об этом говорить преждевременно. Мы думаем, что они возникают в результате взрывов сверхновых, но это лишь наиболее очевидное объяснение.

— Одна из этих заметок утверждает, что первый «беглый пульсар», так называемая «Мышь», уже достаточно полно изучен. Другие, открытые недавно, вероятно, будут развиваться подобно ему.

— Рано об этом говорить, — продолжал настаивать Ральф. — Исследование требует времени…

— Но времени у вас нет.

Вот в том-то и суть. По количеству публикаций Ральф проигрывал. Даже в узкой области «беглых пульсаров» его обходили другие, располагавшие лучшим оборудованием, лучшими компьютерами и большим временем для наблюдений. Калифорнийский не вылезал из бюджетного кризиса, факультет беднел, и потому основной

упор делался на «добудь (федеральные) доллары». Правда, маленькая программа Ральфа дала тему работ двум аспирантам, но это была мелочь.

— Я приму это к сведению, — сказал Ральф.

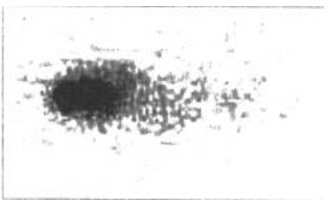
Пустая формальная фраза не улучшила его положения — это отчетливо читалось на лице декана, но помогла ему выбраться из кабинета.

Он мало спал в ту ночь. Ирэн надо было рано выходить, и он по дороге на работу заказал себе двойной кофе. Потом внимательно перечитал статью Энди и задумался, прихлебывая из чашки.

Мало кто из астрономов предвидел обнаружение такого множества беглых нейтронных звезд.

Предполагалось, что они берут начало от двух молодых больших звезд, вращающихся одна вокруг другой. Одна превращалась в сверхновую, вторая, нейтронная, оставалась пока на орбите. Затем звезда-спутник тоже взрывалась, вышвыривая более старую нейтронную звезду в пространство. Ральф начал свою работу в Ирвиновском с составления подробной карты в микроволновом диапазоне частот. Это требовало длительных наблюдений на крупных радиотелескопах, и он выбивал для этого время, где только мог, в обсерваториях по всему миру. На этих кар-

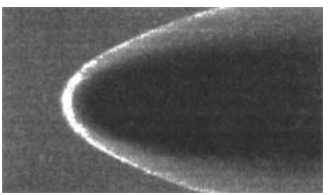
тах он и нашел первого кандидата, G369.23-0.82. На карте объект выглядел еле видным пальцем, нацеленным к центру Галактики, всего лишь смутной черточкой. Тугим узелком с косматым хвостом.



Он отыскал его с помощью программы, просматривающей карты с целью выделять все объекты, длина которых превосходит ширину. Под это определение попало немало выбросов из областей, окружавших черные дыры, или с орбитальных дисков молодых звезд. Он потратил несколько месяцев, чтобы отсеять эти фальшивки, выбирая из них компактные звезды-беглянки. Потом ему дали время на Очень Большом Массиве, немного, но достаточно, чтобы чуть отчетливее выделить G369.23-0.82 из помех. Результат был вполне удовлетворительным.

Ральф заказал еще кофе и просмотрел свою работу, опубликованную меньше полугода назад. До сегодняшнего дня лучших данных не получал никто. Он искал признаки вращения головного узла, но ничего не обнаружил. Первая открытая звезда-беглец, «Мышь», обнаруженная много лет назад, в конечном счете оказалась вращающейся нейтронной звездой-пульсаром, посылающей гудки радиолучей в круглые уши радиотелескопов.

Он стал сравнивать свои данные с новой картой Энди.



Четкая, гладкая, красота! Он снова перечитал

раздел «Выводы». Мысли метались и неслись вскачь.

«Таким образом, нам не удалось подтвердить, что G36923-0.82 является пульсаром. Объект, несомненно, создает головную ударную волну, вызывающую ветровую туманность, питаемую, несомненно, нейтронной звездой. Однако при высочайшей чувствительности аппаратуры не получено и следа пульсирующего сигнала в микроволновом или оптическом диапазоне с обычной для пульсара периодичностью. Изгиб фронта головной ударной волны предполагает, что G36923-0.82 движется со скоростью около Мах 80 что дает пространственную скорость около 120 км/сек, сквозь локальный газ плотностью около 0,3 на кубический сантиметр. Мы пользуемся оценкой дальности по Эйлеку и др. для объекта, находящегося на половине поперечника Галактики. Его динамика и светимость соответствуют динамике и светимости отдаленных нейтронных звезд, движущихся со скоростью, полученной при

выбросе сверхновой. Если это пульсар, он не излучает в нашем направлении».

Прекрасная работа. Увы!

Яркий участок впереди — микроволновое излучение от столкновения с электронами высоких энергий. Внутренний круг — это не нейтронная звезда, просто даже антенна Аресибо не дает разрешения, достаточного для столь малого объекта. Учитывая расстояние, круг этот, однако, больше Солнечной системы. Головная ударная волна дает идеальный гладкий конус. За ним следует микроволновое излучение относимого назад газа, нагревшегося и захваченного потоком, создающим хвост. В ядре находится нечто, способное мощным импульсом разбрасывать в стороны межзвездный газ. Целая звезда, сжатая гравитацией в шар не больше залива Сан-Франциско.

Но каким образом Энди добился такого отменного разрешения?

Ральф просмотрел таблицы данных и обнаружил, что последние наблюдения показали гораздо более мощный сигнал, чем предыдущие. Объект становится ярче. Почему? Возможно, он столкнулся с более плотным газом, так что излучает большее количество электронов?

С минуту он просто любовался. Его никогда не покидало чувство преклонения перед подобными чудесами. Красота работы помогла немного унять обиду. Немного.

От появления работы Энди на веб-сайте «астро-ф» до большого весеннего путешествия оставалось не так уж много времени. До отъезда он пересмотрел свои данные и продолжил преподавательскую работу.

Они с Ирэн уладили свои проблемы, или, по крайней мере, отсрочили их решение. Он отчитал свою лекционную неделю, дал трем аспирантам задание на обсчет данных и не нашел ничего нового в картах, над которыми те работали.

Он потратил еще не все деньги, выделявшиеся в финансировании гранта на разъезды, и неосторожно упомянул об этом при Ирэн. Она не упустила случая, хотя научная конференция проводилась в маленьком городишке.

— Зато во *Франции!* — произнесла она с таким наивным благоговением, что он не смог устоять.

Так что они вместе вылетели на конференцию Международных астрономических объединений в Бранконе. Городок оказался симпатичной коллекцией каменных домиков, цеплявшихся за склоны Альп. Туристский сезон еще не начался,

острые горные пики вокруг, несмотря на конец мая, были покрыты снегом, стояла чудесная тишина, но астрономы не замечали этих радостей. Кое-кто из участников катался по вечерам по окрестностям, но Ральф не выезжал из города, проводя время в беседах с такими же честолюбивыми трудоголиками, как он сам. Ирэн ходила по магазинам.

В местных лавках торговали, как она выражалась, «моднейшими соблазнительными штучками», и в тот вечер она хвасталась перед ним покупками в тесном гостиничном номере. Она крутнулась на каблуках, хвастаясь розовой блузкой со спущенными плечами, искусно приоткрывающей белье и бретельки. Штучка и впрямь была соблазнительной, но Ральф смотрел все так же рассеянно.

В этой самой комнатушке, восполняя вызванный перелетом сдвиг времени, она продемонстрировала умения, памятные ему по первому свиданию, и заставила его очнуться. Таким образом, через несколько часов им удалось заснуть. Хорошие вышли часы.

Утреннее заседание было интересным, послеобеденное — немного скучноватым. Ирэн честно отсидела несколько докладов. Он не знал, за-

нимает ли ее сама наука, или она просто хочет участвовать в его жизни. Ее хватило на несколько часов, после чего Ирэн снова отправилась по магазинам.

— Таким образом я познаю их культуру, — заявила она.

В программу конференции входила вечерняя экскурсия по огромным толстостенным замкам, венчавшим здесь каждый горный пик. В одной из этих холодных гулких крепостей устроили банкет, где их угощали местными деликатесами: острой полентой и свежевыловленной форелью. Ирэн обвела взглядом толпу в шортах и футболках.

— Знаешь, странная у вас профессия, — заметила она. — Целая толпа ужасно умного народу, и никому в голову не приходит подумать, как он выглядит.

Ральф засмеялся: она попала в точку. Она была бабочкой среди астротрутней, ей вслед оборачивались головы, расцветали улыбки. С ней он чувствовал себя богачом. А может быть, дело было в вине, в красном *vin local*,[22] ударившем прямо в голову, чему отчасти способствовала

---

[22] Примечания: 22
Местное вино *(фр.)*.

двухкилометровая высота.

После десерта они сошлись в высоком сводчатом зале для приемов. Все двести человек были слишком взбудоражены, чтобы разойтись по номерам, а потому выпили еще вина. Тут Ральф высмотрел в толпе Энди Лэйкхерста.

— О-го! — протянула Ирэн, перехватив его взгляд.

— Эй, он мой старый друг.

— Да? Ты так и прожигаешь его взглядом.

— Ладно, скажем, есть кое-какие счеты. Она сонно взглянула на него.

— Я пойду спать, а вы, мальчики, играйтесь себе, — сказала, зевнув, Ирэн.

Ральф, почти не слушая ее, кивнул. Он вслушивался в разговоры толпы, окружившей Энди. Голос этого долговязого широкоплечего мужчины разносился над головами, достигая всех присутствующих. Энди разглагольствовал о старой доброй G369.23-0.82. Ральф протиснулся к нему.

— Я полагаю, может быть, если проследить подольше, G…

— «Пуля», — перебил его Ральф.

— Что? — Высокий лоб Энди, прерванного на полуслове, собрался морщинами.

— Объект похож на пулю, почему бы так его и не называть вместо длинного кодового наименования?

— Ну, — бодро ответил Энди, — люди могут не понять…

— У него даже дымный хвост имеется, — ухмыляясь, продолжал Ральф. — Если хочешь, чтобы о нем написали в «Сайентифик американ», смени имя.

— Знаешь, Ральф, ты нисколько не изменился.

— Стал беднее, только и всего.

— Ну, мы все занимаемся этим делом не ради денег.

— Постоянная должность не помешала бы.

— Вот это верно, дружище! — Энди хлопнул его по плечу. — Я зимой ее получу, знаешь?

Ральф не знал, но отговорился комплиментом:

— Ты ее заслужил. Я и не сомневался, что ты ее получишь. — И добавил, не удержавшись: — Хотя в Гарварде пробиться нелегко. Карл Саган[23] тому подтверждение.

— Правда? — Энди нахмурился и сменил тему: — Так, говоришь, лучше назвать ее «Винтовкой»?

---

[23] Примечания: 23

Карл Саган (1934–1996) — американский астроном и популяризатор науки. В 1962–1968 годы преподавал астрономию в Гарварде.

— «Пулей», — повторил Ральф. — Летит она быстро, и еще неизвестно, правда ли это нейтронная звезда.

— Ну, до нее далековато для точного диагноза.

— Может, и далековато. Хотя я тут подумал…

— И по другим параметрам все сходится.

— Только пульс не определяется, так что, может, это и не пульсар.

— Должен быть пульсар, — возразил Энди, и кто-то вставил замечание, которого Ральф не расслышал, и взгляд Энди снова охватил остальных.

Пока Энди общался с окружающими, Ральф получил время на размышление.

К настоящему времени было известно около тысячи пульсаров — вращающихся нейтронных звезд, посылающих вспышки лучей, как маяки Галактики. Некоторые совершали тысячу оборотов в секунду, другие, старые, были медлительнее, но у всех луч сдвигался при вращении. Все эти коллапсировавшие звезды рассказывали свои долгие истории о том, как стираются жернова: чем старше, тем медленнее. Некоторые были выброшены при рождении ярких пылающих сверхновых, за несколько минут сжатых катастрофическим давлением в ядерном костре.

Здесь, в Бранконе, размышлял Ральф, наша

компания сообразительных болтливых шимпанзе, едва начавших свое развитие, когда старушка G369.23-0.82 давно вырвалась из звездного лона, усердно изучает трупы великих катастроф, звезд, убитых беспощадной гравитацией.

Не то чтобы глаза приматов когда-нибудь непосредственно увидели эти объекты. На самом деле благодаря своим тарелкам размером с футбольное поле они видели ярчайшее излучение возбужденных электронов, вращающихся в небесной гармонии вокруг магнитных полей. Электронные облака перемещаются со скоростью, близкой к скорости света, и выжатые ими волны орут на всю Вселенную, что они живы и сильны и хотят, чтобы все это знали. Самая наглая реклама не сравнится с ними в умении нарушать тишину дремлющих ночных небес.

— Просто мы не попадаем под луч, вот в чем дело, — сказал Энди, снова обратившись к Ральфу и подхватив нить разговора с улыбкой, которая стала чуть менее естественной. — Луч не нацелен на нас.

Захваченный врасплох, Ральф моргнул: его мысли блуждали довольно далеко отсюда.

— Ну, я просто подумал, что следует учитывать все возможности.

Вероятно, последний стакан *vin local* был лишним.

— А чем еще она может быть? — настаивал на своем Энди. Голос его стал жестче. — Компактный, быстро движущийся объект с ярким передним краем свечения, вызванным его головной ударной волной. Нейтронная звезда, вырывающаяся из Галактики.

— Если она настолько удалена, как мы думаем. А если нет?

— Нам неизвестны другие объекты, способные давать такое излучение.

Ральф заметил, как кивают люди вокруг.

— Надо мыслить… — он искал слова, — ну, сняв шоры. Наверное, это *vin local.*

Энди склонился к нему и шепнул своими жесткими, уже почти профессорскими губами:

— Старина, чтобы побить идею, нужна идея.

Да, определенно *vin local.*

Утром он проснулся с железнодорожной катастрофой в черепной коробке. Только сейчас он вспомнил, что в светской беседе с Харкином, сиятельным представителем Очень Большой Антенны, так и не было сказано ни слова о времени для наблюдений. А ему еще предстояло читать доклад.

Это был провал.

Оформление было броским. И даже его ноутбук не подкачал, сменяя картинки. Но все эти многоцветные радиокарты и графики не могли скрыть скудость идей. Если бы удалось пронаблюдать пульсирующее излучение, можно было бы вычислить возраст и затем проследить путь беглянки, чтобы проверить, просматриваются ли в его начале останки сверхновой. Сброшенная оболочка горячего газа, небесный «бычий глаз», подтверждающий всю теорию.

Он продемонстрировал свои результаты по старушке G369.23-0.82. У него были подробная микроволновая карта и множество расчетов, но Энди уже представил собственный доклад, доказывавший, что это не пульсар. А G369.23-0.82 — Ральф упорно называл ее «Пулей», однако недоуменные взгляды показывали, что никто не оценил его остроумия, — увы, была основой его работы.

— Имеется достаточно сомнительных аспектов, — неуклюже закончил он, — которые заставляют воздержаться от выводов. У нас есть привычка классифицировать объекты на основании поверхностного сходства с другими.

Дальше шли радиокарты компактных обла-

ков, излучающих в радиодиапазоне, которые, по его мнению, тоже могли оказаться звездами-беглянками, но не оказались. Несколько суток наблюдений на ОБМ и на других установках в Нидерландах и в Итальянской Болонье. Он сумел выжать много времени.

И… ничего. Конечно, он обнаружил множество остатков сверхновых, кое-какие обломки менее масштабных катастроф, таинственные выбросы, быстро гаснущие на радиочастотах, но ни одной беглянки с отчетливым хвостом, впервые наблюдавшимся у знаменитой «Мыши». Он постарался скрыть провал, быстро сменяя кадры обманувших его надежды объектов, без слов намекая, что существуют и другие возможности. Аудитории, кажется, понравился калейдоскоп цветных диаграмм. Этому фокусу обучила его мать при игре в бридж: если ничего другого не остается — прорезывай ход.

Доклад его пришелся перед самым обеденным временем, и у слушателей был голодный вид. Он надеялся, что отделается одним-двумя вопросами. В заднем ряду поднялся Энди и невинно вопросил:

— Так почему вы считаете, что… э… «Пуля» *не* нейтронная звезда?

— А где останки породившей ее сверхновой? — отразил удар Ральф. — На много световых лет позади нее ничего нет.

— Возможно, облако газа уже погасло, — сказал Энди. Голос слева, голос одного из Великих Старцев, произнес:

— Не забывайте, что… э… «Пуля» отделена от нас целой Галактикой. Старые слабые остатки на таком расстоянии трудно различить. И, — скептически поджатые губы, — достаточна ли чувствительность применявшейся аппаратуры?

— Я использовал все время, какое смог получить, — ответил Ральф, снова прогнав на скорости свои кадры, и остановился на общем виде. — Беспорядочные точки, не заметно никакой структуры. Области на дальнем отрезке следа «Пули» за пределом помех.

Этим термином астрономы обозначали уровень шума, на котором уже не удается выделить сигнал. Отвечая на следующие один за другим вопросы, Ральф думал, что в жаргонном выражении больше смысла, чем видно с первого взгляда. Предел помех ограничивает доступное им познание, сколько бы снимков они ни нащелкали.

Тут снова встал Энди. Он углубился в детали данных и расчетов, отыгрался за вчерашнее и

закончил уколом:

— Я не понял вашего замечания о классификации объектов по поверхностному сходству.

Серьезных аргументов у Ральфа не было, однако он ухмыльнулся и попытался отшутиться:

— Ну, «Пуля» не так перекошена, как «Утка»… — Так называли странного вида след одного из пульсаров, неровный мохнатый хвост молодой звезды, открытой два года назад Энди. — Астрономы забывают, что публика предпочитает описательные названия. Они легче запоминаются, чем, скажем, G369.23-0.82. — Смешки в зале. — Поэтому мне подумалось, что нам не следует спешить с выводами. И не поддаваться сладкому соблазну сенсационности. Знаете, как бывает? — Он набрал в грудь побольше воздуха и перешел на пронзительный фальцет, заранее отрепетированный в номере — Звезда-беглянка! Скоростная! Скоро навсегда покинет нашу Галактику!

Энди кисло скривил рот, и Ральф слишком поздно вспомнил, что недавно какой-то газетчик брал у него интервью и опубликовал его в рыночной газетенке под очень похожими заголовками.

Ой!

Ирэн произвела фурор в Бранконе, хотя не всем

из его коллег удавалось за ней угнаться. Она была чудачка, некоторых она раздражала, но рядом с ней он чувствовал себя в центре внимания. Иной раз она мешала ему сосредоточиться, но он старался. Вернувшись в КУИ, он попал в суматоху недочитанных лекций, подготовки к экзаменам и множества новых идей, которые надо было проверить. Его захлестнуло с головой.

Некоторые считают, что существует только две науки: коллекционирование марок и физика. Это сказал Эрнст Резерфорд, но, с другой стороны, он же считал, что атомная физика не имеет прикладного значения.

Большая часть наук начинается с каталогизации. Только со временем тонкие различия наводят на мысль о великих, всеобъемлющих законах. Ньютон привнес в суматоху, поднятую Галилеем, дифференциальное исчисление и тем дал первый толчок к современному миру.

Астрономам долго суждена была участь астроботаников: отыскивать разновидности космических объектов и раскладывать их по категориям в надежде найти между ними что-то общее. Коллекционировать марки. Когда в семидесятых годах двадцатого века теоретики порешили, что пульсары относятся к нейтронным звездам,

интерес от них переместился на квазары, выбросы, источники гамма-излучения, на темную энергию и далее по всей ботанике в поисках все более фундаментальной физики. Ральф только радовался их благословенному равнодушию. Его влекла детективная сторона науки, вечная надежда, что объект окажется не тем, чем кажется. И он зарылся в полученные данные, сравнивая их с картами наблюдений, привезенными из Бранкона. В небе было полно длинных хвостов, изобилие выбросов, а вот новых кандидатов на роль нейтронной звезды-беглеца не обнаруживалось. Так что ему пришлось вернуться к «Пуле» и продолжить ее изучение. Для этого требовалось время для наблюдений.

И для него, и для Ирэн хорошее свидание требовало солидной порции откровенности и спиртного. В первую ночь с ней после возвращения из Франции он вооружился запасом внимания и аппетитом. Он готов был принять и цыплячье филе, предпочтительно с доставкой на ее квартиру, и даже ресторан с тихой романтической музыкой, который не раз производил то же действие, что и жареный цыпленок.

Он возвратился к новостям, хорошим и плохим. Факультет не заинтересовался его предложе-

нием, оставленным перед отъездом: отложить решение относительно его определения на профессорскую должность. Зато Харкин наскреб для него немного времени на ОБМ. Клинышки между большими наблюдениями, пояснил он Ирэн.

— И что тебе дадут эти минуты?

— В астрономии лучше всего смотреть внимательно и долго. Но и короткий взгляд, если повезет, может принести тот же успех.

К тому же время ему выделили в выходные, так что не придется искать себе замену на лекционные часы.

Итак, в ресторан он пришел определенно в приподнятом настроении. Ему всегда нравилось выбираться куда-нибудь с Ирэн, видеть, как глазные яблоки других мужчин разворачиваются к их столику, и говорить ей об этом. Она в ответ неизменно округляла глаза и приподнимала брови. К тому же каждый мог и наглядеться на другого, и поесть. И если вечер пройдет хорошо, к десерту происходящее будет выглядеть как сценка из фильма «Том Джонс».[24]

Они заказали: она утиную грудку под глазурью, а для него — нежного латиноамериканского цып-

---

[24] Примечания: 24

Фильм 1963 года. Премия «Оскар» 1964 года за лучший фильм года. В российском прокате «Ловелас».

ленка с бананами.

Аппетитное начало, заметила она, поглядывая на солидных посетителей. Золотой Берег изобиловал университетскими магистрами с изысканными стрижками и стройными, непринужденно элегантными телами, мускулистыми, но не слишком (я не хочу походить на работягу!), а также женщинами, переливающимися всеми оттенками волос, от платиновой блондинки до клубнично-рыжей. «Ух ты, как *soigne!*» — оценила Ирэн, испытывая свой обновившийся французский словарь.

Ральф чувствовал в ней какую-то напряженность и предпочел не торопить события, неспешно рассматривая шумную толпу. Люди вокруг демонстрировали не юношескую энергичность, а скорее выдержанную опытность, напоминавшую старый «роллс», в котором масло с религиозным фанатизмом заменяется через каждые полторы тысячи миль. Рядом с ними любой рабочий парень почувствовал бы себя малость потрепанным.

Он с горестной улыбкой промолвил:

— Жизнь в Калифорнии на высшем уровне. — И задумался, замечает ли она излишества Американской Мечты так же, как он. Они жили среди

песочно-желтых холмов, покрытых роскошными особняками в псевдоиспанском стиле, раскинувшимися по крошечным участкам. Аффлюэнца, как назвал кто-то эту болезнь, когда сколько ни дай, все мало. Все вокруг кричало: «Изобилие вокруг тебя», и дома, окружавшие забитые яхтами гавани и бухточки, сверкали, как филигранная оправа драгоценных камней. Он уважал людей вроде нее, занимающихся бизнесом, как работяг, создающих богатства, из которых оплачивается его работа. Но как раз сегодня он подвозил ее на сервисную станцию фирмы «Мерседес», к оставленному там для замены масла автомобилю. Чуть задержавшись, он увидел, что в список услуг входило бесплатное мытье машин и что, ожидая, вы, вместе с декофеинизированным капуччино с коричной пенкой, могли сделать маникюр или погонять мяч на лужайке для гольфа. Простой ученый в такой обстановке чувствовал себя бедным родственником.

Он смотрел, как она проверила всю посуду и протерла ее платочком. Обычно она этого не делала: она не страдала манией чистоты, не раскладывала папочки по цвету и не планировала свои дела по минутам, хоть и была счастливой обладательницей магистерского диплома по

менеджменту.

— Отлично съездили, — проговорила Ирэн задумчивым тоном, означавшим, что она соблюдает вежливость. — И… ты намерен всю жизнь провести среди этих людей?

— Мне они кажутся весьма интересными людьми, — оправдался он, еще не поняв, к чему она клонит.

— Они… как бы это помягче сказать, чертовски много работают.

— Как все ученые.

— И деловые люди тоже, но у них находятся и другие темы для разговора.

— Это же была конференция специалистов. У них нет других общих тем.

— Если не считать невыносимой сексуальной озабоченности.

— Раньше она не казалась тебе недостатком, — усмехнулся он.

— Вспоминается мне один тип из Массачусетского технологического, вообразивший, что сумеет меня захомутать посредством… — она пальцами изобразила кавычки, — «умного разговора», включавшего цитаты из «Симпсонов», гангстерских киношек и какой-то кинотрилогии.

— Из Толкиена.

— Да, эльфы с мечами. Я думала, вы, ребята, ученые.

— У нас тоже есть… хобби.

— Больше похоже на мании.

— Наша работа в том числе? Она развела руками:

— Я, конечно, уважаю твою увлеченность астрономией. — Ирэн закатила глаза. — Но она так плохо окупается! И профессора тебе то ли дадут, то ли нет. После того, как ты потратил столько лет!

— Карьера не делается в один день.

— И жизнь тоже. Помнишь, что у нас сегодня?

Он сделал каменное лицо: единственный способ не дать прорваться просившемуся наружу выражению загнанного оленя.

— Э… нет.

— Шесть месяцев назад…

— А, да, мы собирались снова поговорить о женитьбе. Она сверкнула глазами:

— А ты прячешься за свою работу… опять.

— Эй, так нечестно.

— Я не могу ждать до бесконечности.

— Я сейчас в такой запарке! А на отношениях не пропечатывают срок годности.

— Время никого не ждет. И я тоже. Заключи-

тельная фраза, вот как! Он твердо начал:

— Так что я должен?..

Она протянула ему деловую визитную карточку:

— Герб Линцфилд. Позвони ему.

— А что мне за это будет? — За ухмылкой он скрывал озабоченность.

Заказывая десерт, она ответила ему загадочным взглядом искоса и улыбочкой, мелькнувшей на больших полных губах. А теперь переходим к «Тому Джонсу».

Чтобы попасть из КУИ на ОБМ, надо было вылететь из аэропорта Джона Вэйна, где стояла могучая бронзовая статуя героя, чей ковбойский наряд пленил его в свое время, и сделать пересадку в Фениксе на Альбукерке. Ральф проделал перелет, втиснув ноги под переднее кресло, не позволявшее даже раскрыть ноутбук, — любезность Юго-Восточной авиалинии! — а дальше взял напрокат «баджет» и повел его в Сокорро.

Опаляющий зной спал, когда он выехал на высокое плато, где по железнодорожным рельсам, проложенным в протяженной долине, разъезжали антенны. Большие тарелки перемещались, наставив круглые уши в небо и перестраиваясь так, чтобы лучше уловить своим «заменителем

глаз» излучения далеких агоний. Поездка по четырехполосному шоссе, окаймленному полынью, заняла большую часть дня. Приехав, Ральф застал Харкина за восьмичасовым наблюдением радиогалактики.

— Я провел последние шесть часов с куда меньшей пользой, — заметил он, и Харкин ухмыльнулся.

Харкин был одет в джинсы, красную шерстяную рубаху и ковбойские сапоги, и в этом не было позерства. Местные прозвали астрономов «сплошными шляпами без единой скотины» — лаконичное описание поддельных ковбоев. Лицо Харкина походило на скомканную и не до конца разглаженную бумагу: результат двадцати лет, проведенных под здешним небом.

Радиогалактика имела странный искаженный вид. Облако радиоизлучающих электронов обволакивало мишень Харкина — яркий выброс. Харкин малость помешался на выбросах, доказывая, что они должны изменять форму под действием сопутствующих им магнитных полей. И поля, и ядра были побочными продуктами вращающихся дисков в глубине ядра галактик. Черные дыры, вызывающие такое высвобождение энергии, с трудом поддавались обнаружению,

будучи крошечными и окутанными газом. Зато выбросы относились к самым броским рекламным плакатам Вселенной, подобным дымкам из пистолетного дула. Крошечные кладбища, где погребались массы, умудрились растянуть свои вывески по всему небу.

Ральф разглядывал длинный тощий выброс на радиоснимке. Он напоминал черно-белый снимок стрелы. Предстояла еще уйма работы. Сначала ярчайшие снимки в пылающем ядре Галактики, затем долгое медленное наблюдение сигналов в движении выброса вокруг галактического диска навстречу межгалактическим ветрам.

Однако же выброс уверенно держал направление, четко нацелившись в окружающую тьму. Его длина уже во много раз превосходила размер породившей его Галактики, и он обозначал себя оглушительным излучением радиоволн. Оно вызывалось спиральным движением высокоэнергетических электронов вдоль магнитных силовых линий. Ральф все это знал, но не мог без трепета смотреть на радиокарты вихрей и спиральных воронок, превосходящих величиной звездные скопления: автопортреты, выгравированные электронами, оживленными своей

безумной энергией.

— Большое облако, — проговорил Ральф.

— Ага. Ума не приложу, что это такое.

— Тайны. Многие из них никогда не будут разгаданы. Убийства звезд оставляют после себя лишь лохмотья улик.

Долговязый остроносый Харкин происходил из крепкой новоанглийской породы. Ральфу подумалось, что Харкин сильно напоминает изучаемый им выброс. Его лысая голова гребнем сужалась к макушке и сверкала, отражая флюоресценцию огоньков наверху. Харкин беспрестанно передвигался от панели управления антеннами к компьютерным экранам, на которых фокусировалось изображение. Выбросы несутся со всей своей неугомонной энергией, но астрономам достаются только моментальные снимки. Черные дыры обеспечивают заказ на рекламу на сотни миллионов лет, так что выброс Харкина был ровесником динозавров.

Заниматься астрономией — значит осознавать себя бабочкой-однодневкой.

— Надеюсь, я не зря вытащил тебя в такую даль. Харкин вывел на экран полный файл по G369.23-0.82.

В одном изображении он узнал первое наблю-

дение позапрошлого года, когда Ферретти из Болонской обсерватории выделил ее из фона при наблюдении какого-то выброса. За последние годы появились три новых: подробные карты Энди и Ральфа, данные по поляризации, статьи. Всё в цифровом виде — никто уже не хранит сведения на бумаге.

— Вот, видишь? График времени наблюдений. В периоды, когда G369.23-0.82 в небе, я получил только три вставки на время перестановки антенн. Каждая примерно на полчаса.

— Черт! — скривился Ральф. — Не много же!

— Да. — Харкин выглядел довольно виноватым. — Когда я тебе обещал… понимаешь, я потом подумал как следует, но ты тогда уже вылетел в Женеву.

— Vin local, — сказал Ральф. — Меня оно тоже подвело. Харкин смущенно кивнул, глядя в пол:

— Ну ладно, так насчет G369.23-0.82…

— Я называю ее «Пулей». Легче выговаривается, чем G369.23-0.82.

— А, да. — Харкин пожал плечами. — Ты говорил в Бранконе. Но что можно успеть за получасовые клочки? Он как раз раздумывал над этим вопросом, когда услышал его от Харкина.

— Энди довольно достоверно показал, что пуль-

сирующего луча там нет, — доброжелательно подсказал Харкин, — так что…

Ральф пролистал свои заметки:

— Нельзя ли получить более отчетливый передний край? Головную ударную волну «Пули».

Харкин разочарованно покачал головой:

— При таком коротком времени наблюдений никак. Слушай, ты говорил, у тебя есть неожиданные идеи?

Ральф начал беситься:

— А как насчет хвоста «Пули»?

Харкин неуверенно накарябал несколько значков на желтой разлинованной табличке.

— Никак. У него недостаточная светимость. След рассеивается довольно быстро. Предел помех. Получишь один шум.

— На краю «Пули» видна звезда, — напомнил Ральф.

— На переднем плане, — уточнил Харкин. — Может помочь при определении удаленности.

— Если рассчитывать по общепринятой методике, она очень далеко, за пол-Галактики.

— Угу. Ладно, это оставим на потом.

Ральф пошарил у себя в голове:

— Энди в каком диапазоне искал пульс? — Он порылся в сделанных в Бранконе записках. —

Да, в коротком и не меньше десятисекундного периода.

Харкин покивал:

— Это молодая нейтронная звезда, значит, должна вращаться быстро.

Ральфу страшно не хотелось выглядеть в глазах Харкина дилетантом, однако он уверенно выдержал его взгляд:

— Возможно. Если газ не затормозил ее быстрее обычного. Харкин скептически вздернул бровь:

— «Мышь» не тормозилась. Она вращается с периодичностью около одной десятой секунды. Юсуф-Заде и прочие считают, что ей, вероятно, около двадцати пяти тысяч лет.

Двадцать пять тысяч лет — не много для пульсара. Пульсар «Мышь» был сферой, состоящей из одних нейтронов: солнечная масса, упакованная в шар размером всего с Сан-Франциско и вращающийся десять оборотов в секунду. На картах, полученных на радиотелескопах, ее маячный луч исходил из точки на самом кончике носа, а за ней вздувалось выпуклое тело и тянулся длинный тонкий мышиный хвост. Открытие «Мыши» предопределило парадигму. Но первый — не обязательно значит типичный.

Ральф, положившись на предчувствие, стиснул

челюсти.

— Давай проверим, — вспомнил он.

За полчаса, пока команда Харкина под его руководством переставляла антенны, передвигая по рельсам большие белые тарелки и настраивая их для нового многочасового наблюдения, Ральф работал как сумасшедший. Без помощи Харкина, наблюдавшего за всем комплексом, он мог управлять двумя или тремя антеннами. Чтобы полностью использовать свои полчаса, он решил вести наблюдение на середине микроволновой полосы, где-то от одного до двух гигагерц. В последние несколько дней, как предупредил Харкин, они принимали какие-то помехи, возможно от переговоров по сотовой сети, отдававшихся даже здесь, посреди пустынного высокогорного плато, но эти помехи не превосходили одного гига и не заходили на его частоты. Поэтому Ральфу не приходилось беспокоиться из-за болтунов, каждые несколько минут звонящих друг другу и стирающих его данные.

Он тщательно просматривал полученную информацию с помощью программы, настроенной на поиск любых долговременных флуктуации. Согласно теории пульсаров, с возрастом нейтронная звезда увеличивала период вращения и

посылала луч своего маяка с частотой около раза в секунду. Они тратили вращающий момент, предавая его энергию в излучение: гори ярко и умри молодым. Агонии подростков. Только от них не остава лось красивых трупов — они и были трупами. Пульсары продолжали гаснуть, замедляя вращение. Известные пульсары с периодом две-три минуты можно было пересчитать по пальцам.

Так что его поиск был довольно безнадежен. Но ничего другого ему в голову не приходило.

К третьему получасу он завяз. Техники, обслуживавшие антенны, действовали четко и эффективно, но долгие промежутки между короткими наблюдениями наводили скуку. Поэтому он воспользовался их богатыми компьютерными ресурсами для обработки собранных данных: программное обеспечение ОБМ заглатывало длинные колонки цифр, пока он следил за экранами. Программа Харкина раскладывала сигнал от «Пули» на двоичный код, определяя временные закономерности. Она проверяла каждую поступившую волну, отыскивая повторы. Компьютер работал час за часом, прогоняя и фильтруя сигнал «Пули».

По большей части одни помехи. Но вот…

— А это что? — Ральф указал на пятно, выделявшееся в поле помех.

Экран, на который уставились они с Харкином, рябил, пурга гармоник, сталкивавшихся между собой и блекнущих на глазах. Но этот пик оставался на месте.

Харкин нахмурился:

— Повторяющийся сигнал в микроволновом… — Он просмотрел данные, вглядываясь в переменчивый узор на экране. — Период… ну-ка, посмотрим… сорок семь секунд. Многовато для молодого пульсара.

— Наверное, ошибка. Слишком много.

В астрономии скептический подход к собственным работам обычно окупается. Каждый должен был готов столкнуться с ошибкой. Джо Вебер ошибся в определении гравитационных волн, воспользовавшись изобретенным им методом. И навсегда остался с подпорченной репутацией, хотя был блестящим, оригинальным ученым.

Лицо Харкина застыло.

— Все равно, так и есть.

— Наверняка ошибка.

— Черт возьми, Ральф, я знаю свою программу.

— Давай проверим как следует.

Еще несколько часов работы показали, что

ошибки нет.

— Ладно, забавно, но это на самом деле. — Ральф задумчиво протер глаза. — Тогда давай посмотрим сам пульс.

А вот пульса не оказалось. Закономерность не распространялась на широкую полосу частот. На одной целой и одной десятой гигагерца она выделялась явно и отчетливо, а больше пиков не было.

— Это не пульсар, — сделал вывод Харкин. Ральф почувствовал, как чаще забилось сердце.

Повторяющаяся вспышка. Пиковый сигнал, выделяющийся из шума и проявляющийся для нас каждые сорок семь секунд.

— Чертовски забавно, — с беспокойством проговорил Харкин. — Надеюсь, это не сбой в программе.

Об этом Ральф не подумал.

— Да ведь это лучшая фильтрующая программа в мире. Харкин ухмыльнулся, дубленая кожа лица пошла морщинами.

— Как бы твои комплименты не вскружили мою хорошенькую головку.

Еще два часа Харкин потратил на тщательнейшую проверку программного обеспечения ОБМ и ничего не нашел. Ральф не возражал, ему нужно

было время на размышления. Он устроил себе передышку — Харкин был не из тех, кто отдыхает, когда есть работа, — и посмотрел игры Кубка за компанию с инженерами в операторской. Им пришлось опустить антенну для ремонта, но прием был достаточно хорош, чтобы дотянуться до горизонта и перехватить передачу чикагского телевидения. В широком эфире Кубок не транслировался, а здесь были двое из Чикагского университета. Матч они проиграли, но игра была увлекательной, и Ральф вернулся отдохнувшим. К тому же у него возникла идея. Или зародыш идеи.

— А что, если эта штука намного больше нейтронной звезды? — обратился он к Харкину, который так и не тронулся со своего места на вращающемся кресле перед панелью с шестью экранами.

— Тогда где источник энергии?

— Ума не приложу. Но я к тому, что это может оказаться что-нибудь довольно обыкновенное, просто движется быстро.

— Например?

— Например, белый карлик, только очень старый, мертвый.

— Так что невидим в визуальном диапазоне?

Телескоп Хаббла уже направляли на местоположение «Пули» и ничего там не увидели.

— Вырвался из какой-то звездной системы, движется быстро, не нейтронная звезда… Может такое быть?

Харкин скептически хмыкнул:

— Гм… надо подумать. Только… откуда берутся релятивистские электроны, обеспечивающие микроволновый сигнал?

Это с трудом поддавалось объяснению. Старый белый карлик определенно не мог испускать электроны.

— Слушай, не знаю, — помедлив, признался Ральф. — И мне надо возвращаться к себе, у меня занятия. Нельзя ли выкроить для меня еще несколько лоскутков времени при настройке антенн?

— Попробую, — неуверенно отозвался Харкин.

— Перешлешь мне результаты, когда найдется время?

— Ты сможешь сам обработать данные?

— Если ты дашь мне программу, конечно, просчитаю. Харкин пожал плечами:

— Этот сорокасемисекундный период… чертовски забавно. Так что… ладно, пожалуй…

Ральф вымотался, зато, по крайней мере, игра

продолжалась. К чему бы она ни привела.

На следующий день Ральф несколько часов просидел над программой-фильтром, на цыпочках пробираясь сквозь методики Харкина. Многие считали Харкина лучшим в мире наблюдателем при работе с большими антеннами. Он играл на электронике, как на скрипке.

Харкин был хорошим учителем, потому что не умел учить. Вместо того чтобы учить, он просто показывал. Сопровождая показ рассказами и примерами, иногда даже шутливыми, а иногда непонятными, Харкин наконец открывал новый параметр обзора или же вводил новую ноту в песню, и тогда все становилось ясно. Таким способом Харкин показал ему, как пользоваться программой, чтобы дотошно проверить все результаты. Этот костлявый астроном научил его играть на радиотелескопе шириной с футбольное поле, как на музыкальном инструменте, понимать его капризы и заблуждения и извлекать из него истину, которой он сам не знает. Это была наука, строгая и скрупулезная, но создавать ее было искусством. В конечном счете надо было оправдать каждый шаг, каждый вывод, но все доказательство держалось на интуиции, как ледяной кубик на слое талой воды.

— Слушай, Энди, — непринужденно обратился Ральф к трубке сотового, разглядывая в широкое окно пустыню Нью-Мексико и белые тарелки антенн, направленные в небо. — Я не припоминаю, вы там просматривали «Пулю» на длинных периодах или нет? Данные по «Пуле». Помнишь, мы об этом говорили в Бранконе?

— «Пуля»? Ах да, G369.23-0.82.

— Точно. Слушай, на каком периоде вы остановились? Долгое молчание. Ральф, кажется, даже расслышал шум уличного движения.

— Эй, я не вовремя?

— Нет, просто иду по Масс-авеню, пытаюсь вспомнить. Кажется, мы дошли примерно до тридцати секунд. И ни черта не увидели.

— Отлично. Я тут снова занялся «Пулей», получил кое-какие предварительные данные и подумал, что лучше свериться с твоими.

— Ага… — Новая пауза. — И сколько же?

— Много, — осторожно ответил Ральф. — Понимаешь, мы еще анализируем данные.

— Значит, действительно старый пульсар. Я думал, старые уже не способны излучать.

— Я тоже. Во всяком случае, им бы не полагалось.

Ральф напомнил себе, что надо посоветоваться

с теоретиками.

— Тогда неудивительно, что мы не нашли останков сверхновой. Они уже погасли или слишком удалены.

— Правда, забавно, что нам удалось принять такой старый сигнал от пульсара за пол-Галактики от нас? Хотя, как я заметил, он становится ярче.

— Да, забавно… — озадаченно отозвался Энди. — Хм, ярче… — Интересно, виден ли он на прежних обзорных снимках?

— Да, вот я и подумал, что надо бы тебе сказать.

Они обменялись еще парой личных фраз, и Ральф отключился.

Харкин работал с экранами, но обернулся к нему, приподняв бровь.

— Бинго! — воскликнул Ральф.

Едва Ирэн вошла в кофейню и они поцеловались, Ральф заметил в ее глазах любопытство. В облегающем голубом платье она выглядела ослепительно, и он тоже щеголял в нарядном костюме. Он велел ей принарядиться, и теперь она часто моргала, ожидая объяснений.

— Куда мы собираемся?

Он, даже не присев, сообщил ей:

— Знаешь, единственное место, где в меня не

кидают гнилыми фруктами, едва я запою, — это церковь.

— Никогда не знала, что ты религиозен, — ошарашенно заметила Ирэн.

— Да это я фигурально. К тому же я заплатил за место, где можно потанцевать, так что... мы идем в «Ритц».

От удивления брови у нее взлетели вверх.

— Какое загадочное приглашение. Гольф в «Ритце»?

Они танцевали на площадке с видом на вечерний прибой и серфингистов. Он подхватил выбившуюся у нее прядь волос, заложил ей за ухо. Она все время болтала о работе. Он рассказал ей о своей работе над «Пулей», и она искренне заинтересовалась, задала несколько вопросов. Потом снова вернулась к интригам в своей конторе. Иной раз казалось, что эта женщина живет одними сплетнями. Он немного послушал, а потом, когда оркестр заиграл: «Бегэн оф бегуэн»,[25] сказал:

— Мне нужно еще время. Она напряглась:

— Чтобы познать бездны мужского мира?

— Да. Я ухватил за хвост что-то настоящее.

---

[25] Примечания: 25

Бегуэн — танец наподобие румбы. Название мелодии — «Начало бегуэна».

— Стало быть, Гербу Линцфилду ты не звонил.

— Нет.

— Ну что ж, отлично!

Он отступил на шаг и уставился на ее губы. Роскошные, как всегда, они скривились и поджались. Это выражение было ему знакомо.

«Отлично. Ну что ж. Давай. Уходи. Увидишь. Обойдусь. Без. Тебя».

Тогда он погрузился в этот ритм: гуща деталей и неожиданно обрушивающаяся на тебя красота. Надо уйти с головой в барабанную дробь данных, услышать симфонии программ, форма которых позволяет человеческому глазу увидеть в них некий доступный гуманоидам смысл. Условные цвета передавали нечто не видимое простым глазом — краски микроволн. Сухие числа прятали эту красоту, скрывали ошеломляющее великолепие.

Подумать только, размышлял он, ведь волны, которые они «видели» огромными глазами антенн, всего-то длиной в палец. И волны эти докатываются через уйму световых лет, перенося послания из древних времен. Они хлещут в жесткий металл радиоантенн, в возбужденные электроны, только и дожидавшиеся, пока их пригласят на танец. Миллиарды электронов

дрожат и поют, и ответная осцилляция вызывает эхо сигнала в цепях, собранных людьми. Новые электроны вливаются в возникающий ток, и единички и нолики в компьютере складываются в нечто, еще не виданное никем: в картины для глаз размером с гору. Эти видения никогда не существовали во Вселенной. Волны переносили их, но потребовался разум, чтобы вытянуть их из блуждающей ряби радиоволн, из вьюги микроволн, где они скрывались прежде, живые, но невидимые. В сущности, это истории, или они представляются историями нашим обезьяньим умам. Моментальные снимки. А превратить их в связный рассказ уже наше дело.

В эти долгие часы он осознал, какую опасность несет в себе сужение луча поиска, если нацеливать его исключительно на то, что рассчитываешь увидеть. Астрономы говорят об этом так: «Ни за что бы не увидел, если бы не поверил».

Статья на веб-сайте «астро-ф» была короткой и сжатой, всего три страницы.

Ральф много минут просидел перед ней разинув рот. Он перечитал ее дважды. Потом позвонил Харкину.

— Группа Энди объявляет, что их данные показывают пик с сорокасемисекундной перио-

дичностью.

— Стало быть, он вернулся и присмотрелся хорошенько…

— Это воровство! — Ральф все еще не пришел в себя и не решил, что делать.

— Из этих помех многое можно вытянуть, если знать, где искать.

— Уф, — выдохнул Ральф, обалдело мотая головой. — Да, пожалуй.

— Он нас обогнал, — равнодушно сказал Харкин.

— Гонится за профессорской ставкой! Харкин засмеялся:

— Вот тебе и Гарвард. — И после долгого молчания взорвался: — Да что же это за штуковина, чтоб ее!

Стук в дверь квартиры застал его врасплох. Это была Ирэн — пристальный взгляд и закушенная губа.

— Я только на секунду залетела на твой радарный экран.

— Я…

— Работаешь. Слишком много за те деньги, что тебе платят.

— Знаешь, — выговорил он, — искусство и наука во многом схожи. Иногда. Требуют тебя

целиком.

— Искусство, — сказала она, — это ответы, к которым нет вопросов.

Он моргнул:

— Похоже на цитату.

— Да, из меня.

— А… э…

— Так что, хочешь удовольствия на скорую руку?

— Ну, если ты так ставишь вопрос… Час спустя Ирэн приподнялась на локте.

— Новости, — сказала она.

— А? — Он сонно моргнул. — Какие?

— У меня задержка. Две недели.

— А… О… Гром с ясного неба.

— Надо обсудить… «Ох, ты!»

— …что делать.

— Это для тебя необычно? Первым делом уточнить данные.

— Больше недели никогда не бывало… — Она сложила губы в изумленное «О». — Раньше.

— Ты ведь пользовалась… Мы…

— Эти таблетки редко подводят, однако…

— Однако бывает. А ты не забывала принять?

— Нет. Долгая пауза.

— И что ты об этом думаешь? — Всегда помогает

выиграть время, когда в голове каша.

— Мне тридцать два. Пора бы уже.

— И еще есть мы.

— Мы… — Она послала ему долгий душевный взгляд и, откинувшись на спину, уставилась в потолок.

Он решился:

— А как бы ты отнеслась…

— К аборту?

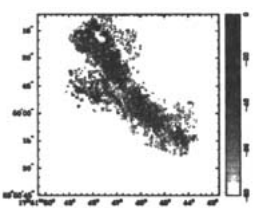
Она этого ожидала.

— Да.

— Легко, если так надо. — Она снова приподнялась, взглянула на него. — Надо?

— Слушай, мне бы надо немножко подумать.

— Мне тоже, — кивнула она, скривив губы.



Ральф обратился к болонской группе через друзей, двух Фанти, с просьбой сканировать ее местоположение. Они нацелили итальянские

телескопы на нужную часть неба, обработали данные и переслали по электронной почте. На следующее утро его поджидало сообщение с сорока семью мегами приложения. Он открывал его, дрожа от волнения. В Болонье работали первоклассные астрономы, на их результаты можно было положиться.

Запросив по Интернету визуальное соединение, он спросил:

— Роберто, что это? Не может быть объектом, который я изучаю. Это же каша!

Роберто на экране недоуменно наморщил лоб:

— Да, мы тоже удивились. Через несколько дней я смогу добиться лучшего разрешения. Увеличив время наблюдений, получим очень четкое изображение.

— Да, пожалуйста. Наверняка тут какая-то ошибка.

«Сорок семь секунд…»

Декан что-то еще говорил, но Ральф смотрел в окно, на эвкалипты, раскачивающиеся под переменчивым береговым бризом. Госсиан перечислял, что еще предстоит сделать, для того чтобы «возможно» получить штатную должность: выбить два федеральных гранта, найти своим защитившимся аспирантам хорошую ра-

боту, опубликовать еще пару-тройку статей, и все за несколько месяцев. Слова пролетали мимо, он их даже слышал, но он пришел сюда, в знакомое и любимое место, где жила его вера, и в нем поднималось волнение, загоралось предчувствие, его наполняло внутреннее состояние благодати. Идеи роились перед ним, забивались в ноздри, он заморгал…

— Ральф, вы слушаете?

— Да, о да… — «Но только не вас, нет».

Он вошел в здание физического факультета, рассеянно сложил зонт, промокший под кратким ливнем. Замурлыкал сотовый телефон.

— Хотел тебя предупредить, — раздался голос Харкина, — что в ближайшие дни много времени выжать не смогу. Есть старые снимки, но я их еще не разбирал.

— И на том спасибо.

— Завтра, может быть, попробую сделать еще снимок, но я чертовски занят. Останется немного времени при перенастройке антенн…

— Я послал тебе карту Фанти.

— Да, наверняка ошибка. Ни один объект не мог настолько измениться за такой малый срок.

Ральф согласился с ним, но все же добавил:

— Но все-таки надо проверить. Фанти знают

свое дело.

— Если будет время, — сдержанно пообещал Харкин.

За лекциями и семинарами и в долгие часы работы фильтрующей программы он совсем забыл о назначенном свидании. В девять вечера зазвонил телефон. Ирэн. Он принес свои извинения, говорил рассеянно и отрывисто. И вид у него был усталый, бледный лоб в морщинах.

— Никаких… изменений? — спросила она.

— Никаких.

Они помолчали, потом он рассказал ей о карте Фанти. Ирэн заметно посветлела, обрадовавшись случаю поговорить о другом.

— Такие изменения ведь возможны?

— Вообще-то да, но так быстро? А ведь они огромные, один хвост тянется на световые годы.

— Но, ты говоришь, карта изменилась, размылась.

— Да, весь объект.

— Не может там быть какой-то ошибки?

— Может, но Фанти отлично знают дело.

— Нельзя ли нам встретиться попозже? Он вздохнул:

— Я хочу еще раз просмотреть… — На ее молчание он ответил новыми извинениями и закончил

словами: — Я не хочу тебя потерять.

— Тогда не забывай, где ты меня оставил. Середина ночи.

«Ни за что бы не увидел, если бы не поверил».

Ошибка, как он понимал, могла крыться в исходном предположении. В его предположении.

Это должна быть беглая нейтронная звезда. Она должна находиться на большом расстоянии, за пол-Галактики от нас. Они в этом не сомневались, потому что искажение сигнала показывало, что на его пути много плазмы.

Да, исходное предположение. Так должно быть.

Вполне резонно. И совершенно неверно?

Он потратил большую часть выкроенного на ОБМ времени, изучая продолговатую шкурку-оболочку некогда гордой звезды, видневшейся на краю «Пули». Она казалась клочковатой от большого количества выброшенного умирающим солнцем газа. А мог бы вместо этого понаблюдать затемнения: какая часть линий спектра поглощается или рассеивается межзвездной пылью, плазмой и газом. Только по этим признакам можно определить, далеко или близко расположен источник радиосигнала. Хитрое дело — истолковывать эти колеблющиеся призраки, видимые

сквозь межзвездный туман. Что, если между объектом и огромным глазом антенны была гораздо более плотная плазма, чем они предполагали?

Что, если они ошиблись в оценке расстояния? Так бывает, когда плотное облако закрывает от вас солнце. Рассеивает свет, до неузнаваемости искажает картину, а ведь солнце, по астрономическим масштабам, совсем рядом.

Может, и эта штука ближе, гораздо ближе…

В таком случае ее должна окружать необычайно плотная плазма — облако ионизированных частиц, которое она создает, пробиваясь сквозь межзвездную ночь. Возможно ли, чтобы она ионизировала гораздо больше частиц газа, сквозь который движется, чем предсказывают расчеты? Каким образом? Почему?

И что это за штука, черт возьми?

Он моргнул при виде компьютерного изображения, вызванного им на экран из чащи программ, анализирующих виды и спектры. Размытые очертания старой звезды занимали несколько пикселей, а рядом находился старый рваный завиток останков сверхновой — древнее сферическое надгробие мертвого солнца. Линии понесли большие потери, пробиваясь сквозь хвост «Пули». По ним он мог оценить среднюю плотность

плазмы, окружающей саму «Пулю».

Проделывая расчеты, он ощущал, как закрадывается в него холодное предчувствие, заглушавшее все посторонние шумы. Он так и этак поворачивал идею, пробуя ее на ощупь, испытывая на прочность. Его заливало звенящее возбуждение, сдерживаемое осторожностью.

«Интересно, видна ли она на прежних обзорных снимках», — сказал Энди.

Ральф проверил.

На радиокарте, сделанной итальянцами одиннадцать лет назад, совсем близко к нынешнему местоположению «Пули» виднелась слабая царапина. Совсем слабая, на порядок ниже величины светимости, какую он наблюдал сейчас. Ошибка в калибровке? Так или иначе, детектируется.

Он нашел ее потому, что она ярко светилась. Может быть, столкнулась с густой межзвездной плазмой и разгорелась?

Ральф позвонил Харкину, чтобы обсудить с ним эту карту и карту Фанти, но нарвался на автоответчик. Он кратко описал положение и пошел читать лекцию по механике.

Его автоответчик голосом Харкина говорил:

— Ральф, я послал тебе карту, сделанную два дня назад, когда я выбрал время пронаблюдать ее

на четырех и восьми гигагерца.

— Замечательно, спасибо! — отозвался он, прежде чем сообразил, что Харкин его не слышит. Тогда Ральф позвонил сам и, когда Харкин ответил, даже не поздоровавшись, спросил: — Как тебе нравится карта Фанти?

— Совсем не нравится.

— Работа совсем свежая.

— Да, а то, что я тебе послал, наблюдалось раньше. Думается, они что-то намудрили при обработке данных.

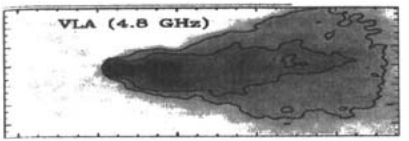
— Они работают очень скрупулезно.

— То, что я послал, действительно отличается от наблюдавшегося раньше. Картинка, так сказать, чревата гипотезами.

Чревата… От этого слова он на миг окаменел. Когда снова сосредоточился, Харкин продолжал:

— Я попробовал применить сорокасемисекундный фильтр, но ничего не вышло. На этот раз сигнала не было. Прогнал дважды. Не представляю, что там творится.

Карта, прилагавшаяся к сообщению, выглядела еще более странно.



Мало подробностей, потому что у Харкина он не смог пронаблюдать ее подольше, но картина достаточно отчетливая. «Пуля» вытягивалась в длину, меняла форму. Возможно, оказалась в новых условиях.

Но то было два дня назад. Карта из Болоньи составлена четырнадцать часов назад.

Ральф еще раз просмотрел расплывчатый болонский снимок и задумался, каким образом это изображение соотносится с картой, сделанной на 4,8 гигагерца. Неужели Фанти все-таки ошиблись?

— Ты можешь прямо сейчас переслать мне снимок? — спросил Ральф. — Очень важно.

Он выслушал долгое молчание, прежде чем Харкин откликнулся:

— Я сейчас занят по горло. Подождать нельзя?

— Фанти из Болоньи — они отстаивают ту, свою, карту. Очень странно.

— Гм… ну…

— Пожалуйста, удели мне всего несколько минут. Может, в интервале загрузки…

— Ладно, дружище, попробую, но…

— Я понимаю, — сказал Ральф, покривив душой. Домашний автоответчик записал голос Ирэн, проговорившей быстро и негромко:

— Нашел себе другую, да? Так если я тебе больше не нужна, могу перестать отвечать на звонки и сообщения, хотя и отвечать-то не на что. И вообще, увертка в самый раз для шестиклассника, нет? Я первая пошла на разрыв, намек был так ясен, что ты не мог его не понять, так что можешь считать, что во всем виновата я, и жить с чистой совестью. Можешь считать: «Да, она не могла отказаться от прошлого. Карьеристка. Плоский деловой ум». Или трудоголичка. Нет, трудоголик — это о тебе. И получишь восхитительную имитацию жизни…

После долгой паузы, когда время почти кончилось, она всхлипнула, помолчала и проговорила:
— Ладно, может, это я зря…

Он сел, чувствуя себя оленем, попавшим под свет фар, и прокрутил запись сначала.

Они были близки, она удивительная, что правда, то правда.

Он ее любил, это точно, и всегда считал, что больше ничего и не требуется.

Но в ближайший год он может потерять ра-

боту.

И не способен сейчас думать ни о чем, кроме «Пули».

А она гадает, рожать или не рожать.

Хотя, вспомнил он, она ведь так и не сказала, хочет ли ребенка.

Он понятия не имел, что ей ответить. В прошлом году, на докладе, посвященном Эйнштейну, докладчик процитировал лаконичное замечание жены ученого, что иной раз, работая над задачей, великий человек целыми днями ни с кем не разговаривал. Она, понятное дело, ушла от него. И вот теперь Ральф находил в себе какое-то родство с легендарным гением. Потом он сказал себе, что глупо равняться…

Ладно, пока пусть идет как идет.

Восьмая чашка кофе показалась горькой. Хотелось сладкого. Он впился зубами в пончик. Когда же он в последний раз ел?

Ральф глубоко вздохнул и выбросил это из головы, чтобы прочистить мозги.

Он теперь не сомневался в своей работе, в программах, но все еще ничего не понимал. Прежние оценки рассеяния были ошибочны. Это становилось ясно из расширения пульсации, только что измеренной им. Энди и все прочие определяли

удаленность «Пули», основываясь на обычной плотности межзвездного вещества. И получали расстояние около пяти тысяч световых лет.

Его измерения пульсирующего сигнала показывали, что «Пуля» гораздо ближе, всего около тридцати световых лет. Они видели ее сквозь ионизированную и сжатую давлением плазму, окружавшую… что? Вряд ли нейтронную звезду.

И дальнейшие выводы: если «Пуля» настолько близко, то она гораздо меньше по величине и светимости.

Да, султан у нее огромный, но сама «Пуля» — плотный кружок в самом центре, неразличимый даже на снимках Энди, при самом высоком разрешении может оказаться всего в несколько сотен километров длиной. Или даже меньше, это только верхний предел.

Предположим, так оно и есть, она гораздо ближе. Тогда и выход энергии, если считать его примерно равным мощности излучения, тоже гораздо меньше. Он записал несколько чисел. Объект излучал энергию, сравнимую с той, что потребляется населением Земли. Десяток гигаватт или около того.

Куда ниже энергии, излучаемой нейтронными звездами. Он уставился в пространство, мысли у

него кипели.

И еще сорокасемисекундный период.

Он подсчитал, что если объект вращается и имеет на окружности гравитацию, равную половине земной, то он должен быть около тридцати метров в поперечнике.

Резонно.

Но откуда же такое быстрое изменение радиосигнала? За несколько дней, а не лет, как обычно для астрономических объектов? За несколько дней!

Он боязливо открыл сообщение от Ирэн: «Ты сорвался с крючка. Я тоже.

Цикл восстановился. Ложная тревога.

А нам урок. Мне, по крайней мере. Я получила полезные сведения (для тебя, данные) о том, какой ты засранец. Пока».

Он развалился на стуле и позволил себе насладиться чувством облегчения.

«Ты сорвался с крючка». Отлично. «Ложная тревога». Уф! «Засранец». Гм… Однако…

Уж не собирается ли он подражать ей. Поднимать шум из-за пустяков?

Ральф вернулся к себе в кабинет, добавил к бедламу на столе заметки к лекции и рухнул в

кресло. Лекция прошла не блестяще. Он никак не мог собраться с мыслями. Стоит ли на время держаться подальше от Ирэн, дать ей остыть? Чего ему на самом деле хочется?

Слишком много сразу навалилось. Зазвонил телефон.

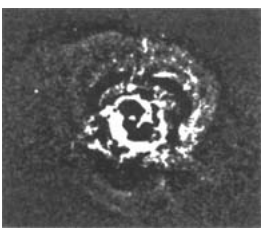
Харкин даже не поздоровался:

— Я выжал немножко дополнительного времени наблюдений. Результаты уже отправил по е-мэйлу.

— Голос у тебя усталый.

— Скорее… озадаченный. Он повесил трубку. Сообщение уже пришло.

Ральф долго разглядывал изображение. Оно было куда ярче прежнего. Огромный выброс энергии.



Мысли неслись вскачь. Результаты Фанти, а теперь это. Карта, снятая Харкином при 4,8 гига-

герца еще раньше, так что она не противоречит ни Фанти, ни этому. Временная последовательность некого события, протекающего быстро — за несколько дней или часов.

Это была не нейтронная звезда.

Она была ближе, меньше и у них на глазах отправилась в преисподнюю.

Он склонился над столом, дав полную волю своим прежним соображениям. Уф!

Ирэн ошарашенно смотрела на него:

— Ты меня разыгрываешь!

— Нет. Я знаю, нам еще многое надо обсудить, но…

— Это уж точно.

— …но я не для того послал тебе тот е-мэйл, чтобы вытащить на свидание. — Ральф прикусил губу.

Стены комнаты вращались вокруг него.

— Ты написал… — недоверчиво протянула она, — что это… космический корабль?

— Был. В последние несколько дней с ним что-то случилось. Именно поэтому след за ним, — он постучал пальцем по карте Фанти, — удлинялся. Несколько часов спустя в нем возникла турбулентность и… он взорвался.

Она отхлебнула кофе.

— До него… было несколько световых лет?

— Да, и он направлялся куда-то. Регулярно посылал куда-то передающий луч, вращавшийся вместе с кораблем каждые сорок семь секунд.

Глаза у нее стали круглыми.

— Ты уверен?

— Скажем так, это рабочая гипотеза.

— Слушай, ты устал, может быть, отдохнешь, прежде чем делать выводы?

Он взглянул на нее и заметил морщины у губ:

— Тебе и самой досталось. Извини.

Она выдавила отважную вымученную улыбку:

— Меня встряхнуло. Я в самом деле хочу ребенка. Он затаил дыхание, потом решился:

— И я… тоже.

— Правда?

Они уже обсуждали это, но ресницы у нее удивленно вздрогнули.

— Да. — Он помолчал, вдохнул сквозь зубы и договорил: — От тебя.

— Правда? — Она посидела с закрытыми глазами. — Я всегда мечтала, как это будет.

— Я тоже, — ухмыльнулся Ральф. — Пора переходить к делу.

— Да?

— Да. Уф!

Они поговорили еще немного, заказав выпивку в честь такого события. Улыбки, одуревшие взгляды, сумятица в мыслях.

Потом они, без слов, как-то догадались, что пока сказано достаточно. Есть вещи, которые лучше не торопить, дать им вылежаться.

Они посидели, улыбаясь друг другу, и Ирэн с тихим вздохом произнесла:

— Ты волнуешься. Из-за?..

Ральф кивнул. Как рассказать ей то, что казалось вполне ясным ему и Харкину, но никак не укладывалось в неловкие слова.

— Это разрушает нашу базовую теорию о том, что все, что мы видим в ночном небе, естественного происхождения.

— Ну и что?

— Астрономическое сообщество, знаешь ли, это не Голливуд. Астрономы больше похожи на… жрецов.

Он отпил кофе и уставился за окно. Огоньки на крыльях самолета, заходившего на посадку на дальний аэродром, неярко подмигивали. Всякий видел самолеты, никто не обращает на них внимания. То ли дело межзвездный корабль, давший о себе знать через радиокарту.

Перед ними встанут стены сомнений. Наука

требует строгости, так и должно быть. Направление атаки уже ясно, но теперь его ждут долгие труды по обработке данных, множество вычислений. Чтобы ввести новую теорию, требуется строгая логика, принимающая в расчет все прежние теории. Два шага вперед, один назад: сравнение, взвешивание, сопоставление — данные всегда следует оценивать критически. Величественный танец, гавот разума, и надо все время держать в уме вероятность ошибки.

И все же… когда тебя осеняет счастливая догадка, не упускай ее.

— Тебе нужно поспать. — В ее прищуренных глазах читалась забота. — Пойдем ко мне.

Его накрыла теплая волна счастья. Она здесь, с ним, и вместе они выстоят в предстоящем долгом сражении.

— Знаешь, будет довольно паршиво. Вспомни, каково пришлось Карлу Сагану, когда он всего лишь *допустил* возможность существования внеземного разума.

— Думаешь, убедить людей будет нелегко?

— Взгляни на это так: когда люди сталкиваются с ограниченностью своих знаний, с безмерностью своего невежества, они привычно спускают все на тормозах. Людям нужна уверенность.

Он думал: если мы не осознаем, где лежит граница в разумной степени установленных научных теорий и где начинается безбрежное море неоткрытых истин, разве можем мы надеяться на продвижение вперед?

Ирэн нахмурилась. Он давно знал ее и понял, что она рада случаю поговорить о чем-то большем, чем они двое. Она медленно начала:

— Но… почему же тогда все ваши великие гении, те, что не сходят у тебя с языка: Хокинг,[26] Фейнман,[27] Ньютон, — смиренно признавали, как жалостно малы пределы наших познаний?

— Да потому, что они были великими, — сухо сказал он. — «А мелкие души шумно провозглашают непоколебимость своих выводов». Ну, отсюда и берут начало все разногласия, сомнения и скепсис. — А корабля теперь уже нет. Мы узнали о нем, увидев его гибель.

Она уставилась на него:

— Я вот думаю… сколько?..

— Это был большой мощный корабль. Возмож-

---

[26] Примечания: 26

Хокинг Стивен Уильям (род. 1942) — один из наиболее влиятельных физиков-теоретиков современности.

[27] Примечания: 27

Фейнман Ричард Филлипс (1918–1988) — выдающийся американский физик, лауреат Нобелевской премии.

но, он каким-то образом создавал впереди себя плазму. Потом магнитными полями зачерпывал эту плазму и превращал ее в энергию. И отбрасывал назад, чтобы получить импульс движения. Представь себе реактивный самолет, ракету. Может, он тормозился за счет магнитного поля, не знаю.

— А пассажиры?

— Я… Об этом я не думал.

— Он большой… был?

— Может… вроде «Титаника». Она моргнула:

— Столько людей.

— Кого-то вроде людей. Направлявшихся к новому дому.

— Может… сюда?

Он моргнул, мысли ворочались с трудом.

— Нет, он двигался в небесной плоскости. Иначе мы бы видели его в виде точки, только голову, без хвоста. Хотя он летел куда-то недалеко.

Она откинулась, глядя на него с выражением, какого он прежде не видел.

— Это все попадет в газеты, верно. — В голосе не было вопроса.

— Боюсь, что так. — Он выдавил скорбную улыбку. — Может, «National Enquirer» уделит мне даже больше места, чем Энди.

Она звонко рассмеялась. Ему так нравилось слушать ее смех. Но тут же на него навалилась вся тяжесть предстоящего. Столько дел…

— Мне придется проверить твою догадку насчет того, что они направлялись к нам. Во всяком случае, мы сможем провести обратную экстраполяцию и вычислить, откуда они вылетели.

— И просмотреть все прежние карты, данные… — (Губы у нее дрожали.) — По прошлым…

— Они разбились. Всей этой жизни больше нет.

Теперь он понимал, отчего она так бледна и невесела. «Только что жили, и вот их нет». Она кивнула, ничего не ответив.

Он взял ее за руку. Прошла долгая минута, и он не нашел другого способа прервать молчание, как только продолжить:

— В SETI[28] за это ухватятся. Найдут исходную звезду, прослушают ее излучения.

Ирэн невесело улыбнулась:

— Мы можем послать им сообщение. Соболезнования. Угу. Комната перестала вращаться, и она потянула его за локоть:

---

[28] Примечания: 28

SETI (Search for Extraterrestrial Intelligence) — проект поиска внеземных цивилизаций (первые работы начались в 1960 году в Западной Виргинии).

— Идем.

Устало поднимаясь на ноги, Ральф уже предвидел, какая предстоит драка за его гипотезу. Всегда найдется какой-нибудь Энди, который любым путем рвется к выигрышу. И декан Госсиан…

Продвижение к штатной профессорской должности — процесс долгий и размеренный — и горячка жаркой открытой дискуссии — практически несовместимые понятия. Но это тоже наука. Может, его карьера выдержит предстоящую бурю, а может, и нет, но разве это важно, когда стоишь на берегу огромного океана, вглядываясь в неведомое?

Перевод: Г. Соловьёва

Червоточина

Она чувствовала, что вот-вот превратится в пюре, и все из-за хитрой бухгалтерии.

— Дай мне инфракрасный, — попросила Клэр.

— Я могу дать тебе полный спектр, — обнадеживающе прошептал голос Эрмы в наушниках.

Перед Клэр возник хаотичный набор цветов, от которого стало больно глазам.

— Ты по-прежнему пытаешься заставить меня смотреть на мир таким способом, черт возьми!

«Возможно, я задела ее за живое, — подумала Клэр, — надавила на нее». Но программное обеспечение не может обижаться, по крайней мере, Клэр так считала.

— Я всего лишь примат. Давай мне по одной части спектра за раз.

Пожалуйста.

— Как скажешь.

Последовало ли за этими словами сердитое сопение? Не важно — Эрма подчинилась.

Теоретики называли объект, летавший сейчас

на экране, червоточиной[29]. Эта червоточина выглядела как размытый красноватый бублик. Он вращался в бешено сияющем ореоле. На его «коже» извивались сердитые красные змеи. У северного отверстия бублика ветвились желтые и синие молнии, которые, однако, не проходили насквозь. Те же шипящие вспышки обходили и южное отверстие, но молнии на севере не отвечали им. Где-то на этой оси крылась проблема. Именно туда они и должны были отправиться.

— Какова наилучшая траектория, теоретически?

— Подходящей траектории не существует. Математики говорят, что есть несколько входов, но все они предполагают приобретение существенного момента вращения.

— Да, но должно же быть какое-то наиболее популярное предположение…

— У меня есть результаты последнего численно-

---

[29] Примечания: 29

В оригинале рассказ называется «The worm turns», буквально — «Червяк поворачивается». Эта фраза — цитата из Шекспира (Генрих VI, часть третья). Смысл ее в следующем: тот, кого когда-то втоптали в грязь, рано или поздно отомстит, и все повернется против того, кто сей акт втаптывания некогда осуществил. Цитата, в свою очередь, восходит к старой поговорке «Tread on a worm and it will turn», буквально — «Наступи на червяка, и он повернется». То есть даже самое смирное и робкое существо может дать отпор, если плохо с ним обойтись. (Здесь и далее прим. перев.)

го моделирования, которое ты заказала с Земли.

— О, хорошо. Я всегда чувствую себя лучше после освежающего компьютерного моделирования.

— К вопросу нашей безопасности лучше относиться без вызывающего стресс сарказма.

— Сарказм — это всего лишь еще одна услуга, которую мы предоставляем на нашем корабле.

— Сарказм приводит к стрессу.

— Кого?

— Нас обеих.

— Я что, напряжена?

— Ты выглядишь взволнованной.

— Я думала, ты понимаешь риторические вопросы.

— Ты тянешь время.

— Да, черт возьми. Посмотри на эту червоточину через детектор массы.

И Эрма посмотрела. Все виртуальные изображения, всплывавшие на экранах, были наполнены сиянием, которое не мог убрать даже терапроцессор Эрмы. Эти изображения выглядели слишком хорошо, чтобы быть реальными. Правильные геометрические фигуры путались и переплетались, плавая вокруг вращающегося бублика. Завитки пространства-времени разлетались в разные

стороны, излучая волны со злобным красным шипением.

— Это кажется тебе безопасным?

— Я бы сказала, что моя резервная копия каждый раз сбрасывается на Луну по лазерному лучу.

— Ага, ты бессмертна, пока я плачу за твое использование.

— Я могу найти другую работу…

Клэр улыбнулась. Эрма редко начинала произносить фразу, если не знала, чем ее закончить. Возможно, ее диалоговая программа сейчас общалась с обширной сетью сенсоров, развешанных по всему корпусу «Серебряного люггера». Эти сенсоры измеряли все, что только можно, по мере того как корабль осторожно приближался к завихряющейся червоточине.

— Что ты там говорила?

— Я отвлеклась. Я считаю, что вероятность успеха этого предприятия достаточно высока. Однако я ни за что не поручусь, если мы будем висеть возле этого странного объекта.

Может ли программное обеспечение нервничать? Эрма не была такой в прошлый раз, пять лет назад, когда они поймали злосчастную червоточину. После этого астрофизики начали ломать

голову, пытаясь расширить ее так, чтобы через нее мог пройти корабль — и облажались. Ученые подталкивали ее, зондировали, и в итоге каким-то образом добавили ей момент вращения. Они случайно преобразовали все пространство-время вокруг того, что ранее являлось чем-то более или менее предсказуемым. Они толком не знали, что делать с червоточинами. В конце концов, она у них была одна-единственная — вот эта вращающаяся, наполненная энергией, сожравшая великое множество зондов, но ничего не выплюнувшая обратно.

— Нам нужно подобраться ближе, чтобы определить, где здесь возможные входы.

Вдоль оси червоточины двигались мерцающие глыбы, определенно состоявшие из какой-то экзотической материи. Эти глыбы, похоже, тоже вращались. Клэр много раз предупреждали о том, чтобы она не соприкасалась с этими глыбами. Предыдущие зонды от этого распадались на элементарные частицы.

— Вообще-то входов тут два, так? Северный и южный полюса этой релятивистской карусели. Но от оси надо держаться подальше.

— Да. Я думаю, наше вращение тоже имеет значение. Предыдущие зонды пробовали изме-

нять свой момент вращения, и некоторым из них удавалось какое-то время после этого посылать отчетливые сигналы.

— Конечно, где-то секунд десять. Я рассчитываю, что моя стратегия «схватил и убежал» займет примерно столько же времени. Согласно нашему контракту мы должны только снять кое-какие данные и вернуться домой. Ни один зонд не вернулся?

— Вернулся, если считать частицы углерода.

— А этот зонд что, был керамический?

— В том числе.

С помощью сенсорного управления Клэр получила теоретическое расстояние до червоточины, плавающей в космосе в магнитных зажимах в ста метрах от нее. Вихри вывернутого пространства-времени хлопали по металлической коже корабля, заставляя зубы Клэр стучать.

По экранам шли брызги бело-желтой пены, обозначавшей гравитационную турбулентность вокруг них.

— Бублики есть бублики, Эрма. Давай быстренько засунем внутрь наш нос.

А все из-за хитрой бухгалтерии.

* * *

Лунные ребята с чемоданчиками добрались до нее даже прежде, чем она успела распаковать вещи. Она надеялась устроить непристойный поход по барам, чтобы избавиться от воспоминаний о том, как два года перенаправляла кометы. Она как раз собиралась забраться под пенный душ и проторчать там час или два, чтобы снова почувствовать себя человеком, потом покричать на кого-нибудь, кроме Эрмы, и тут ее дверной звонок исполнил Баха.

Она не ответила. Но они все равно вошли.

— Эй! Я снимаю эту квартиру!

Высокий даже не моргнул.

— Мы можем прямо сейчас посадить вас под замок, и это будет абсолютно законно.

— Последнего, кто попробовал это сделать, я в итоге едва не заморозила.

Низкий, который определенно *любил* поесть, самодовольно произнес:

— Мы проверили. Тогда вы не пошли дальше угроз.

— В вашем случае я могу сделать исключение, — по ее лицу растеклась улыбка, и она сощурилась на коротышку, который нервно

моргнул и невольно отступил на шаг. Она отругала себя за использование столь простого приема, но, в конце концов, ей же требовалось немного отдыха, черт возьми! Забавно было бы завалить этих двоих, а заодно потренировать застоявшуюся сердечно-сосудистую систему.

— Ты уже по уши в долгах, — высокий улыбнулся от уха до уха, но в его оскале не было ни грана теплоты. — Это служащий судебного ведомства, — кивок на толстяка, — а я бухгалтер проекта. Нам предписано конфисковать твой корабль.

— Тот, последний, тоже так говорил. Но я выкарабкалась.

— Да, восхитительно. Но твой бизнес по буксировке комет переживает трудные времена, — заметил высокий.

— Слушай, за меня поручится вторая по размеру корпорация в мире.

Толстяк все еще моргал, приводя в порядок свою самооценку.

С учетом его комплекции это было непросто. Высокий иронично улыбнулся и без приглашения опустился в гравитационное кресло.

Она следила за тем, как он садился, как его ноги сгибались, словно демонстрируя принцип рыча-

га, и с удивлением почувствовала, как начинает возбуждаться. «Меня не было о-о-очень долго», — подумала Клэр.

— Думаю, из этого маневра ничего не получится, — мягко произнес высокий.

— Давай все же попробуем, — оптимистично заявила она. Заморозка этих парней представлялась все более и более привлекательным вариантом. Она устала, все еще приспосабливаясь после установленной у нее на борту стандартной марсианской гравитации в 0,38 g. За время последнего полета ее номинал поднялся до 1,4. Хотя при действовавшей на Луне стандартной гравитации в 0,18 она чувствовала себя прекрасно, ее рефлексы не могли противостоять этим двоим. Возможно, она потеряла форму с этой работой, хотя ее 64 года — это не так уж чертовски далеко от среднего возраста.

Сейчас же, пока она не вспомнит, куда положила свой станнер, лучше обойтись без резких движений. А может, просто вывести из игры толстяка, пока она будет заниматься высоким? Эта мысль ей понравилась. Удовольствие прежде работы — ее главное правило.

— Даже не пытайся давить на нас.

Добавим льда. Немного наглости:

— С чего вы взяли, что можете просто так вваливаться сюда?

Толстяк, робея, отступил, ссылаясь на какой-то закон, согласно которому они могли проходить на территорию, находящуюся в собственности должников, не выполнивших свои финансовые обязательства, и с этого момента она перестала слушать.

Эти ребята были чертовски серьезны. Они привыкли приносить людям неприятности, так они зарабатывали себе на жизнь. Возможно, на сегодня у них было заготовлено еще несколько неприятностей.

— …мы понимаем, что вы, наверное, должны адаптироваться, прежде чем нам придется… — бормотал толстяк.

— Прежде чем прибудет ваша тяжелая артиллерия? — спросила она.

— Мы верим, что такие методы не потребуются, и даже не рассматривали подобной возможности, — мягко вступил высокий.

Все это штампы, прямо из учебника по бизнесу. И ребята, наверное, никогда не покидали пределов Луны.

— Слушайте, я не виновата в том, что проклятое кометное ядро расклеилось, прежде чем мы суме-

ли доставить его на лунную орбиту. Вам же тут нужны легкие элементы. И вы живете благодаря буксировщикам вроде меня, разве не так?

Высокий кивнул и с некоторым усилием придал своему лицу дипломатичное выражение.

— Я знаю, вы думаете, что бухгалтеры и юристы весьма надоедливы, но…

— Не все адвокаты надоедливы. Бывают ведь еще и мертвые юристы.

— Мы с коллегой не спрашиваем вас о причинах неудачи…

— Я не отвечала за защиту льда кометы от солнечных вспышек. Мы использовали стандартное отражающее покрытие, чтобы лед не растаял. Но та мощная вспышка уничтожила все покрытие. Это не мои обязанности! Из-за того шторма выкипел весь чертов айсберг. Он растрескался за час и убил двух женщин, которые…

— Мы прекрасно об этом осведомлены, — голос высокого скользнул в разговор, как змея.

Он, наверное, заранее планировал эти переговоры. В подтверждение собственной точки зрения он взмахнул рукой и нажал несколько кнопок на поясе. В воздухе между ними повисла ее бухгалтерия, мерцающая, словно водопад. Все цифры имели определенный цвет, и ее долг

сиял ярко-красным. Целая лавина долгов. Она нахмурилась.

— Но у тебя… есть… выход, — медленно произнес высокий.

Она кокетливо улыбнулась, изогнула брови и ничего не сказала. Она давно уже выучила, что если позволить человеку говорить, любовь к собственному голосу может завести его дальше, чем он планировал. Люди будут болтать, болтать и в итоге, излагая какую-нибудь историю или поучительный рассказ, скажут что-то полезное.

Она неоднократно использовала этот принцип, а саму идею ей подарил дедушка, известный своей лаконичностью. Патриарх косился на нее, пока она занимала гостей какой-то длинной историей на большом семейном ужине. По окончании все вежливо улыбнулись, и общий разговор продолжился через несколько секунд после того, как дедушка наклонился вперед и прошептал: «Никогда не упускай шанса заткнуться». Она опешила, рассердилась, но сочла за лучшее усвоить урок.

Высокий произнес со слабой улыбкой:

— Мы можем обсудить возможности, а можем забрать твой корабль.

— О, вы так добры, — она испустила долгий вздох.

— У нас есть весьма великодушное предложение.

— Они у вас все такие, — она наблюдала за его руками. И за длинными пальцами…

— Корпорация спрашивает, не заинтересованы ли вы еще в одной экспедиции.

— Давайте я угадаю. Появилась очередная червоточина, застрявшая в солнечной короне? И нужно, чтобы кто-то ее достал. Как в прошлый раз.

Еще одна холодная, расчетливая улыбка. И почему ей нравятся такие парни? Ну ладно, прошло много времени, а технология может сделать для одинокой женщины не столь уж многое. Но все равно…

— Нет, к сожалению. Хотя могу заверить: то был весьма храбрый и заслуживающий уважения поступок. Я слышал, кто-то снял об этом фильм.

— Если вам интересно, то те деньги я тоже потратила.

Его маска слегка соскользнула, но он вернул ее на место в мгновение ока.

— Уверен, вы потратили их на нечто стоящее.

— Ага, я потратила все на себя.

Похоже, высокий любил долгие прелюдии и только после них переходил к сути. Что ж, она

тоже любила долгие прелюдии, только не в том деле, о котором он сейчас говорил.

— Речь идет о той же самой червоточине. Только она изменилась.

— Она убежала?

— Нет, она защищена магнитными полями и удерживается в открытом космосе на высокой лунной орбите. Эксперименты корпорации по расширению ее «рта», чтобы таким образом дать человечеству возможность межзвездных путешествий…

— Постойте, как корпорация заполучила эту червоточину?

— Ну, они привели в действие возможности консорциума холдинговых компаний, которые согласно межпланетным законам имели дальнейшее…

— Оставьте свой жаргон. Они купили ее?

— Ну, можно сказать и так.

— Как хочу, так и говорю.

Сейчас высокий игнорировал толстяка, который сидел в другом углу комнаты. Клэр продолжала стоять. Это было едва ли не единственное ее преимущество перед парнями, использовавшими свой рост, чтобы создавать ощущение превосходства над женщинами.

— Я не техник, — высокий свернул светящуюся бухгалтерию и поднял одну бровь. Черт! Она возбуждалась даже от этого. Лучше бы ей действительно уйти отсюда и отправиться в поход по барам, чтобы спустить накопившийся за два года пар… — Но червоточина, которую вы захватили… изменилась. Я не уверен, в чем именно была трудность, но когда корпорация пыталась сделать «рот» червоточины достаточно широким, чтобы в нее мог пройти корабль — такой, как ваш, например, — это каким-то образом придало червоточине момент вращения.

В результате появилась червоточина нового типа.

— Какого типа? — осторожно спросила Клэр.

— Скорости ее вращения достаточно для того, чтобы изменять саму природу пространственно-временной геометрии. — Высокий пожал плечами, как будто изменяющиеся червоточины были чем-то вроде погоды, мол, «что с ней поделаешь?» — и зевок.

— Эй, я наемный буксировщик. Я сняла эту червоточину с ее насеста на магнитной дуге и оттащила к Земле. Вот и все, что я знаю. Точка.

— Да, но вы обладаете определенным талантом работы в неожиданных ситуациях. Именно то,

что нужно корпорации. И немедленно.

— Потому что?..

— Потому что некоторые правительственные учреждения хотят заполучить червоточину.

— Земные ученые.

Еще одно пожатие плечами в духе «что тут поделаешь?». Очень выразительно. Этому парню надо бы на сцене выступать.

— Они обратились к Организации межпланетных наций.

Она позволила тишине вырасти. Это был важный момент. Во многих переговорах искусные паузы делали большую часть работы. Пусть тишина продолжается… а затем…

— Трудно, наверное, танцевать на струнах, натянутых аж до самой Земли.

Высокий вновь пожал плечами, не отрицая этого. Худой и мускулистый, он был самым привлекательным мужчиной, которого она видела за эти годы. А также и единственным мужчиной. Если не считать толстяка, который с таким же успехом мог находиться сейчас хоть на Плутоне. Она посмотрела на высокого, размышляя, хорош ли он во всех делах или же только в определении социальных сигналов.

На Клэр были надеты обтягивающие кожаные

штаны тигровой раскраски, но никто из двоих не бросил на них ни единого взгляда. Старое доброе женское правило гласило: ни один парень не должен замечать, какая на тебе обувь, а если заметит, значит, это не тот парень.

Высокий ничем себя не выдал. Ни эмоций на лице, словно в покере, ни взгляда в глаза — ничего.

Он осторожно произнес:

— Научный совет Организации межпланетных наций получил связывающий нас по рукам и ногам судебный запрет, который вступит в силу через… — высокий посмотрел в сторону, наверное, сверяясь с часами, возникшими в его внутреннем зрении, — семнадцать часов.

— Семнадцать часов…

— И сорок восемь минут.

— Никто не сможет…

— Вы сможете, — заявил он, внезапно заторопившись. — У вас есть опыт. А наши техники уже пробовали все, что умели, но безрезультатно.

— Кто-нибудь погиб?

Его лицо стало бесстрастным.

— Я не могу обсуждать это. Правовые вопросы…

— Ладно, ладно, — она чувствовала, как агрес-

сия покидает ее. Какого черта, в конце концов! Она спала почти всю обратную дорогу до Луны, возвращаясь после неудачи с кометой. Она отдохнула и сыта. Был, конечно, и голод другого рода… Душ можно сократить. Пойти по барам, найти парня, переспать с ним, затем сесть на «Серебряный люггер»…

— Хорошо, я в деле, — она уперла руки в бока, принимая командную позу. — Но нам нужно кое-что обсудить.

— Времени мало, но мы готовы.

Она рубанула рукой воздух, указывая на толстяка, который недовольно надулся.

— Ты уходишь, он остается. И мы вдвоем обсуждаем сделку, мое вознаграждение. Ведь корпорации нужно, чтобы все было выполнено как можно скорее, так?

— Хм… да, — глаза высокого блеснули. Ее намерения настолько очевидны?

Что ж, пожалуй… Это сэкономит время им обоим. Да, можно пожертвовать походом по барам. Но не душем.

— Давай… давай сделаем это, — выпалила она.

Может, душ на двоих?

* * *

— Мы должны двигаться внутрь или наружу? Эта червоточина изменяет саму структуру пространства-времени вокруг себя. Теоретики предсказывали подобное. Я чувствую, как нас тянет. Здесь небезопасно.

— Если как следует задуматься, то безопасных мест не бывает, — она вспомнила высокого. «Некоторые вещи на самом деле лучше, чем кажутся. Может, выяснится, что в этой червоточине нет ничего опасного, когда ты через нее проскочишь. В конце концов, ни один из зондов не был достаточно сообразительным. Искусственный интеллект весьма искусен, но у него нет интуиции. Нет животных инстинктов».

— Мы можем сделать это. Давай повернемся вокруг нашей главной оси и нырнем через северный полюс.

— Мы поворачиваемся. Держись.

Ось корабля в любом случае проходила через Клэр, так что она ничего не почувствовала, когда комната начала вращаться. Передний экран показал, как они входят в червоточину. Корабль начал дребезжать и постукивать, будто взлетал на волнах, разбивавшихся о нос.

— Знаешь, я вроде как надеялась, что у меня будет время поговорить обо всем с теоретиками.

— Ты сказала, что долго плескалась в душе.

— А, ну да.

— Одна?

— Это вне твоей компетенции. У тебя ведь нет тела.

— О, господи. — Это было сказано фальшивым, высоким английским голосом, словно пародировавшим Джейн Остин[30].

— Слушай, давай на время оставим сплетни! Почему эта штука похожа на вращающийся бублик?

— Согласно моей базе данных, червоточины не туннели. В нашем пространстве они представлены в виде твердых тел. Для того чтобы пройти через них, с ними нужно слиться. Это не то же самое, что просто пройти через трубу.

— А эта вращается.

— Определенно. Изменения, которые внесли ученые, пытавшиеся расширить ее, добавили ей момент вращения.

— Червоточины связывают частицы пространства-времени, значит… эй, получается, они

---

[30] Примечания: 30

Джейн Остин (1775–1817) — английская писательница, провозвестница реализма в британской литературе.

связывают частицы пространства и… э… частицы времени? — Уже не в первый раз она пожалела о пробелах в своем образовании. Клэр закончила всего на один класс больше, чем те, кто занимается обычным ручным трудом.

— Я читала, что Гёдель[31] решал уравнения единой теории поля в их классическом пределе, для вращающейся вселенной. Он пришел к выводу, что время способно образовывать петли. Он, правда, сделал это, чтобы проиллюстрировать свое утверждение о том, что время в какомто смысле бесконечно, своему другу Эйнштейну. Они были, так сказать, приятелями. Приятелями-физиками.

«Я никогда не получу прямого ответа, пока не упрощу ее», — кисло подумала Клэр. Возможно, следовало вложить деньги в ее обновление, чтобы придать этой программе более мужской характер. Но тогда пришлось бы иметь дело с прямолинейной мужской логикой. Всегда приходится чем-то жертвовать.

— Очень мило, но что это значит?

---

[31] Примечания: 31

Курт Гёдель (1906–1978) — логик и философ науки. Гёделю принадлежат работы в области дифференциальной геометрии и теоретической физики. В частности, он написал работу по общей теории относительности, где предложил вариант решения уравнений Эйнштейна, из которого следует, что все события в мире повторяются.

— Вращающаяся червоточина поворачивает пространство и поворачивает время. Я думаю.

— Ты думаешь?

— Любую червоточину можно превратить в машину времени, вращая ее вокруг собственной оси с большой скоростью. Нашей червоточины с ее моментом вращения это определенно касается в еще большей степени.

— Хм… нам нужно больше информации. Как насчет той библиотеки, которую я купила для тебя?

— Я использую ее, чтобы просматривать…

— Просматривать что? Порнуху?

— Ты имела доступ к моим подпрограммам! И ко всем моим запросам в научной базе данных!

Великолепная Эрма. В первую очередь переводит разговор на другую тему, а затем добавляет оскорбленное достоинство.

— Покажи мне с цветовой кодировкой.

Магнитные волны на экранах играли и покрывались зыбью, словно светящаяся пшеница, которую колышет легкий ветерок. Червоточина извивалась и шумела в их хватке. Голубые молнии переплетались и ударялись. Червоточина дробила и свертывала свет, словно взбалтывая пространство ложкой.

Клэр осторожно стронула с места «Серебряный

люггер», добавляя антиматерии в камеры.

Это больше походило на серфинг, чем на полет. Они пробивали себе путь вниз. Вихрь ощупал их. Подхватил.

— Мы входим, — это было гораздо лучше, чем тягать тоскливые кометы. Буксировка комет больше походила на доставку молока, от двери до двери. А опасность никогда не бывает скучной.

Потом все вокруг пошло рябью. Растянулось. Загромыхало. Клэр видела, как синусоиды метались по стенам, не разрывая ничего, а просто шлепая по стали, словно океанские волны.

Сердце Клэр тяжело забилось. Сквозь ее кресло провальсировал тревожный шум. Кожаная обивка покрылась морщинистой рябью, словно ее скручивали. Клэр чувствовала, как гравитационные струйки проходили и сквозь ее тело. Они, словно торнадо диаметром с сантиметр, закручивали ее униформу. Клэр напомнила себе о том, что пилоты не должны поддаваться страху до тех пор, пока полет не закончится. А затем напомнила еще раз. Это стало ее мантрой.

Магнитные захваты остались позади, и корабль нырнул в вихрь. Клэр почувствовала себя какой-то резиновой, а потом ее желудок попытался выбраться на волю через горло. В нос ударил

запах желчи. Ускорение принялось швырять ее тело из стороны в сторону, словно тряпичную куклу. Клэр почувствовала, как ее кожа растягивается сразу в нескольких направлениях. Гравитационные силы походили на ребенка, торопящегося порвать упаковку, чтобы добраться до рождественского подарка.

— Как… у нас… дела?

— Никак.

— Что?!

— Мы зависли во вращающемся ядре бублика.

— Я… могу… вывести… нас… — но пальцы Клэр сейчас больше напоминали сосиски.

— Нет, не можешь. У тебя нет плана. Думаю, управление должна взять я.

— Ты… программа… — одна короткая фраза забрала все оставшиеся силы. Воздух был липким, словно грязные волосы. — Дай максимальный поток антиматерии. Выбей нас отсюда.

— Наружу или внутрь?

— Наружу… это куда?

Эрма издала нечто похожее на раздраженный вздох.

— Я надеялась, ты это знаешь.

— И ты хотела перехватить управление? — раздражение помогло Клэр. Она даже сумела

закончить фразу. — Вперед — это туда, — она чуть качнула подбородком по направлению к полу. — Наверное…

Антиматерия взвыла, встретившись в камере со своим противником. Комната закрутилась вокруг Клэр настолько быстро, что размылась в жидкость. Зубы застучали. На экранах не было ничего, кроме тьмы. Насколько велика эта штука? Пробирались ли они через бесконечность или тонули в ней еще глубже?

— Ты посылала лазерные импульсы? Микроволны?

— Конечно. Ничто не вернулось.

— Может, эта штука — идеальный поглотитель? Хотя идеала не бывает…

Нечто, распространяющее яркую синеву, надвигалось на них.

И быстро. На долю секунды Клэр увидела вдалеке странный корабль.

А затем все исчезло. Это было единственное, что мелькнуло перед ними. Они находились во тьме?

— Входящее сообщение.

— Что? Как… Не важно, прими его!

— Там говорится: «Червяки могут кусать себя за хвост, и ты тоже можешь».

— Это одна из твоих шуточек?

— Я не шучу. У меня нет такого программного обеспечения.

— Кусать себя за хвост? Что это… О…

— О?

— Возможно, имеется в виду Гёдель? Но кто же это сказал?

— Кто находится здесь вместе с нами? Не знаю. Я всего лишь программа.

Клэр фыркнула. Она потела, хотя в корабле было холодно. Ее пульс участился. Это, конечно, интересно, но сейчас они находились в гравитационном смерче. Кресло присоединилось к кружившемуся вокруг торнадо, и долго это продолжаться не могло. Насколько же протяженной может быть червоточина?

На корабль надвинулась какая-то светящаяся штуковина — или, по крайней мере, эта штуковина стала больше. Она смахивала на крем со светящимися комками.

— Что это?

— Согласно моей базе данных, червоточины связаны между собой экзотическим материалом, чем-то вроде материи, обладающей «отрицательной средней плотностью энергии». Что бы это ни было, оно должно возникать при их зарождении.

Эта материя пронизывает все червоточины.

— Хм… отличный строительный материал, если сможешь его достать. Для нас, впрочем, бесполезный. А выбраться отсюда мы все-таки сможем?

— Не знаю.

— И ты еще заявляла, что у меня нет плана.

— Постой… я чувствую что-то яркое… приближается…

Чернота снаружи покраснела. Затряслась.

Корабль внезапно вывалился наружу — в голубой шторм. На экранах сокращалась точная копия уже знакомой им червоточины. Вокруг нее искрились радуги. Корабль словно споткнулся и перевернулся. Мимо пронесся горячий газ со светящимися красными и синими вкраплениями. Между кораблем и яркой зловещей звездой висел огромный газовый гигант. Корабль трясся и вращался. Его уносило от газового гиганта мощным ветром.

— Этот газ утаскивает нас от червоточины. В основном это молекулы водорода, очень горячего — поэтому и цвет у него голубой. Газ идет из атмосферы планеты. Мы находимся очень близко к звезде — примерно так же, как Меркурий от нашего Солнца. Но эта звезда меньше нашей.

Клэр уставилась на экраны. Красноватая звезда испаряла ходившую волнами атмосферу газового гиганта. Он походил на комету с длинным хвостом. Гигант был обречен двигаться вокруг своего мучителя, разрывавшего его на кусочки.

С газового гиганта сорвалось розовое перо и направилось к «Серебряному люггеру». Завихрения, возникавшие в хвосте, не предвещали ничего хорошего, и корабль находился как раз рядом с ними.

— Моя навигация не работает в этом газе. Я не могу пилотировать…

— Я возьму шлем, — Клэр боролась за то, чтобы развернуть корабль. Их реактивные двигатели едва могли выжать достаточно тяги, чтобы состязаться со здешними ветрами. «Ветры в космосе, — с ужасом подумала Клэр. — Это даже хуже, чем та дуга в солнечной короне… из-за которой мы чуть не погибли».

Даже начать поворот было трудно. Клэр вспомнила те времена, когда наслаждалась мореплаванием. Сначала дать ветру увлечь тебя, а затем резко изменить траекторию, когда позволят направление и вращающий момент…

Клэр разрешила волне подхватить заднюю часть корабля, уменьшая угол между кораблем

и струей. Мимо пронесся клубок злобного фиолетового газа. В бок ударили горящие осколки. Экраны не показали потери давления, зато продемонстрировали, что сжигающие, пожирающие ветры сильно истончают оболочку. Стабилизировать курс удалось далеко не сразу. Корабль все еще мотался из стороны в сторону, словно лодка в шторм.

— Черт! Мы должны были только провести разведку и вернуться домой. А тут творится что-то невероятное. — Ей никогда еще не доводилось плавать в космосе. Нет способа оценить повреждения корабля, нет четких правил навигации. — Но… где червоточина?

— Я потеряла ее. Мы слишком быстро двигались, нас унесло прочь. Я попыталась примагнитить маячок, но ничего не получилось — он не прилип.

— Сложно, наверное, приклеиться к пространству-времени, — заметила Клэр. Как вообще можно что-нибудь прикрепить к червоточине?

Она отвлеклась, причаливая и поворачиваясь относительно клубящихся берегов горячего водорода.

— Что же произошло с червоточиной?

— Возможно, она находится на стабильной ор-

бите, где ее гравитационные силы уравниваются с силами водородного ветра.

— Значит, она осталась позади. Где-то.

Корабль постепенно повернулся и перестал трястись. Клэр вывела его за границу шторма и двигалась туда, где плотность газа была меньше. Голубые полосы остались позади. Красный туман побледнел. Они постепенно выбирались в открытый космос. Появились обнадеживающе мерцавшие звезды.

Теперь Клэр увидела здешнее солнце под другим углом, глядя назад вдоль туманного края газовой струи. Распадающаяся планета казалась круглой шишкой на ослепительном желто-белом солнечном диске. Неожиданно вблизи корабля обнаружился полумесяц планеты с двумя лунами. Знакомых созвездий не наблюдалось, небо казалось более ярким, в нем было больше звезд, а еще между двумя звездами плавало сферическое звездное скопление, похожее на цветок из слоновой кости.

— Есть идеи по поводу того, где мы? Можешь найти какие-нибудь ориентиры?

— Я пытаюсь, но ни одна из здешних звезд мне не знакома. Мы очень далеко от Земли.

— Продолжай попытки. Может, нам еще при-

дется возвращаться домой пешком.

«Другая звездная система. Далеко от Земли». Клэр охватил ужас, и она шепотом велела Эрме просканировать все вокруг. Иными словами, она была потрясена, брошена на произвол судьбы, но страх по капельке отступал. Ей все-таки удалось подумать об этом, как об очередной работе. Теперь все, о чем постоянно зудела Эрма, все это были лишь детали, мелочи, пустая болтовня. Вот это было настоящим.

Что-то настигло их на большой скорости. Корабль затрещал.

— Что за…

— В корму врезалась большая мягкая масса.

— Мягкая?

— Она почти не причинила вреда, но добавила нам импульс.

В космосе вокруг Земли не было ничего мягкого. А уж кометы — тем более.

— Удаленное сканирование.

— Множество мелких объектов. Близко, приближаются еще.

Экран заполнился формами. Медуза, похожая на яичницу, присосалась к оболочке корабля. Мимо продрейфовал покрытый бородавками огурец. Пролетели янтарные карандаши, выпускавшие

из трубок сзади горящий голубой газ. Надвигалось нечто, похожее на белый солнечный парус, наматывавшийся на мачты.

— Просто безумие.

— Да, волнующе. Это не машины — по крайней мере, не машины из металла и керамики, управляемые компьютерами. Они живые.

Клэр с удивлением смотрела на многообразие форм. Гравитация навязывала простую геометрию — цилиндры, параллелепипеды, сферы. А здесь имелись легкие новые формы: спицы и лучи, ромбоиды, толстые кривые. Неровная кожа и колючие раковины, резиновые ветки, гладкие зеркала — и все это в одном вращающемся скоплении.

— Они питаются водородом, понимаешь? Выведи наружу ботов.

Оцени повреждения. И посмотри, смогут ли они что-то сделать с этими штуками.

— Я не имею ни малейшего понятия о том, как…

На корабль надвинулись угловатые формы, то приближаясь, то отступая, определенно оценивая поживу. Если бы речь шла о подводном мире, Клэр назвала бы их иглоносыми хищниками. Все эти создания были гораздо меньше «Серебряного

люггера», но ей не нравилось их количество. Они собирались в стаю. Они, кажется, прилетали сзади, от бледно-голубого потока, как будто пировали в водороде, прячась среди потоков, а затем выбрались за новым кормом. Хищники и добыча в глубоком вакууме? Или это больше похоже на жизнь внутри облака?

— Ладно, будем импровизировать. Боты развернуты?

— Вылезают из люков.

Клэр видела нечто тяжеловесное, гуляющее по серебристой оболочке корабля на магнитных присосках. Кишащее неведомыми созданиями рубиновое небо отражалось в корпусе, удваивая возбужденный рой. Космические формы жизни кружились и метались из стороны в сторону в своих разношерстных стаях. Когда боты выбрались на поверхность корабля, эти создания отступили. Они все-таки больше напоминали воздушных змеев, чем птиц. Боты были твердыми, жесткими и, вероятно, не представляли никакого интереса для тех, кто питается газом.

Каждый бот занялся своей ячейкой, следуя заданной программе. Боты находили разрывы и выбоины, быстро заполняя их заплатками.

Клэр всегда нравилось заниматься текущим

ремонтом, если возникала серьезная проблема. Это давало ей время подумать.

Итог получался безумным. Теоретики решили, что эта червоточина является дверью, которую давно не использовали. Поэтому ее противоположный конец, или концы, поскольку никто не знал, может ли у червоточины быть несколько «ртов», должен был находиться в открытом космосе, вероятнее всего, далеко от звезды. Они думали так, даже несмотря на то, что Клэр поймала эту червоточину в магнитной дуге солнечной короны.

Впрочем, тогда червоточина тоже не была обычной. Она обладала чем-то вроде отрицательной массы. Точнее, нечто на другом ее конце переливало свою массу через эту дыру, заставляя пространство-время вокруг «рта» червоточины изгибаться так, словно у той была отрицательная масса. Теперь эта штука, схваченная техниками, не знавшими толком, что они делают, растянулась и запуталась, быстренько обретя момент вращения и став еще более странной.

Безумно, но реально — не самая любимая для Клэр категория.

— Похоже, никаких результатов, — сказала Клэр сама себе. Наверное, она произнесла это вслух,

потому что Эрма ответила:

— Мы делаем великие открытия! Это гораздо интереснее, чем таскать туда-сюда руду и кометы.

— И гораздо опаснее. Хуже всего, что мы не знаем, как вернуться.

Эта водородная колонна просто огромна. Мы не сможем ее обогнуть.

Что вообще такое — здешняя червоточина?

— Мы можем узнать больше, если продолжим разведку. Когда ремонт будет закончен…

Нечто коричневое, похожее по форме на пулю, пронеслось вдоль корпуса. Эта штука отличалась от всех остальных, она была твердой, не легкой.

Что бы там ни было, оно срезало бота и отправило его в самостоятельный полет по космосу. Возвращаясь, штука превратилась из пули в узкую арку. Она сорвала с корпуса еще одного бота и вздрогнула, пролетая мимо.

Клэр начала действовать. На концах «Серебряного люггера» были две лазерные пушки. Когда вышли на связь, Клэр запустила программу поиска и уничтожения. Она сделала это почти мгновенно, но все равно было уже слишком поздно.

Коричневая пуля оказалась настолько быст-

рой, что у ремонтных ботов не было ни шанса. Их делали для того, чтобы чинить и заполнять бреши, а не драться и отражать нападение. Все боты улетели в космос за несколько секунд.

Клэр молча провожала их взглядом. Она ничего не могла сделать.

Если она выведет на корпус новых, их снова стряхнут, а запасы ботов были весьма ограничены.

Эрма ничего не сказала. Они пытались следовать за несколькими ботами, но тщетно. Спасти удалось только двух. Корпуса их смялись от столкновения.

— Странно. Нападавший, похоже, вынул из них управляющий блок.

— Думаю, они нас изучают, — Клэр нахмурилась.

«Серебряный люггер» какое-то время просто несло течением, а стая живых космических кораблей скользила рядом, словно патруль — карандаши, паруса, пушистые сферы ядовито-оранжевого цвета.

Они были осторожны. Ни одно существо не попыталось проникнуть в корабль через порты на корпусе.

— Предлагаю посмотреть на планету поближе.

— Я хочу найти червоточину. Если оказалась на вечеринке в незнакомом месте, в первую очередь ищи выходы. Я выучила это еще в школе.

— Развивая твою метафору, на эту вечеринку нас совсем не звали.

Местные жители, кажется, дают нам это понять.

— Давай оторвемся от них. Ускоряйся и улетай прочь, давай просканируем планету. А затем вернемся к водородной колонне и будем искать червоточину.

— Звучит неплохо. Я ускоряюсь.

Стая начала отставать. Они могли разворачивать паруса и собирать больше солнечного света, может, они даже умели кататься в водородных ветрах, но «Серебряный люггер» обгонял их на целые минуты.

— Пока мы готовимся — вернее, пока ты готовишься, — давай-ка пораскинем мозгами. Почему червоточина оказалась в этой газовой колонне?

— Думаю, ее туда затащило. Так же, как ее противоположный конец, который мы нашли в солнечной короне. Если кто-то и разрабатывал транспортную систему, использующую червоточины, он вряд ли захотел бы поместить выходы в таких местах.

— А кто же их туда поместил? Кто здесь главный?

— Дай угадаю. Кто-то, кто не хотел, чтобы этими червоточинами пользовались.

— Ага, это утверждение меняет наше представление о червоточинах на диаметрально противоположное.

— Но любой, кто захотел бы избавиться от червоточины, просто бросил бы ее в звезду.

— Тогда тебя зальет раскаленной плазмой.

— Точно. А если бросить оба конца возле звезд, то звезды будут подкармливать друг друга. Если одна будет получать ту массу, которую потеряла другая, это приведет к изменению в их свечении. Твоя идея ясна. Похоже, хорошего способа избавиться от червоточины не существует…

— Значит, эта система предназначена для ограниченного использования, — Клэр щелкнула пальцами. — Кому здесь это могло понадобиться?

— Думаю, речь идет не о космической форме жизни.

— Хм… Хотя, может, они как-то с этим и связаны.

Корабль поворачивался, все системы работали на полную мощность. Клэр видела, как на

диагностических панелях вспыхивают новые команды. Эрма знала свое дело, она умела быстро оценивать ситуацию и ориентироваться в незнакомых условиях. Но в полностью новом мире? Нелегкая задачка для корабля, предназначенного для вынюхивания астероидов с рудой.

Клэр наблюдала за тем, как из своих укрытий выдвигались телескопы, словно расцветали астрономические цветы. Линзы поворачивались и фокусировались, будто целая батарея глаз.

— Я начинаю обзорный осмотр планеты. В полном спектре. В атмосфере есть очевидные признаки жизни. Я могу разглядеть поверхность в инфракрасном свете, но облачный покров очень толстый. Океаны, континенты, достаточно большие шапки полярных льдов. Наблюдаются незначительные радио- и микроволны. Похоже, что здесь… подожди…

Клэр сдвинула брови. Эрма очень редко делала паузы в разговоре. Программы никогда не использовали слова для заполнения речевых пауз, всякие «хм» и «ах». Но чтобы программа совсем замолчала? Это внушало беспокойство. Пауза затянулась. На экранах ничего не возникало.

— У меня… только что был… необычный опыт.

— Я заметила.

Еще одна пауза.

— Нечто… позвало меня.

— Привет? — догадалась Клэр.

— Что-то вроде того… только глубже, с несколькими параллельными нитями разговора, за которыми я не смогла уследить.

— На каком языке?

— В этом вся странность. На моем.

— Э… на английском?

— Я не думаю теми же простыми, двусмысленными терминами, что и ты. Конечно, я знаю, что твои внутренние системы не употребляют эти «слова», которые вы произносите ртом. Ваш мозг устроен гораздо тоньше и совершеннее. Нет, моя операционная система использует сложные комбинаторные нотации. Они позволяют передавать в пакетах множество разных значений. Думаю, так поступает каждый высокоразвитый разум, потому что это эффективно. И сообщение, которое я получила, было сформировано именно таким образом, подтверждая мои догадки.

Клэр моргнула.

— Но кто бы его ни послал, это был чужой. Как они узнали… Ох. Боты.

— Я не подумала об этом, но… да, наверное, они получили информацию из ботов.

— И провели реинжиниринг… ух ты. Они сделали это за несколько минут.

— Да, именно «ух ты». Это словосочетание компактно, как и сигналы в некоторых потоках, которые я обрабатываю. Но в большинстве своем они не такие. Это очень странный разум.

— Поверю тебе… хм… на слово. И что же говорит эта умная штука?

— Что мы должны уйти. Не приближаться к ним.

— А «они»… это кто?

— Они говорят, что это относится ко всей планете. Объединение разумных существ и биосферы — наилучший способ выразить подобный симбиоз в словах.

— Живой мир. Скажем, какая-то система, позволяющая океанам говорить с людьми? Это… ну… это невозможно. Я не могу это осмыслить.

— Я тоже. У меня ведь даже нет живого тела, так что я могу думать об этом лишь абстрактно. Вроде человека, разговаривающего с лесом?

— Мое тело разговаривает со мной, и в основном оно сообщает плохие новости. Например, что у меня болит живот или мышцы. Трудно сказать, что способна сообщить целая планета. «Не бросай это в меня»? И как ты можешь услышать

подобное, гуляя по пляжу?

— Думаю, ты подходишь к проблеме излишне практично.

— А я вообще очень практичная женщина. Ладно, воображения у нас все равно не хватает… Подумаем, как это понимать: приказ удалиться?

— Она определенно получила какой-то не очень приятный опыт, связанный с теми, кто проходил через эту червоточину.

— Например?

— Нечто, желавшее завербовать планету и ее симбионтов с какойто целью. Поисков бога или еще чего-то столь же странного.

— Не люди?

— Нет, таких, как мы, они еще никогда не видели.

— Тогда каким образом червоточина оказалась возле нашего Солнца?

— Они каким-то образом избавились от нее. Я не до конца это понимаю. Они, определенно, могут протолкнуть червоточину сквозь пространство, используя угловой момент, примененный к ее дальнему концу, то есть отсюда. Так что они избавились от искателей бога, а затем забросили дальний конец червоточины подальше, и он нашел покой возле нашей звезды.

— Еще более жутко. И это слово — избавились. Что ты имеешь в виду?

— Полагаю, вежливей будет не спрашивать.

— Думаешь, у мировых разумов есть свои протоколы? Нам нужно выяснить…

— Мне казалось, наша цель — вернуться домой.

— Верно. Меньше знаешь — крепче спишь. Как нам выбраться отсюда?

— Следуйте за моими агентами, так она сказала.

— Эти живые воздушные змеи? Они выглядят не слишком дружелюбными.

— Думаю, они исследовали нас.

— Разумно, хотя боты не бесплатны. Впрочем, за билет домой это не такая уж большая цена.

Клэр указала на экраны. Экраны показывали, как многочисленные обитатели космоса прицеплялись к кораблю. Каждое из этих существ вполне могло оказаться отдельным биологическим видом, созданным этой планетой-полумесяцем с двумя лунами. Насколько же сложен был биологический механизм венчания миров с окружающим их пространством? Что могло противостоять этому? Конечно, не слабые лазеры «Серебряного люггера», которые, как выяснилось

при быстрой проверке, воздушные змеи все равно каким-то образом сумели отключить.

Так что решение было предельно простым.

— Давай сделаем, как они сказали.

— Я ждала этих слов, затаив дыхание.

— Ты не способна дышать.

— Твой язык богат метафорами. Разум, с которым я говорила, тоже использовал нечто подобное, только на несколько порядков сложнее.

— Не думаю, что я готова услышать цитату. Сохрани это для нашего отчета.

— Мы сообщим об этом?

— А за что, по-твоему, мне должны заплатить? Мы заключили контракт.

— Здешний разум может не захотеть распространения подобной информации.

— Они следят за нашими разговорами? — Клэр моргнула.

— Не уверена. Я, конечно, ничего им не передаю, но…

Еще одна нехарактерная пауза. А затем Эрма сказала:

— Нас прослушивают.

— Наверное, прицепили какое-то устройство на корпус. И почему мы все еще живы?

— Возможно, у них есть некие нравственные

нормы. Или они могут думать, что мы посланники другого мирового разума. В этом случае нас можно простить.

— Интересно, почему бы им просто не повесить табличку «Посторонним вход воспрещен».

— Думаешь, это возымеет действие?

— На людей? Ни в коем случае.

Обитатели космоса теперь собрались в густые тучи, как будто готовились к неожиданностям. Клэр закусила губу, вдохнула сухой воздух, циркулировавший внутри корабля, и почувствовала себя очень уставшей. Сколько они уже здесь?

— Знаешь, мы словно мышь рядом со слоном. А слон может передумать или даже просто оступиться. Давай сматываться отсюда.

— Абсолютно согласна.

Планетарное Агентство (надо же было как-то это назвать) разговаривало с ними посредством молний и микроволн, пока они погружались в струю водорода. Когда микроволны с планеты перестали достигать цели, Агентство использовало треск шторма, бушевавшего вокруг «Серебряного люггера». Живые воздушные змеи вели их вперед каким-то странным образом, который Клэр не могла понять, а Эрма сочла вполне естественным. После нескольких часов пилотирования в буре

корабль достиг воронки газа возле червоточины. Местные обитатели отступили и ждали, пока корабль нырнет.

— Знаешь, в прошлый раз там было очень… странно.

— Ты осторожна. Но вспомни, что мы не можем выйти из этой газовой струи.

— В смысле?

— Думаю, Агентство воспримет данный акт как недружелюбный.

— Хорошо. Давай все-таки сделаем это, — Клэр сказала уверенным тоном, хотя ее сердце билось, будто кузнечный молот, и она дважды проверила ремни на своем кресле.

«Серебряный люггер» начал трещать и жужжать. Кожа кресла снова смялась, когда вращение начало деформировать корабль. Красные вихри снаружи с треском сменились темнотой, которая, казалось, тоже каким-то образом скручивалась. Ручейки гравитационной нагрузки формировали их траекторию. Шлем отключился, и корабль снова пришлось вести вслепую.

По кораблю прошлась череда хлопков и свистков. Клэр вела его вперед мощными взрывами антиматерии, но впереди ничего не менялось. Мимо пронеслись куски какой-то зеленой массы.

Затем эти куски снова приблизились. Так Клэр и поняла, что они оказались в некоем круговороте, который все рос и рос, вдавливая ее в кресло тяжелой дланью, а затем поворачивая по двум осям сразу. Гравитация росла, а «Серебряный люггер» закручивался, пытаясь укусить сам себя.

Укусить сам себя…

— Слушай, в прошлый раз, когда мы были здесь, кто-то прислал нам сообщение. Как там было?

— В сообщении говорилось: «Червяки могут кусать себя за хвост, и ты тоже можешь».

— И… что это значит?

— Пилот здесь вы, мэм.

— Хорошо, разворачивай нас и ускоряйся в противоположную сторону.

— А как я узнаю наше текущее направление? Это не Ньютоново пространство с фиксированным пространством-временем и…

— Сделай это! Снизь подачу антиматерии, развернись и дай максимальное ускорение.

Эрма издала нечто похожее на вздох. Отклонение и удары усилились, когда они стали делать медленный разворот, словно двигаясь в черной патоке. Клэр скорее почувствовала, чем услышала, как через ее тело идет звук: «вумп-вумп-вумп». Корабль вибрировал настолько сильно, что ей

приходилось сжимать зубы.

Подача антиматерии увеличилась, и дребезжание ослабло. Вскоре они уже почти скользили, хотя Клэр и чувствовала пресс центрифуги, давящий на ее тело.

— Работает.

— По крайней мере, тебе стало лучше. В черноте возникло какое-то марево. Оно светилось и парило, живое и сияющее янтарным светом. Космос вокруг него сиял распространяющимися узорами.

— Черт, похоже на инопланетный корабль.

— Ощущения здесь искажаются.

— Поприветствуй его.

— Я получила эхо в ответ.

— Возможно, они нас слышат. Пошли это: «Червяки могут кусать себя за хвост, и ты тоже можешь». Так мы попытаемся… Странный корабль моргнул и исчез. Они продолжили движение сквозь бушующую темноту. Рядом начали вспыхивать странные радужные крапинки. Клэр показалось, что она увидела в них космос с искрами звезд, но потом эти крапинки остались позади. Палуба затряслась от мощного жужжания, будто они двигались на высокой скорости.

— Переходи на максимум.

— Уже. Направляющие силы пытаются обрезать нас вдоль нашего главного луча. Мы не можем удерживать этот уровень…

Они вывалились в обычный открытый космос.

Звезды ярко сверкали — и это были знакомые звезды!

Червоточина вращалась позади. Корабль наблюдателей поприветствовал их.

— Мы вернулись!

— И теперь мы знаем, кто послал то сообщение. Это была ты. Клэр замерла с открытым ртом. У нее болело все тело.

— Но как…

— Пусть об этом думают теоретики.

Перевод: А. Колосов

Жюль Верн[32]
Париж покоряет всех

В первые десятилетия двадцатого века никто, наверное, не поверил бы, как сильно повлияет вторжение из космоса на все человеческие дела. Ужасное нападение со стороны наших небесных соседей-врагов, марсиан, оставило в зелено-голубом мире, который мы называем своим домом, глубокие шрамы и внесло в его жизнь огромные перемены. Составленный мной отчет о марсианском вторжении на рубеже двух веков получил широкое распространение и, подозреваю, знаком всем читателям. На этот раз я собрал воспоминания других известных людей, чей опыт соприкосновения с марсианами может оказаться интересным и поучительным для тех, кто изучает первую межпланетную войну человечества.

---

[32] Примечания: 32
Реальные авторы: Дэвид Брин и Грегори Бенфорд.

Как бывало во все века, история живет в воспоминаниях свидетелей, и иногда воспоминания ошибочны. Несмотря на это, они заслуживают опубликования — пусть цену им определит будущее. В заключение я должен поблагодарить своего доброго друга, месье Жюля Верна, за его личные заметки и помощь в получении ряда рукописей, а также за написание послесловия к этому тому.

Г. Дж. Уэллс

Я начинаю свое повествование с самой обычной вечерней прогулки по улицам светоносного города, хотя в течение этой прогулки заурядное быстро сменилось необыкновенным. Я приехал в Париж посоветоваться с издателями, равно как и навестить старых друзей, и отдать должное волшебной кухне, какой мой провинциальный Амьен похвастаться не может. Хоть я и достиг ныне преклонных лет и приближаюсь к семидесяти, я до сих пор не чураюсь острых блюд и сохраняю склонность разглядывать юных дам, когда они демонстрируют на бульварах новейшие моды, обольщая молодых людей и разбивая им сердца.

Я прибыл в тот день в город в надежде, как и

большинство других моих соотечественников, что инопланетный ужас, опустошающий южную Францию, докатится до долины Сены не раньше чем через несколько дней, а то и недель. Нас уверяли, что область Иль-де-Франс будет защищена любой ценой. Вот и случилось, что я, обманутый этими фальшивыми заверениями, оказался в столице в тот самый вечер, когда пришла беда.

Париж! Он по-прежнему оставался прекрасным образчиком нашего прогрессивного века — казалось, эти беспокойные часы, атмосфера напряженного ожидания лишь добавляют городу обаяния: ночью он мерцал газовыми и электрическими фонарями, днем жужжал только что появившимися электрическими трамваями, чьи чудотворные провода пересекались над улицами как провозвестники новой эры.

Здесь я когда-то начинал молодым адвокатом, унаследовавшим профессию отца; тем не менее глава нашего семейства великодушно простил мне попытки попробовать свои силы на литературном поприще, сперва в театре, а затем и в многочисленных обширных прозаических опытах. «Испей Парижа вдоволь, сын мой! — так он напутствовал меня, провожая весенним днем на вокзале в Нанте. — Вкуси от чудес эпохи! Ты

одарен острым зрением — поделись своей проницательностью с другими. Вот увидишь — это поможет изменить мир!..»

Без такой помощи и поддержки посмел бы я, дерзнул бы разведывать бессчетные тропинки будущего со всеми их чудесами и опасностями? Со дня начала марсианского вторжения я помимо собственной воли размышлял о своей необычной судьбе, в которой мне к тому же чрезвычайно везло, в то время как человеческое везение в целом, кажется, сходит на нет. Кошмар нависает над нами с запада и с юга — и вскоре сотрет без следа все, чего я достиг, и все, чего достигло человечество за долгие века, по которым карабкалось из бездны невежества…

Я прогуливался в компании ученого мужа месье Бошампа, и настроение у меня было на редкость угрюмым — а ведь до первой моей встречи с ужасающими марсианскими машинами оставался почти час. Конечно, я следил за рассказами очевидцев, поведавших о болидах, которые обрушивались на землю с такой силой, что фонтаны земли и брызги камня взмывали вверх наподобие новых взрывов вулкана Кракатау. Очень скоро выяснилось, что это отнюдь не метеорологическое явление, поскольку на поверхность вылезли,

как насекомые из подземной норы, трехногие существа, исполненные немыслимой злобы к нам. Оседлав гигантские машины-треножники, непрошеные гости без промедления двинулись вперед с единственной целью — разрушать, разрушать все подряд!

Всеобщая бойня, безжалостные залпы, бушующие пожары — ни одно из этих бедствий пока еще не добралось до цветущих краев к северу от Луары. Но не счесть сообщений о селах, буквально втоптанных в землю, о выжженных дочерна полях, о толпах беженцев, сраженных на бегу.

Вторжение! Слово вспоминалось без большого труда. Всего-то двадцать восемь лет прошло с тех пор, как после падения Седана северная Франция познала топот сапог захватчиков. В отдельных кварталах Парижа и поныне заметны шрамы — прусские расстрельные команды выбивали кратеры на стенах, мешая штукатурку с кровью коммунаров, роялистов и буржуа — всех без разбора.

Однако ныне Париж трепетал перед надвигающимся злом такого масштаба, что по сравнению с ним пруссаки 1870 года казались добродушными сельскими кузенами, заглянувшими в город на минутку потехи ради.

Обо всем этом я размышлял, покидая вместе с Бошампом здание национальной военной академии, где нас наряду с другими именитыми гражданами собрали, чтобы ввести в курс дела. С каменных ступеней мы смотрели на Сену, мимо палаток 17-го добровольческого корпуса, по иронии разбившего лагерь как раз на площади Марсова поля, на лужайке бога войны, поверх истоптанной травы и измятых цветов.

А над всей бурной (но в итоге тщетной) военной активностью высилась башня месье Эйфеля, воздвигнутая в честь недавней выставки, — чудесное свидетельство возможностей металла и человеческого гения и вместе с тем объект множества насмешек.

— Со временем публика станет относиться к ней более терпимо, — заметил я, поскольку взгляд Бошампа ни на секунду не отрывался от величественного шпиля.

Мой попутчик иронически фыркнул, не сводя глаз со стальных изгибов.

— Долго такое уродство никто не потерпит, — парировал он.

Повернув на восток к Сорбонне, мы на какое-то время отвлеклись от действительно мрачных мыслей, вступив в спор о достоинствах и недо-

статках творения Эйфеля. В недавних опытах по передаче радиоволн было доказано, что практический эффект резко возрастает, если в качестве антенн использовать высокие башни. Я предложил Бошампу пари, что со временем башня откроет перед нами и другие непредвиденные возможности.

Увы, даже эта тема не сумела отвлечь нас надолго от опасности, надвигающейся с юга. Только что пришли новости из винодельческих районов, и самая последняя — что заводы Вуврэ разбиты, виноградники вытоптаны, и все горит. А ведь это была моя любимая марка среди легких искристых вин (пожалуй, даже предпочтительнее свежего Сансера). Почему-то столь обыденная утрата воспринималась острее, чем сухие цифры потерь, пусть число погибших и раненых уже исчислялось миллионами.

— Должен же быть какой-то метод! — воскликнул я, когда мы приблизились к сверкающему куполу на площади Инвалидов. — Должен существовать научный подход к уничтожению агрессоров!

— Военные делают все, что только возможно, — откликнулся Бошамп.

— Шуты гороховые!..

— Но вы же слышали, какие они несут потери. Полки, дивизии полегли в полном составе… — Бошамп запнулся. — Армия гибнет за Францию! За человечество — ведь Франция безусловно составляет лучшую его часть…

Я повернулся к собеседнику, вдруг осознав остроту парадокса: величайший военный гений всех времен лежит в гробнице под куполом совсем рядом с нами.[33] А впрочем, и он, наверное, оказался бы беспомощен перед силами, рожденными вне нашего мира.

— Я не упрекаю армию в отсутствии храбрости, — заверил я.

— Тогда как же вы можете утверждать…

— Я упрекаю ее в отсутствии фантазии.

— Чтобы побороть немыслимое, нужно…

— Воображение!

С известной долей робости, поскольку он знал мои воззрения по этому поводу, Бошамп продолжил:

— Я читал в журнале, что британцы консультировались с известным фантастом мистером Уэллсом.

В ответ на это я мог лишь недоуменно вытара-

---

[33] Примечания: 33

Имеется в виду Наполеон Бонапарт, гробница которого находится на площади Инвалидов.

щить глаза.

— Он не сумеет предложить никакой помощи, одни вымыслы.

— Но вы сами только что сказали…

— Воображение и вымысел — далеко не одно и то же.

В это мгновение ветерок донес до нас резкий запах серной кислоты с очистных работ у реки. Я поморщился, и Бошамп превратно истолковал мою гримасу — словно она была адресована Уэллсу.

— Он пользуется успехом: Многие сравнивают его с вами.

— Сравнение неудачное. Его рассказы не базируются на научной основе. Я опираюсь на достижения физики. А он просто придумывает.

— В условиях кризиса…

— Я отправляюсь на Луну в пушечном ядре. Он — в летательном аппарате, который выполнен из металла, неподвластного гравитации. Это было бы здорово — но покажите мне такой металл! Пусть мистер Уэллс предъявит его публике!

Бошамп нервно сморгнул.

— Совершенно с вами согласен. Но ведь наша наука оказалась неспособна справиться с самой неотложной задачей — защитить нас от вторг-

шихся чудовищ!

Мы пошли дальше, минуя толпу жаждущих поклониться гробнице Наполеона, и продвинулись довольно далеко по улице Варенн — за рекой уже был виден дворец Пти-пале, — когда я сказал:

— Конечно, мы технически отстали от этих зловредных тварей. Но не так уж далеко — на век, быть может, на два…

— Ну нет, конечно, больше! Перелет между двумя мирами…

— …может быть осуществлен несколькими способами, и мы в состоянии их понять.

— Что вы думаете о взрывах, которые астрономы наблюдали на поверхности красной планеты ранее? Теперь ученые считают, что это были вспышки при запуске марсианского флота вторжения. Мы такой мощью, конечно же, пока не располагаем.

От подобного возражения я попросту отмахнулся.

— Этот эффект я предвидел давным-давно в романе «С Земли на Луну». Разрешите напомнить, что он опубликован тридцать три года назад, когда в Америке едва закончилась гражданская война.

— Вы полагаете, астрономы наблюдали выстре-

лы из исполинской марсианской пушки?

— Разумеется! Конструируя свой лунный корабль, я прибегал к новым инженерным решениям и приспособлениям. Мне было ясно, что снаряды не могут быть стальными, как конструкции Эйфеля. Вот я и предположил, что будут найдены способы отливать их из алюминия. Принципиально, — я вновь махнул рукой, — в этом нет ничего невозможного, технические трудности можно решить…

Ветер переменился, и теперь я с удовольствием вдыхал крутые кухонные ароматы города кулинаров. Чеснок, шипящие на сковородах овощи, дразнящие запахи разнообразного мяса — какой контраст с ужасом, надвигающимся на город и уже завладевшим нашим сознанием! На улице Сен-Гренель я заглянул в одно из бесчисленных крошечных кафе. Озабоченные лица мрачно переглядывались со своими отражениями в широких цинковых стойках, заляпанных абсентом. Вино потоками лилось в жадные глотки, порывами налетали невнятные шепотки. Бошамп тоже понизил голос, но продолжил прежнюю тему:

— Стало быть, марсиане воспользовались артиллерией, тягловой силой любых сражений?

— Не обязательно, есть и другие средства, —

ответил я.

— Вы про свои дирижабли?

— Не притворяйтесь невеждой, Бошамп! Вы отлично знаете, что в межпланетном пространстве нет воздуха.

— А тогда как же они ухитряются маневрировать? Они оказались в Азии, в Африке, свалились на американцев и на наших достойных соседей — британцев. Они контролировали места посадок, все было спланировано тщательным образом…

— Ракеты — вот в чем дело! В моем первоначальном проекте использовать пушку был дефект — теперь я понимаю, что пассажиров в момент выстрела расплющило бы в лепешку. Если использовать более медленное расширение вещества, подобная участь им не грозит.

— Но как проложить курс между планетами? Нужна невероятная точность!

— Важно выработать общую концепцию, а за изобретателями дело не станет. Не пройдет и столетия, как ракеты начнут взлетать в небеса даже с нашей планеты. Ручаюсь, Бошамп, так и будет!

— При условии, что мы уцелеем в ближайшие две недели, — заметил он мрачно. — А уж о столетии лучше и не заикаться…

— Чтобы уцелеть, следует начать размышлять.

Следует охватить мыслью весь круг вероятностей.

С этими словами я взмахнул свернутым зонтом, повел им вокруг себя и вдоль улицы Ренн к поднимающемуся на юге холму Монпарнас. Непроизвольно я проводил кончик зонта взглядом — и таким образом оказался в числе первых, кто приметил одну из марсианских машин, поднявшуюся, как исполинское насекомое, над обреченным холмом.

В человеческой натуре есть нечто, навязывающее нам отвращение к необычному и неестественному. Мы тяготеем к парности — две руки, две ноги, два глаза, два уха, даже два соска (если затронуть предмет столь деликатный — но примите во внимание, что я остаюсь объективным человеком науки). Парность представляется нам существенной, кроме случаев, когда Природа диктует не парность, а единственность: у нас один рот и один орган размножения. Так или иначе, наши биологические особенности воспринимаются как единственно естественные, и то обстоятельство, что агрессорам свойственна тройственность, внушает любому жителю Земли инстинктивный ужас. И никому не надо ничего объяснять, что это чуждые нам существа, причем

чуждые в худшем смысле слова.

— Они прорвались! — вскричал я. — Похоже, фронт не выдержал!

Толпа вокруг нас заметила тот же кошмарный силуэт, нависший над копотью вокзала Монпарнас. Мужчины забегали, женщины завыли — а самые храбрые, вне зависимости от пола, бросились навстречу опасности, к последней хлипкой линии обороны города, туда, откуда доносился треск ружейного огня.

По обоюдному молчаливому согласию Бошамп и я воздержались от участия в общей суете. Два старика, у которых чувство собственного достоинства давно перевесило физическую силу, — мы могли пригодиться сейчас разве что своим жизненным опытом и закаленным умом.

— Берегитесь лучей, — произнес я бесстрастно.

Вынужден признать, что я старался сохранить рассудок, да и решимость, цепляясь за детали, как утопающий за соломинку. Мы впервые видели своими глазами, как безжалостные тепловые потоки хлещут по поездам, поджигая вагоны, взрывая локомотивы в одно мгновение.

— Кажется, их лучи похожи на волны Герца? — предположил Бошамп, впрочем, не слишком уверенно.

Помнится, мы все были очень увлечены этим замечательным германским открытием и первыми опытами по его применению для связи без проводов. И все-таки даже меня идея Бошампа заставила вздрогнуть — еще бы, если подобные волны можно сконцентрировать в испепеляющие лучи…

— Может быть, — согласился я. — Если верить легендам, Архимед сконцентрировал световые лучи, чтобы отбросить корабли римлян от Сиракуз. Но волны, открытые Герцем, метровой длины, и энергии в них не больше, чем во взмахе мушиного крыла. А здесь…

Я буквально подпрыгнул, утратив всякий самоконтроль, когда к западу от первой боевой машины показалась вторая, еще большая, почти величественная. Она также извергала ярко-красные разрушительные лучи, расплескивая пламя по всему южному горизонту; казалось, луч играет со строениями, как кошка с мышью.

— Нам никогда не справиться с такой силищей, — мрачно изрек Бошамп.

— Конечно, времени у нас мало, — согласился я. — Но вам, мой друг, удалось направить мои размышления в определенное русло…

Люди вокруг нас суетились в нескрываемой

панике. Экипажи мчались, не обращая внимания на пешеходов, перебегающих улицы. Лошадей нещадно стегали, и они неслись сумасшедшим галопом. Я развернул колумбийскую сигару — ситуация требовала ясности мысли, и нельзя доказать превосходство ума, не выказав характера и мужества.

— Нет, — сказал я, — тут нужно нечто иное. Не волны Герца, но, возможно, что-то с ними связанное…

Бошамп вновь оглянулся на треножники, сеющие разрушение и смерть. Лоб его покрылся озабоченными морщинами.

— Если не только ружья, но и пушки оказываются бессильны…

— Тогда нужно обратиться не к механике, а к какой-то другой науке.

— К биологии? Разумеется, у Пастера есть последователи… — Бошамп явно мучился, пытаясь сосредоточиться. — Если, допустим, заставить марсиан — не машины, а их самих — выпить зараженное молоко…

Я поневоле хмыкнул.

— Вы поняли меня слишком буквально, мой друг. Уж не прикажете ли подать им это молоко на серебряном подносе?.. Бошамп подтянулся.

— Я только хотел…

— Это уже неважно. Гипотеза напрашивалась сама собой. Разве вам не видно, что вторая машина стоит в точности там, где был расположен Пастеровский институт, и что от него остались одни руины?

Хотя биология в семье наук — младшая и вечно притесняемая сестра, мне было огорчительно представить себе великолепную коллекцию культур в пробирках, ныне раздавленных плоскостопыми лапами треножника. Но здесь, увы, уже ничем не поможешь.

— Идеи англичанина Дарвина в данном случае также неприменимы — для их реализации понадобились бы тысячи лет. Нет, я имел в виду не биологию, а физику в ее новейших разделах.

Я находился на открытом пространстве, где были все условия для того, чтобы слова вылетали, прежде чем мысль обретет четкую форму, — по-моему, так легче извлечь ее из глубин сознания… Вокруг нас раскинулся прекраснейший город Земли, на его знаменитых улицах уже мерцали газовые фонари. Может быть, обратиться к газу? Нет, опять нет: марсиане доказали свою невосприимчивость к самым ядовитым газам, какие пыталась применить армия.

Что же дальше? Я всегда верил, что решение грядущих проблем обычно лежит прямо на виду, в уже доступных нам материалах и понятиях: скажем, все идеи, необходимые для подводных лодок, воздухоплавания и даже межпланетных сообщений, известны в течение многих десятилетий. Фокус в том, чтобы расположить эти идеи в нужной последовательности.

В тот самый миг, когда я сформулировал свою мысль, раздался звук столь громкий и резкий, что перекрыл какофонию на юге. Дребезжащий рев, сопровождаемый ржанием перепуганных лошадей, приближался с противоположного направления, от реки! Я сразу же опознал лязгающий двигатель внутреннего сгорания, незадолго до того изобретенный герром Бенцем. На нас катилась самодвижущаяся повозка с несколькими людьми и каким-то сверкающим аппаратом. С первого взгляда стало ясно, что у механического экипажа есть достоинство, какого никто не мог предугадать: водитель направлял его навстречу опасности, чего не позволила бы ни одна лошадь на свете.

Шипящая конструкция остановилась неподалеку от нас с Бошампом. Затем раздался выкрик с акцентом, самым пронзительным из

всех известных людям, зато как нельзя лучше приспособленным к безбрежным и безлесным просторам за океаном:

— Ну-ка давай работай, вонючий кусок железа! Заводись, или я разломаю тебя на части без помощи марсиан!

Говоривший был в одежде рабочего, из карманов на широкой крепкой груди торчали инструменты. Копна рыжеватых волос выбивалась из-под изогнутых полей огромной шляпы вроде тех, с какими познакомила нас труппа Баффало Билла, когда гастролировала по Европе несколько лет назад.[34]

— Тише, Эрнст, — откликнулся стоящий рядом, явно более культурный, но и более язвительный. — Что толку ругать машину? Быть может, мы уже достаточно близко, чтобы получить необходимые данные.

Вот оно что, догадался я, — союз троюродных братьев. Люди англоязычного происхождения всегда пленяли меня своей безграничной изобретательностью, и все-таки мне бывает трудно

---

[34] Примечания: 34

Уильям Коди (1846–1917), более известный под прозвищем Баффало («Бизон») Билл, прославился как организатор ковбойско-индейского «Шоу Дикого Запада», с которым объездил в конце XIX века всю Европу.

убедить себя, что соплеменники Эдгара Аллана По в родстве с соотечественниками Вальтера Скотта.

— Что скажете, Фраунхофер? — англичанин завершил отповедь вопросом, обращенным к третьему в повозке, судя по сложению, убежденному любителю шницелей. Тот прильнул к линзам, нацеленным на боевые треножники. — Можно получить четкие показания с такой дистанции?

— Ба! — Лысый немец выругался. — От взрывающихся зданий, от пожаров я получаю множество линий, типичных для процессов горения. А вот лучи сами по себе — это абсурд. Полный абсурд!

Я сделал вывод, что передо мной ученые за работой, в точности как я рекомендовал в дискуссии с Бошампом, и их работа ценнее мощи шестидесяти батальонов. Собственно, только в усилиях просвещенных умов — единственная надежда человечества.

— Что значит абсурд? — Показалась четвертая голова, молодая, темноволосая, с какими-то устройствами на ушах; эти штуковины напоминали накладные щитки от мороза, но были соединены проводами с машиной, сплошь покрытой циферблатами. Я опознал миниатюрные телефоны, передающие звук чуть слышно, зато

прямо в уши. Молодой человек говорил с итальянским акцентом и сохранял удивительное спокойствие. — Что абсурдного в спектре этих лучей, профессор?

— Спектра нет и в помине! — отозвался немец. — Прибор показывает лишь один оттенок красного цвета, тот же, что виден невооруженным глазом, когда лучи разрушают все вокруг. Никаких линий поглощения, ровное ярко-красное поле, и все!

Итальянец задумчиво пожевал губами.

— Возможно, используется одна-единственная частота…

— Если вы настаиваете на сопоставлении света с вульгарными лучами Герца…

Спор настолько увлек меня, что когда Бошамп решил привлечь мое внимание, то поневоле чуть не сшиб меня с ног. По-моему, право на подобный рывок он имел только в одном случае — если бы марсиане приблизились к нам вплотную. С этой мыслью я повернулся, ожидая увидеть дискообразную ступню чудовища, нависшую над нами и готовую нас расплющить. Однако Бошамп, белый, как полотно, споткнулся на ровном месте и дрожащей рукой показал вдаль:

— Берн, взгляните!..

К великому моему изумлению, агрессоры резко изменили курс, вместо прямого пути к Сене отклонились влево и, обращая строения в пыль, стремительно двигались именно туда, откуда мы с Бошампом только что ушли. В ту минуту нас обоих посетила одна и та же мысль: должно быть, командиры боевых треножников заметили военный лагерь на Марсовом поле. Или решили уничтожить примыкающую военную академию. Мне даже пришло в голову, что их целью служит усыпальница величайшего из полководцев Земли — не намерены ли они разрушить святыню и вместе с ней нашу волю к сопротивлению?

Но нет, нет! Правду мы осознали много позже.

Здесь, в Париже, завоеватели внезапно возжаждали иной победы.

Ближе к вечеру пожары усилились. Ярость марсиан, казалось, несколько ослабла, зато в городе всякое самообладание совершенно утонуло в откровенной панике. Широкие бульвары, которые барон Османн подарил Парижу в дни Второй империи, доказали, чего они стоят как трассы спасения среди пылающих зданий.

И все же паника охватила не всех. К приходу ночи мы с Бошампом попали в новый армейский штаб на другом берегу реки, под деревья парка

Тюильри чуть западнее Лувра, — словно военные решили дать последний бой перед фасадом великого музея, сдерживая захватчиков и даруя хранителям искусства время на спасение сокровищ. Пока полковник с закопченным лицом чертил на карте стрелы, я, помимо воли, блуждал взглядом по истоптанным садам, подсвеченным кострами, размышляя, как отобразил бы эту адскую сцену художник Камиль Писарро. Всего месяц назад я посетил его мастерскую в доме 204 на улице Риволи и разглядывал наброски, сделанные в мирном Тюильри. Какая пародийная судьба выпала на долю тех же аллей!

Полковник принялся объяснять, что агрессоры используют треножники двух размеров, притом большие треножники, по-видимому, способны контролировать малые. Но если малые по-прежнему буйствуют в пригородах, то большие — все три, замеченные в северной Франции, — к началу сумерек сосредоточились на ограниченной площади Марсова поля, топают взад-вперед, качаются и подпрыгивают, словно в медлительном танце, и все время вокруг одного объекта. Право, я и без помощи военного эксперта был способен понять, что они ведут себя странно, ведь я наблюдал трех чудовищных танцоров собственными

глазами.

Отойдя от площадки, я какое-то время следил за иностранными учеными. Итальянец и немец безостановочно и горячо спорили, пытаясь объяснить, отчего марсианский тепловой луч не дает спектра, а лишь единый цветовой мазок. Они то и дело поминали физика Больцмана[35] с его еретической теорией «атомной материи». Дискуссия вышла за пределы моего понимания, я отправился дальше.

Американец и англичанин оставались более практичными — они советовались с французскими коллегами, какой тип взрывчатых веществ лучше использовать для того, чтобы прикрепить бомбу к коленной чашечке марсианской машины. Неясно было, правда, каким образом доставить бомбу к месту назначения и как заставить машину хотя бы недолго, пока крепят бомбу, постоять тихо. И вообще, у меня возникали сомнения в эффективности устройства, подготовленного скоропалительно, ведь от артиллерии не было почти никакого толку; и все равно я завидовал тому, на чью долю выпадет это небывалое приключение.

---

[35] Примечания: 35

Людвиг Больцман (1844–1906) — австрийский физик, один из основателей статистической физики и физической кинетики.

Приключения. Я посвятил описанию приключений десятилетия своей жизни, по большей части придумывая необыкновенные путешествия — мои герои бесстрашно пересекали бурные моря, углублялись в пучины, поднимались над ледовыми шапками планеты, достигали мерцающей поверхности Луны. Миллионы людей читали мои книги, чтобы спастись от однообразия повседневной жизни и, быть может, хотя бы мельком заглянуть в недалекое будущее. И вдруг будущее, касающееся всех и каждого, пожаловало к нам без приглашения. Нам не пришлось искать приключений за тридевять земель. Они сами явились к нам. Прямо к нашему порогу.

Толпа отхлынула, давая мне возможность присоединиться к Бошампу, который давно застыл подле загородки для пленников. Наш единственный трофей в этой отвратительной войне — туши за железными прутьями, неподвижные и бесформенные, привлекательные именно своей омерзительностью.

— Ну что, придумали там что-нибудь новенькое? — спросил Бошамп тревожно, не отводя при этом взгляда от четверки марсиан. — Какие еще планы вынашивают наши военные гении?

В тоне звучал откровенный сарказм — с по-

луденной поры отношение ученого мужа к военным решительно изменилось.

— Военные думают, что ключ, если его вообще можно найти, скрыт в больших командных треножниках, в тех, что сейчас собрались у Эйфелевой башни. Никогда прежде все три командные машины не подходили так близко друг к другу. Эксперты предполагают, что марсиане, возможно, пользуются движением как средством общения. Исполняемый ими танец, быть может, не что иное, как совещание по стратегии дальнейших действий. Быть может, они планируют: Париж взят, что дальше?..

Бошамп хмыкнул: объяснить внезапную странную перемену в поведении пришельцев можно по-всякому, эта гипотеза не лучше и не хуже других. Но что они вытворяли! Малые треножники шлялись вроде бы без надзора и сеяли разрушение наугад, а большие скакали, как цапли на болоте, дико взмахивая сочленениями и составляя резкий контраст с достойным спокойствием иглы Эйфеля.

Минут пять-десять мы молча разглядывали пленников: надо же, их снаряд промчался сквозь невообразимые бездны пространства лишь для того, чтобы расколоться, ударившись на Земле

обо что-то особо жесткое и оставив своих пассажиров фактически беспомощными. И теперь, в железной клетке, они не производили впечатления силы — или притяжение нашей планеты сковало их? А может, их поразила апатия иного рода, допустим, упадок духа?

— Находясь здесь, — объявил Бошамп, — я размышлял о занятном обстоятельстве. Одной странности. Нам твердят, что у них все тройственно… три ноги и руки, три глаза…

— Зарисовки в газетах появились несколько недель назад, — отозвался я.

— Совершенно верно. Но обратите внимание на существо в центре. На то, вокруг которого расположились все остальные, то ли защищая его, то ли привлекая его внимание…

Я сразу понял, какое существо он имеет в виду. Оно было чуть больше других, с более узкой конической головой.

— Да, оно чем-то отличается от других, хотя я не вижу… Я запнулся, потому что именно в этот момент увидел!..

— Постойте… его ноги и руки — их же по четыре! И они расположены иначе. Может, оно принадлежит к иной расе, например, к расе рабов или, напротив, господ? Или… — Я издал

торжествующий крик. — Бошамп! Командные треножники… я, кажется, знаю, что они делают! Более того, похоже, это дает нам определенный шанс.

На мостах через Сену творилось чистое безумие, а река под мостами была забита трупами. Нашей группе потребовалось два часа на то, чтобы пробиться сквозь панический поток беженцев к позиции, откуда можно было разобраться, как развивается танец.

— Как, по-вашему, они подошли ближе или нет? — справился я у сопровождающего нас лейтенанта. — Они движутся к центру по спирали с постоянной скоростью?

Молодой офицер подтвердил мои предположения:

— Да, месье. Теперь ясно, что все три сойдутся у Эйфелевой башни. Только вот зачем, и будет ли это продолжаться дальше…

Я рассмеялся, припомнив образ, пришедший мне на ум раньше, — цапли, скачущие на болоте. Сравнение обрело новую силу, когда я посмотрел на действо снизу вверх, на могучие боевые машины, топочущие, вертящиеся волчком, раскалывая здания и сотрясая почву при каждом антраша. Из порванных подземных труб со свистом выры-

вался пар, обрушивались подвалы и склепы — а танец продолжался. Три чудища подкатывали все ближе к избранной цели, а та ждала спокойно и скромно, как гигантская стальная невеста.

— О, не сомневайтесь, лейтенант, они действительно сойдутся. Вопрос в другом: будет ли у нас к этому времени все готово?

Мозг работал в лихорадочном темпе.

Одно из главных условий для того, чтобы предвидеть будущее, — способность верить в чудеса. Так я и сказал журналистам.

Сейчас настает критический момент, когда все, о чем до сих пор лишь праздно толковали, может прийти в движение и породить чудо. Прекрасные слова, только что они значат? Породить чудо — это мобилизовать внутреннее зрение, чтобы оно собрало в фокус все возможности, какими беременно настоящее, и… и…

И что? Герц, открытые им волны, электрические цепи, конденсаторы, провода… Бошамп нервно огляделся вокруг.

— Даже если мы сумеем привлечь внимание военных…

— В подобных случаях армия бессильна. Я думаю о другом, — сказал я вдруг, ощущая необъяснимую уверенность в себе. — Марсиане вскоре

приблизятся вплотную к центру, который их так влечет. Мы должны подготовить к этой минуте все необходимое.

— Что именно?

— Ничего сверх того, — тут я подумал о двойном смысле слова, которое само собой выскочило из подсознания, — что используется как материал для сопротивления.

События той долгой ночи для меня сжались и слились. Я нащупал ядро идеи, но ее осуществление громоздило перед нами один барьер за другим, и они казались непреодолимыми.

Но я сперва не принимал в расчет таланты других людей и в особенности умение руководить, свойственное моему другу месье Бошампу. В дни франко-прусской войны он командовал батальоном и на своем участке одолел врага, не ведая дезертирства. Будь у нас побольше таких, как он, Седан бы не пал. Его голос взмывал над бегущей толпой и выхватывал из потока тех, кто не утратил воли противостоять позору родного города. Он указывал на меня, — похоже, меня почитали многие. Мое сердце раздувалось от гордости при мысли, что французы — и француженки! — вновь обретают волю при упоминании моего имени, видимо, в уверенности, что уж я-то найду способ

нанести ответный удар.

Я старался изложить свои идеи в возможно более живой форме, но, увы, краткость никогда не принадлежала к числу моих достоинств. Пришлось подавить досаду, когда дерзкий американец в присущей его народу импульсивной манере вскочил и заорал:

— Ну конечно! Дерн, хитрый старый лягушатник, вы попали в точку!..

И на примитивном, но четком французском он за несколько минут свел всю мою речь к практическим выводам, вызвавшим бурное одобрение толпы. Наша доморощенная, собранная с миру по нитке, армия тут же приступила к работе.

Я не отличаюсь особой ловкостью рук. Однако нашлись ремесленники, рабочие и просто умельцы, которые сразу взялись за дело под руководством инженеров во главе с итальянцем и американцем, они принялись за работу с неудержимой пылкостью и энтузиазмом молодости. В лихорадочной спешке отряды патриотов сдирали цинковые листы со стоек баров, врывались в богатые дома в поисках серебра. Ковать настоящие электроды не было времени — кувшины и канделябры соединялись, как придется, с помощью медных проводов, изъятых с трамвайных линий.

Электрические потенциалы серебра и меди в соответствующей проводящей среде должны были напоминать «первоначальную» батарею, собранную Алессандро Вольта. В подобных батареях форма не играет такой роли, как площадь поверхностей и точность соединений. Работая ночь напролет, бригады чудесным образом превращали хаотичные груды металла в осмысленные конструкции. Их погружали в солевой раствор, для чего опорожняли винные бочки во всей округе; улицы были залиты красными потоками, и столь печальное зрелище вызывало у каждого настоящего француза жгучую жажду мщения.

Импровизированные батареи были повторены по всем окрестным кварталам, и инженеры не мешкая соединили их параллельно в одну огромную сеть. В разгар приготовлений месье Бошамп с англичанином все же нашли время расспросить меня о логике моих размышлений.

— Проделайте простые расчеты на базе уравнений движения планет, — ответил я. — Даже если развить очень высокую скорость, путь от Марса до Земли займет многие месяцы, а то и целый год.

— Целый год наедине с пространством? Можно

ли это выдержать? — нахмурился Бошамп.

— Само по себе пространство — просто вакуум. В пути жизнь марсиан поддерживали баллоны с их родным воздухом — профессор Лоуэлл вывел из своих наблюдений, что он весьма разрежен. Но подумайте о другом. Эти существа должны обладать разумом нашего уровня. Они покинули мир себе подобных ради дерзкого путешествия, ради битвы. Что означает несколько лет вдали от дома, пока наш мир не будет покорен и не придет пора послать за подкреплением…

Англичанин выглядел озадаченным.

— За подкреплением???

— Точнее, за семьями, за самками… смею ли сказать — за женами? Хотя, кажется, не все особи женского пола остались на Марсе. По крайней мере, одна прилетела с первой волной: то ли в порядке эксперимента, то ли ее протащили на борт тайком…

— Ну и ну! — взревел Бошамп. — Вы про четвероногую особь! Других таких никто не видел. Вы правы, Берн! Англичанин покачал головой.

— Даже если так, не понимаю, какое отношение это имеет к данной ситуации.

Он показал в сторону, где три страшные машины приближались к Эйфелевой башне, причем

их вращения становились как бы более затрудненными, а танец терял темп. Осторожно и даже почтительно, но и с явным вожделением они тянулись к игле, которую парижане, когда всемирная выставка кончилась, едва не принудили снести. Ныне все наши надежды были связаны с мудрым решением оставить творение месье Эйфеля в неприкосновенности.

Марсиане коснулись основания башни, ухватились за изгибы ее изогнутых бедер — и принялись медленно взбираться вверх. Отвечая англичанину, Бошамп ухмыльнулся (допускаю, с оттенком злорадства).

— Я и не ожидал, что вы поймете, сэр. Не в ваших национальных традициях понять смысл этого, как бы выразиться, ритуала…

Бошамп всего-навсего поддразнивал англичанина, а тот неостроумно принял это близко к сердцу и обиделся.

— Хм, хм! Бьюсь об заклад, мы, британцы, отхлещем этих марсиан раньше, чем вы соберетесь с мыслями…

— Ну разумеется, — заметил Бошамп. — Орудовать хлыстом для англичан привычнее и понятнее…

Я пожурил дорогого друга взглядом. В конце

концов, работа выполнена. Молодые, умелые, храбрые взяли дело в свои руки. А мы, как генералы, двинувшие полки в бой и бессильные их отозвать, можем лишь наблюдать за ходом событий в ожидании триумфа или позора.

К рассвету строй из десятков и десятков батарей Вольта «залег врассыпную» по южному берегу Сены. Некоторые пали добычей более мелких марсианских машин, рыщущих наугад, другие расплавились под воздействием примененных второпях едких кислот. Провода змеились по улицам, среди пылающих зданий и плачущих женщин. Несмотря на все препятствия, на пожары, руины и палящие тепловые лучи, вся сеть теперь тянулась к Эйфелевой башне.

По мере того, как солнце светило все горячее, прогревая наши продрогшие кости, марсианское восхождение становилось все более пылким. Я был почти на пределе сил, меня поддерживал лишь пример французов и француженок, готовых бороться с врагом не щадя себя. Однако марсиане, движимые побуждениями, о которых можно было догадаться только по аналогии, забирались выше и выше, и меня начали мучить сомнения. Предложенная мной схема была очень проста — сработает ли она?

Я посоветовался с темноволосым итальянцем, следившим за точностью соединений.

— Сила тока? Напряжение? — Он наморщил лоб. — Не было времени подсчитать. Все, что я знаю, синьор, — тока будет много. Хочешь хорошо поджарить рыбу — не жалей огня под сковородой!

Я понял, что он хотел сказать. Даже при относительно низком напряжении мощный ток способен поразить любой организм. Человека можно убить током силой в долю ампера, если повысить электропроводность кожи, например, смочив ее водой. Мы приняли за проявление высшей воли то, что яркое солнце вдруг скрылось за мрачной черной тучей, а с севера накатил туман. Башня залоснилась под светом оранжевых ламп, которые мы навесили на нее гирляндами.

А марсиане все взбирались.

Необходимо было согласовать включение множества батарей, слить их энергию в один могучий разряд. Пиротехники заняли свои места возле нашего командного пункта, в прямой видимости исполинских призрачных фигур, которые поднялись уже на треть башни.

— Эй, Верн! — закричал американец. С его стороны это было нахальство, пусть и из лучших

побуждений. — На вас смотрят!..

Обернувшись, я увидел, что вокруг собрались зрители, и единое для всех выражение нервного напряжения пополам с надеждой тронуло мое старческое сердце. Они надеялись на меня, они верили в мои идеи — может ли быть что-либо выше в жизни сочинителя?

— Включай! — откликнулся я в полный голос. — Спустим псов электродинамики!..[36]

Взвилась ракета, оставляя дымный след, — сигнал кустарный, но достаточный. Внизу у реки и под сотнями развалин сомкнулись контакты, щелкнули выключатели, зажглись дуговые разряды конденсаторов. По городу пронесся нарастающий треск — накопленная энергия устремилась по медным проводам. На миг мне почудилась злая ватага бета-лучей, атакующих цель со всех сторон…

Агрессоры содрогнулись, и вскоре над городом поднялся тонкий, пронзительный вопль. Впервые они открыто признали, что, по сути, очень на нас похожи — дышат более разреженным воздухом, но знают такие же глубины горя, отчаяния, безнадежной агонии. Они срывались один за

[36] Примечания: 36

Намек на шекспировскую цитату: «Дух Цезаря… монаршим криком грянет: „Пощады нет!“ — и спустит псов войны». (Перевод М. Зенкевича).

другим, кувыркаясь в утреннем тумане и разбиваясь о камни и вытоптанные лужайки площади, иронически названной Марсовым полем, — плац бога войны стал кладбищем межпланетных выскочек.

Малые боевые машины, лишившиеся руководства, неуверенно разбрелись кто куда, одни свалились в реку, другие были разбиты артиллерией или даже повалены озверевшими толпами. Пик угрозы миновал.

В награду за оказанные обществу услуги я просил бы переименовать это место, ибо вовсе не военное искусство превратило железных монстров в пылающий шлак. И даже не молнии Зевса, которые мы ухитрились спустить на пришельцев. Если разобраться до конца, на помощь своему возлюбленному городу пришла Афродита.

Какая же подходящая судьба для непрошеных гостей — умереть в Париже от неистовой, роковой любви!

Перевод: О. Битов

Жюль Верн[37]
Послесловие

Когда оглядываешься назад, выясняется, что ужасный год, описанный в этой книге, можно рассматривать как ключевой. В сущности, как поворотный пункт к современности, поскольку нам удалось подняться над самими собой.

Можно сказать, что этот поворот определил судьбы двух миров, решительно разные судьбы. И привел к лучшей доле для человечества, значительно лучшей, чем если бы треножники не появлялись у нас вообще. Три десятилетия пролили бальзам на наши раны, и теперь видны выгоды — пусть за них плачено дорогой ценой — того трагического пути, какой Марс избрал для первого знакомства с землянами.

Прежде всего, объединив человечество против общего врага, марсиане отвлекли энергию, питающую гнойные язвы национализма и устремленную в XX век. Агрессоры заставили нас объединиться, направив нашу изобретатель-

---

[37] Примечания: 37
Реальные авторы: Дэвид Брин и Грегори Бенфорд.

ность и волю на общие цели.

Именно так мы очутились в мире чудес, где вы, читатели, и я, ваш скромный слуга, сегодня живем. Мы привычно, а то и с преувеличенным восторгом, смотрим на воздухоплавательные суда, похожие на дворцы, на изукрашенные, как готические соборы, туристские подводные лодки, на пневматические трубы, доставляющие срочную почту из города в город. И хотя многие наши наземные дороги все еще оставляют желать лучшего и плохо проходимы для паровых автобусов и канатных грузовиков, но даже в самые свирепые зимние бури мир остается единым.

И, разумеется, на мысе Канаверал и в Куру, на Суматре и в Кении стоят большие пушки, стальные бегемоты, периодически рявкающие так громко, что их слышно за тридевять земель, и возносящие в небо зеркальные семафоры и другие достижения современной техники.

Определенные выгоды извлекла для себя и литература. К нам вернулось убеждение, что мировое развитие безгранично, подчиняется логике и что человек способен использовать его в своих интересах. Это особенно примечательно в сравнении с последними десятилетиями XIX века, когда размышления о будущем, особенно под

пером мистера Уэллса, становились все мрачнее по существу и все пессимистичнее по скрытому смыслу.

Сейчас, когда я заношу эти слова на кинетоскопический экран, настроение мое можно назвать задумчивым. Через две недели я отмечу свой сотый день рождения. Никогда не подумал бы, что доживу до фантастического 1928 года!

Только что размышлял о новостях, полученных с помощью волн Герца от первых межпланетных аргонавтов-землян, разведчиков из огромной флотилии, намеренной вернуть «визит», который нам нанесли тридцать лет назад. Как мы и подозревали, Марс оказался планетой печальной, обиженной на судьбу, древней и иссохшей. Если прибегнуть к языку психиатрии, то неудивительно, что там развилось уязвленное, параноидальное мышление. Хотя переданные разведчиками изображения марсианских городов, не обремененных земным притяжением, показывают строения исключительного изящества и красоты.

Они должны согласиться на переговоры. Должны помочь пересечь умственную бездну между расами, не менее широкую, чем расстояние между мирами. У нас просто нет другого выбора

— мы не пойдем на прямое насилие. Ибо за годы, что мы разбирались в машинах марсиан и в их органических формах, среди большей части человечества крепло желание постичь внутреннее величие и этику этих уродливых:, но странно привлекательных созданий.

Конечно, есть немало тех, кто не одобряет нынешнюю линию в отношении марсиан как преувеличенно сочувственную, но лично я всем своим авторитетом отвергаю подобную нетерпимость. Ясно, что наши небесные соседи поражены негибкостью. Если этот их тяжелый порок вообще поддается лечению, то только в том случае, когда более молодое и более гибкое человечество пройдет им навстречу большую часть пути.

Да, я советую каждому хотя бы в какой-то степени ощутить себя марсианином. Выражаясь словами моего младшего друга и соратника Герберта Джорджа Уэллса: «Незнание породило бедствий больше, чем злой умысел».

Исходя из прожитых лет, надо бы усвоить урок, пусть преподанный непрямо: предпочтительно постепенное примирение миров, поиск связующих нитей между ними.

Астрономическое целое непременно окажется больше, чем сумма частей. Только нельзя маршировать по чужой планете завоевателями, одинокими в своей мстительной правоте. Нельзя добиваться победы, чтобы обратить сухую красную равнину в пепелище. На Марс надо лететь затем, чтобы учиться, даже у побежденных.

Амьен, Франция, октябрь 1928 года

Перевод: О. Битов